Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

П8
.I901
no.11

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Iuridicheskii vestnik.

1915 г.

КНИГА XI (III).

Москва.

Digitized by Google

Digitized by Google

Iuridicheskii vestnik
Moskva

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

3
1915

ЖУРНАЛЪ,

основанный

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

и

издававшійся при содѣйствіи

ПЕТРОГРАДСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

подъ общей редакціей

Б. А. Кистяковскаго.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. Г. Вавинъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Книга XI (III).

МОСКВА, 1915.

Digitized by Google

H 8
I 901
v. 11

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Вознесенская, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

І. А. Покровскій. «Ирраціональное» въ области права 5

Къ десятилѣтію манифеста 17 октября 1905 года.

А. С. Алексѣевъ. Манифестъ 17 октября 1905 года и политическое движеніе, его вызвавшее 19

В. В. Ивановскій. Политико-культурное значеніе манифеста 17 октября 1905 года 43

Бар. С. А. Корфъ. Понятіе суверенитета (Къ десятилѣтію манифеста 17 октября) 53

Н. И. Палієнко. Правовое значеніе манифеста 17 октября 1905 года. . 57

Я. М. Магазинеръ. Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года. 65

М. Б. Горенбергъ. Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года. 83

К. Н. Соколовъ. Манифестъ 17 октября и право запросовъ 94

Б. А. Кистяковскій. Политическое и юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года 107

П. А. Сорокинъ. «Третья» школа и споръ «классиковъ» съ «соціологами» въ уголовномъ правѣ 112

О. А. Хауке. Отрубное владѣніе и условія его образованія 132

Б. П. Вышеславцевъ. Василій Александровичъ Савальскій 163

Н. В. Давыдовъ. А. Ѳ. Кони 168

Юридическое обозрѣніе.

В. П. Голубевъ. О правѣ конфискаціи враждебныхъ коммерческихъ судовъ, арестованныхъ въ русскихъ и союзныхъ портахъ и на морѣ въ началѣ настоящей войны 171

К. А. Кузнецовъ. Новая работа о Гаррингтонѣ 177

10280

Digitized by Google

Литературное обозрѣніе.

Стр.

В. Герье. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. *Л. В. Успенскаго* . 183

И. Е. Гешовъ. Балканскій союзъ. *А. М. Ладыженскаго.* 184

И. Б. Розенфельдъ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. *И. В. Лебединскаго* 187

Кортней Илберетъ. Парламентъ. Его исторія, организація и практика. *М. Я. Лаверсона* 190

Н. Г. Вавинъ. Завѣщательный отказъ по русскому праву. *В. И. Серебровскаго* 194

П. П. Пусторослевъ. Пятидесятилѣтіе несмѣняемости судей въ Россійской Имперіи. *С. Т. Гаврилова* 201

Судебная Реформа. Подъ редакціей **Н. В. Давыдова** и **Н. Н. Полянскаго.** *А. В. Маклецова* 203

Приложенія:

I. Протоколъ засѣданія Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 211

II. Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 215

III. Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 231

Digitized by Google

„Ирраціональное“ въ области права.

I.

Наличность ирраціональныхъ элементовъ въ правѣ уже обратила на себя научное вниманіе. Въ частности въ русской литературѣ этому вопросу посвящена небольшая, но богатая содержаніемъ статья Б. А. Кистяковскаго[1]). Послѣ ряда весьма интересныхъ соображеній, авторъ ея приходитъ къ выводу, что «хотя сами по себѣ правовыя нормы и являются раціональными построеніями, въ основаніи ихъ лежатъ ирраціональныя психическія переживанія и воспріятіе ихъ необходимо связано съ этими переживаніями»[2]).

Настоящій моментъ, моментъ великой международной распри, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, заставляетъ вспоминать объ этихъ «ирраціональныхъ психическихъ переживаніяхъ». Какъ въ международныхъ отношеніяхъ, такъ и во внутренней жизни каждаго отдѣльнаго государства, какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, чуется присутствіе чего-то необъяснимаго одними раціональными соображеніями, чего-то идущаго изъ глубинъ безсознательнаго, изъ таинственнаго резервуара народнаго чувства. Рядомъ съ планомѣрнымъ и понятнымъ разыгрывается нѣчто непланомѣрное и на первый взглядъ непонятное. Основные принципы культурнаго человѣческаго общенія какъ-будто продолжаютъ въ теоріи признаваться, но въ то же время общественная атмосфера пропитывается настроеніями и дѣяніями, имъ прямо противоположными. Точно какая-то стихія бунтуетъ противъ разума и наполняетъ все внутренней дисгармоніей, моральными диссонансами.

Естественно поэтому, что всякій наблюдатель современности не можетъ не остановиться передъ явленіями этого рода въ глубокомъ раздумьи. Не можетъ не задуматься надъ ними и юристъ.

---

[1]) «Раціональное и ирраціональное въ правѣ» въ «Философскомъ сборникѣ», посвященномъ Л. М. Лопатину. Москва. 1911.

[2]) Цит. соч., стр. 240.

Digitized by Google

Откуда идутъ эти дисгармоническія явленія? Что представляетъ собою та стихія, которая побуждаетъ насъ поступать, даже создавать нормы, вопреки признаваемымъ нами же самими принципамъ и которая въ этомъ смыслѣ вноситъ въ нашу жизнь подлинную «ирраціональность»? Есть ли эта ирраціональность только исключительное достояніе нѣкоторыхъ особыхъ моментовъ, или же, напротивъ, она является постояннымъ спутникомъ всего праворазвитія?

Надлежащій и обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы потребовалъ бы, разумѣется, обширныхъ и сложныхъ работъ. Настоящія же немногія страницы имѣютъ скромную цѣль — послужить дополненіемъ къ тому, что уже было по этому поводу сказано, и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ способствовать дальнѣйшему обсужденію этого чрезвычайно важнаго вопроса.

II.

Какъ извѣстно, чѣмъ далѣе развивается соціальная наука, тѣмъ болѣе старый споръ между такъ называемымъ механическимъ и органическимъ воззрѣніемъ на природу общества отходитъ въ область исторіи. Поверхъ этихъ воззрѣній укрѣпляется новое, психологическое, усматривающее подлинную сущность всякаго общества въ тѣхъ психическихъ связяхъ, психическихъ взаимодѣйствіяхъ, которыя внутренне соединяютъ его отдѣльныхъ членовъ между собой. Общество — не произвольно созданный механизмъ и не какой-то особый надъ-индивидуальный организмъ, а нѣкоторое, въ основѣ своей, психологическое единство [1]).

Передъ лицомъ этой идеи складываютъ свои знамена даже старые ветераны и въ значительной степени самые творцы органическаго воззрѣнія. Поучительны въ этомъ отношеніи собственныя признанія Шеффле въ его посмертной книгѣ «Grundriss der Sociologie» (1906 г.). Меня напрасно, говоритъ онъ, на основаніи моего «Bau und Leben des socialen Körpers» считали сторонникомъ органическаго воззрѣнія. Когда я говорилъ объ обществѣ, какъ объ организмѣ, я лишь пользовался біологическими аналогіями для поясненія. Соціальная наука была тогда еще слишкомъ слаба, чтобы ходить безъ посторонней помощи. Теперь же эти аналогіи ненужны. Общество есть «тѣло» (Körper), но не въ смыслѣ одушевленной тѣлесности животнаго, не въ смыслѣ біологическаго организма, даже не въ смыслѣ аггрегата неорганической природы. Оно духовно

[1]) См. Kistiakowski, Gesellschaft und Einzelwesen. 1899.

Digitized by Google

(«geistig»). Оно не продуктъ природы; оно не сдѣлалось, а создано («nicht geworden, sondern gemacht»), и создано именно соединенной духовной дѣятельностью индивидовъ. Эта соединенная духовная дѣятельность составляетъ внутреннее существо общества, ту творческую силу, которая придаетъ единство общественному тѣлу и опредѣляетъ его движенія. Конечная сущность всякаго общества есть не что иное, какъ «ein Nebeneinander einzelseelischer Reizempfindungen und Reflexwirkungen» [1]).

Но если общество есть въ основѣ своей нѣкоторое психологическое единство составляющихъ его индивидовъ, то очевидно, что и право, какъ соціальное явленіе, есть нѣкоторое состояніе общественной, соціальной психологіи. Зарождаясь въ индивидуальной психикѣ отдѣльныхъ лицъ, представленіе о необходимости извѣстнаго поведенія превращается при извѣстныхъ условіяхъ въ доминирующее настроеніе данной соціальной среды, въ нѣкоторую надъ индивидомъ стоящую норму, т.-е. именно въ то, что мы называемъ правомъ. Пока подобное представленіе составляетъ переживаніе («эмоцію») одной индивидуальной души (напр. представленіе объ обязательствѣ по отношенію къ лѣшему или дьяволу), оно можетъ быть любопытнѣйшимъ предметомъ для психологіи или психіатріи, но совершенно безразлично для правовѣдѣнія, какъ одной изъ соціальныхъ наукъ. Въ область этого послѣдняго оно входитъ только тогда, когда изъ индивидуальныхъ психическихъ состояній сложилась нѣкоторая общая духовная связь, соединяющая общество и регулирующая его жизнь. Съ этого момента мы имѣемъ подлинную соціальную силу, вліяющую на поведеніе отдѣльныхъ лицъ, подлинную и несомнѣнную соціальную реальность.

Можно критиковать сколько угодно «теорію признанія» въ ея той или иной конкретной формулировкѣ (напр. въ формулировкѣ Бирлинга), но нельзя отрицать того, что право имѣетъ свой живой источникъ только въ глубинѣ соціальной психологіи, что оно есть одно изъ явленій этой послѣдней. Развитіе языка и государства, права и религіи, нравовъ и вообще всѣхъ духовныхъ формъ, говоритъ Зиммель [2]), указываетъ на нѣчто, выходящее за предѣлы индивидуальной души («weist über jede Einzelseele hinaus»); именно это и заставляло многихъ считать носителемъ, субъектомъ, этихъ явленій особый «народный духъ» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но, конечно, подобный своеобразный мистицизмъ лишенъ научнаго

[1]) Цит. соч. Предисловіе и стр. 47—49.
[2]) «Ueber das Wesen der Socialpsychologie» въ «Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik». Bd. 26 (1908), Heft. 2, S. 285.

Digitized by Google

основанія: особаго носителя соціальной психики нѣтъ; она слагается изъ взаимодѣйствія индивидуально-психическихъ состояній.— Дѣйствіе права («gelten»), говоритъ Эрихъ Юнгъ, обозначаетъ въ конечномъ счетѣ не что иное, какъ подчиненіе душъ («Beherrschtwerden der Gemüter»), въ которыхъ образовалось соотвѣтственное переживаніе [1]). — Всякое господство, повторяетъ Эрлихъ, предполагаетъ извѣстное психическое состояніе подчиняющихся, ихъ духовное самоподчиненіе («ein geistiges Sicheingliedern und Sicheinfügen in die Herrschaftsverfassung»); безъ этого никакое господство не было бы возможно [2]). — Самая власть, восклицаетъ Радбрухъ, развѣ она есть вообще что-либо иное, какъ не признаніе со стороны подвластныхъ? Политическое могущество состоитъ не въ обладаніи физической силой, оружіемъ и деньгами, а въ послушаніи тѣхъ, кто носитъ оружіе или принимаетъ деньги въ качествѣ платежнаго средства. Отказъ въ такомъ послушаніи сразу положилъ бы конецъ всякой власти, и, такимъ образомъ, нѣтъ правительства, которое не опиралось бы въ конечномъ счетѣ на народную волю [3]).

Пусть процессъ образованія соціальной психологіи изъ индивидуально-психическихъ переживаній остается еще для насъ во многомъ неяснымъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что, разъ образовавшись, она представляетъ нѣкоторую огромную и самостоятельную силу [4]). Какъ въ химіи, говоритъ Wilh. Bauer, изъ соединенія нѣкоторыхъ веществъ возникаетъ иногда тѣло, обладающее качествами, которыхъ не имѣли первоначальные элементы, такъ же точно и въ обществѣ людей создается нѣкоторое психологическое единство, которое представляетъ отнюдь не простую сумму или среднее ариѳметическое индивидуальныхъ психическихъ свойствъ, а нѣчто совершенно новое. Съ того момента, какъ индивидъ входитъ въ составъ какой-нибудь соціально-психологической массы, онъ въ значительной степени утрачиваетъ власть надъ собой и начинаетъ подчиняться чему-то новому. Нѣчто чужое принуждаетъ его къ поступкамъ, которыхъ онъ въ изолированномъ положеніи, быть можетъ, не совершилъ бы никогда. Дѣло въ томъ, что душевное

[1]) E. Jung, Problem des natürlichen Rechts. 1912, S. 127.
[2]) Ehrlich, Grundlegung der Soziologie des Rechts. 1913, S. 74.
[3]) Radbruch, Grundzüge der Rechtsphilosophie. 1914, S. 166.
[4]) Cp. Wundt, Völkerpsychologie, Bd. I (2 Aufl. 1904), S. 13. «So wenig auch die Gemeinschaft eines Volkes ohne die einzelnen Volksgenossen bestehen könnte, so ist sie darum doch nicht eine blosse Addition oder Verstärkung der Eigenschaften und Tätigkeiten, die dem Einzelnen für sich allein schon zukommen. Vielmehr ist es eben die Verbindung und Wechselwirkung der Individuen, welche die Gemeinschaft als solche zu den Anlagen des Einzelnen hinzubringt, und durch sie in diesem neue, dem gemeinsamen Leben spezifisch angehörige, Leistungen weckt».

Digitized by Google

единство индивида слагается изъ самыхъ разнообразныхъ, часто совершенно противоположныхъ, элементовъ. Если подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ обществомъ овладѣваетъ извѣстное настроеніе воли или направленіе мыслей, то въ связи съ нимъ въ психикѣ каждаго отдѣльнаго индивида свободнѣе развиваются именно тѣ элементы, которые по своему существу совпадаютъ съ господствующимъ теченіемъ или ближе всего подходятъ къ нему; всѣ же противоположныя тяготѣнія, напротивъ, остаются въ большей или меньшей степени связанными [1]).

Правовыя переживанія не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія; они также только часть этой «психической массы», одинъ изъ непремѣнныхъ элементовъ соціальной психологіи.

III.

Но психическая жизнь вообще слагается, какъ извѣстно, изъ разнообразныхъ душевныхъ состояній, которыя сводятъ обыкновенно (поскольку вопросъ не касается болѣе тонкихъ оттѣнковъ) къ тремъ основнымъ элементамъ — сознанію, волѣ и чувству. Естественъ поэтому дальнѣйшій вопросъ: если право есть нѣкоторое явленіе соціальной психологіи, то къ какому именно изъ этихъ трехъ элементовъ оно относится? Есть ли оно состояніе сознанія, состояніе воли или состояніе чувства?

Если мы бросимъ общій взглядъ на все то, что по этому поводу было (по большей части лишь при случаѣ) высказано [2]), то мы замѣтимъ извѣстное колебаніе между двумя направленіями, изъ которыхъ одно можно было-бы назвать интеллектуалистическимъ, а другое волюнтаристическимъ. Первое отводитъ въ понятіи права основную, конституирующую, роль моменту сознанія, второе, напротивъ, моменту воли.

Это различіе сказывается, прежде всего, въ такомъ или иномъ пониманіи самой сущности правовой нормы.

Какъ извѣстно, обычнымъ и господствующимъ является опредѣленіе этой послѣдней, какъ нѣкотораго велѣнія («Rechtsbefehl»). Чье это велѣніе, на этотъ вопросъ отвѣты могутъ быть разные; право можетъ быть велѣніемъ законодателя, велѣніемъ государства, «volonté générale» Руссо, «allgemeiner Wille» Гегеля и т. д., — но во всякомъ случаѣ при всѣхъ этихъ концепціяхъ въ понятіи права на первый планъ выдвигается моментъ воли. Чья-то воля стоитъ

---

[1]) Wilhelm Bauer, Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen, 1914, S. 39—60.

[2]) Краткій обзоръ ученій см. у Fr. Kübl, Das Rechtsgefühl. 1913, S. 18—38.

Digitized by Google

надъ индивидуальной волей подданныхъ и диктуетъ имъ способъ ихъ поведенія.

Но это воззрѣніе не является единственнымъ. Такъ напримѣръ, самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ него Гирке [1]). Право, говоритъ онъ, коренится въ убѣжденіи («in Ueberzeugung»). Его положенія въ ихъ основной сущности суть не что иное, какъ изреченія разума («Vernunftsaussagungen»), изреченія о тѣхъ необходимыхъ разграниченіяхъ индивидуальныхъ воль, которыя предполагаются справедливымъ порядкомъ общежитія. Такъ какъ эти изреченія разума содержатъ въ себѣ также признаніе возможности принудительныхъ мѣръ, то они, конечно, заключаютъ въ себѣ и извѣстное волевое содержаніе. Тѣмъ не менѣе это послѣднее составляетъ только второстепенный элементъ правовыхъ нормъ. Въ своей внутренней субстанціи право не воля («Seiner innerer Substanz nach ist das Recht nicht Wille»). Если бы это было иначе, если бы право было только волей, волей общества или государства, тогда это обозначало бы, что между людьми можетъ существовать только одинъ порядокъ — тотъ, который состоитъ въ господствѣ сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ. Ибо воля можетъ подчинить волю, но границъ для господства одной воли надъ другой изъ самой воли вывести нельзя.

Какъ видимъ, противоположность воззрѣній выступаетъ ярко. Конечно, и волюнтаристическое опредѣленіе нормы, какъ велѣнія, не отрицаетъ того, что въ этомъ велѣніи есть элементъ сужденія («Vernunftsaussagung»), но оно усматриваетъ рѣшающій, конституирующій моментъ нормы не въ немъ, а въ привходящемъ моментѣ воли. Съ другой стороны, и Гирке, какъ мы только что видѣли, признаетъ извѣстное волевое содержаніе нормъ, но онъ отводитъ ему только роль момента несущественнаго, второстепеннаго: главное — это сужденіе разума о томъ, что хорошо и что дурно.

Какое же изъ этихъ воззрѣній стоитъ ближе къ истинѣ, вѣрнѣе схватываетъ специфическую сущность права? Вопросъ чрезвычайно сложенъ, но попробуемъ привести его въ простѣйшій видъ.

Обратимся прежде всего въ область индивидуальной психологіи и попытаемся на ней провѣрить какъ одно, такъ и другое воззрѣніе. Возьмемъ какое-нибудь нормативное сужденіе, напр. «курить дурно». Предположимъ, что я признаю полную справедливость этого сужденія, но значитъ ли это, что оно является уже и нормой моего поведенія? Отнюдь нѣтъ. Я могу сознавать, что курить дурно или вредно, и въ то же время, на основаніи разныхъ другихъ соображеній (быть можетъ даже, при извѣстныхъ условіяхъ не ли-

[1]) Deutsches Privatrecht. Bd. I (1895), S. 116.

Digitized by Google

шенныхъ уважительности), рѣшить: а все-таки я курить буду. То обстоятельство, что я буду поступать при этомъ противъ признаннаго мною разумнаго сужденія, будетъ, конечно, въ извѣстной степени ослаблять мое внутреннее спокойствіе, но все же куреніе не будетъ сознаваться мною, какъ нарушеніе нѣкотораго принятаго мною для себя правила поведенія, ибо нормы «курить нельзя» я для себя не создавалъ.

Положеніе измѣнится только тогда, когда я, быть можетъ, въ силу какихъ-нибудь новыхъ обстоятельствъ приму рѣшеніе «курить не должно». Теперь я дѣйствительно установилъ норму для своего дальнѣйшаго поведенія, и куреніе будетъ сознаваться мною уже не только какъ нѣчто неразумное, но и какъ нарушеніе принятаго мною правила поведенія, какъ нарушеніе нормы. Норма, такимъ образомъ, появляется только съ того момента, когда сужденіе окрѣпло до степени рѣшенія, т.-е. когда къ моменту сознанія присоединился моментъ воли, когда сужденіе превратилось дѣйствительно въ нѣкоторое велѣніе.

Но, разумѣется, не можетъ быть иначе и въ области психологіи соціальной. И здѣсь мы имѣемъ свои общераспространенныя «нормативныя сужденія» — напримѣръ, «смертная казнь дурна»; и здѣсь подобныя сужденія являются порою немаловажнымъ факторомъ общественной жизни, — но они далеко еще не представляютъ дѣйствующей въ данномъ обществѣ нормы. Они не право, а то, что принято называть общественнымъ мнѣніемъ. Правомъ они станутъ только тогда, когда къ моменту сознанія привзойдетъ моментъ воли, когда сужденіе окрѣпнетъ до степени рѣшенія, когда вмѣсто чисто познавательнаго «смертная казнь дурна» будетъ произнесено волевое «смертная казнь отмѣняется». Законъ и обычай и являются, какъ извѣстно, формами такого перехода отъ простого сужденія къ волевому рѣшенію, формами правообразованія; они отдѣляютъ право отъ простого общественнаго мнѣнія.

Нельзя поэтому не признать въ этомъ отношеніи наиболѣе точнымъ извѣстное ученіе Меркеля о томъ, что право есть не только сужденіе («Lehre», «Urtheilen»), но и велѣніе («Macht», «System der Willens — und Machtäusserungen»), что задачу права составляетъ не простое провозглашеніе истинъ и ученій, а реальное осуществленіе такого или иного порядка общественной жизни, и что вслѣдствіе этого въ понятіи положительнаго права первенствующимъ, конституирующимъ моментомъ является моментъ воли («Primat des Willens») [1]).

[1]) Jurist. Encyklopädie. 2 Aufl. 1900, §§ 58, 59. — Въ этомъ смыслѣ и Wundt: «Der Sitte gehört das Gebiet des gemeinsamen Wollens» (Völkerpsychologie, I, S. 32).

Digitized by Google

Однако, съ другой стороны, есть нѣчто истинное и въ ученіи Гирке. Какъ бы ни было безконечно разнообразно историческое содержаніе позитивнаго права, какъ бы ни казалось оно иногда порожденіемъ чистѣйшаго произвола и самаго безудержнаго насилія, любопытно то, что всегда всякое властное велѣніе стремится оправдать себя такими или иными соображеніями разумности и справедливости, т.-е. свести себя къ такимъ или инымъ «изреченіямъ разума». Если всякое позитивное право есть нѣкоторая соціальная воля, то, съ другой стороны, оно есть не просто воля, а воля къ разумному и справедливому. Если право есть соціальная сила, то не просто сила, довольная сама собой, а сила, ищущая чего-то внѣ ея лежащаго, сила, стремящаяся къ осуществленію разумнаго порядка общежитія, къ достиженію правды въ между-человѣческихъ отношеніяхъ. Въ этомъ внутреннемъ стремленіи къ разумному секретъ неистребимости идеи естественнаго права, и можно сказать, что, если въ реальной жизни рѣшаетъ воля, то, съ другой стороны, самая эта воля проникнута нѣкоторымъ внутреннимъ, нравственнымъ безпокойствомъ, сама она признаетъ надъ собой «приматъ» абсолютнаго разума. Между правомъ положительнымъ и правомъ естественнымъ, такимъ образомъ, нѣтъ непереходимой пропасти; напротивъ, одно дано вмѣстѣ съ другимъ, дано со всею психологическою неизбѣжностью: право положительное непремѣнно хочетъ быть разумнымъ правомъ, а «право разума» стремится стать положительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ видимъ, въ процессѣ формированія права играетъ роль какъ элементъ сознанія, такъ и элементъ воли: право есть не только состояніе соціальнаго сознанія, но и состояніе соціальной воли. Отчетливое представленіе о значеніи обоихъ этихъ факторовъ даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ, на первый взглядъ — странныхъ, явленій, поражающихъ своей «ирраціональностью» и играющихъ такую большую роль въ качествѣ аргументовъ противъ «теоріи признанія».

Какъ въ психикѣ отдѣльнаго человѣка, такъ и въ психологическихъ состояніяхъ цѣлыхъ обществъ моментъ сознанія можетъ расходиться съ моментомъ рѣшенія; какъ тамъ, такъ и здѣсь возможны пороки двоякаго рода — пороки сознанія и пороки воли.

Такъ, въ частности, бываютъ общества съ яснымъ сознаніемъ, но съ дряблой волей. Желательный и даже осуществимый порядокъ вещей стоитъ передъ сознаніемъ соціальной среды ясно и отчетливо; «сужденіе» общества въ извѣстномъ направленіи твердо; оно составляетъ непреложное «общественное мнѣніе», —

Digitized by Google

и тѣмъ не менѣе общество долго еще можетъ мириться со своимъ плохимъ настоящимъ, переносить деспотизмъ, произволъ властей и собственное безправіе. Ибо нѣтъ силы воли, чтобы превратить свое «нормативное сужденіе» въ волевое рѣшеніе, мнѣніе въ правовое велѣніе. Обыкновенно подобная вялость воли является результатомъ временнаго упадка душевныхъ силъ народа, послѣдствіемъ предшествовавшаго перенапряженія. На ней покоится сила всякой реакціи: сдерживавшіеся и скрывавшіеся во время подъема враждебные элементы теперь выходятъ наружу и диктуютъ ослабѣвшей средѣ свою волю. Но нельзя отрицать и того, что извѣстная вялость воли можетъ быть и чертой національнаго характера; она можетъ быть какъ проявленіемъ врожденнаго темперамента, такъ и результатомъ историческихъ судебъ: долгая задавленность, долгое подчиненіе чужой (внѣшней или внутренней) волѣ можетъ въ значительной степени привести волевую способность къ атрофіи, создать привычку жить по чужой указкѣ.

Съ другой стороны, бываютъ моменты въ жизни обществъ, когда волевые импульсы берутъ верхъ надъ сознаніемъ. Недовольство существующимъ, постепенно нарастая, можетъ вызвать рѣшительный взрывъ противъ него, межъ тѣмъ какъ яснаго сознанія желаемаго еще нѣтъ и новый порядокъ вещей рисуется еще только въ очень смутныхъ очертаніяхъ: волевое настроеніе опередило «сужденіе». Въ такихъ случаяхъ порокъ сознанія можетъ привести къ крушенію все движеніе: волевое настроеніе общества, израсходовавшись въ хаотическихъ и безпорядочныхъ порывахъ, можетъ смѣниться разочарованіемъ и упадкомъ, не достигнувъ ничего.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что нормальное развитіе права предполагаетъ гармоническое сочетаніе соціальной воли съ соціальнымъ сознаніемъ. Патологическія явленія общественной жизни вызываются одинаково пороками какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, и, если необходима работа надъ проясненіемъ соціальнаго сознанія среды, то не менѣе необходима и культура общественной воли.

IV.

Однако, кромѣ сознанія и воли, есть еще чувство. Играетъ ли оно какую-нибудь роль въ жизни права?

Юристъ нерѣдко склоненъ это отрицать. Когда Іерингъ въ своемъ «Zweck im Recht», хотя и очень вскользь, упомянулъ о значеніи «правоваго чувства», «Rechtsgefühl», то эта его мысль вызвала рѣшительныя возраженія. Не туманное, отправляющееся отъ морали

Digitized by Google

или идеи справедливости, чувство создаетъ право, говорилъ напримѣръ F. Dahn въ своей противъ Іеринга направленной брошюрѣ «Vernunft im Recht», а точная, ясная логика, душевная дѣятельность, гораздо ближе стоящая къ математическому мышленію, чѣмъ къ какому-нибудь «сантименту»[1]).

Однако чѣмъ болѣе развивается исторія права и чѣмъ глубже дѣлаются наши наблюденія надъ современностью, тѣмъ болѣе приходится признавать, что и этотъ психическій элементъ имѣетъ огромное значеніе. Онъ не только служитъ возбудителемъ для мышленія или для волевыхъ настроеній, но сплошь и рядомъ подсказываетъ самое содержаніе правовыхъ нормъ.

Чувство стояло уже у самой колыбели права и было первымъ толчкомъ къ его образованію. Зародышъ права кроется въ томъ еще туманномъ и неопредѣленномъ чувствѣ удовольствія или неудовольствія, которое непосредственно испытываетъ человѣкъ при такомъ или иномъ поведеніи другого. Поддержанное сочувствіемъ окружающей среды, это чувство изъ индивидуальнаго превращается въ соціальное и начинаетъ оказывать свое регулирующее вліяніе. Реакція отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ, поддержанная сочувствіемъ и помощью другихъ, незаинтересованныхъ, говоритъ E. Jung, составляетъ первичное явленіе правовой жизни[2]).

Неудивительно поэтому, если элементъ чувства окрашиваетъ ярко всѣ основные юридическіе институты древности. Если бы мы забыли объ этомъ психологическомъ элементѣ и подошли къ явленіямъ древняго права только съ мѣркой «приближающейся къ математическому мышленію логики», то мы очутились бы въ сплошномъ мірѣ неразрѣшимыхъ загадокъ.

Вся область уголовнаго права съ его институтомъ мести подчинена почти непосредственной игрѣ оскорбленнаго чувства. И когда государство, запрещая месть, беретъ карательную функцію въ свои руки, оно — даже при всей жестокости примитивной карательной системы — совершаетъ безспорно работу смягченія и раціонализированія права[3]).

Но мы знаемъ въ то же время, съ какимъ трудомъ дается эта работа и какъ много поистинѣ ирраціональнаго заключается еще въ нормахъ всякаго древняго права. Достаточно, напримѣръ, вспомнить причудливыя правила римскихъ XII таблицъ объ отвѣтственности за injuria (за «os fractum» опредѣленный таксиро-

[1]) См. Kübl. Das Rechtsgefühl, S. 25 прим.
[2]) Problem des natürlichen Rechts. S. 65.
[3]) Ср. E. Jung, l. cit., S. 68 и сл.

Digitized by Google

ванный штрафъ, а за «membrum ruptum» — talio, т.-е. месть по правилу «око за око, зубъ за зубъ») или за furtum (воръ, захваченный на мѣстѣ преступленія, можетъ быть тутъ же убитъ или отдается въ рабство потерпѣвшему, а воръ, обнаруженный впослѣдствіи, платитъ только двойную стоимость украденнаго), чтобы убѣдиться въ томъ, насколько право еще считается съ непосредственнымъ чувствомъ потерпѣвшаго и въ угоду ему отступаетъ отъ логической послѣдовательности и практической раціональности.

Вспомнимъ, далѣе, общеизвѣстную строгость древнихъ долговыхъ взысканій. Неисправный (даже не несостоятельный, а просто неисправный) должникъ подлежалъ прямой личной отвѣтственности, доходящей до полной физической расправы надъ нимъ со стороны кредитора и до извѣстнаго древне-римскаго разсѣченія его на части при наличности нѣсколькихъ кредиторовъ. Все это опять-таки объяснимо только съ точки зрѣнія чувства. Неисполненіе обязательства древнимъ человѣкомъ ощущалось совершенно такъ же, какъ личная обида, и влекло за собой такую же мстительную реакцію, какъ и эта послѣдняя. Влекло даже вопреки собственнымъ разумнымъ интересамъ кредиторовъ, ибо напримѣръ, упомянутое разсѣченіе должника на части, безъ сомнѣнія, могло бы съ бо́льшей выгодой для кредиторовъ быть замѣнено продажей его въ рабство и раздѣломъ вырученной суммы. Но право того момента далеко еще отъ подобнаго «раціонализированія»; послѣднее могло прійти только значительно позже.

Аналогичные примѣры могли бы быть приведены въ большомъ количествѣ изъ области всякаго древняго права, но въ этомъ нѣтъ нужды: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ общеизвѣстнымъ. Въ древнѣйшее время, говоритъ Berolzheimer [1]), правопорядокъ вообще создается и опредѣляется только чувствомъ («rein gefühlsmässig»). Дѣтство народа имѣетъ ту же психологію, что и дѣтство отдѣльнаго человѣка.

Въ дальнѣйшемъ развитіи внутренняя дисциплина растетъ. Какъ каждый отдѣльный человѣкъ, по мѣрѣ роста своей сознательности, стремится все болѣе и болѣе подчинить свое поведеніе не темнымъ порывамъ своего чувства, а такимъ или инымъ раціональнымъ началамъ, такъ же точно идетъ по этому пути и цѣлый народъ. Элементъ чувства, говоритъ тотъ же Berolzheimer, ослабляется и замѣняется правовой идеей («Rechtsidee»).

Однако этотъ элементъ чувства не исчезаетъ совсѣмъ. Даже самому дисциплинированному человѣку чувство нерѣдко навязы-

[1]) System des Rechts-und Wirtschaftsphilosophie. Bd. III (1906), S. 97—98.

Digitized by Google

ваетъ желанія и подсказываетъ мысли; точно такъ же оно дѣйствуетъ и на массы. Едва ли найдется въ исторіи человѣчества хоть одинъ серьезный переворотъ, который не былъ бы болѣе или менѣе сильно окрашенъ элементомъ чувства. Экстазъ революціонныхъ и реформаціонныхъ движеній, охватывающій широкіе круги народа и соединяющій ихъ въ одномъ неудержимомъ порывѣ, служитъ тому общеизвѣстнымъ и наглядымъ доказательствомъ. Но соціальное чувство сказывается не только въ такіе исключительные моменты; оно можетъ вызывать и длительное предрасположеніе общества въ томъ или иномъ направленіи. Именно въ этомъ элементѣ чувства кроется въ значительной степени секретъ всякихъ одіозныхъ нормъ по адресу иновѣрцевъ или людей иной расы. Отношеніе къ евреямъ въ Европѣ или къ неграмъ въ Америкѣ представляетъ въ этомъ отношеніи надлежащую иллюстрацію.

Было бы, впрочемъ, ошибочно думать, что вліяніе чувства исчерпывается только такими особенно яркими случаями. Кто знаетъ, не играетъ ли серьезную роль то же чувство вообще въ выборѣ тѣхъ или другихъ предпосылокъ, лежащихъ въ глубочайшей основѣ всякой правовой системы. Развѣ не къ области чувства должно быть отнесено, напримѣръ, большее тяготѣніе одной правовой системы къ индивидуализму, чѣмъ другой? Глубокое различіе въ этомъ отношеніи между «духомъ» римскаго права и «духомъ» права германскаго общеизвѣстно. И не правъ ли J. Cruet, когда онъ говоритъ: «Un code n'est pas seulement le livre des intérêts, il est aussi le livre des sentiments» [1])?

Кто знаетъ, далѣе, не опредѣляются ли въ значительной степени всѣ наши важнѣйшіе юридическіе споры глубокими различіями въ несознанныхъ теченіяхъ нашихъ чувствъ? Не этими ли послѣдними предопредѣляется вступленіе одного изъ насъ въ лагерь «этатистовъ», а другого въ лагерь «индивидуалистовъ» или даже анархистовъ? Не развивающееся ли чувство личности вызываетъ въ новѣйшемъ гражданскомъ правѣ постановку вопроса о такъ называемыхъ «правахъ личности» («Persönlichkeitsrechte») и не чувство ли моральной отвѣтственности, съ другой стороны, подсказываетъ намъ столь популярную въ наши дни «идею солидарности»?

Наконецъ, вспомнимъ широко распространившееся въ послѣднее время въ области гражданскаго правовѣдѣнія такъ наз. «теченіе свободнаго права» («Freirechtsbewegung»): что иное представляетъ оно въ своемъ существѣ, какъ не возведеніе въ рангъ

[1]) La vie du droit et l'impuissance des lois. 1908, p. 312.

Digitized by Google

конечной рѣшающей инстанціи непосредственнаго чувства судьи? Правда, намъ говорятъ при этомъ о «справедливости», «культурѣ» и другихъ подобныхъ понятіяхъ, какъ объ «объективныхъ» критеріяхъ «свободнаго судейскаго правотворенія», но сами наиболѣе искренніе сторонники этого теченія должны признать въ концѣ концовъ, что въ дѣйствительности все будетъ зависѣть отъ субъективнаго чувства судьи. «Das alles sind Fragen des Gefühllebens», говоритъ, напримѣръ, совершенно откровенно одинъ изъ иниціаторовъ этого направленія, Ehrlich, въ своемъ позднѣйшемъ, недавнемъ произведеніи [1]). «Die Anrufung der Billigkeit, подтверждаетъ E. Jung, bedeutet auch nichts anderes, als ein Zurückgehen auf die letzten, vorläufig nur gefühlsmässig bewussten Unterlagen des Rechtsempfindens» [2]). Если естественно-правовая школа XVIII вѣка стремилась раціонализировать право, сдѣлать его чистѣйшимъ отраженіемъ безстрастнаго разума, то нынѣшнее теченіе «свободнаго права», наоборотъ, представляетъ принципіальную реставрацію чувства въ дѣлѣ правосудія. Если юриспруденцію XIX вѣка упрекали въ томъ, что она была «юриспруденціей понятій» — «Begriffsjurisprudenz», то нынѣшняя юриспруденція тяготѣетъ къ тому, чтобы стать «юриспруденціей чувства» — «Gefühlsjurisprudenz».

Передъ лицомъ всѣхъ этихъ фактовъ приходится признать, что констатируемая современной психологіей «вездѣсущность чувства» сказывается въ полной мѣрѣ и въ области права. Сказывается настолько, что часто невольно вспоминаются слова Виндельбанда: «Въ турнирѣ душевной жизни представленія суть лишь маски, за которыми скрываются отъ взора сознанія истинные борцы — чувства» [3]).

А это налагаетъ на насъ сугубую обязанность контроля. Являясь продуктомъ самыхъ разнородныхъ и самыхъ сложныхъ вѣяній, «чувственное» настроеніе соціальной среды можетъ пріобрѣтать весьма различный характеръ: оно можетъ вылиться и въ самый благородный порывъ и въ самое черное преступленіе. Какъ историческая ночь 4 августа 1789 г., такъ и Варфоломеевская ночь одинаково записаны на скрижаляхъ человѣческой исторіи, и развитіе права знаетъ не только явленія этическаго прогресса, но и случаи торжества предразсудковъ.

Если мы отмѣчали выше пороки соціальнаго сознанія и соціальной воли, то теперь мы должны присоединить къ нимъ еще возмож-

---

[1]) Grundlegung der Soziologie des Rechts. 1913, S. 163.
[2]) Problem des natürlichen Rechts. 1912, S. 36.
[3]) «Прелюдіи», Русск. пер. Франка, стр. 179.

Digitized by Google

ные пороки правоваго чувства. Безъ чувства, конечно, не мыслимо никакое движеніе впередъ; самое стремленіе къ правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ, лишь ставъ живымъ человѣческимъ чувствомъ, дѣлается могучимъ факторомъ соціальнаго прогресса. Но нужно помнить и то, что чувство можетъ увлекать насъ и въ сторону противоположную, можетъ диктовать рѣшенія неразумныя и несправедливыя. Необходимъ поэтому постоянный и неусыпный контроль этическаго сознанія, въ особенности тогда, когда подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ разыгрываются страсти, когда въ глубокомъ морѣ народной психики начинаютъ вздыматься волны возбужденнаго чувства. Если, какъ мы говорили выше, для нормальнаго развитія общества необходима культура соціальнаго сознанія и соціальной воли, то — приходится прибавить въ заключеніе — не менѣе необходима и заботливая культура народнаго чувства. Въ постоянномъ этическомъ контролѣ надъ всѣми элементами общественной психики заключается та истинная «раціонализація» права, о которой было сказано выше и которая является безспорной чертой нравственнаго прогресса; только въ этомъ контролѣ мы можемъ найти вѣрное средство противъ всякихъ «ирраціональныхъ» явленій въ общественной жизни.

І. Покровскій.

Digitized by Google

Манифестъ 17 октября 1905 года и политическое движеніе, его вызвавшее.

I.

Переходъ отъ политическаго быта, покоящагося на началѣ самодержавія, къ государственному строю, основывающемуся на принципѣ общественнаго самоопредѣленія, нигдѣ не является внезапнымъ переворотомъ, а всюду представляетъ собою длительный процессъ, слагающійся изъ отдѣльныхъ, не всегда равноцѣнныхъ, эпизодовъ.

Въ однихъ государствахъ рѣшающимъ моментомъ въ этомъ процессѣ является изданіе одной хартіи, своими постановленіями съ самаго основанія перестраивающей старый государственный порядокъ и регулирующей вновь всѣ важнѣйшія стороны политическаго уклада народа, въ другихъ странахъ переходъ отъ абсолютизма къ конституціонализму выражается въ сложной цѣпи государственныхъ актовъ, общественныхъ заявленій и правительственныхъ мѣропріятій, лишь постепенно разрушающихъ старый строй и только медленно, шагъ за шагомъ, воздвигающихъ новый правовой порядокъ.

Къ этимъ послѣднимъ государствамъ принадлежитъ и Россія. Мы до сего времени не имѣемъ конституціи въ смыслѣ цѣльнаго и законченнаго законодательнаго акта, который твердо установилъ бы начало общественнаго самоопредѣленія и послѣдовательно провелъ бы его во всѣхъ существенныхъ областяхъ государственной жизни.

Такой конституціей не является ни манифестъ 17 октября 1905 г., ни Основные Законы 23 апрѣля 1906 г.

Манифестъ 17-го октября провозгласилъ коренныя начала правового строя и установилъ ихъ очень опредѣленно и ярко, но онъ не обезпечилъ ихъ осуществленія соотвѣтствующими законодательными актами. Основные же законы 23-го апрѣля рядомъ съ отдѣльными отзвуками конституціоннаго акта 17-го октября, включаютъ

Digitized by Google

въ себѣ рядъ пережитковъ самодержавнаго уклада и содержатъ постановленія, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ элементарными требованіями правового строя.

У насъ до сего времени не только нѣтъ конституціи, въ смыслѣ комплекса учредительныхъ законовъ, гарантирующихъ населенію политическую и гражданскую свободу, но у насъ и не проникли глубоко въ правосознаніе извѣстной части нашего общества тѣ политическіе идеи и принципы, стойкое исповѣдываніе которыхъ является необходимымъ предположеніемъ прочнаго правового порядка. У насъ все еще держатся привычки и пріемы приказнаго быта и еще сохраняется рядъ учрежденій, являющихся оплотомъ бюрократическаго строя.

Манифестъ 17-го октября, опредѣливъ, что ни одинъ законъ не можетъ получить силы безъ участія народнаго представительства,— этимъ постановленіемъ упразднилъ одинъ изъ главныхъ устоевъ самодержавія. Онъ знаменуетъ собою поэтому несомнѣнно очень крупный успѣхъ въ борьбѣ принципа общественнаго самоопредѣленія съ началомъ самодержавія, но онъ, говоря языкомъ современныхъ военныхъ реляцій, не представляетъ еще собою пораженія живой силы противника. Изданіемъ манифеста 17-го октября взята лишь одна изъ главнѣйшихъ позицій самодержавія, позиція очень сильная и еще недавно казавшаяся неприступной, но онъ не затронулъ ряда другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ приказнаго уклада, съ которыми еще предстоитъ бороться русскому обществу и на преодолѣніе которыхъ уйдетъ еще не мало времени и не мало энергіи.

Если манифестъ 17-го октября является однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ борьбѣ русскаго общества за свое политическое раскрѣпощеніе, то для уразумѣнія его смысла и значенія необходимо, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, возстановить ходъ этой борьбы и напомнить ея основныя фазы и существеннѣйшія тенденціи.

Борьба эта начинается съ того времени, какъ обнаруживается то глубокое противорѣчіе, которое существуетъ между тенденціями самодержавнаго порядка, съ одной стороны, и между началами, легшими въ основу освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, съ другой, и когда стало яснымъ, что принципъ абсолютнаго строя безусловно не уживается со стремленіями общества къ установленію правового порядка.

Всматриваясь въ эту борьбу, какъ она развернулась въ первые годы текущаго столѣтія съ 1900—1905 гг., мы можемъ различить въ ней слѣдующіе фазисы:

Digitized by Google

Первый періодъ съ 1899 по 1904 г. (министерства Сипягина и затѣмъ Плеве) представлетъ собою безпощадную борьбу носителей самодержавнаго бюрократическаго строя съ органами общественнаго самоуправленія съ цѣлью упразднить земство и погасить въ немъ тенденціи къ самостоятельности и самоопредѣленію.

Второй періодъ обнимаетъ время отъ 27-го августа 1904 г. (назначеніе Святополкъ-Мирскаго) до 18 февраля 1905 г. и знаменуетъ собою поворотъ правительственнаго курса отъ реакціоннаго направленія къ политикѣ нерѣшительныхъ уступокъ требованіямъ общества. Онъ характеризуется манифестомъ 12 декабря 1904 г.

Слѣдующимъ за симъ фазисомъ въ эволюціи борьбы общества за свое политическое возрожденіе является время съ 18 февраля 1905 г. по 6 августа 1905 г. Этотъ періодъ открывается рескриптомъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, которымъ правительство отъ обѣщанія частичныхъ реформъ переходитъ къ попыткѣ общаго политическаго преобразованія, а именно къ привлеченію людей изъ народа къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ положеній. Заканчивается этотъ періодъ манифестомъ 6 августа 1905 г. объ учрежденіи законосовѣщательной Думы съ сохраненіемъ неприкосновеннымъ основного закона Россійской Имперіи о существѣ самодержавной власти.

Послѣдній фазисъ въ борьбѣ правительства съ обществомъ продолжается всего нѣсколько недѣль и ознаменованъ революціоннымъ движеніемъ, принимающимъ наканунѣ 17-го октября крайне острыя формы, побуждающія правительство издать актъ, которымъ власть отказывается отъ основного начала самодержавія и провозглашаетъ коренные принципы конституціоннаго строя.

Мы разсмотримъ подробнѣе каждый изъ этихъ фазисовъ въ отдѣльности, при чемъ обратимъ особое вниманіе на ту реакцію, которой общество отвѣчало на политику правительства и которая находила себѣ выраженіе въ резолюціяхъ и постановленіяхъ общественныхъ организацій.

II.

Первый періодъ борьбы власти съ обществомъ, который совпадаетъ со временемъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ, а потомъ Плеве, представляетъ собой со стороны правительства систематическій и послѣдовательный походъ противъ общественныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ имѣетъ прежде всего своею тенденціею подорвать финансовыя средства земства и этимъ ослабить его вліяніе на ходъ мѣстной жизни: 12-го іюня 1900 г. выходитъ законъ о предѣльности земскаго обло-

Digitized by Google

женія и одновременно съ нимъ законъ, которымъ изъ компетенціи органовъ самоуправленія изъемлется завѣдываніе мѣстнымъ продовольственнымъ дѣломъ.

Правительство въ своемъ стремленіи обезсилить органы самоуправленія не ограничивается отдѣльными мѣрами въ области финансоваго управленія, но и задумываетъ общую реформу правительственнаго строя, долженствовавшую замѣнить мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, опредѣляемыхъ по выбору, правительственными агентами, назначаемыми изъ центра. 26 февраля 1903 г. издается Высочайшій манифестъ, объявившій о непреклонной рѣшимости правительства приступить къ продолженію тѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя были предприняты въ царствованіе Александра III, но которыя не удалось закончить вслѣдствіе смерти Императора и проведенію которыхъ помѣшала затѣмъ смута «посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». Послѣ этого вступленія манифестъ излагаетъ программу проектированныхъ властью законодательныхъ актовъ, и между ними фигурируетъ на первомъ мѣстѣ преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ управленій, которыя должны быть поставлены подъ руководство сильной власти, отвѣтственной передъ царемъ. Въ заключеніе говорится: «Призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственнхъ началъ, при которыхъ подъ сѣнью Самодержавной власти только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его права. Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ частями, къ вѣдомствамъ коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ». Къ осуществленію одного изъ пунктовъ, начертанной въ манифестѣ правительственной программы, а именно къ преобразованію губернскаго управленія, было немедленно же приступлено, при чемъ къ осуществленію его привлечены государственные люди, настроеніе которыхъ ручалось за проведеніе проектированныхъ реформъ въ строго реакціонномъ духѣ (Дурново, Штюрмеръ, фонъ Валь и др.). Борьба съ земствомъ въ эту эпоху выражается и въ принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей, выдававшихся самостоятельностью своихъ сужденій и противъ постановленій земскихъ собраній, не соотвѣтствовавшихъ правительственному курсу: устраняются общественные дѣятели безъ суда и расправы, кассируются постановленія земскихъ собраній, противорѣчащихъ «видамъ и предположеніямъ» правительства и т. п.

Digitized by Google

Эта политика правительства, направленная противъ земства, не достигаетъ, однако, преслѣдуемыхъ ею цѣлей: она не обезоруживаетъ земства и не усмиряетъ его строптиваго духа, а напротивъ закаляетъ его силы и заостряетъ его оппозиціонныя тенденціи. Отдѣльныя земства, которыя всѣ въ одинаковой степени испытывали гнетъ бюрократическаго режима, естественно почувствовали потребность противодѣйствовать сообща правительственной политикѣ. Земства, до сего времени разобщенныя, стали теперь сближаться между собою и сговариваться относительно своего солидарнаго образа дѣйствій[1]) и совмѣстныхъ выступленій.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій этого сближенія является первый земскій съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ въ маѣ 1902 г.[2]). Онъ привлекъ большое число участниковъ и на немъ были приняты рѣшенія первостепенной важности, въ которыхъ уже ярко просвѣчиваетъ тенденція земства выступить съ требованіями общихъ политическихъ реформъ. Съѣздъ постановилъ, между прочимъ, что устраненіе земскихъ учрежденій отъ обсужденія нуждъ сельскохозяйственной промышленности нецѣлесообразно и не мо-

[1]) Правительство, видя въ этомъ сближеніи земствъ между собою опасный для своей политики симптомъ, поспѣшило принять противъ него мѣры. Земскимъ управамъ было разослано губернаторами обращеніе, основанное на циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: «За послѣднее время усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскія и городскія управленія, желая возбудить какое-либо ходатайство по предметамъ, не относящимся исключительно къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ и имѣющимъ характеръ общегосударственный, входятъ въ предварительное сношеніе съ другими общественными установленіями и притомъ не только своей, но иногда даже и другой губерніи, съ просьбой возбудить и съ ихъ стороны единовременно ходатайство, подобное предлагаемому. Принимая въ соображеніе, что такія дѣйствія выходятъ изъ предѣловъ власти, предоставленной земскимъ и городскимъ управленіямъ, отрывая послѣднія отъ работы на пользу мѣстную и увлекая ихъ на ложный путь, и имѣя въ виду, что, по смыслу ст. 1947 общ. учр. Губ. Свода Законовъ, т. II, изд. 1892 г., общественныя и сословныя собранія, а слѣдовательно и исполнительные ихъ органы, не въ правѣ вступать въ сношенія съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, г. министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ меня обратить особое вниманіе на недопущеніе земскими и городскими управленіями указанныхъ выше неправильныхъ сношеній, съ предупрежденіемъ, въ случаѣ надобности, что такія дѣйствія, какъ носящія явный характеръ превышенія власти, могутъ повлечь за собою для виновныхъ законную отвѣтственность».

[2]) Онъ былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами: 22 марта 1902 г. учреждается, по иниціативѣ гр. Витте, совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, которое своимъ органомъ на мѣстахъ имѣло губернскіе комитеты. Представители земства, устраненнаго отъ участія въ этомъ совѣщаніи, воспользовались собраніемъ въ апрѣлѣ 1902 г., такъ называемымъ пожарнымъ съѣздомъ, чтобы сговориться относительно той формы, въ которой они могли бы протестовать противъ недопущенія ихъ къ совѣщанію и сговориться относительно солидарнаго образа дѣйствія въ мѣстныхъ комитетахъ. Съ этою цѣлью и было рѣшено созвать общеземскій съѣздъ въ Москвѣ.

На немъ собралось 25 представителей земскихъ собраній.

Digitized by Google

жетъ быть оправдано ни съ какой точки зрѣнія. Далѣе съѣздъ вынесъ резолюцію, въ силу которой нужды сельско-хозяйственной промышленности не могутъ быть удовлетворены отдѣльными частными мѣропріятіями, а прежде всего нуждаются въ устраненіи всѣхъ тѣхъ тормазовъ, которые препятствуютъ ея развитію. Съѣздъ въ этой резолюціи призналъ необходимымъ прежде всего поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самостоятельности, а для этого обезпечить правовое положеніе крестьянъ уравненіемъ ихъ личныхъ правъ съ лицами другихъ сословій, освободить ихъ отъ административной опеки, оградить ихъ права правильной формой суда и т. д.

Фактъ созванія этого перваго общаго земскаго съѣзда, объединившаго вліятельнѣйшихъ дѣятелей земства, то единодушіе и тотъ подъемъ, съ которыми были приняты на немъ резолюціи, — показали, что земство выросло на степень организованной общественной силы, воодушевленной твердой рѣшимостью бороться съ правительствомъ во имя общественнаго и политическаго обновленія страны.

Правительство съ своей обычной самоувѣренностью не признало, однако, нужнымъ считаться съ заявленіями этой новой общественной силы. Оно осталось вѣрно своей обычной тактикѣ и примѣнило по отношенію къ земскому движенію тѣ же пріемы, къ которымъ оно прибѣгало каждый разъ, когда считало нужнымъ противодѣйствовать проявленію свободной общественной мысли. По представленію Плеве были приняты репрессивныя мѣры противъ участниковъ съѣзда; 16 предсѣдателей земскихъ управъ и другіе участники съѣзда получили Высочайшіе выговоры, переданные однимъ лично Плеве, а другимъ черезъ губернаторовъ[1]).

Оппозиціонный духъ земства и его политическія тенденціи, проявившіяся въ первомъ (майскомъ) земскомъ съѣздѣ пріобрѣли себѣ въ ближайшее время новую поддержку въ зарубежномъ печатномъ органѣ «Освобожденіе», а затѣмъ въ общественной организаціи того же названія.

Газета «Освобожденіе» начала выходить въ Штутгартѣ въ іюлѣ 1902 г., а «Союзъ Освобожденія» былъ учрежденъ въ январѣ 1904 г. во время техническаго съѣзда въ Петербургѣ.

Цѣль изданія газеты «Освобожденіе» такъ опредѣляется въ передовой статьѣ перваго номера: «Мы приступаемъ къ изданію, говорится здѣсь, внѣ предѣловъ дѣйствія русской полиціи и цензуры — органа исключительно посвященнаго великому дѣлу борьбы

[1]) Между послѣдними нашлись лица, которыя на переданную имъ губернаторами административную кару отвѣтили рѣзкими письмами; они заявляли въ нихъ, что постигшая ихъ кара является совершенно незаслуженной и что они приписываютъ ее лицепріятному доносу Государю со стороны министра внутреннихъ дѣлъ.

Digitized by Google

за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества. Осуществленіе такого изданія настоятельно требуется всѣмъ ходомъ вещей въ Россіи, всѣмъ развитіемъ ея общественно политической жизни; эта задача повелительно диктуется положеніемъ нашей печати въ самой Россіи и новѣйшимъ развитіемъ ея за границей... Нашъ органъ не будетъ «революціоннымъ», но онъ будетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ требовать великаго переворота русской жизни замѣны произвола самодержавной бюрократіи правами личности и общества»... Статья эта заканчивается слѣдующими словами: «Пусть національное освобожденіе будетъ открыто провозглашено общимъ дѣломъ дѣтей и отцовъ, революціонеровъ и умѣренныхъ. Пусть насилію, уничтожающему нашъ народъ и извращающему всю нашу жизнь, будетъ брошенъ въ лицо соединенный вызовъ, будетъ противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно (правительство) испугается, передъ такой борьбой оно не устоитъ».

Союзъ Освобожденія былъ организованъ въ первыхъ числахъ января 1904 г., какъ мы уже сказали, во время техническаго съѣзда. Этотъ съѣздъ привлекъ въ Петроградъ много земскихъ дѣятелей и представителей интеллигенціи, сочувствовавшихъ освободительному движенію. На этомъ съѣздѣ при участіи представителей отъ 20 городовъ Союзъ Освобожденія получилъ свою окончательную организацію; на немъ была обсуждена и послѣ горячихъ преній принята и утверждена программа Союза. Первый параграфъ этой программы включалъ слѣдующее знаменательное постановленіе: «Союзъ Освобожденія ставитъ себѣ своей первой и главной задачей — политическое освобожденіе Россіи. Считая политическую свободу даже въ самыхъ минимальныхъ ея предѣлахъ совершенно несовмѣстимой съ абсолютнымъ характеромъ русской монархіи, «Союзъ» будетъ добиваться прежде всего, уничтоженія самодержавія и установленія въ Россіи конституціоннаго режима. При опредѣленіи конкретныхъ формъ, въ которыхъ конституціонный режимъ можетъ быть осуществленъ въ Россіи, «Союзъ Освобожденія» употребитъ всѣ усилія, чтобы политическая проблема была рѣшена въ духѣ широкаго демократизма и, прежде всего, признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, тайной и прямой подачи голосовъ».

Политика правительства, направленная противъ земства за разсмотрѣнный нами періодъ потерпѣла такимъ образомъ полное фіаско. Послѣ пятилѣтняго управленія Плеве, земство, отданное подъ опеку высшаго начальства и поставленное подъ строгій надзоръ агентовъ власти, не только не было обезсилено воинствую-

Digitized by Google

щей бюрократіей, а напротивъ, окрѣпло въ борьбѣ съ ней, сложившись въ цѣлое, крѣпкое единствомъ своихъ стремленій и идеаловъ. Эти стремленія и идеалы за пережитое время выяснились самому земству опредѣленнѣе и ярче и нашли себѣ откликъ и сочувствіе въ широкихъ кругахъ населенія. Оппозиція земства выросла на степень оппозиціи всей интеллигентной части русскаго народа, его организація, его способъ агитаціи сдѣлались достояніемъ всей мыслящей части населенія и стали служить не только орудіями земства, но и выросли на степень средствъ воздѣйствія всего интеллигентнаго общества. Сорганизовавшіеся земскіе съѣзды вмѣстѣ съ тѣмъ выступили глашатаями и выразителями всѣхъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были солидарны съ земствомъ, сблизились съ нимъ и сгруппировались около него.

И когда Плеве сошелъ со сцены, передъ растерявшимся правительствомъ развернулся широкій фронтъ общественныхъ силъ, объединенныхъ ненавистью къ самодержавно-бюрократическому строю и воодушевленныхъ неудержимымъ стремленіемъ пробиться къ свѣту и проложить себѣ дорогу къ политическому обновленію и общественному возрожденію.

III.

Большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ борьбы общества съ правительствомъ имѣли тѣ событія внѣшней и внутренней жизни, которыя наступили для Россіи въ 1904 г. и которыя дали общественному неудовольствію новую пищу и новое направленіе.

26-го января послѣдовало объявленіе войны съ Японіей. Эта война не встрѣтила въ обществѣ сочувствія и не вызвала патріотическаго подъема. Она на первыхъ же порахъ обнаружила расшатанность нашихъ государственныхъ порядковъ и полную дезорганизацію тѣхъ частей управленія, которыя вѣдали вооруженными силами страны. Война началась съ ряда неудачъ: 17-го апрѣля погибъ броненосецъ «Петропавловскъ» съ адмираломъ Макаровымъ и почти всѣмъ экипажемъ. 25-го апрѣля Портъ-Артуръ оказался окруженнымъ непріятелемъ и всякія сообщенія съ нимъ прекращены.

И вотъ, одновременно съ этими печальными вѣстями съ театра войны, облетѣла страну вѣсть о трагической смерти руководителя нашей внутренней политики: 15-го іюля погибъ Плеве, павшій жертвой террористическаго акта.

Смерть Плеве повлекла за собою переломъ въ нашей внутренней жизни: онъ не нашелъ преемника своей политикѣ и заступившій его 27-го августа новый министръ пошелъ по другой дорогѣ и заговорилъ другимъ языкомъ.

Digitized by Google

16-го сентября князь Святополкъ-Мирскій выступилъ съ программой, въ которой прозвучали ноты, ничѣмъ не напоминавшія его предшественника. Въ этотъ день при представленіи ему чиновъ министерства, онъ заявилъ, «что административный опытъ привелъ его къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства».

Довѣріе, о которомъ говорилъ здѣсь министръ, очень скоро оказалось, однако, крайне тенденціознымъ: оно стало проявляться лишь по отношенію къ той части общества и тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые раздѣляли точку зрѣнія правительства и которые твердо стояли на почвѣ существующаго порядка. Стремленія же, исходившія отъ либеральныхъ элементовъ общества и находившія себѣ выраженіе въ резолюціяхъ и постановленіяхъ земскихъ и городскихъ организацій встрѣчали со стороны министра самое строгое осужденіе. Не прошло и полгода со времени вступленія князя Святополкъ-Мирскаго въ должность, какъ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ высказанныя земскими людьми пожеланія и требованія были признаны недопустимыми въ силу «освященныхъ Основными Законами имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя» и въ которомъ общественное движеніе, явившееся результатомъ совѣщанія земскихъ дѣятелей было охарактеризовано дѣломъ людей, «стремящихся внести смуту въ общественную и государственную жизнь и при томъ дѣломъ, чуждымъ русскому народу, идущему на пользу не родинѣ, а ея враговъ»[1]).

Тенденціи и воззрѣнія, которыя являются предпосылками этого правительственнаго сообщенія очень ясно проглядываютъ въ указѣ, изданномъ 12 декабря 1904 г. Изъ первыхъ же строкъ этого указа видно, что правительство, обѣщая либеральныя реформы и расточая слова, разсчитанныя на благопріятное впечатлѣніе на публику, въ сущности остается на своей прежней позиціи и вовсе не намѣрено дѣлать уступокъ, которыя могли бы умалить его полномочія и сократить сферу его дискреціонной власти.

«По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ», читаемъ мы здѣсь, «непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной

[1]) Это правительственное сообщеніе мы приводимъ со словъ заявленія гласныхъ Вологодскаго земскаго собранія. Оно приведено у Бѣлоконскаго «Земское движеніе», стр. 241, 242.

Digitized by Google

Намъ Богомъ Державы, Мы при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящихъ обстоятельствами навѣянныхъ стремленій».

Что обѣщанныя указомъ реформы[1]) не сулили обществу поворота къ новому государственному порядку видно было и изъ того, что осуществленіе намѣченныхъ преобразованій было довѣрено правительственнымъ учрежденіямъ, безъ всякаго участія общественныхъ элементовъ: оно было возложено на Комитетъ Министровъ, испытаннаго хранителя бюрократическихъ традицій и навыковъ.

То чувство неудовлетворенности, которое вызвало въ обществѣ изданіе указа 12-го декабря, находитъ себѣ объясненіе не только въ его содержаніи и въ его отношеніи къ заявленнымъ обществомъ требованіямъ, но и тѣмъ настроеніемъ, которое овладѣло обществомъ послѣ земскаго съѣзда, состоявшагося въ Петроградѣ въ ноябрѣ 1904 г. Этотъ съѣздъ представляетъ собою рѣшительный моментъ въ исторіи борьбы общества съ правительствомъ: онъ отмѣчаетъ внушительный ростъ земской оппозиціи и представляетъ собою знаменательное расширеніе общественныхъ требованій. На немъ были вынесены резолюціи, которыя ярко и опредѣленно выставили конституціонныя требованія русскаго общества: онѣ явились лозунгами всего дальнѣйшаго общественнаго движенія, приведшаго въ октябрѣ 1905 г. къ крушенію самодержавнаго уклада и къ признанію держателями власти первоосновъ правового строя[2]).

---

[1]) Въ указѣ 12-го декабря между прочимъ говорится о началѣ законности, которое должно лечь въ основаніе дѣятельности органовъ власти и вмѣстѣ съ проведеніемъ этого начала обѣщался пересмотръ изданныхъ во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Кромѣ проведенія начала законности и требуемаго имъ отмѣны или по крайней мѣрѣ смягченія положенія объ усиленной охранѣ, указъ 12-го декабря развертывалъ и программу органическихъ реформъ, касавшихся устраненія сословной обособленности крестьянъ и имѣвшихъ цѣлью обезпечить самостоятельность земскаго и городского самоуправленія, сохранить независимость духа, расширить религіозную свободу, устранить излишнія стѣсненія печати, содѣйствовать обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, введеніемъ государственнаго ихъ страхованія (п. 4). Указъ обѣщаетъ, наконецъ, пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи и устранить изъ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати... возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи (п. 8).

[2]) Въ виду громадной важности этихъ резолюцій приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ:

«Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ

Digitized by Google

Ноябрьскій съѣздъ произвелъ на общество громадное впечатлѣніе. Вынесенныя имъ резолюціи послужили поводомъ къ многочисленнымъ заявленіямъ, выражавшимъ полную солидарность общественныхъ стремленій страны съ формулированными въ этихъ резолюціяхъ стремленіями. Одно правительство осталось къ нимъ глухо и реагировало на нихъ своими обычными пріемами, т.-е. угрозой репрессивныхъ и полицейскихъ мѣръ. Оно отвѣтило на ноябрьскій съѣздъ, слѣдующимъ характернымъ правительственнымъ сообщеніемъ: «Осенью текущаго года въ Петербургѣ

6, 7 и 8 ноября 1904 года въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2) Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3) Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4) Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5) Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечилъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6) Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7) Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8) Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ

Digitized by Google

происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимости, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформъ внутренняго управленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшись возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи, — въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными Законами Имперіи незыблемыхъ началъ

сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9) Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены, по возможности, всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность; в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ, и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должная устойчивость, самодѣятельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской имперіи.

10) Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ, на основѣ вышеуказанныхъ началъ, и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи. (Мнѣніе большинства.)

Но для созданія и сохраненія всего живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ, на основѣ вышеуказанныхъ началъ, и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія (Мнѣніе большинства).

11) Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія начала права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Digitized by Google

нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ, лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ. Законный долгъ правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни, — поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія, не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

Это правительственное сообщеніе, опубликованное одновременно съ указомъ Сенату 12-го декабря, развертывавшимъ передъ русскимъ обществомъ широкую программу прогрессивныхъ реформъ, очень ярко обнаружило неискренность и лицемѣріе либеральныхъ посуловъ правительства и усилило недовѣріе въ мѣропріятіямъ правительства и недовольство его политикой. Въ тѣхъ же самыхъ постановленіяхъ, въ которыхъ земства, города, профессіональные и иные союзы и съѣзды заявляли свою солидарность съ резолюціями Петербургскаго ноябрьскаго съѣзда, мы встрѣчаемся съ заявленіями, которыя открыто высказываютъ свое отрицательное от-

Digitized by Google

ношеніе къ указу 12-го декабря и къ способу проведенія его въ жизнь. Въ этихъ заявленіяхъ высказывается убѣжденіе, что реформы, намѣченныя указомъ 12-го декабря, найдутъ себѣ осуществленіе, способное удовлетворить общество, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что проведеніе ихъ въ жизнь состоится при новомъ государственномъ строѣ.

Требованіе этого новаго строя становилось все рѣшительнѣе и настойчивѣе и общественное настроеніе все болѣе нервнымъ. Это настроеніе питалось и тѣми тяжелыми вѣстями, которыя приходили съ театра войны и находило себѣ поддержку въ тѣхъ явленіяхъ внутренней неурядицы, которыя слѣдовали другъ за другомъ съ ужасающей быстротой: 20-го декабря 1905 г. крѣпость Портъ-Артуръ сдалась на капитуляцію; 9-го января разыгрались кровавыя событія на площади Зимняго Дворца и окраинахъ города съ массой убитыхъ и раненыхъ, а затѣмъ, какъ отголосокъ этихъ страшныхъ событій и какъ бы отвѣтъ на нихъ, волненія и безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, забастовки и безпорядки въ важнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ.

И вотъ только тогда правительство рѣшается, наконецъ, выступить съ актомъ, который возвѣщаетъ о намѣреніи власти сдѣлать первый шагъ къ организаціи народнаго представительства и выступить на путь государственно-правовой реформы.

IV.

18 февраля 1905 г. былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, въ которомъ Государь возвѣщаетъ о намѣреніи привлечь выборныхъ отъ народа къ участію въ законодательной дѣятельности. «Я вознамѣрился, говорится, между прочимъ, въ этомъ рескриптѣ, отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній... Принимая преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизни при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи».

Одновременно съ изданіемъ этого рескрипта издается и «Высочайшій манифестъ о призывѣ властей и населенія къ содѣйствію

Digitized by Google

самодержавной власти въ одолѣніи врага внѣшняго, въ искорененіи крамолы и въ противодѣйствіи смутѣ внутренней». Этотъ манифестъ служитъ внушительнымъ комментаріемъ къ рескрипту: онъ показываетъ, что правительство, дѣлая какъ бы уступку общественному мнѣнію, на самомъ дѣлѣ не измѣняетъ, однако, своего отношенія къ стремленіямъ народа, что оно продолжаетъ смотрѣть на политическія заявленія общественныхъ организацій, какъ на проявленіе антигосударственныхъ тенденцій, требующихъ самаго рѣшительнаго отпора и въ сущности ничѣмъ не отличающихся отъ революціонныхъ вожделѣній. «Въ то время, читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, какъ доблестнѣйшіе сыны Россіи съ беззавѣтной храбростью, сражаясь самоотверженно, полагаютъ жизнь за Вѣру, Царя и Отечество, въ самомъ отечествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной нашей скорби. Ослѣпленные гордыней, злоумышленные вожди мятежнаго движенія, дерзновенно посягаютъ на освященные православною церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и вмѣсто онаго учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству нашему несвойственныхъ»... «Да станутъ же, заключаетъ манифестъ, крѣпко вокругъ престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной страны, радѣя честью и совѣстливо о всякомъ государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами. И да подастъ въ Державѣ Россійской: Пастырямъ святыню, Правителямъ — судъ и правду, народу — миръ и тишину, законамъ — силу и вѣрѣ — преуспѣяніе, къ вящему укрѣпленію испытаннаго Самодержавія на благо всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ».

Мы сдѣлали эти выписки изъ манифеста 18-го февраля, ибо придаемъ ему первостепенное значеніе. Этотъ манифестъ очень категорично и очень выпукло выражалъ истинные взгляды правительства на задуманныя имъ измѣненія: онъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что призывъ избранныхъ отъ населенія людей въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній отнюдь не знаменовалъ собою коренной политической реформы; онъ показываетъ, что правительство болѣе чѣмъ когда-либо было проникнуто убѣжденіемъ въ необходимости сохранить самодержавный строй и оберечь его отъ всякаго уклона въ сторону ограниченія абсолютной власти. Этотъ манифестъ обнаруживаетъ далѣе, какъ далеки въ это время были намѣренія правительства отъ тѣхъ требованій, которыя такъ единодушно и такъ настоятельно заявляло общество въ своихъ многочисленныхъ резолюціяхъ и адресахъ.

Digitized by Google

Правительство въ своемъ манифестѣ и общество въ своихъ неоднократныхъ заявленіяхъ, двигались, такимъ образомъ, по совершенно различнымъ путямъ и стремились къ различнымъ цѣлямъ, принципіально другъ другу противоположнымъ. И съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что разобщенность между правительствомъ и обществомъ все растетъ и что эти двѣ враждующія между собою силы не могутъ примириться иначе какъ цѣною коренного перелома ихъ взаимныхъ отношеній; заявленія общественныхъ организацій о необходимости принципіальной реформы государственнаго строя раздавались все чаще и все настоятельнѣе и потокъ ихъ послѣ манифеста 18 февраля не только не прекращался, а напротивъ становился все стремительнѣе и шире.

V.

Тяжелое настроеніе русскаго общества, вызванное пренебрежительнымъ отношеніемъ правительства къ единодушно и настоятельно заявленнымъ требованіямъ общества получило новую пищу въ тѣхъ зловѣщихъ слухахъ, которые приходили съ театра войны. Это настроеніе достигло крайняго напряженія, когда было получено извѣстіе о постигшей нашъ флотъ катастрофѣ. 14 и 15 мая погибли при Цусимѣ наши эксадры и вмѣстѣ съ ними погибла и надежда на успѣхъ нашей морской силы въ борьбѣ съ врагомъ. За этими вѣстями съ театра войны, глубоко потрясшими всю страну, послѣдовали явленія внутри государства, отъ которыхъ общество въ ужасѣ содрогнулось. Въ Саратовской губерніи въ іюнѣ мѣсяцѣ разразились аграрные безпорядки, въ іюлѣ — мятежи въ Черноморскомъ флотѣ, въ іюлѣ же безпорядки въ Кронштадтскомъ портѣ.

И вотъ въ это тяжелое время общественные элементы, представленные въ земствѣ, снова сплотились, чтобы поднять свой бодрящій и предостерегающій голосъ. Этотъ голосъ нашелъ себѣ выраженіе въ адресѣ Государю, составленномъ на коалиціонномъ съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ 24—26 мая 1905 г. На немъ же было рѣшено представить этотъ адресъ Государю черезъ особую депутацію. При представленіи ея Государю одинъ изъ ея членовъ, князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, сказалъ рѣчь, въ которой, обрисовавъ тяжелое положеніе страны, произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова: «Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій, сказалъ онъ, — это путь, указанный Вами, Государь, — созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира,

Digitized by Google

созданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія, и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ итти по намѣченному Вами пути. Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные — равно и безъ различія — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чужіе намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ — своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій царь, не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе[1]).

---

[1]) Кн. Трубецкой продолжалъ. «Далѣе народное представительство должно служить дѣлу» «преобразованія государственнаго». Бюрократія, существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не должно быть заплатой на старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицо къ лицу, какъ мы стоимъ передъ вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушными. Посему необходима самая широкая возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь. Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Digitized by Google

Эта рѣчь князя Трубецкого, въ которой голосъ русскаго общества выразился такъ сильно и такъ ярко, не нашла себѣ отклика въ правящихъ сферахъ: правительство не пошло навстрѣчу выраженному въ ней желанію поспѣшить созывомъ народныхъ представителей и не сочло нужнымъ выполнить, заявленное въ ней требованіе организовать народное представительство на широкихъ всесословныхъ началахъ.

Подготовка реформы, возвѣщенной въ рескриптѣ Булыгина, продолжала итти бюрократическимъ путемъ: соотвѣтствующій законодательный проектъ разрабатывался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ былъ переданъ на обсужденіе Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго и, наконецъ, былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Петергофѣ 14—16 іюля подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя.

Происходившія въ этихъ учрежденіяхъ пренія очень поучительны, и мы приводимъ здѣсь наиболѣе характерныя изъ нихъ выдержки. Укажемъ прежде всего на объясненія, данныя предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, указавшія на мотивы введенія представительства.

«Рѣшеніе самодержавной власти,—сказалъ онъ,—издать законъ объ организаціи народнаго представительства назрѣло подъ вліяніемъ того соображенія, что для этой власти полезно выслушивать мнѣнія людей, знакомыхъ съ нуждами и потребностями народа». «Для осуществленія этого рѣшенія,—говорилъ онъ,—было предположено сдѣлать то, что сто лѣтъ тому назадъ проектировалъ Сперанскій: онъ, какъ извѣстно, призналъ необходимымъ обсужденіе законовъ поручить двумъ инстанціямъ, изъ которыхъ первая, подготовительная, была бы Государственная Дума. Какъ тогда, такъ и теперь проектъ ни однимъ словомъ не затрогиваетъ самодержавной власти Государя. Эта власть остается по существу та же, измѣняется лишь порядокъ ея осуществленія. Государь остается верховнымъ законодателемъ, видоизмѣняется лишь процессъ предварительнаго обсужденія законовъ; если при старомъ порядкѣ законодательныя дѣла восходили на воззрѣніе Его Императорскаго Величества черезъ Государственный Совѣтъ, т.-е. черезъ собраніе лицъ, назначенныхъ Государемъ во вниманіе къ ихъ служебной дѣятельности, то по предположенію проектируемаго закона эти законодательныя дѣла должны будутъ проходить еще черезъ лишнюю инстанцію, чрезъ Государственную Думу».

Народное представительство, какъ его проектировалъ Совѣтъ Министровъ, учрежденіе исключительно совѣщательное, какимъ уже является существующій Государственный Совѣтъ. Съ установленіемъ Думы усложнится лишь механизмъ нашихъ законо-

Digitized by Google

дательныхъ учрежденій, а никакъ не измѣнится одухотворяющее ихъ начало, которымъ попрежнему остается исключительно неограниченная личная воля Государя Императора.

Но и народное представительство, проектированное съ такимъ ограниченнымъ кругомъ вѣдомства и съ такимъ скромнымъ авторитетомъ, вызвало сомнѣнія у нѣкоторыхъ членовъ Совѣщанія. Они находили, что самодержавію грозитъ опасность введеніемъ въ новое учрежденіе людей, избранныхъ обществомъ изъ своей среды. Они держались того мнѣнія, что начало выбора само по себѣ есть начало вредоносное, безусловно не вяжущееся съ принципомъ самодержавія, и въ подтвержденіе своего мнѣнія они указывали на примѣръ земскихъ учрежденій, ясно-де обнаружившихъ, что допущеніе къ участію въ управленіи лицъ по выбору естественно и необходимо поведетъ къ ослабленію власти абсолютной и къ проникновенію въ государство нежелательныхъ общественныхъ элементовъ, носителей опасныхъ тенденцій либерализма и народовластія. Если правительству и его агентамъ, говорили они, не удалось во многихъ губерніяхъ удержать органы общественнаго управленія въ предѣлахъ отведенной имъ по закону дѣятельности, то тѣмъ труднѣе будетъ, при современномъ теченіи общественной мысли, справиться съ этой задачей въ Думѣ, которая будетъ мнить себя представительницей народа.

Нѣкоторыхъ членовъ особаго Совѣщанія смущала и предложенная Совѣтомъ министровъ система выборовъ въ Думу. При обсужденіи этой системы столкнулись два мнѣнія; одни члены Совѣщанія отстаивали смѣшанную систему, предложенную Совѣтомъ Министровъ, другіе стояли за систему, построенную на началѣ сословности. Ораторы, говорившіе въ пользу этой послѣдней, находили, что она всего дѣйствительнѣе обережетъ новое учрежденіе отъ проникновенія въ него общественныхъ элементовъ, зараженныхъ свободомысліемъ и никоимъ образомъ не могущихъ стать устоями существующаго порядка: «при смѣшанной системѣ,—говорили они,—въ Думу проникнутъ люди земскаго типа, которымъ не дороги исконныя русскія начала и которые предпочтутъ имъ западноевропейскіе образцы».

Защитники смѣшанной системы немногимъ, однако, въ своихъ взглядахъ отличались отъ сторонниковъ сословнаго начала. Они возражали противъ него не во имя тѣхъ началъ, которыя провозглашали общественныя организаціи, а изъ опасенія, какъ бы сословное представительство не слишкомъ раздражило общественное мнѣніе и вмѣсто успокоенія не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ новый взрывъ народнаго неудовольствія. Высказанныя въ собраніи

Digitized by Google

соображенія противъ предположенной Совѣтомъ министровъ системы выборовъ, говорили они, были бы вѣрны въ томъ случаѣ, если бы она построена была на началѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Возвращеніе же къ сословности въ настоящее время произвело бы весьма неблагопріятное впечатлѣніе; между тѣмъ, при существующемъ положеніи вещей нельзя не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ вся предложенная реформа направлена на успокоеніе общества и на устраненіе поводовъ къ поддержанію смуты.

VI.

Мы остановились подробнѣе на разсужденіяхъ, происходившихъ на совѣщаніяхъ, подготовившихъ изданіе манифеста и закона 6-го августа въ виду того, что они очень ярко иллюстрируютъ воззрѣнія вдохновителей и авторовъ этихъ законодательныхъ актовъ. Они служатъ характернымъ показателемъ той глубокой пропасти, которая раздѣляла носителей и защитниковъ самодержавно-бюрократическаго строя отъ представителей организованнаго въ земствѣ общества. Неудивительно потому, что выработанный первыми законъ 6-го августа встрѣтилъ со стороны вторыхъ самый рѣшительный и единодушный отпоръ.

Отрицательное отношеніе общества къ учрежденію Государственной Думы, выработанному въ Совѣтѣ Министровъ и въ особомъ Совѣщаніи, нашло себѣ выраженіе въ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоявшемся въ Москвѣ, 12—15 сентября. На своемъ заключительномъ засѣданіи этотъ съѣздъ вынесъ резолюцію, которая въ слѣдующихъ словахъ отзывалась объ учрежденіи Думы 6-го августа: «По существу дѣла законъ 6-го августа не далъ ничего, что могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать всему населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ, съ одной стороны, лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко; съ другой стороны, по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ законъ установилъ сложный порядокъ и собственно далъ право не крестьянамъ, а волостному сходу». Сентябрьскій съѣздъ не ограничивается критикой закона 6-го августа, но и вырабатываетъ программу избирателямъ при предстоящихъ выборахъ въ Думу, представляющую большой интересъ въ томъ отношеніи, что предопредѣляетъ основ-

Digitized by Google

ныя положенія манифеста 17-го октября. Насколько постановленія учрежденія Думы 6-го августа противорѣчили конституціоннымъ принципамъ манифеста 17-го октября, настолько резолюціи послѣдняго земскаго съѣзда соотвѣтствовали этимъ принципамъ: онѣ представляли собою формулы, точно и опредѣлительно воспроизводящія коренныя начала октябрьскаго конституціоннаго акта. 14-го сентября былъ выработанъ текстъ обращенія къ населенію отъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ которомъ говорилось: «Не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ, — на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы:

1) Обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходовъ, собраній, союзовъ.

2) Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3) Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей».

Первый пунктъ приведенной программы предвосхищаетъ первый параграфъ предписанія манифеста 17-го октября, который гласитъ: Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

Дальнѣйшій пунктъ программы включаетъ въ себѣ принципъ, нашедшій себѣ выраженіе въ постановленіи манифеста, предусматривавшаго развитіе начала общаго избирательнаго права.

Послѣдній пунктъ избирательной программы сентябрьскаго съѣзда выставилъ начало, которое формулировалъ манифестъ 17-го октября въ своемъ третьемъ пунктѣ, постановлявшемъ «незыблемое правило, что никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ Насъ властей».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что за два мѣсяца до введенія въ нашу государственную жизнь конституціонныхъ началъ, эти начала уже созрѣли въ общественномъ сознаніи и нашли себѣ вполнѣ исчерпывающую формулировку въ резолюціи сентябрьскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Если правительство продолжало

Digitized by Google

защищать принципъ самодержавнаго строя и носители и защитники стараго режима съ прежнимъ упорствомъ и съ неослабной настойчивостью отстаивали ихъ на совѣщаніяхъ, обсуждавшихъ законъ 6 августа, то общество, организованное въ земство, въ это самое время выступило съ заявленіями, которымъ недоставало только офиціальнаго признанія, чтобы стать легальными основами новаго строя.

Но это признаніе послѣдовало лишь послѣ того, какъ Россія пережила грозную бурю революціоннаго движенія.

Въ то время, какъ въ Москвѣ обсуждались приведенныя выше резолюціи, въ нашу общественную жизнь врывается съ невѣроятной быстротой и силой потокъ народнаго движенія. Правительство, которое не хотѣло дѣлать никакихъ уступокъ конституціоннымъ требованіямъ, пока они заявлялись мирными голосами земствъ и городовъ, теперь останавливается передъ разбушевавшимся потокомъ: оно сворачиваетъ съ пути охраненія абсолютной власти и рѣшительно вступаетъ на тотъ путь, на который такъ настойчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безплодно звало его общество. Правительство, въ актѣ, сопровождавшемъ манифестъ 17-го октября (Высочайше утвержденный докладъ гр. Витте), сознается, что оно ошибалось, видя въ общественныхъ заявленіяхъ недопустимыя для Россіи требованія, и признаетъ ихъ теперь вполнѣ справедливыми, соотвѣтствующими нуждамъ народа. Эти требованія вызываются, по его словамъ, нарушеніемъ равновѣсія между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. «Россія,—по словамъ доклада,—переросла форму существующаго строя». «Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Оглядываясь на сдѣланный нами обзоръ офиціальныхъ актовъ государственно-правового характера, изданныхъ въ первые годы текущаго столѣтія, мы видимъ, что они не стоятъ ни въ какой логической связи съ манифестомъ 17-го октября и не являются проявленіями политики правительства, направленной на политическое возрожденіе страны. Если манифестъ 17-го октября установилъ конституціонныя начала политическаго строя, то предшествовавшіе ему акты были прямо направлены противъ этихъ началъ и являются прямымъ ихъ отрицаніемъ. Одни изъ нихъ имѣли цѣлью побороть конституціонныя стремленія угрозою полицейскихъ репрессивныхъ мѣръ, другіе хотѣли отвлечь общество отъ этихъ стремленій посуломъ либеральныхъ реформъ. Но эти двѣ категоріи правительственныхъ актовъ, какъ реакціонныя мѣропріятія, такъ и либеральныя обѣщанія, были внушены по существу одной и той же

Digitized by Google

тенденціей — оберечь самодержавный строй отъ проникновенія въ нашу государственную жизнь прогрессивныхъ началъ политическаго быта. Онѣ поэтому никоимъ образомъ не расчищали пути къ манифесту 17-го октября, а напротивъ, загораживали ему дорогу. «Непреклонная воля» носителя власти даровать населенію политическій строй на началахъ гражданской и политической свободы была направлена въ этихъ актахъ на цѣли, прямо противоположныя конституціонному режиму: непреклонная воля держателя власти даровать населенію свободный строй выступила на историческую сцену лишь послѣ того какъ на этой сценѣ разыгрались грозныя событія народнаго движенія.

Манифестъ 17-го октября, разсмотрѣнный въ свѣтѣ тѣхъ событій и явленій, которыя пережила наша страна въ эпоху съ 1901—1905 гг., и изученный въ связи съ законодательными актами и правительственными заявленіями этой эпохи, съ одной стороны, и съ резолюціями и постановленіями земскихъ, городскихъ и другихъ общественныхъ организацій, съ другой, — не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ предтеча октроированной конституціи, что онъ отнюдь не образуетъ собою созрѣвшій плодъ правительственной мысли и ни въ какомъ случаѣ не является свободнымъ и добровольнымъ *актомъ верховной власти, а что онъ представляетъ собой отвоеванный народомъ государственный актъ, добытый обществомъ послѣ долгой борьбы съ правительствомъ и при томъ борьбы, купленной цѣною крупныхъ и не всегда безкровныхъ жертвъ.*

Манифестъ 17-го октября, изданный въ установленномъ для закона порядкѣ, есть несомнѣнно законъ въ формальномъ смыслѣ, но по существу онъ — не предписаніе власти, а выраженіе воли общества. И въ этой-то солидарности манифеста съ голосомъ страны и заключается его сила: она-то и придала провозглашеннымъ имъ началамъ ту незыблемость, которой не можетъ похвалиться цѣлый рядъ другихъ законовъ и между ними законъ 6-го августа. Если этотъ послѣдній, несмотря на то, что былъ вооруженъ всѣми аттрибутами формальнаго закона и у его колыбели стояли всѣ столпы самодержавно-бюрократическаго строя, тѣмъ не менѣе остался безъ осуществленія, то объясняется это именно тѣмъ, что онъ былъ лишенъ той высшей санкціи, которую сообщила манифесту 17-го октября его согласованность съ народными требованіями и его признаніе обществомъ и властью.

Digitized by Google

Манифестъ 17-го октября заканчиваетъ собою тотъ періодъ борьбы общества съ правительствомъ, который привелъ къ крушенію самодержавнаго строя. Въ наши дни русское общество вступаетъ въ новую фазу борьбы со старымъ режимомъ: общество не только закрѣпляетъ позицію, занятую имъ манифестомъ 17-го октября, но и дѣлаетъ новый шагъ въ своемъ наступательномъ движеніи. Необходимость этого шага диктуется тѣми обстоятельствами, которыя наступили для Россіи въ переживаемый ею грозный часъ: они съ ужасающей яркостью раскрыли передъ населеніемъ безсиліе и безпомощность правительства, разъединеннаго съ обществомъ и не умѣющаго черпать въ союзѣ съ народомъ необходимыя ему силы для преодолѣнія грозящей странѣ опасности. Общество требуетъ въ наши дни черезъ Думу и черезъ земскіе и городскіе съѣзды, чтобы не только голосъ народа властно проявлялся въ области законодательства, но чтобы онъ былъ услышанъ и признанъ и въ дѣлѣ управленія и чтобы это управленіе было поручено министерству, солидарному со страной. И та сила, съ которой заявляются эти требованія, показываетъ, что десять лѣтъ, прожитыхъ народомъ въ условіяхъ представительнаго строя, какъ бы эти условія неудовлетворительны ни были, все же не прошли для нея даромъ, а пустили въ странѣ глубокіе корни и много содѣйствовали росту ея политическаго сознанія.

Будемъ же надѣяться, что, переживъ тяжелыя испытанія современной войны, Россія воспрянетъ къ новому государственному бытію: что она отвернется отъ слишкомъ долго державшихъ ее въ плѣну нѣмецкихъ теорій и доктринъ съ ихъ культомъ физической силы и политическаго застоя и что она пойдетъ навстрѣчу государственно-правовымъ принципамъ и идеаламъ, которымъ наши собратья по оружію обязаны своимъ преуспѣяніемъ и своей нравственной мощью.

А. С. Алексѣевъ.

Digitized by Google

Политико-культурное значеніе манифеста 17 октября 1905 года.

Манифестъ 17 октября 1905 г. принадлежитъ къ числу тѣхъ хартій вольностей, которыя намъ такъ извѣстны изъ культурно-политической исторіи западно-европейскихъ государствъ. Во всей предшествовавшей исторіи Россіи мы напрасно стали бы искать законодательнаго акта, который имѣлъ бы такой же характеръ и такое же значеніе, какъ манифестъ 17 октября, что, въ свою очередь, объясняется, конечно, тѣмъ, что въ началѣ XX столѣтія Россія вступила въ ту фазу своей политической исторіи, при которой изданіе хартіи вольностей не только стало возможнымъ, но и необходимымъ. Манифестъ 17 октября является для Россіи величайшимъ законодательнымъ актомъ. Это величіе его заключается въ признаніи со стороны монархической власти своевременности и необходимости привлеченія къ участію въ государственной власти представителей народа; это исходный моментъ обобществленія государственной власти въ Россіи послѣ нѣсколькихъ вѣковъ господства неограниченнаго самодержавія. Мы называемъ манифестъ 17 октября хартіей вольностей не потому, чтобы онъ создалъ политическую и гражданскую свободу, чего въ дѣйствительности и не было и что должно завершиться лишь въ дальнѣйшемъ движеніи русской жизни, но потому, что какъ по своей основной идеѣ, такъ и по своему содержанію онъ очень напоминаетъ тѣ акты, которые въ Западной Европѣ получили названіе хартій и, въ частности, хартій вольностей и конституціонныхъ хартій. Содержаніе ихъ характеризуется двумя главными моментами: признаніемъ необходимости участія народа въ законодательствѣ и установленіемъ гарантій гражданской свободы. Тотъ и другой моменты совершенно опредѣленно выражены въ манифестѣ 17 октября; но манифестъ идетъ, какъ извѣстно, и далѣе, говоря о народномъ контролѣ за дѣятельностью администраціи и общемъ избирательномъ правѣ, что объясняется уже знакомствомъ законодателя съ опытомъ другихъ народовъ въ этой области.

Digitized by Google

Такъ какъ политическая эволюція есть не что иное, какъ процессъ психическихъ взаимоотношеній между правящими общественными группами и классами, политически неорганизованными, то такой актъ, какъ манифестъ 17 октября, свидѣтельствуетъ о происшедшемъ въ этомъ процессѣ радикальномъ переворотѣ въ смыслѣ признанія со стороны господствовавшей власти необходимости допущенія къ участію во власти политически неорганизованныхъ классовъ общества. Хотя манифестъ и не явился актомъ свободной самодовлѣющей власти, будучи, какъ сказано, результатомъ психическихъ общественныхъ взаимоотношеній, все же значеніе его какъ акта, непосредственно исходящаго отъ монархической власти, отъ этого не умаляется; напротивъ, намъ думается, что въ этомъ именно отношеніи манифестъ 17 октября долженъ былъ получить огромное политико-культурное значеніе для народныхъ массъ. Чтобы признать правильность этого заявленія, надо принять во вниманіе два обстоятельства: дореволюціонный взглядъ народа на царя какъ носителя самодержавной власти и характеръ участія народа въ общественномъ движеніи 1905 г. Взглядъ широкихъ народныхъ массъ на царскую власть достаточно извѣстенъ: глубокая вѣра въ святость этой власти, въ ея неустанныя заботы о благѣ народномъ, непріязнь народа ко всякаго рода бюрократіи, не оправдывающей царскаго довѣрія, заслоняющей царя отъ народа, — все это въ свое время выливалось въ рельефныя формы; царь и народъ — вотъ два понятія, гармонически сливавшіяся въ народномъ сознаніи; но соотвѣтствовавшія имъ явленія дѣйствительной жизни находились въ разобщенномъ состояніи. Устранить причину этой разобщенности всегда было искреннимъ желаніемъ народа. Съ другой стороны, участіе народа, въ особености сельскаго населенія, въ общественномъ движеніи 1905 г. носитъ особый характеръ: это полустихійное движеніе противъ землевладѣльческаго класса и бюрократіи. Вотъ эти два обстоятельства — искони сложившаяся вѣра въ непререкаемый авторитетъ царской власти и характеръ народнаго движенія, предшествовавшаго изданію манифеста, не столько политическій, сколько экономическій, — объясняютъ намъ, почему манифестъ долженъ былъ получить огромное политико-культурное значеніе. Манифестъ, изданный отъ имени монарха, идетъ навстрѣчу вѣковымъ чаяніямъ русскаго народа — устранить бюрократическое средостѣніе между царемъ и народомъ путемъ образованія народнаго представительства. То, что зрѣло въ тайникахъ народнаго сознанія, претворилось въ жизнь актомъ монарха; народъ, выросшій въ вѣрѣ въ авторитетъ царской власти, съ такой же вѣрой

Digitized by Google

долженъ былъ принять и манифестъ, какъ основаніе политической свободы. Манифестъ въ глазахъ многомилліоннаго сельскаго населенія не умалялъ и не ограничивалъ царской власти, но установлялъ лишь единеніе между народомъ и монархомъ. Политическая сторона общественнаго движенія, продуманная и прочувствованная русской интеллигенціей и тѣми общественными группами, которыя начали уже жить идейной жизнью и идейными интересами, почти не коснулась народнаго сознанія; протестуя противъ экономическаго и административнаго гнета, народъ не стремился къ какимъ-либо ограничительнымъ цѣлямъ. Стремясь устранить лишь экономическое и административное средостѣніе и не возвышаясь сознательно до идеи конституціонализма, народъ приходитъ къ ней незамѣтно, органически, путемъ достиженія того единенія съ монархомъ, которое всегда было его завѣтнымъ стремленіемъ. Если въ другихъ общественныхъ кругахъ манифестъ по временамъ могъ вызывать сомнѣнія, недовѣріе и критику, то ничего подобнаго не могло быть въ народныхъ низахъ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, могло возникнуть лишь недоумѣніе, а еще скорѣе сомнѣніе въ своей способности понимать происходившія событія; но самый манифестъ, написанный простымъ и яснымъ языкомъ, не вызывалъ никакихъ сомнѣній, давая лишь почву для развитія политическаго сознанія народа.

Манифестъ 17 октября, по своему содержанію, является весьма замѣчательнымъ. Во всемъ своемъ цѣломъ онъ является выраженіемъ морально-политическаго сознанія господствовавшей власти. Политическій строй слагается не по какимъ-либо требованіямъ этики, но по причинамъ и условіямъ реальной жизни, гдѣ главную роль играетъ борьба чувствъ и страстей, классовый эгоизмъ, если такъ можно выразиться, стремленіе однихъ классовъ господствовать надъ другими. Политическій строй въ концѣ концовъ есть результатъ соотношенія общественныхъ силъ, который въ теченіе вѣковъ многообразно видоизмѣняется; наука успѣла съ достаточной наглядностью установить картину этихъ видоизмѣненій, которая въ крупныхъ очертаніяхъ является одинаковой для огромнаго большинства европейскихъ государствъ; повидимому, можно считать общепризнаннымъ эмпирическій законъ политической эволюціи, заключающійся въ интеграціи и дифференціаціи общественной власти. Многочисленныя и разнообразныя общественныя власти первыхъ вѣковъ существованія европейскихъ государствъ постепенно интегрируются, пока не образуется единая власть въ лицѣ абсолютныхъ государей, какъ представителей класса крупныхъ землевладѣльцевъ; затѣмъ внутри организованной власти начи-

Digitized by Google

нается постепенный процессъ дифференціаціи, обобществленія и демократизаціи власти, что въ конечномъ результатѣ приводитъ къ конституціонно-правовому и республиканскому государству. Эта идея политическаго прогресса не чужда сознанію правящаго класса періода абсолютизма; и въ опредѣленные моменты политической исторіи, при нѣкоторой долѣ обострения общественныхъ отношеній, господствующая власть не только возвышается до сознанія этой идеи, но и всенародно признаетъ ее лозунгомъ и принципомъ своей дѣятельности, хотя бы этотъ принципъ и противорѣчилъ исторически развившимся и упрочившимся классовымъ интересамъ господствующей власти. Все это вполнѣ подтверждается и манифестомъ 17 октября 1905 г.

Политическіе принципы, выраженные въ манифестѣ 17 октября, это—принципы политической и гражданской свободы, къ осуществленію которыхъ идутъ всѣ культурные народы. Привлеченіе представителей народа къ участію въ государственной власти, вручение народу, въ лицѣ его представителей, реальнаго контроля за дѣятельностью органовъ управленія, обезпеченіе дѣйствительной неприкосновенности личности — вотъ начала, признанныя манифестомъ и всенародно возвѣщенныя съ высоты престола; если эти начала до сихъ поръ недостаточно полно осуществлены, то это находитъ свое объясненіе въ условіяхъ жизни, въ живучести стараго режима, въ борьбѣ партій и классовъ; но это не умаляетъ манифеста въ отношеніи идейнаго его содержанія и какъ акта, исходящаго отъ царской власти; манифестъ, какъ хартія свободы, остается незыблемымъ; содержащіяся въ немъ великія начала сдѣлались достояніемъ народной психики, вошли въ народное сознаніе, милліоны русскихъ людей ознакомились съ этими идеями, благодаря чему должно было пойти ускореннымъ темпомъ и развитіе политическаго сознанія народа. Такое культурно-психологическое вліяніе манифеста, разумѣется, трудно учесть, опредѣлить сколько-нибудь точно его размѣры и скорость движенія; но что этотъ политико-психологическій процессъ, подъ вліяніемъ манифеста и сопутствовавшихъ ему явленій, совершается и рано или поздно дастъ хорошіе результаты, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Однако, для различныхъ круговъ и слоевъ населенія вліяніе манифеста не было одинаковымъ. Для тѣхъ круговъ интеллигенціи, которые воспитались въ чувствѣ законности и дѣятельность которыхъ проявлялась въ постоянномъ соприкосновеніи съ требованіями закона, манифестъ долженъ былъ получить большое юридическое значеніе, въ частности, вызвать усиленную законотолковательную работу, въ смыслѣ примиренія и согласо-

Digitized by Google

ванія съ манифестомъ старыхъ законовъ. Для всей администраціи, воспитанной на началахъ стараго бюрократическаго и авторитативнаго режима, манифестъ поставилъ трудную проблему —приспособленія старыхъ формъ и способовъ управленія къ новымъ государственнымъ началамъ; для господствующихъ сословій — дворянскаго — землевладѣльческаго и промышленнаго капиталистическаго манифестъ создалъ новый кругъ идей гражданской свободы и равенства, сознаніе неизбѣжной необходимости отказаться отъ вѣками усвоеннаго привилегированнаго положенія и привычки властвовать надъ неорганизованными низшими слоями населенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и отношеніяхъ мы констатируемъ культурно-психологическое вліяніе манифеста 17 октября и сопутствовавшихъ ему законодательныхъ актовъ, а равно проведенныхъ подъ его воздѣйствіемъ политическихъ и административныхъ реформъ. Между прочимъ, это ясно обнаруживается въ той грандіозной и планомѣрной общественной и всенародной организаціи, которая направлена на матеріальную и техническую помощь дѣйствующей арміи; небывалый общественный подъемъ можетъ объясняться сознаніемъ грозящей опасности и широко развитымъ чувствомъ національнаго достоинства, но способность быстро организоваться есть уже несомнѣнный результатъ психологической работы, незримо происходившей въ тайникахъ народнаго сознанія.

Останавливаясь, въ частности, на отдѣльныхъ положеніяхъ манифеста, нельзя не видѣть, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности должно было давать богатую пищу уму, стремящемуся къ политическому самосознанію. Воспитанное на началахъ бюрократическаго усмотрѣнія, на дѣлѣ убѣждавшееся весьма часто въ отсутствіи у чиновниковъ чувства уваженія къ человѣческому достоинству и признанія принципа личной неприкосновенности, русское общество, вѣря въ святость царскаго слова, не могло не проникнуться живѣйшей радостью, узнавши изъ манифеста, что на правительство была возложена обязанность выполнить волю монарха относительно дарованія населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и печати. Здѣсь въ немногихъ словахъ выраженъ весь кодексъ гражданской свободы, и эти многообѣщающія и содержательныя слова должны были оказать могущественное вліяніе на политико-психологическую эволюцію массъ. Съ нетерпѣніемъ ждали осуществленія выраженной воли монарха; и дѣйствительно реализація въ жизни нѣкоторыхъ изъ выраженныхъ въ манифестѣ положеній не заставила

Digitized by Google

себя долго ждать: расширеніе свободы вѣры, отмѣна предварительной цензуры, допущеніе на болѣе широкихъ, нежели ранѣе, основаніяхъ общественныхъ союзовъ и собраній — все это явленія новой жизни, оспаривать наличность которыхъ было бы безполезно. Пылкіе умы, теоретики идеализма, чуждые сознанія строгой закономѣрности въ развитіи общественныхъ явленій, были разочарованы полумѣрами политическихъ реформъ, желая получить все сразу, но жизнь, не отрицая святости и возвышенности идеаловъ, идетъ къ достиженію ихъ сложными и тернистыми путями. Въ самомъ дѣлѣ, все, что было осуществлено въ исполненіе манифеста, осталось почти безъ всякаго дальнѣйшаго движенія въ теченіе прошедшихъ десяти лѣтъ, а реализація начала неприкосновенности личности и до сихъ поръ заставляетъ себя ждать. Это, разумѣется, печально и должно удручать общество, предъ которымъ идеалъ политической и гражданской свободы былъ уже очерченъ ясными штрихами рукою самого монарха. Но что значитъ десять лѣтъ въ тысячелѣтней исторіи Россіи?! Общество, жившее сотни лѣтъ въ условіяхъ политической неволи, не можетъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться политически свободнымъ, не въ силахъ освоиться съ новыми формами жизни и не въ состояніи разомъ и рѣшительно освободиться отъ политическихъ и административныхъ путъ, которыя въ теченіе вѣковъ связывали его свободу; исторія любого государства это подтверждаетъ. Но чѣмъ труднѣе процессъ развитія новыхъ формъ жизни, тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе онѣ слагаются, ибо препятствія являются величайшими стимулами психологической работы, а чѣмъ интенсивнѣе эта работа, чѣмъ глубже народная психика проникаетъ въ область вопросовъ политической и гражданской свободы, чѣмъ сильнѣе разгорается желаніе воспользоваться благами этой свободы, тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе будутъ начала и формы этой свободы послѣ ея пріобрѣтенія.

Къ числу положеній манифеста, которыя могли породить преувеличенныя надежды, принадлежитъ положеніе о допущеніи къ политическимъ выборамъ всѣхъ классовъ населенія и объ установленіи, слѣдовательно, общаго избирательнаго права, а равно и указаніе на то, что дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права должно быть предоставлено самимъ законодательнымъ учрежденіямъ. Мы знаемъ, что многія государства, давно уже живущія конституціонной жизнью, не имѣютъ общаго избирательнаго права и что то общее избирательное право, которое существуетъ въ наиболѣе передовыхъ государствахъ, все еще очень далеко отъ идеала. Общее избирательное право въ Россіи, воз-

Digitized by Google

вѣщенное въ принципѣ манифестомъ 17 октября и осуществленное указомъ 11 декабря 1905 г., есть лишь слабая попытка проведенія указаннаго принципа и притомъ исключительно въ городахъ; многомилліонная масса крестьянскаго населенія не пользуется выгодами общаго избирательнаго права. Но и въ городахъ примѣненіе этого принципа парализуется раздѣленіемъ избирателей по куріямъ, переносящее весь центръ тяжести избирательной системы на землевладѣльческій классъ, который и является господиномъ положенія въ структурѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Впрочемъ, въ этомъ виноватъ уже не манифестъ 17 октября, но избирательный законъ 3 іюня 1907 г., ставшій въ непримиримое противорѣчіе съ манифестомъ. Законъ 3 іюня 1907 г. не только умалилъ принципъ всеобщности избирательнаго права, но и нанесъ сильный ударъ другому установленному манифестомъ положенію— о правѣ законодательныхъ учрежденій измѣнять избирательную систему, ибо законъ 3 іюня былъ изданъ, какъ извѣстно, безъ участія народныхъ представителей. Все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что манифестъ 17 октября, столь проникнутый истинными началами политической и гражданской свободы, осуществлялся въ реальныхъ условіяхъ жизни. Кристально чистыя политическія идеи манифеста измѣняются, искажаются и затемняются въ борьбѣ старыхъ началъ съ новыми, въ борьбѣ за власть, за политическое и экономическое преобладаніе исторически ранѣе организовавшихся классовъ надъ классами общественно-политически неорганизованными или полуорганизованными. Но начала общаго избирательнаго права, выраженныя въ манифестѣ и затемненныя въ жизни, несомнѣнно, проникли уже въ толщу народнаго сознанія, психологическая работа продолжается, и, вѣроятно, недалеко уже то время, когда политическое вліяніе изъ рукъ аграрнаго класса перейдетъ въ руки представителей болѣе широкихъ народныхъ круговъ и когда, слѣдовательно, будутъ осуществлены выраженныя въ манифестѣ начала общаго избирательнаго права.

Великій принципъ единства законодательства былъ категорически высказанъ въ манифестѣ 17 октября. Какое ободряющее и освѣжающее вліяніе на умы должны были оказать слова манифеста: «установить какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Слова манифеста не внушаютъ никакихъ сомнѣній; они ясны и категоричны; закономъ должно считаться только то, на что выразили свою волю и согласіе народные представители. Но и здѣсь политическая борьба противоположныхъ началъ — монархически-бюрократическаго и народнаго — наложила свою тяжелую

Digitized by Google

руку. Выраженный въ манифестѣ принципъ единства законодательства за истекшія десять лѣтъ не получилъ надлежащаго осуществленія и какъ въ основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906 г., такъ и въ позднѣйшихъ актахъ былъ значительно ослабленъ развившейся двойственностью законодательства, при которой одни законы стали издаваться на основаніи стараго самодержавнаго режима, другіе при участіи народныхъ представителей; въ силу этого долженъ былъ умалиться самый авторитетъ закона. Пусть все это такъ, — манифестъ 17 октября все же является тѣмъ политическимъ свѣточемъ, который озаряетъ въ этой борьбѣ путь, ведущій къ единому монархически-народному законодательству. Идея участія народа въ законодательствѣ и ранѣе не была чуждой народному сознанію; практика земскихъ соборовъ московскаго періода даетъ намъ примѣръ реализаціи этой идеи; но теперь идея народнаго законодательства должна была облечься въ новыя болѣе совершенныя формы, чуждыя сословности и проникнутыя единствомъ равнозначащихъ началъ — монархическаго и народнаго.

Не менѣе глубокое культурно-политическое вліяніе на умы должна была оказать выраженная въ манифестѣ идея народнаго контроля за законномѣрностью дѣятельности администраціи. Широкія народныя массы можетъ быть не могутъ возвышаться до теоретическихъ построеній парламентскаго контроля и министерской отвѣтственности; но горькая практика жизни научила ихъ чувствовать и понимать всю неизмѣримую тяготу приказнаго управленія, сознавать и тысячу разъ убѣждаться въ незаконномѣрности дѣйствій высшихъ и мѣстныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, въ тайникахъ своего сознанія лелѣять мечту о наступленіи когда-нибудь золотого вѣка законности и правды. Частновладѣльческій характеръ администраціи съ его многообразными эксцессами составлялъ многовѣковое зло русскаго народа, съ которымъ неустанно боролась государственная власть, но которое, подобно стоглавой гидрѣ, не только не уменьшалось въ своихъ размѣрахъ, но еще болѣе умножалось и распространялось. Все это подтверждается многочисленными челобитными по поводу злоупотребленій приказныхъ людей, съ одной стороны, и множествомъ царскихъ указовъ, тщетно грозившихъ опалой и тягчайшими наказаніями приказнымъ разорителямъ и притѣснителямъ, съ другой. Въ виду этого перенесеніе контроля за администраціей изъ рукъ высшихъ правительственныхъ учрежденій въ руки народныхъ представителей, возвѣщенное манифестомъ 17 октября, является не только послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія идеи политическаго прогресса, но и вполнѣ отвѣчающимъ вѣковымъ чаяніямъ народа.

Digitized by Google

Идея народнаго контроля за администраціей неразрывно связана съ идеей отвѣтственности администраціи за злоупотребленія и незаконом'рную дѣятельность предъ народнымъ представительствомъ. Правда, въ манифестѣ не выражена ясно идея министерской отвѣтственности, но все же нельзя сказать, чтобы этой идеи вовсе не содержалось въ манифестѣ. Слова «дѣйствительное участіе въ надзорѣ за законом'рностью» даютъ извѣстное основаніе думать, что идея отвѣтственности министровъ не была чужда законодателю; участіе въ надзорѣ за администраціей тогда только будетъ дѣйствительнымъ, когда оно соединено съ правомъ народнаго представительства привлекать министровъ къ отвѣтственности. Мысль эта элементарна, и едва ли есть надобность ее доказывать. Къ сожалѣнію, это положеніе манифеста остается до сихъ поръ не реализованнымъ; хотя народное представительство и допущено къ участію въ надзорѣ за администраціей въ формѣ пользованія правомъ запросовъ, но самое право это, какъ извѣстно, обставлено условіями, умаляющими его значеніе, а затѣмъ, не будучи соединено съ правомъ привлеченія къ отвѣтственности лицъ виновныхъ въ незаконом'рной дѣятельности, это право остается какъ своего рода nudum jus и о дѣйствительномъ участіи въ надзорѣ при этихъ условіяхъ не можетъ быть и р'ѣчи. Для всякаго сколько нибудь знакомаго съ политической исторіей народовъ совершенно понятна причина этого явленія. Институтъ конституціонной отвѣтственности министровъ вездѣ развивался съ большимъ трудомъ. Отвѣтственность министровъ, при назначеніи ихъ монархомъ, косвенно обозначаетъ собою отвѣтственность самого монарха; она ослабляетъ узы, соединяющія монарха и министровъ, и ставитъ не только законодательство, но и самое управленіе въ зависимость отъ народнаго представительства. Такой порядокъ вещей, совершенно послѣдовательный и правильный съ точки зр'ѣнія общей идеи политическаго прогресса, противор'ѣчитъ, однако, исторически укоренившимся сословнымъ традиціямъ монархическаго режима, вслѣдствіе чего см'ѣна старыхъ началъ новыми встр'ѣчаетъ существенныя затрудненія, устраненіе которыхъ требуетъ иногда очень продолжительнаго времени. Положеніе манифеста 17 октября о дѣйствительномъ надзорѣ за администраціей, разсматриваемое съ политико-психологической точки зр'ѣнія, весьма знаменательно и многообѣщающе. Несмотря на историческія сословныя традиціи, манифестъ устами монарха возвѣщаетъ о необходимости народнаго контроля за администраціей; вполнѣ в'ѣроятно, что обнародованію этой великой идеи предшествовалъ цѣлый комплексъ разнообразныхъ психологическихъ переживаній, не чуждыхъ нѣкоторой доли

Digitized by Google

трагизма; и вѣра въ силу и непреложность политическаго прогресса, и сознаніе безсилія бороться съ исторически развившимися язвами безправія, и идея общественнаго служенія, и опасенія за неприкосновенность вѣками упроченныхъ привилегій — все это могло входить въ сознаніе законодателя прежде, нежели манифестъ сдѣлался общимъ достояніемъ. Но лишь только идея контроля за администраціей, высказанная съ высоты престола, сдѣлалась народнымъ достояніемъ, она сейчасъ должна была пустить глубокіе ростки въ народномъ сознаніи, должна была пріобрѣсти политико-культурное воздѣйствіе на психику народныхъ массъ; и пусть манифестъ въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ, еще не реализованъ въ законодательствѣ и администраціи, его реализація происходитъ въ народной психикѣ, въ развитіи въ народѣ пониманія своихъ правъ и чувства законности. Морально манифестъ реализуется и въ нѣдрахъ самой администраціи. Все это подготовляетъ прочныя основы для будущей организаціи народнаго контроля и правомѣрнаго административнаго режима.

Таково, въ краткихъ словахъ, политико-культурное значеніе манифеста 17 октября. Опредѣлить сколько-нибудь точно размѣры этого вліянія, конечно, невозможно, но что оно есть, что оно непрерывно совершается, что политическое самосознаніе русскаго народа движется впередъ быстрымъ темпомъ, въ этомъ нетрудно убѣдиться каждому сколько-нибудь вдумчивому наблюдателю общественной жизни и общественныхъ настроеній. Это вліяніе манифеста тѣмъ болѣе понятно, что, въ связи съ манифестомъ и какъ результатъ его появились, многочисленные законодательные акты, имѣвшіе въ виду хотя бы частичную реализацію манифеста, а равно возникли новыя законодательныя учрежденія, которыя, несмотря на всѣ ихъ несовершенства, вырабатываютъ въ обществѣ законодательный навыкъ и своей дѣятельностью даютъ богатую пищу народному уму, вліяя на ростъ его политическаго сознанія.

На ряду съ манифестомъ 17 октября 1905 г. мы могли бы поставить только одинъ манифестъ — это манифестъ 19 февраля 1861 г. Какъ этотъ послѣдній создалъ личную свободу русскаго народа, такъ манифестъ 17 октября положилъ основы для развитія свободы гражданской и политической.

В. В. Ивановскій.

Digitized by Google

Понятіе Суверенитета.

(Къ двадцатилѣтію манифеста 17-го октября.)

Только послѣ изданія манифеста 17-го октября и эпохи 1905—1906 гг. зарожденія нашей конституціи стало яснымъ сколь велико было во второй половинѣ XIX вѣка вліяніе германской науки на русское государствовѣдѣніе.

Главнымъ политическимъ стремленіемъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ за все истекшее столѣтіе было прочное и научное обоснованіе государственнаго всемогущества; изъ революціонной бури и треволненій, сломившихъ такъ наз. «старый режимъ» личнаго абсолютизма, государство должно было выйти еще болѣе могущественнымъ, еще болѣе властнымъ и самодовлѣющимъ; превращеніе государства изъ воплощающей его личности монарха (согласно формулѣ l'Etat c'est moi) въ безличное цѣлое, являющееся субъектомъ права, въ сильной мѣрѣ способствовало указанному политическому стремленію; монархъ-самодержецъ долженъ былъ, въ силу необходимости, считаться съ окружавшей его средой, охраняя личныя и классовыя преимущества или привилегіи; только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ могъ онъ пренебрегать послѣдними; безличный Левіаѳанъ былъ въ этомъ отношеніи болѣе свободенъ, подчиняя своей власти все и вся. Откройте любой курсъ нѣмецкаго государственнаго права, начиная съ устарѣлаго Рённе и кончая современнымъ Лабандомъ, и вы увидите красной нитью проходящее черезъ него вышеуказанное стремленіе. Право есть продуктъ государства, государственная власть есть источникъ прочихъ властей, могущихъ принуждать гражданина, она же опредѣляетъ его политическій и гражданскій статусъ, сегодня расширяя его права и свободы, а завтра вновь ихъ сокращая; никто и ничто, кромѣ развѣ собственной воли, (согласно поправкѣ, внесенной болѣе дальновиднымъ Еллинекомъ), не можетъ обязывать и связывать государственной власти и государственной воли; не даромъ болѣе послѣдовательные публицисты Германіи отрицаютъ международное право, какъ не гар-

Digitized by Google

монирующее съ ихъ общей системой. Тѣ же тенденціи проявляются въ отдѣльныхъ отрасляхъ государственнаго права; на нихъ строится ученіе о соединеніи государствъ, о федераціяхъ и уніяхъ, земляхъ и провинціяхъ, и т. д., и т. д. Если затѣмъ заглянуть глубже въ нѣдры германскаго государствовѣдѣнія, то оказывается, что структура всемогущаго государства только на видъ дѣлаетъ его безличнымъ; внутренній ея смыслъ состоитъ въ обезпеченіи возможной силы прежнему монархическому принципу и фактическаго господства нѣкоторыхъ, численно незначительныхъ, правящихъ классовъ; во всѣхъ общихъ ученіяхъ старательно подчеркивается безличность государства, чѣмъ обезпечивается еще большее всемогущество и самодовлѣніе, во всѣхъ же ученіяхъ особенныхъ конструируются и создаются тѣ способы, средства и пути, которыми должна орудовать и проявляться государственная воля, отождествляемая съ государственной властью. Вспомнимъ, хотя бы, прусскую избирательную систему или безпомощное положеніе почти всѣхъ нѣмецкихъ законодательныхъ палатъ; характерное подтвержденіе такая точка зрѣнія находитъ себѣ въ германской теоріи образованія и силы закона (законодательнаго велѣнія); законъ всемогущъ, какъ выраженіе безличной воли государства, но силу ему даетъ приказъ монарха, выражаемый въ санкціи (такъ называемый Gesetzbefehl по общепринятой теоріи Лабанда-Еллинека; см. напр. Lukas, Die rechtliche Stellung des Parlamentes). Тѣ идеалы и нормы, которые на практикѣ нашли себѣ воплощеніе въ прусской конституціи, пропагандировались затѣмъ германской наукой, какъ нѣчто политически превосходное и совершенное, не только для прочей Германіи, но и для всего свѣта. Всевластіе же государства, его правовое всемогущество формулировалось терминомъ суверенитетъ.

Таковы тѣ основные принципы нѣмецкаго государственнаго права, которые постепенно просачивались и къ намъ, въ русское государствовѣдѣніе, несмотря на полное несоотвѣтствіе ихъ русскому политическому духу. Въ особенности вредную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ покойный Коркуновъ, немало потратившій труда на обоснованіе именно идеи государственнаго всемогущества. При существованіи самодержавія подобная задача представлялась не особенно трудной, а вмѣстѣ съ тѣмъ она вполнѣ отвѣчала правительственной политикѣ того времени; суверенитетъ всесильнаго государства сосредоточивался въ лицѣ монарха. Когда затѣмъ произошла конституціонная перемѣна 1906 г., идеологи стараго режима поспѣшили примѣнить къ новому строю германскую теорію государственной власти, столь имъ выгодную по вышеуказаннымъ соображеніямъ.

Digitized by Google

Слѣдуетъ, однако, замѣтить по отношенію къ Россіи, что указанныя теоріи никогда не пріобрѣтали въ нашей государственной практикѣ той интенсивности, которою онѣ отличались въ Германіи; это касается въ равной мѣрѣ какъ прежняго самодержавнаго строя, такъ и молодого нашего конституціонализма,

Ни одинъ русскій монархъ, не исключая Петра I и Николая I, не рѣшался провозглашать принципа «государство — это я». Въ теченіе XIX вѣка, кромѣ того, мы находимъ цѣлый рядъ попытокъ обосновать хотя бы нѣкоторыя нравственныя ограниченія власти монарха; въ области государственной практики мы имѣемъ выдающійся примѣръ Сперанскаго и конституціонные опыты Александра I касательно Финляндіи и Польши, въ области же теоріи — школу государственниковъ 60-хъ годовъ и ихъ послѣдователей (напр. Чичеринъ, Градовскій), всѣми силами стремившихся, отрицать неограниченность государственной власти.

Послѣ изданія манифеста 17-го октября торжество германскихъ ученій стало еще менѣе прочнымъ у насъ. Русское государствовѣдѣніе, въ лицѣ современной молодой школы, гордо и открыто провозглашало принципъ суверенитета, верховенства права надъ государствомъ, власть коего право должно связывать, оформлять и обязывать. Такая постановка вопроса стала у насъ общепризнанной (за очень малыми исключеніями), что слѣдуетъ считать большой заслугой русской науки.

Нѣсколько иначе обстоялъ вопросъ въ области практической политики. Здѣсь мы находимъ за минувшее десятилѣтіе ожесточенную борьбу за власть тѣхъ классовъ, коимъ актомъ 1905 г. суждено было, рано или поздно, ее потерять. Неудивительно поэтому, что они ухватились за нѣмецкія конструкціи, какъ за якорь спасенія. Наиболѣе ярко и опредѣленно такая точка зрѣнія проявилась въ политикѣ и рѣчахъ покойнаго Столыпина; не разъ ссылался онъ, вполнѣ откровенно, на германскіе авторитеты, защищая свою политику государственнаго (читай правительственнаго) всемогущества; вспомнимъ напр., его програмныя рѣчи по финляндскому вопросу или аграрной политикѣ.

Такое политическое явленіе, какъ мы видѣли, вполнѣ естественно; почти всѣ народы, при переходѣ къ конституціонализму, переживали подобную эпоху государственности, когда обезличенное государство (или вѣрнѣе стоящіе за его спиной правящіе классы) стремится утвердить свое всемогущество; различіе между отдѣльными государствами заключается единственно въ продолжительности и интенсивности намѣченнаго процесса развитія конституціонализма. Многіе факты, какъ-будто, указываютъ, что

Digitized by Google

въ Россіи процессъ этотъ не будетъ отличаться ни продолжительностью, ни интенсивностью.

Присматриваясь ближе къ содержанію понятія суверенитета, мы видимъ, что таковое можетъ имѣть три различныхъ значенія: суверенитетъ государства, права и народа.

Одно время, въ самомъ концѣ XIX ст., проявилось у насъ нѣкоторое гоненіе на терминъ суверенитетъ вообще, какъ совершенно ненужный современному государственному праву; объясняется это весьма легко именно тѣмъ одіознымъ характеромъ, которымъ облеклось данное понятіе въ нѣмецкой наукѣ; подъ нимъ подразумѣвали лишь безграничное всемогущество государственной власти. Такую постановку вопроса слѣдуетъ конечно считать совершенно излишней крайностью. Понятіе суверенитета можетъ быть съ успѣхомъ сохраняемо государствовѣдѣніемъ для опредѣленія полноправности государства, въ отличіе отъ неполноправныхъ государственныхъ формъ, столь часто нынѣ встрѣчаемыхъ на практикѣ; но отъ полноправнаго государства чрезвычайно далеко до всемогущества и безграничности государственной власти, столь же далеко, пожалуй, какъ отъ полноправнаго гражданина до абсолютнаго монарха! Въ области федеральныхъ конструкцій и отношеній понятіе полноправнаго (суверенаго) государства играетъ выдающуюся роль.

Въ другомъ отношеніи суверенитетъ примѣняется къ праву и народу; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ юридическій принципъ, сувернитетъ или верховенство права, составляющій аксіому современнаго правового государства; во второмъ случаѣ (суверенитетъ народа) имѣется въ виду начало политическое, которымъ должна выражаться мысль существованія государственной организаціи для народа, а не наоборотъ; этимъ обосновывается понятіе демократическаго государства, для многихъ являющагося идеаломъ современнаго государственнаго строительства.

Манифестъ 17-го октября явился тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который двинулъ Россію на конституціонный путь; въ этомъ заключается его огромное соціально-политическое значеніе; онъ подвелъ итогъ тому общественному сдвигу, коимъ положенъ былъ конецъ абсолютизму. Съ момента его изданія начинается переходная стадія развитія русской государственности, въ которой государство постепенно обезличивается, а изъ-за спины отживающихъ свой вѣкъ институтовъ выдвигаются новыя формы государственности и соотвѣтствующее необходимое измѣненіе понятія суверенитета.

С. А. Корфъ.

Digitized by Google

Правовое значеніе Манифеста 17 октября 1905 года.

Въ эпоху величайшей европейской войны, тяжкаго испытанія и напряженія государственной мощи и общественныхъ силъ Россіи, исполняется десятилѣтіе манифеста 17 октября. Изданный въ дни тяжелыхъ переживаній внѣшнихъ неудачъ и народныхъ волненій, возникшихъ на почвѣ политическихъ и соціальныхъ стремленій, народныхъ массъ, манифестъ несъ умиротворящую благую вѣсть объ обновленіи государственной жизни Россіи на началахъ правового государства: «Повелѣвъ надлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій,... Мы для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства. На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной нашей воли[1]): 1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. 2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей»...— Подавляющая часть населенія встрѣтила ма-

[1]) Разрядка вездѣ наша.

Digitized by Google

нифестъ восторженно. Огромное политическое значеніе этого акта Верховной власти, предопредѣлившаго въ столь категорической формѣ («выполненіе непреклонной нашей воли») поворотъ государственной жизни Россіи на путь конституціонныхъ началъ гражданско-политической свободы и дѣйствительнаго участія народа въ государственномъ строительствѣ, сознавали не только сторонники коренной реформы нашего государственнаго строя, но и тѣ немногочисленныя, хотя и вліятельныя общественныя группы, коихъ интересы и политическія воззрѣнія и симпатіи, или только боязнь крупныхъ перемѣнъ влекли болѣе или менѣе къ устоямъ стараго режима. Нѣкоторые усматривали даже въ утвержденіи началъ правового государства въ Россіи опасное отступленіе отъ основъ нашей государственной жизни.

Между тѣмъ, болѣе сорока лѣтъ прошло со времени реформъ шестидесятыхъ годовъ, подготовившихъ Россію къ воспріятію основныхъ началъ правового государства, безъ которыхъ не можетъ нормально развиваться политическая и общественная жизнь современныхъ народовъ! Утверждая гражданскую свободу и обезпечивая дѣятельное участіе общественныхъ силъ въ государственномъ строительствѣ, реформа, предвозвѣщенная манифестомъ 17 октября 1905 г., должна была создать необходимыя условія для развитія народныхъ силъ и политической мощи имперіи, образовать и то единеніе элементовъ власти и населенія въ государствѣ, прогрессирующее разобщеніе которыхъ «столь пагубно», по словамъ манифестовъ 26 февраля 1903 г., 6 августа и 17 октября 1905 г., отражалось на правильномъ теченіи государственной жизни.

Но, если можно утверждать, что подавляющее большинство русскаго общества было единодушно въ оцѣнкѣ благодѣтельнаго политическаго значенія возвѣщенной въ манифестѣ 17 октября реформы, то въ пониманіи юридическаго значенія этого акта мнѣнія весьма расходились уже съ самого появленія манифеста 17 октября. Значительная часть общества полагала, что съ изданіемъ манифеста 17 октября совершился тѣмъ самымъ юридически переходъ Россіи къ конституціонному строю. Это мнѣніе поддерживалось и обосновывалось и нѣкоторыми нашими учеными юристами[1]). Но въ то же время многіе сомнѣвались въ правильности такого истолкованія манифеста и даже прямо утверждали, что манифестъ 17 октября, судя по тексту его, лишь категорически предопредѣлилъ реформу на указанныхъ въ немъ началахъ, но не-

[1]) Особенно обстоятельно отстаиваетъ это мнѣніе Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ въ статьѣ «Юридическая природа манифеста 17 октября» въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1913 г., кн. I.

Digitized by Google

посредственно реформы этой еще не произвелъ и, слѣдовательно, не измѣнилъ еще основъ нашего государственнаго строя. Обязанность подготовить реформу на основѣ данныхъ въ манифестѣ директивъ возложена была монархомъ на правительство. Мы знаемъ также, что различія въ пониманіи юридическаго значенія акта 17 октября повлекли въ нашей политической жизни крупныя недоразумѣнія и даже столкновенія трагическаго характера. Немалую роль въ томъ или другомъ истолкованіи юридическаго значенія манифеста 17 октября сыгралъ и психологическій факторъ. Такъ, крайне, напряженныя къ моменту изданія манифеста 17 октября желанія и ожиданія соотвѣтствующей реформы склоняли многихъ видѣть въ манифестѣ желанный отвѣтъ власти, придавать содержанію манифеста то правовое значеніе, которое не вытекало изъ его текста. Съ другой стороны, сторонники стараго порядка, побуждаемые своими политическими влеченіями, высказывали утвержденіе, что даже по установленіи въ нашемъ правѣ правила, «чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», основы государственнаго строя оставались якобы неизмѣненными, что правило это связывало бы лишь подчиненное монарху правительство, но монархъ, сохраняя въ прежнемъ объемѣ всю полноту учредительной власти, можетъ всегда и безъ одобренія Думы правомѣрно отмѣнить дѣйствіе этого правила. Такимъ образомъ совершенно игнорировалась такими истолкователями квалификація Высочайшимъ манифестомъ этого правила, какъ «незыблемаго».

Но можно ли разсматривать манифестъ 17 октября, какъ актъ государственной власти, устанавливающій непосредственно съ момента своего изданія конституціонный строй въ Россіи, хотя бы въ основныхъ началахъ его, изложенныхъ въ манифестѣ. Мы высказывались уже въ другомъ мѣстѣ по этому вопросу отрицательно[1]), утверждая, что манифестъ лишь предопредѣлилъ реформу, начерталъ императивно ея путь, указалъ ея начала, но отнесъ ея осуществленіе къ будущему, а не далъ ея основы въ настоящемъ, т.-е. одновременно съ своимъ появленіемъ.

Въ манифестѣ не говорится, что монархъ непреклонною волею своею даруетъ или устанавливаетъ такія-то права или начала, но сказано лишь: «На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной нашей воли: даровать.... «установить»... Совершенно правильно указаніе, что непреклонная воля Самодержца, выраженная въ манифестѣ, есть законъ и притомъ выра-

---

[1]) Паліенко, Основные законы и форма правленія въ Россіи: 1910 г.

Digitized by Google

женный въ самой торжественной формѣ[1]), но содержаніе его сводится прежде всего къ директивѣ правительству и «непреклонному» предопредѣленію началъ будущаго права, т.-е. реформы въ будущемъ. Нельзя далѣе толковать текстъ манифеста въ томъ смыслѣ, что монархъ, проявляя въ данномъ случаѣ свою учредительную власть, обозначаетъ терминомъ«правительство» въ манифестѣ вообще государственную власть, включая и носителя верховной власти, т.-е. себя самого, и предписываетъ такимъ образомъ только исполненіе и дальнѣйшее развитіе уже установленныхъ въ манифестѣ правилъ, началъ. Изъ текста манифеста видно, что монархъ въ немъ отдѣляетъ себя отъ правительства, которому дается директива, которое онъ обязываетъ выполненіемъ своей воли. Здѣсь говорится о подчиненномъ монарху правительствѣ, дѣятельность котораго монархъ признаетъ необходимымъ объединить и обязываетъ такое правительство заняться осуществленіемъ его преобразовательныхъ директивъ, предначертанныхъ манифестомъ путемъ разработки законопроектовъ, представленія ихъ къ утвержденію Верховной власти и надлежащаго исполненія утвержденнаго. Изданіе такихъ законовъ было уже потому необходимо, что, напримѣръ, возвѣщенныя въ манифестѣ незыблемыя начала гражданской свободы никоимъ образомъ не могли быть въ той самой общей формѣ, какъ они были выражены въ манифестѣ, стать положительнымъ правомъ съ момента изданія манифеста, такъ какъ даже въ самыхъ общихъ чертахъ не было дано опредѣленіе содержанія этой свободы, а лишь перечислены ея виды, чѣмъ манифестъ отличается, напримѣръ, отъ французской декларацiи правъ человѣка и гражданина 1789 г., которая, несмотря на всю общность своихъ формулъ, все же вкладываетъ въ нихъ извѣстное конкретное юридическое содержаніе. Изъ сопровождающаго манифестъ 17 октября 1905 г., обнародованнаго въ тотъ же день, Высочайше одобреннаго къ руководству всеподданнѣйшаго доклада предсѣдателя комитета министровъ слѣдуетъ заключить, что правительство, на которое возлагалась обязанность выполненія воли монарха, было объединенное министерство, коллегія министровъ. Въ докладѣ именно говорится: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно было слѣдовать правительство въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ». Перечисливъ затѣмъ задачи, подлежащія осуществленію

[1]) См. В. М. Гессенъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1906, № 9, стр. 633; г. Нечаевъ, тамъ же, № 5, стр. 369.

Digitized by Google

со стороны правительства, соотвѣтствующія выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества («правовой строй на основахъ гражданской свободы»), докладъ отмѣчаетъ, что необходимымъ условіемъ ихъ осуществленія является «однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли». И затѣмъ докладъ продолжаетъ: «но и министерство, составленное по возможности изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій»... Такимъ образомъ правительствомъ называется здѣсь объединенное министерство.

Далѣе это видно и изъ того, что черезъ два дня по изданіи манифеста 17 октября былъ изданъ Высочайшій указъ «О мѣрахъ къ укрѣпленію единства въ дѣятельности министерствъ и главныхъ управленій», реорганизующій Совѣтъ министровъ и возлагающій на послѣдній «направленіе и объединеніе дѣйствій главныхъ начальниковъ вѣдомствъ по предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго управленія». Итакъ, опредѣленное манифестомъ преобразованіе нашего государственнаго строя подлежало претворенію въ право и жизнь при посредствѣ правительства — министровъ. Такимъ образомъ послѣдовало преобразованіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта 20 февраля 1906 г., изданіе Основныхъ Законовъ 23 апрѣля 1906 г., расширеніе избирательнаго закона передъ выборами въ 1-ю Государственную Думу, изданы были временныя правила о собраніяхъ, обществахъ и союзахъ, указъ о вѣротерпимости.

Далѣе манифестъ 17 октября не былъ только законодательнымъ императивомъ для подчиненнаго монарху правительства, но какъ манифестъ — всенародное возвѣщеніе Верховной властью о «предпамѣчаемыхъ къ умиротворенію государственной жизни мѣръ», подлежащихъ выполненію по «непреклонной» волѣ монарха, обосновывалъ не только моральную обязанность верховной власти осуществить возвѣщенную реформу, но и правовую норму, обязывающую верховную власть осуществить реформу, поскольку источникъ такой нормы и правовой связанности государственной власти заключается въ общемъ правосознаніи, признаніи неподлежащими нарушенію законодательныхъ актовъ, объявленныхъ такимъ образомъ. Въ этомъ мы согласны съ воззрѣніемъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина на юридическую природу манифеста 17 октября, поскольку онъ говоритъ о юридической обязательности этого акта для власти[1]).

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Юридическая природа манифеста 17 октября 1905 г. Статья въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1913 г., кн. I. Лишь по недоразумѣнію или недостаточному знакомству съ моимъ возврѣніемъ на право и его отношеніе къ государству Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ причисляетъ меня

Digitized by Google

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ правильно утверждаетъ, что право созидается и дѣйствуетъ въ государствѣ не только въ силу актовъ государственной власти, но и помимо ихъ путемъ обычая и общественнаго признанія и провозглашенія; болѣе того, въ каждомъ государствѣ существуютъ высшія первичныя нормы положительнаго права, стоящія выше законовъ, изъ которыхъ самъ законъ черпаетъ свою обязательную силу. Возникновеніе этихъ нормъ опредѣляется фактическими, а не юридическими условіями, и образуются онѣ путемъ общественнаго признанія[1]). Мы также утверждали въ другомъ мѣстѣ[2]), что въ современномъ государствѣ источникомъ обязательной силы законовъ является не только велѣніе и фактическая сила государственной власти, но и общественное признаніе обязательности законодательныхъ нормъ даже для самой власти; поэтому и въ этомъ смыслѣ законъ представляетъ собою не только императивъ власти, но и подвластныхъ, т.-е. населенія государства. Но, исходя изъ положенія о правообразующей силѣ общественнаго мнѣнія и признанія, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ пытается доказать, что манифестъ 17 октября съ самаго момента своего изданія «дѣйствительно юридически установилъ», а не только предопредѣлилъ или обѣщалъ новый конституціонный порядокъ[3]).

Манифестъ 17 октября, говоритъ онъ, представляетъ собою не только законъ въ формальномъ смыслѣ, но и актъ провозглашенія черезъ посредство законодателя назрѣвшихъ въ общественномъ правосознаніи и скрѣпленныхъ непосредственнымъ признаніемъ русскаго общества первичныхъ, основныхъ нормъ новаго государственнаго порядка. — «Русское общество, по крайней мѣрѣ въ подавляющемъ своемъ большинствѣ, поняло манифестъ, какъ установленіе конституціоннаго принципа и считало послѣ 17 октября 1905 г. переходъ къ новому образу правленія безповоротно совершившимся фактомъ»[4]). — Едва ли можно согласиться съ этимъ утвержденіемъ. Мы уже указывали выше на тѣ разногласія въ пониманіи юридическаго значенія манифеста 17 октября, которыя возникли съ самаго его появленія. Значительная часть общества, несмотря на все желаніе установленія порядка, возвѣщеннаго манифестомъ, весьма серьезно сомнѣвалась въ непосредственномъ установленіи его манифестомъ и даже прямо утверждала, что манифестъ

въ названной статьѣ къ сторонникамъ такъ называемой государственной теоріи права. См. Паліенко, Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьковъ, 1908 г.

[1]) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, назв. статья, стр. 45 сл.

[2]) Паліенко, Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Стр. 337 сл.

[3]) Кокошкинъ, назв. статья, стр. 55.

[4]) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, назв. статья, стр. 39.

Digitized by Google

лишь предвозвѣщаетъ реформу основъ нашего государственнаго правопорядка, но самъ по себѣ еще не измѣнилъ ихъ. Начала, имъ возвѣщенныя, были такимъ образомъ «lex ferenda», а не «lex lata», право, долженствующее быть установленнымъ въ силу манифеста, а не уже данное имъ. Этимъ манифестъ 17 октября существенно отличается отъ актовъ западно-европейскихъ монарховъ, октроировавшихъ конституціи[1]). Этимъ онъ отличается и отъ декларацій правъ французскихъ и американскихъ, санкціонировавшихъ и возвѣщавшихъ забытыя, но признаваемыя авторами декларацій непреложными и въ силу естественнаго порядка существующими права гражданъ и основы государственнаго устройства; этимъ манифестъ отличался и отъ англійскихъ провозглашеній правъ (петиція и билль о правахъ), утверждавшихъ признаваемыя исторически пріобрѣтенными и произвольно нарушаемыми властью положительныя права англійскаго народа. Но, если и согласиться съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, что подавляющее большинство русскаго общества поняло и признавало манифестъ 17 октября какъ актъ, непосредственно реформирующій нашъ государственный строй, то и въ такомъ случаѣ нельзя признать реформу совершившейся въ силу такого общественнаго признанія. Общественное мнѣніе и общественное признаніе въ государствѣ лишь тогда являются правообразующей силой, когда они имѣютъ достаточную силу и авторитетъ для утвержденія общеобязательности имъ признаваемыхъ нормъ или положеній. Тогда, даже расходясь съ положеніями формальнаго права, законовъ, общественное убѣжденіе дерогируетъ послѣднія и обезсиливаетъ ихъ, полагая взамѣнъ ихъ свои нормы. Это происходитъ или путемъ длительнаго процесса обычнаго правообразованія или въ силу провозглашенія новыхъ нормъ получившими въ данный моментъ преобладающій авторитетъ въ государствѣ общественными органами или группами. Но мнѣніе и признаніе общественныхъ группъ Россіи, такъ понимавшихъ манифестъ, не имѣло такой распространенности и авторитета. Это вполнѣ потвердили и событія ближайшаго къ манифесту и послѣдующаго времени. Лишь Высочайшіе акты 20 февраля и 23 апрѣля 1906 г. установили, какъ дѣйствующее право, правило, что законъ есть норма, изданная съ одобренія народнаго представительства. Прочія начала манифеста 17 октября полностью или въ значительной мѣрѣ ждутъ еще своего установленія въ нашемъ правѣ. Насколько мы далѣе должны исходить въ толкованіи воли законодателя изъ законодательныхъ текстовъ прежде всего, то нельзя и утверждать,

[1]) См. объ этомъ Паліенко, Основные законы и формы правленія въ Россіи, 1910 г., стр. 39 сл.

Digitized by Google

что въ манифестѣ провозглашено большее, что въ манифестѣ 17 октября черезъ посредство законодателя провозглашено указываемое Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ общественное признаніе основныхъ нормъ новаго правопорядка. Мы уже указывали выше, что монархъ въ манифестѣ объявлялъ лишь о «преднамѣчаемыхъ» къ умиротворенію государственной жизни мѣрахъ, возлагалъ еще лишь на правительство обязанность выполненія непреклонной Его воли даровать и установить эти преднамѣченныя начала. И хотя въ манифестѣ 20 февраля 1906 г., между прочимъ, указывалось, что «манифестомъ 17 октября 1905 г. Мы предоставили Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочія», но смыслъ этихъ словъ выясняется непосредственно слѣдующимъ за этимъ текстомъ того же манифеста 20 февраля 1906 г.: «исполняя таковое намѣреніе Наше, Мы повелѣли выработать необходимыя вслѣдствіе того въ учрежденіи Государственнаго Совѣта измѣненія, а также подвергнуть пересмотру учрежденіе Государственной Думы для согласованія съ началами, 17 октября прошлаго года нами провозглашенными»; и далѣе говорится: «Мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что, со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы». «Впредь»— значитъ до этого времени правило не было установлено. Таково аутентическое истолкованіе манифеста 17 октября и соотвѣтственно такому аутентическому толкованію всѣ законодательные акты, послѣдовавшіе до созыва палатъ къ 27 апрѣля 1906 г., шли помимо народнаго представительства, какъ акты неограниченнаго монарха. Манифестъ 17 октября былъ предвозвѣстникомъ новаго государственнаго права и новой государственной жизни Россіи. Его десятилѣтній юбилей совпалъ съ годиной ея великаго историческаго испытанія. Эти испытанія преобразуютъ жизнь великихъ народовъ, и въ преобразованной жизни Россіи начала манифеста 17 октября должны стать правовыми устоями ея государственности и общественности.

Н. Паліенко.

Digitized by Google

Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года.

I.

Вопросъ о юридической силѣ манифеста 17 октября остается и понынѣ нерѣшеннымъ. Въ то время, какъ авторы, писавшіе подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ момента его изданія, отстаиваютъ его огромную право-преобразующую силу (В. М. Гессенъ, В. М. Нечаевъ, П. Б. Струве[1]), другіе авторы, изслѣдовавшіе манифестъ при свѣтѣ иныхъ общественныхъ условій и настроеній, признаютъ за нимъ только морально-политическую силу, отчасти — программу реформъ [2]). Въ существѣ, споръ между обѣими группами сводится прежде всего къ тому, заключалось ли уже въ самомъ манифестѣ измѣненіе дѣйствующаго закона или такое измѣненіе повелѣно было еще только произвести въ будущихъ законахъ [3]).

Поводъ для этого спора данъ отчасти самимъ манифестомъ: въ сжатой его формулировкѣ не разграничено два момента: во-первыхъ, изъявленіе самодержавной воли объ учрежденіи новой законодательной власти, о гражданской свободѣ населенія и пр.; во-вторыхъ, возложеніе на правительство обязанности выработать соотвѣтствующіе спеціальные законы и распоряженія. Намъ

---

[1]) «Полярная звѣзда», 1906 № 9; 1906 №№ 4 и 5; 1905 № 3.

[2]) Н. И. Паліенко, Основные законы и форма правленія въ Россіи, 1910, стр. 33—46; Н. И. Лазаревскій, Русское государственное право, 3-е изд., 1913, стр. 186—193; С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, 1912, стр. 158, 159, 198, 160.

[3]) Н. И. Паліенко, обосновывающій послѣднюю точку зрѣнія, полагаетъ, что «лишь эти, въ манифестѣ предуказанные монархомъ законы, будучи выработаны и изданы, измѣнили бы существующій государственный порядокъ и должны были быть внесены въ сводъ Основныхъ Законовъ Имперіи, а не самыя положенія манифеста»; «до вступленія же въ силу этихъ торжественнымъ актомъ монарха возвѣщенныхъ законовъ, до осуществленія предуказанныхъ реформъ, монархъ оставался неограниченнымъ самодержцемъ; поэтому манифестъ съ формально-юридической стороны не ввелъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствующее въ этотъ моментъ государственное право Россіи». Цит. соч., 40—41.

Digitized by Google

думается, однако, что основная задача манифеста заключалась не въ этомъ приказѣ правительству, для силы и общензвѣстности котораго не требовалось его обнародованіе въ видѣ манифеста, а въ томъ, чтобы теперь же, немедленно установить въ законѣ, въ наиболѣе торжественной его формѣ[1]), рядъ конституціонныхъ принциповъ, — болѣе того, постановленій, полныхъ значенія и содержанія[2]), — какъ основы новаго законодательства, утвердивъ въ законѣ правовыя начала, обязательныя для будущаго законодателя.

Что манифестъ обязывалъ не только правительство, но и монарха, что онъ самъ, силою своихъ постановленій устанавливалъ новый законодательный порядокъ, а не только возлагалъ эту задачу на правительство, видно прежде всего изъ аутентическаго толкованія манифеста въ актахъ 20 февраля и 23 апрѣля 1906 г.: «манифестомъ 17 октября минувшаго года мы предоставили Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочія» и теперь повелѣли согласовать учрежденіе Государственной Думы съ началами, 17 октября прошлаго года нами провозглашенными» (манифестъ 20 февраля 1906 г.); «манифестомъ 17 октября 1905 г. мы возвѣстили объ осуществленіи нами законодательной власти въ единеніи съ представителями народа»; «установивъ новые пути, по которымъ будетъ проявляться самодержавная власть всероссійскихъ монарховъ въ дѣлахъ законодательства, мы утвердили манифестомъ 20 февраля сего года порядокъ участія выбранныхъ отъ народа въ сихъ дѣлахъ» (именной указъ Правит. Сенату 23 апрѣля 1906 г.).

Такимъ образомъ, въ обоихъ манифестахъ подчеркивается правопреобразующая сила манифеста 17 октября и необходимость согласовать изданныя до него нормы съ тѣми измѣненіями, которыя внесены въ дѣйствующее право манифестомъ[3]), при чемъ противополагается «новый путь» законодательства, установлен-

---

[1]) «Подъ тотъ же разрядъ (указовъ, содержащихъ отдѣльныя законоположенія. Я. М.) подходитъ манифестъ. Подъ именемъ манифеста разумѣется объявленіе Высочайшей воли по какому-нибудь чрезвычайному происшествію или изданію важнаго законоположенія; напр., манифестомъ возвѣщаются объявленіе войны, заключеніе мира; въ такой же формѣ доведены до всеобщаго свѣдѣнія отмѣна крѣпостного права, установленіе всеобщей воинской повинности. А. Д. Градовскій, Начала русскаго государственнаго права, 1875, т. I, стр. 49; А. С. Алексѣевъ, Русское государственное право, 1897, стр. 267. — Ср. ст. 53 Осн. Зак. 1892.

[2]) Достаточно представить себѣ, что ст. 86 Осн. Зак. не существуетъ: тогда ее вполнѣ замѣнилъ бы, въ качествѣ обыкновеннаго закона — независимо отъ нѣкотораго различія по содержанію — п. 3 манифеста.

[3]) Стен. отчеты Гос. Совѣта, засѣд. 6 марта 1907 г., стр. 30: Мин. вн. дѣлъ П. А. Столыпинъ — о необходимости согласовать дѣйствующее право съ манифестами 17 октября и 17 апрѣля 1905 г. (о вѣротерпимости).

Digitized by Google

ный въ манифестѣ, «порядку» его осуществленія, указанному въ законѣ 20 февраля. Уже изъ этого видно, что манифестъ не являлся какою-то безотвѣтственною декламаціею, а создалъ, въ силу изложеннаго, цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ юридическихъ послѣдствій. И это на дѣлѣ обнаружилось въ томъ, что 21 октября 1905 г. послѣдовала амнистія по государственнымъ преступленіямъ, учиненнымъ именно до 17 октября, т.-е. дата эта была тогда уже возведена на степень момента, когда послѣдовало столь коренное преобразованіе права, что не могутъ считаться преступленіями дѣйствія, которыя таковыми считались до этого правопреобразующаго момента, но которыя таковыми не являются передъ лицомъ новаго права[1]). Наконецъ, и въ самомъ манифестѣ 17 октября говорится о «вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ»; этотъ порядокъ, слѣдовательно, уже созданъ, «установленъ», а не подлежитъ еще только установленію при посредствѣ новыхъ законовъ.

Итакъ, манифестъ не только приказывалъ правительству выработать законы для преобразованія самодержавнаго строя, но и силою собственныхъ своихъ постановленій вводилъ коренное преобразованіе стараго права и создавалъ новую законодательную власть; конечно, власть эта не могла начать дѣйствовать раньше, чѣмъ она получила живыхъ представителей, т.-е. осуществленіе этой части манифеста возводилось къ моменту избранія и созыва Думы, но «новый путь» законодательства былъ, какъ сказано выше, уже «установленъ», а не только проектированъ или обѣщанъ манифестомъ.

Противъ этого возражаютъ, что манифестъ самъ по себѣ ничего по существу не измѣнилъ въ дѣйствующемъ правѣ; поэтому-то онъ и не былъ и не долженъ былъ быть кодифицированъ. (Н. И. Паліенко, 40). Однако, долженъ ли былъ быть кодифицированъ манифестъ? В. М. Нечаевъ (369) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, Н. И. Паліенко (40) отрицательно. Намъ думается, что манифестъ не подлежалъ кодификаціи, но не потому, что онъ не обладалъ дѣйственной силою закона, а потому, что,

---

[1]) Стеногр. отчеты Гос. Совѣта, сессія 2, засѣд. 4 мая 1906 г., членъ Гос. Совѣта, Н. С. Таганцевъ: «До 17 октября всякая попытка къ введенію конституціоннаго строя составляла преступленіе, караемое по ст. 100, а нынѣ наоборотъ». «Мнѣ кажется, что 17 октября и 27 апрѣля — именно такія событія, такіе этапы, которые мѣняютъ характеръ и интенсивность преступленія». — О характерѣ и предѣлахъ амнистіи 21 октября — П. И. Люблинскій, Право амнистіи, 1907, стр. 249—252. — Ср. частичную амнистію по религіознымъ преступленіямъ, послѣдовавшую 25 іюня 1905, вслѣдствіе акта 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости.

Digitized by Google

формально, почти все содержаніе манифеста, до изданія очередного продолженія 1906 г. къ Своду, растворилось въ рядѣ послѣдующихъ законовъ (часто — съ нарушеніемъ существа манифеста); поскольку же нѣкоторые правосозидательные моменты манифеста не разсосались въ послѣдующихъ актахъ, они сохранили все же силу закона, и для правовой своей силы въ особомъ актѣ не нуждались (Ср. Н. И. Лазаревскій, 189); поэтому, напр., если бы ст. 86 Осн. Зак. не дополняла п. 3 манифеста законодательными правами Гос. Совѣта, то она въ сущности была бы лишнею, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ въ виду того, что она почти цѣликомъ повторяетъ извѣстное правило манифеста 20 февраля 1906 (и ст. 7 Осн. Зак.). И подобно тому, какъ кодификаціи подлежитъ не манифестъ 20 февраля, а ст. 86, — что болѣе соотвѣтствуетъ систематической инкорпораціи законовъ въ Сводѣ, — такъ точно не подлежатъ кодификаціи тѣ части манифеста, кои повторены или измѣнены послѣдующими актами, — частью правомѣрно (черезъ палаты), часть неправомѣрно, — но покрыты, къ сожалѣнію, политической давностью. Однако, если бы эти части манифеста впослѣдствіи отмѣнены не были, то онѣ были бы кодифицированы и дѣйствовали бы сами по себѣ такъ же, какъ, напр., нѣкоторыя нормы манифеста 20 февраля, не повторенныя въ законѣ 20 февраля; напр., несовмѣстимость членства въ Думѣ и Совѣтѣ имѣла бы полную силу на основаніи одного манифеста 20 февраля, хотя бы это правило потомъ не было повторено въ ст. 103 Осн. Зак.; то же со стт. 8, 9, 87, 102 и т. д. Осн. Зак.

Надо, однако, замѣтить, что манифесты или указы, сопровождающіе законъ либо ему предшествующіе, въ качествѣ его вводной части, обычно растворяются въ законѣ и часто даже имѣютъ видъ мотивовъ къ закону; поэтому, въ силу кодификаціонной традиціи, такіе манифесты и указы обычно не инкорпорируются въ Сводѣ: кодифицированъ былъ, напр., не манифестъ 19 февраля 1861 г. объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости (П. С. З. № 36650), а соотвѣтствующіе ему законы — Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (П. С. З. № 36657) — развивавшіе и частью повторявшіе установленныя въ манифестѣ начала.

Такимъ образомъ, самые безспорные право-преобразующіе акты могутъ быть не кодифицированы; отъ этого они не утрачиваютъ своей силы, и это не свидѣтельствуетъ, что имъ присуща меньшая сила, чѣмъ та, которую имъ дала бы кодификація.

Но, говорятъ, измѣненія въ правѣ созданы не манифестомъ, а только послѣдующими законами 20 февраля и 23 апрѣля 1906 г. Съ этимъ трудно вполнѣ согласиться. Какъ мы уже отмѣтили

Digitized by Google

въ другомъ мѣстѣ[1]), актъ 17 октября установилъ юридическія начала новаго государственнаго порядка; акты же 20 февраля и 23 апрѣля явились не болѣе, какъ развитіемъ этихъ началъ, а отнюдь не первымъ или новымъ провозглашеніемъ ихъ въ законѣ, т.-е. актъ 17 октября уже заключалъ въ себѣ послѣдующія реформы и легально предопредѣлялъ ихъ, какъ сѣмя предрѣшаетъ плодъ. Различіе же между актомъ 17 октября и Осн. Законами 23 апрѣля то же, что между прокламаціею сардинскаго короля Карла Альберта 8 февраля 1848 г. и статутомъ Сардиніи 4 марта 1848 г.[2]) или между декларацією правъ 1789 г. и конституціею 1791 г., т.-е. они относятся другъ къ другу, какъ большая посылка и болѣе или менѣе правильный выводъ — правового силлогизма.

Обладаютъ ли однако дѣйствительною, рабочею силою эти большія посылки? Не слишкомъ ли общи нормы, установленныя въ манифестѣ? — Дѣйствительно, нормы эти слишкомъ широки для того, чтобы непосредственно начать дѣйствовать, не нуждаясь въ детально разработанныхъ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ. Но отъ этого юридическая сила акта 17 октября нисколько не уменьшается. Можно сказать, что вообще огромное большинство конституціонныхъ постановленій касается столь общихъ задачъ и широкихъ сферъ дѣйствія, что лишь самое незначительное ихъ меньшинство могло бы дѣйствовать безъ посредства спеціальныхъ законовъ и распоряженій. Отъ этого, конечно, ихъ огромная конституціонная сила ни мало не уменьшается, ибо задача ихъ лишь отчасти заключается въ немедленномъ фактическомъ измѣненіи стараго права, главная же ихъ цѣль лежитъ въ созданіи легальной и логической основы новаго права. Но отъ этого конституціонныя нормы не являются голыми обѣщаніями или программами будущихъ реформъ[3]): онѣ обладаютъ не только такою же юридическою силою, какъ обыкновенные законы, но обычно еще гораздо большею, квалифицированною прочностью, какъ внѣшнею, такъ и внутреннею[4]).

---

[1]) «Вопросы обществовѣдѣнія», 1911, кн. III, стр. 281.

[2]) E. Brusa, Das Staatsrecht des Königsreichs Italiens, 1892, S. 11; E. Lavisse et A. Rambaud, Histoire générale t. XI, 1899 p. 46.

[3]) Такою программою реформъ является въ дѣйствительности не манифестъ, а докладъ гр. Витте: «Въ ряду одобренныхъ нами 17 минувшаго октября предположеній объ улучшеніи благосостоянія широкихъ народныхъ массъ»..., гласитъ указъ 3 ноября 1905 г. о сокращеніи выкупныхъ платежей, имѣя, очевидно, въ виду указаніе доклада гр. Витте на необходимость экономической политики, направленной «ко благу широкихъ народныхъ массъ».

[4]) Едва ли справедливо мнѣніе, что декларація правъ сама по себѣ лишена была дѣйственной правовой силы, и безъ законовъ, ее развивающихъ

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ особой устойчивости, которая свойственна конституціонной нормѣ, всякая общая норма обладаетъ двоякою силою: во-первыхъ, она обычно бываетъ отвлеченіемъ, выводомъ изъ ряда частныхъ нормъ, коренится, слѣдовательно, въ ихъ существѣ и обладаетъ принудительною силою, независимо даже отъ своего провозглашенія въ законѣ; напр., теза ст. 5 Осн. Зак. о безотвѣтственности монарха («Особа Государя Императора священна и неприкосновенна»), даже и безъ включенія ея въ Осн. Законы имѣетъ силу, какъ выводъ, изъ нормъ, опредѣляющихъ положеніе монарха въ государствѣ, — даже изъ самаго существа монархической власти. Но если такая общая норма, помимо своей внутренней силы, еще и провозглашена въ данномъ правѣ, какъ одинъ изъ его устоевъ, то сила этой нормы, конечно, въ огромной мѣрѣ возрастаетъ: она является уже не результатомъ толкованія, часто болѣе или менѣе спорнаго, — она получаетъ силу безспорности, вытекающей изъ авторитета закона, такъ какъ auctoritas rationis усиливается ratione auctoritatis.

Затѣмъ, во-вторыхъ, общая норма, въ силу одного только легальнаго своего существованія, обладаетъ широкою, много-объемлющею силою: въ силу начала внутренней логичности и законченности всякой правовой системы, согласованность съ данной общей нормою всѣхъ близкихъ ей нормъ предполагается и тамъ, гдѣ эта согласованность прямо не выражена, а несогласованность ихъ допускается лишь въ мѣру, прямо въ законѣ установленную, т.-е. если частная норма дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ общею, то она толкуется распространительно; если же она противна общей нормѣ, то толкуется ограничительно. Конкретное значеніе этого правила для манифеста 17 октября раскрывается изъ смысла, напр., п. 2: въ немъ установлено «начало общаго избирательнаго права», «дальнѣйшее развитіе» котораго предоставлено будущему; объ этомъ общемъ началѣ, на которомъ должно быть построено новое избирательное право, въ указѣ 11 декабря ничего

и вводящихъ въ жизнь, не имѣла правовыхъ результатовъ. Этому противорѣчитъ, напр., ст. 8 декларации, запрещающая обратную силу уголовныхъ законовъ. Затѣмъ, А. Д. Градовскій (Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, 1886, т. I, стр. 431) выводитъ изъ ст. 7 декларации, запрещающей произвольные аресты, — запрещеніе арестовъ путемъ тайныхъ приказовъ короля, т.-е. lettres de cachet. — Ch. Borgeaud, Etablissement et revision des constitutions, 1893, p. 239, и Л. Дюги, Конституціонное право, 1908, стр. 690—692, полагаютъ, что декларація правъ имѣетъ силу и въ настоящее время. — Ср. также дѣятельность верховнаго федеральнаго суда въ С.-А. Соедин. Штатахъ — J. Brice, The american commonwealt 1898, I, p. 250, 253, pass. 240—260; Г. Еллинекъ, Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія, 1907, стр. 22—23. — О связанности законодательной и учредительной власти чрезъ leges in perpetuum valituras — Н. И. Паліенко, О существѣ права и правовой связанности государства, 1908, стр. 325, 303.

Digitized by Google

новаго не сказано, а повторено лишь то, что сказано въ манифестѣ 17 октября; между тѣмъ на основаніи этого, т.-е. въ сущности одного лишь п. 2 манифеста, можно постановленія указа 11 декабря примѣнять въ томъ смыслѣ, что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу «начала общаго избирательнаго права», т.-е. избирательный законъ долженъ быть толкуемъ распространительно, а не ограничительно, какъ это сдѣлалъ Прав. Сенатъ; всякое же изъятіе изъ начала общаго избирательнаго права должно быть толкуемо ограничительно.

II.

При такомъ значеніи общихъ началъ новаго права, установленныхъ манифестомъ, невозможно утверждать, что манифестъ «не ввелъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствующее въ этотъ моментъ государственное право Россіи». Помимо изложеннаго, достаточно указать, что манифестъ завершилъ рядъ попытокъ провести границу между закономъ и указомъ (ст. 50 Осн. Зак. 1892, Выс. утв. мн. Гос. Совѣта 5 ноября 1885 и 6 іюня 1905), и создалъ конституціонное, формальное понятіе закона[1]). Въ п. 3 манифеста устанавливается, «чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Гос. Думы», т.-е. безъ Думы нѣтъ закона. Этимъ имѣлось въ виду прежде всего, охранить матеріальное понятіе закона (поскольку оно можетъ быть фиксировано), т.-е. установить, что всѣ государственныя мѣры общаго значенія должны быть издаваемы не иначе, какъ при участіи Думы. Но установивъ, что законъ не можетъ быть изданъ безъ Думы, манифестъ тѣмъ самымъ установилъ, что законъ есть актъ, изданный монархомъ при участіи Думы, т.-е. установилъ формальное понятіе закона. Далѣе, изъ того, что законъ

---

[1]) Послѣднею до 17-го октября попыткою установить формальное понятіе закона явился актъ 6 іюня 1905 г.; онъ ставилъ себѣ цѣлью «ограничить законодательную дѣятельность отъ распоряженій, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемыхъ», для чего устанавливалось, что законы издаются, отмѣняются и аутентически толкуются только въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. чрезъ Гос. Совѣтъ (п. I); если же законъ изданъ не въ этомъ порядкѣ, то Прав. Сенатъ обязанъ его не обнародовать (п. 4). — Легко однако видѣть, что для неограниченнаго монарха подобныя препятствія къ законотворчеству нереальны, и онъ безъ сомнѣнія легко можетъ устранить ихъ, какъ это и было на дѣлѣ послѣ 6-го іюня: вѣдь и манифестъ 17-го октября измѣнилъ законъ, и при томъ даже основной законъ, — а сдѣлано это было, конечно, помимо Гос. Совѣта; кромѣ того, обсужденіе закона въ Гос. Совѣтѣ — при законосовѣщательномъ его характерѣ — могло быть сведено къ простой формальности. — О значеніи акта 6 іюня 1905 г. — Г. Б-тъ, Одинъ изъ источниковъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ, «Ж. М. Ю.», 1915, кн. 5, стр. 240, 252; С. К. Гогель, Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности Прав. Сената, Исторія Прав. Сената за двѣсти лѣтъ, т. IV, стр. 90—95; бар. А. Ф. Мейендорфъ, Вопросъ о толкованіи закона, «Право», 1914, № 9, стр. 648 сл.

Digitized by Google

не можетъ быть изданъ безъ Думы, слѣдуетъ, что акты монарха, изданные безъ Думы, не суть законы, и что единоличною властью монарха, т.-е. указомъ, не можетъ быть созданъ законъ, а, слѣдовательно, не можетъ быть и отмѣненъ законъ; изъ того же, что указъ не можетъ отмѣнить закона, слѣдуетъ, что указъ не можетъ ему противорѣчить и долженъ находиться съ нимъ въ соотвѣтствіи. Такимъ образомъ, начало подзаконности актовъ управленія и формальное понятіе закона составляютъ логическій выводъ изъ п. 3 манифеста, при чемъ соединеніе этихъ обоихъ началъ приводитъ къ одному изъ главнѣйшихъ основаній всякой конституціонной системы — къ началу верховенства закона. Разграниченіе же закона и указа создаетъ основу для раздѣленія двухъ важнѣйшихъ государственныхъ функцій — законодательства и управленія...[1]).

Невозможно признать, что все это — несущественныя измѣненія дѣйствовавшаго до 17-го октября права. Но мысль о правовой пустотѣ манифеста идетъ далѣе, и еще болѣе обостряется въ тезисахъ: «и послѣ манифеста 17-го октября монархъ одинъ сосредоточивалъ во всей полнотѣ законодательную власть (Н. И. Паліенко, 41); «оставался Государемъ неограниченнымъ»; поэтому «Государь, съ точки зрѣнія юридической, могъ бы отмѣнить этотъ манифестъ» (Н. И. Лазаревскій, 100[2]). Въ основѣ этого послѣдняго взгляда лежитъ тотъ фактъ, что Государь съ 17 октября 1905 г. по 27 апрѣля 1906 г. продолжалъ законодательствовать въ старыхъ формахъ. А изъ этого факта выводится: 1) неограниченность власти Государя и послѣ 17 октября и 2) отмѣнимость манифеста.

Легко однако видѣть, что и послѣ изданія Осн. Законовъ до созыва Думы, т.-е. съ 23 по 27 апрѣля, Государь также могъ только единолично законодательствовать, ибо ему не съ кѣмъ было это дѣлать «въ единеніи», — а между тѣмъ невозможно, конечно, думать, что и послѣ изданія Осн. Законовъ Государь оставался неограниченнымъ или что эти законы могли быть отмѣнены до 27 апрѣля

---

[1]) Н. И. Лазаревскій, 101—105; В. М. Гессенъ, «Законъ» въ слов. Брокгауза-Ефрона, т. 18, стр. 157—159; Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Лекціи по общему госуд. праву, изд. 2, 1912, стр. 263.

[2]) Справедливо указываетъ Н. И. Паліенко, что этому взгляду Н. И. Лазаревскаго противорѣчитъ другое его положеніе о томъ, что при наличности акта 17-го октября и созванной Думы не требовалось новаго, дополнительнаго акта для того, чтобы власть Государя оказалась ограниченною (стр. 189). — Ограничительную силу манифеста отрицаютъ: П. Е. Казанскій, Власть всероссійскаго Императора, 1913., стр. 666, 908 и др. и Н. А. Захаровъ, Система русской госуд. власти, 1912, стр. 120—121, 198 и др.; contra — В. М. Грибовскій, Госуд. устройство и управленіе Росс. имперіи, 1912, стр. 31.

Digitized by Google

единолично Государемъ. Это потому, что разъ законы эти обнародованы, то хотя бы они еще не вступили въ дѣйствіе, они получили уже полную юридическую силу, и, слѣдовательно, очевидно, что ст. 4, изъ коей устранено слово «неограниченный», и стт. 7, 86 и 94, утверждавшія законодательную силу Думы, уже съ момента своего вступленія въ силу, т.-е. со дня обнародованія, сдѣлали власть Государя ограниченною, въ развитіе п. 2 манифеста. А то обстоятельство, что Осн. Законы вступили въ дѣйствіе позже, не мѣняетъ дѣла. Можно, какъ общее правило, установить, что всякая, только-что обнародованная конституція не можетъ начать тотчасъ дѣйствовать во всѣхъ своихъ параграфахъ, что необходимо время не только на выборы и конституированіе палатъ, но и на организацію быта, который бы вмѣстилъ новыя учрежденія. Однако моментомъ легальнаго ограниченія самодержавія, до того ничѣмъ неограниченнаго, является моментъ обнародованія конституціи, а не моментъ открытія первой сессіи парламента, и если до этого послѣдняго момента монархъ еще по-старому законодательствуетъ, то лишь потому, что, во-первыхъ, законодательная дѣятельность не допускаетъ перерыва[1]) и что, во-вторыхъ, пока не вступилъ въ дѣйствіе новый законодательный порядокъ, продолжаетъ дѣйствовать старый, хотя и не съ прежней неограниченной силой. Но изъ всего этого отнюдь не слѣдуетъ, что въ этотъ періодъ — со дня установленія новой законодательной власти и до вступленія ея въ дѣйствіе — монархъ остается неограниченнымъ.

То же съ манифестомъ 17-го октября[2]). Резюмируя его содержаніе,

---

[1]) Что касается моментовъ, когда парламентъ не функціонируетъ, то въ однѣхъ странахъ монархъ получаетъ право изданія чрезвычайныхъ указовъ для восполненія дѣятельности отсутствующаго парламента; въ другихъ — предполагается, что парламентъ легко можетъ быть созванъ на чрезвычайную сессію: и здѣсь и тамъ законъ не мирится съ возможностью неустранимыхъ перерывовъ законотворчества и съ безсиліемъ правопорядка реагировать законами на требованія жизни. Я. М. Магазинеръ, Чрезвычайно-указное право въ Россіи, 1911, стр. 16, 27—32. Начало непрерывности дѣятельности всякой общественной власти классически выражено въ извѣстномъ проектѣ декларации правъ, предложенномъ Сіейсомъ; ст. 31 проекта гласитъ: «Организація общественныхъ властей должна быть такова, чтобы онѣ были всегда дѣятельны, всегда способны исполнять свое назначеніе и никогда не могли отклоняться отъ него къ ущербу для общественнаго блага» (au détriment de l'intérêt social). Arch. parlem., 1-re serie, t. VIII, p. 423.

[2]) Членъ Гос. Думы П. Н. Милюковъ: «Требуемаго манифестомъ, для всякаго закона, одобренія Думы достаточно, чтобы констатировать отмѣну неограниченной власти монарха»; членъ Гос. Думы А. И. Гучковъ: «Я принадлежу къ той партіи, для которой ясно, что манифестъ 17-го октября заключалъ въ себѣ добровольный актъ отреченія монарха отъ правъ неограниченности». Въ томъ же смыслѣ — рѣчи дд. М. Я. Капустина, В. А. Маклакова, М. С. Аджемова, Ф. И. Родичева, А. М. Колюбакина и др. Стеногр. отчеты III Гос. Думы, зас. 13 ноября 1907 г. (пренія объ адресѣ Государю), стр. 135—250.

Digitized by Google

мы видимъ, что въ немъ устанавливаются четыре коренныхъ начала конституціоннаго порядка: 1) законодательная и контрольная власть парламента; 2) гражданская свобода населенія; 3) общее избирательное право, и 4) единство правительства. Каждый изъ этихъ руководящихъ принциповъ обладаетъ огромною дѣйственною силою; такъ, законодательная власть Думы означаетъ коренное ограниченіе власти монарха, который въ актѣ 17 октября раздѣлилъ свое полновластіе и тѣмъ самымъ юридически пересталъ быть неограниченнымъ[1]). Въ тотъ моментъ, когда было провозглашено, чтобы «никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы» — въ этотъ моментъ была создана новая законодательная власть, — болѣе того: «никакой» законъ означаетъ, что не только обыкновенный, но и учредительный законъ не можетъ быть изданъ или отмѣненъ помимо Государственной Думы. А это означаетъ, что манифестъ создалъ не только новую законодательную, но и новую учредительную власть, и что въ присутствіи этой власти никакой законъ не можетъ быть безъ нея изданъ. Правда, пока этой власти фактически еще нѣтъ налицо, процессъ законодательства, не допускающій перерыва, осуществляется въ старыхъ формахъ, т.-е. единоличною властью монарха. Но отъ этого не уничтожается юридически уже созданная, но фактически еще не дѣйствующая новая власть: юридически она существуетъ, хотя фактически еще только формируется. И это ея чисто-юридическое существованіе имѣетъ громадное значеніе: съ этого момента, съ момента, когда учреждена эта новая власть, невозможно говорить о неограниченной власти монарха[2]).

Это власть ограничена въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, она не можетъ уничтожить новой учредительной власти, которая

---

[1]) Нельзя не привести весьма удачнаго сравненія, выдвинутаго С. А. Котляревскимъ въ его «Предпосылкахъ», 161: Несуверенное государство, являющееся частью союзнаго государства, не можетъ однимъ своимъ рѣшеніемъ возстановить свой суверенитетъ: «Баварія, добровольно сдѣлавшаяся частью германской имперіи, защищенная своими Sonderrechte, не можетъ односторонне освободить себя отъ принятыхъ обязательствъ».

[2]) А. С. Алексѣевъ, Возникновеніе конституцій въ монархическихъ государствахъ контин. Европы XIX ст., ч. I, VII, подчеркиваетъ фактически-ограничительную силу манифеста и его конституціонный характеръ. Ср. тамъ же взглядъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, согласно которому конституціонный порядокъ признанъ манифестомъ. Тотъ же конституціонный характеръ манифеста выдвигаетъ В. В. Ивановскій, Учебникъ государственнаго права, 1910, стр. 311: «Манифестъ 17 октября 1905 г. имѣетъ огромное юридическое значеніе; это актъ монархической власти, знаменующій ея отреченіе отъ началъ неограниченности, и, слѣдовательно, введеніе въ Россіи конституціонной монархіи. М. А. Рейснеръ, Предисловіе къ переводу кн. Ю. Гатчека, Общее государственное право, 1912, стр. 18, подчеркиваетъ призрачный конституціонализмъ учрежденій, возникшихъ послѣ 17-го октября. — Споры объ отмѣнимости манифеста 17-го октября — P. Chasles, Le parlement russe, 1910, p.p. 152—154, 158.

Digitized by Google

является теперь высшею въ государствѣ; то обстоятельство, что эта учредительная власть еще не дѣйствуетъ, не низводитъ ея на степень власти «учрежденной», устранимой актомъ какой-то высшей власти; такой легальной высшей власти надъ властью учредительной, конечно, не существуетъ: разъ возникшая, учредительная власть можетъ только сама измѣнить основы своего существованія и упразднить себя; другого легальнаго пути уничтоженія учредительной власти не существуетъ. Постольку невозможно говорить о юридической возможности отмѣны манифеста, ибо Дума, получившая учредительныя полномочія, перестала быть органомъ «учрежденнымъ», какимъ она была по положенію 6 августа 1905 г., и стала участникомъ власти учредительной, неупразднимой по волѣ одного изъ ея факторовъ.

Независимо отъ этого, во-вторыхъ, какъ бы широкими ни оставались права монарха до момента созыва Думы, они ограничены во времени именно этимъ моментомъ: съ момента созыва Думы, безъ всякаго о томъ особаго постановленія закона, никакой законъ не можетъ имѣть силы безъ Думы, т.-е. съ этого момента п. 3 манифеста вступаетъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, въ силу п. 3 манифеста, власть монарха была ограничена въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ существѣ, т.-е. послѣ манифеста монархъ не могъ упразднить законодательную Думу, и 2) во времени, т.-е. законодательныя функціи, сохраненныя монархомъ за собою и послѣ 17 октября, остались въ силѣ только до созыва Думы.

III.

Мы видѣли, насколько трудно согласиться съ мнѣніемъ, что манифестъ не внесъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствующее государственное право Россіи; мы разсмотрѣли правильность этого мнѣнія въ отношеніи п. 3 манифеста, устанавливавшаго законодательную власть Думы, и мы видѣли, что уже до созыва Думы п. 3 манифеста обладалъ значительной легальной силой, хотя полное его осуществленіе возможно было, естественно, только послѣ созыва Думы. Но другія положенія манифеста легально вступили не только въ силу, но и въ дѣйствіе гораздо раньше.

1. Для проведенія государственнаго преобразованія, манифестъ признаетъ «необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства», т.-е. установить единство политики правительства, мыслимое лишь при «однородности состава правительства и единствѣ преслѣдуемой имъ цѣли», какъ это раскрывается изъ

Digitized by Google

доклада гр. Витте[1]). Въ этихъ словахъ, въ этомъ принципѣ единства политики однороднаго министерства содержатся уже коренныя черты всей развернутой 19 октября 1905 г. организаціи солидарнаго министерства. Изъ того, что дѣятельность кабинета должна быть объединена, вытекаетъ направляющая и объединяющая роль кабинета по отношенію къ отдѣльнымъ министрамъ (ст. I учр. сов. мин.), т.-е. участіе всѣхъ министровъ въ выработкѣ мѣръ для каждаго (если мѣра имѣетъ общее значеніе, ст. 12, или является законодательною, ст. 13). Если же всѣ участвуютъ въ выработкѣ мѣръ для каждаго, то всѣ отвѣчаютъ за каждаго и каждый за всѣхъ, — что и есть начало солидарности. Изъ того же принципа общаго обсужденія проектируемой мѣры вытекаетъ взаимоконтроль министровъ, большая освѣдомленность монарха, но и большая сила, сполоченность кабинета въ отношеніи къ монарху, а равно и большая цѣлесообразность, закономѣрность и авторитетность принятыхъ мѣръ. Все это — не что иное, какъ слѣдствія, вытекающія изъ коренного начала министерскаго устройства, провозглашеннаго манифестомъ; благодаря этому началу, были оживлены нѣкоторыя «уснувшія», по выраженію англичанъ, нормы общ. учр. мин. 1811 г. и были вновь подчеркнуты и развиты въ учр. сов. мин. 1906 г., особенно во введеніи къ нему (напр., стт. 182 и 183 учр. мин.)[2]).

2. Мы уже касались юридическаго значенія манифеста для установленнаго указомъ 11 декабря 1905 г. избирательнаго права въ Думу. Какъ ни сужено было въ немъ «общее» избирательное право, даже и этотъ указъ былъ замѣненъ еще болѣе узкимъ избирательнымъ актомъ 3 іюня 1907 г., и п. 2 манифеста, хотя онъ никѣмъ не былъ отмѣненъ, понынѣ остается неосуществленнымъ. Болѣе того, онъ былъ нарушенъ не только указомъ 3 іюня 1907 г., но и указомъ 11 декабря, поскольку и этотъ послѣдній не устанавливаетъ дѣйствительно общаго избирательнаго права[3]). Нельзя

---

[1]) «Министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій», и вообще «согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства» — таковы основанія будущей дѣятельности и организаціи правительства, по тому же докладу гр. Витте. — Членъ Гос. Думы М. М. Ковалевскій: «Гр. Витте 17 октября въ сообщеніи, приложенномъ къ манифесту, заявилъ о томъ, что впредь будетъ въ Россіи существовать солидарное правительство, главою котораго онъ является» (Стеногр. отчеты Гос. Думы, засѣд. 9 іюня 1906 г., стр. 1166).

[2]) Бар. Б. Э. Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, 1911, стр. 194—198, 178, pass.

[3]) Дюги, 503; P. Chasles, Le parlement russe, 1910, p. 52; 70—71, указываетъ, что манифестъ говоритъ объ общемъ (général), а не всеобщемъ (universel) голосованіи; тамъ же — мотивы совѣта министровъ противъ всеобщаго голосованія. Ср. также В. В. Водовозовъ, Гос. Дума, слов. Брокгауза-Ефрона, т. 14, стр. 405.

Digitized by Google

сказать, что такъ какъ осуществленіе законодательной власти осталось до 27 апрѣля 1906 г. въ рукахъ Государя, то онъ могъ отмѣнить и п. 2 манифеста, т.-е. общее избирательное право замѣнить ограниченнымъ. Актъ 17 октября не есть обыкновенный законъ, это — законъ учредительный[1]), и мы видѣли, что созданную этимъ актомъ на основѣ общаго избирательнаго права Думу, какъ одинъ изъ факторовъ учредительной власти, монархъ упразднить не могъ, — точнѣе говоря, не могъ отмѣнить актъ, на коемъ было основано самое существованіе этой Думы: если этимъ актомъ создавалась Дума общаго избирательнаго права, то замѣна этой Думы другой Думою, — избранною, напр., только землевладѣльцами или только чиновниками, — означала бы, что на мѣсто прежней Думы и безъ ея участія создана совсѣмъ другая Дума, т.-е. упраздненъ одинъ изъ факторовъ учредительной власти и замѣненъ другимъ, что, конечно, не могло быть сдѣлано по единоличной волѣ другого фактора; слѣдовательно, отмѣна безъ Думы п. 2 манифеста (какъ и п. 3-го) незаконномѣрна.

3. То новое, что было внесено въ дѣйствующее право п. 1-мъ манифеста о дарованіи населенію «незыблемыхъ основъ гражданской свободы», заключается въ томъ, что абсолютизмъ не знаетъ, какъ общее правило, обязанностей государства въ отношеніи соотвѣтственно управомоченныхъ гражданъ; если чиновникъ осуществляетъ свою власть въ интересахъ частнаго лица, то не потому, что частное лицо имѣетъ право у него этого потребовать, а потому, что таковъ приказъ начальника, таково требованіе объективнаго права, которое устанавливаетъ границу власти въ интересахъ самой власти и безличнаго правопорядка и т. п.[2]); то же обстоятельство, что частное лицо чрезъ дѣятельность власти получитъ удовлетвореніе

---

[1]) Какъ актъ учредительный по содержанію своему, манифестъ вообще стоитъ выше не только обыкновеннаго, но и основного закона, такъ какъ составляетъ логическую и правовую его основу, — но если даже признать, что, не имѣя, съ точки зрѣнія формальнаго понятія закона, квалифицированной силы закона основного, манифестъ былъ отмѣнимъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, то, во всякомъ случаѣ, неотмѣнимы были пункты о самомъ существованіи и характерѣ законодательной власти, безповоротно предрѣшенныхъ въ пп. 2 и 3 манифеста.

[2]) Отзвуки этого взгляда, проводимаго даже при толкованіи системы конституціоннаго права — P. Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, B. I, S. 138: «Права свободы или основныя права суть нормы для государственной власти, которыя она сама для себя устанавливаетъ; эти права образуютъ границы для полномочій различныхъ учрежденій, обезпечиваютъ отдѣльному лицу естественную свободу дѣйствій въ опредѣленномъ объемѣ, но они не обусловливаютъ субъективныхъ правъ гражданъ. Они не суть права, ибо не имѣютъ объекта». Съ этимъ согласиться трудно, такъ какъ объектомъ права здѣсь являются дѣйствія или воздержаніе отъ дѣйствій со стороны органовъ государства и постороннихъ лицъ, т.-е. налицо есть не только объектъ права, но и субъектъ обязанности.

Digitized by Google

своего интереса, это есть лишь слѣдствіе того, что частное лицо является объектомъ заботливой дѣятельности начальства, но вовсе не субъектомъ права на эту дѣятельность[1]). Пренебреженіе къ правовой личности доводится до того, что, въ идеѣ, за нею признаются интересы, но не права; блага же, которыя она получаетъ чрезъ дѣятельность государства, разсматриваются какъ юридическіе рефлексы, которые, конечно, не даютъ никакихъ правовыхъ средствъ защиты угрожаемаго или попираемаго рефлективнаго блага. Даже если подданный имѣетъ право жалобы, то и она имѣетъ значеніе только какъ средство доведенія до свѣдѣнія высшей власти о неправильныхъ дѣйствіяхъ низшей, но не какъ средство защиты субъективнаго права, а удовлетвореніе жалобы имѣетъ цѣлью, если не попеченіе о подданномъ, то лишь возстановленіе законнаго объективнаго порядка, но отнюдь не нарушеннаго субъективнаго права.

Въ такой системѣ, дѣйствующее право низводится на степень какого-то внутренняго регламента, инструкціи для органовъ власти; какъ бы требователенъ ни былъ такой регламентъ, какъ бы ни ограничивалъ онъ власть чиновника, онъ въ то же время не даетъ никакихъ правъ частному лицу. «Только тамъ, гдѣ сфера воли управляющаго государства (сфера управленія) вступаетъ въ контактъ съ какою-нибудь другою признанною правомъ волею, гдѣ возможно ихъ взаимное вторженіе, коллизія, согласованіе, только тамъ можетъ быть мѣсто для правовой нормы»[2]). Въ абсолютистскомъ же строѣ «общія права подданныхъ мыслятся, въ сущности, только въ видѣ обязанностей государства, но не какъ отчетливо сознаваемыя юридическія притязанія отдѣльныхъ лицъ», не какъ субъективныя права индивида по отношенію къ государству, какъ цѣлому[3]).

Поскольку права личности въ области процесса или самоуправленія обычно имѣютъ совершенно иную конструкцію, даже въ самодержавномъ порядкѣ, — мы имѣемъ дѣло, во-первыхъ, съ областями, наименѣе типичными для абсолютистскихъ пріемовъ управленія; во-вторыхъ, и здѣсь представленіе о личности, какъ о но-

---

[1]) Между тѣмъ въ конституціонномъ государствѣ «отдѣльное лицо по отношенію къ публичной власти не просто (lediglich) объектъ, а субъектъ права (правовая личность)». M. Seydel, Bayerisches Staatsrecht, B. I., bearb. von R. Piloty, 1913, S. 869; В. М. Гессенъ, Теорія правового государства, сборникъ «Политическій строй совр. государствъ», т. I, стр. 137 и его же «Конституціонное государство» въ слов. Брокгауза-Ефрона, т. 14, стр. 564.

[2]) P. Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 1901, B. II, S. 168.

[3]) Г. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина, 1906, стр. 2—3.

Digitized by Google

сительницѣ публичныхъ правъ, затемнено противоположными построеніями и положеніями дѣйствующаго права, особенно въ области уголовнаго процесса и въ сферѣ правъ администраціи въ отношеніи самоуправленія.

Только признаніе въ законѣ субъективныхъ публичныхъ правъ даетъ основу для такой ихъ конструкціи, при которой каждому праву соотвѣтствуетъ обязанность власти не мѣшать его осуществленію или содѣйствовать ему[1]). Съ этой точки зрѣнія, сжатыя положенія манифеста могутъ быть разложены на слѣдующія: «личность неприкосновенна; совѣсть свободна» и т. д.: все это публичныя права, гдѣ цѣль — сама личность, а органы власти обязаны по крайней мѣрѣ не вторгаться въ эти сферы личной свободы (status negativus Еллинека)[2]). Кромѣ того, сферы эти, въ отличіе отъ активнаго статуса (т.-е. права участія въ созданіи государственныхъ властей), принципіально доступны всѣмъ, т.-е. права эти предполагаютъ начало равенства всѣхъ предъ закономъ, поскольку противное не установлено въ самомъ законѣ[3]).

Независимо отъ изложеннаго, мы хотѣли бы коснуться вопроса, которому, какъ намъ кажется, удѣлено было недостаточно вниманія. Выше мы отмѣтили, что тѣ, кто отрицаютъ огромное дѣйственно-правовое значеніе манифеста, подчеркиваютъ его моральное значеніе, его характеръ «обѣщанія»[4]). Однако, если уже выходить за предѣлы офиціальнаго права, чтобы охватить внутреннюю, сокровенную природу манифеста, то для этого нѣтъ

---

[1]) А. Эсменъ, Общія основанія конституціоннаго права, 1898, стр. 310—314.

[2]) «Члену государственнаго общенія свойственъ поэтому status, въ которомъ онъ является господиномъ; это — сфера, свободная отъ государства и отрицающая imperium; это сфера индивидуальной свободы, негативнаго статуса, status libertatis, въ которомъ строго индивидуальныя цѣли находятъ свое осуществленіе чрезъ свободную дѣятельность индивида». G. Jellinek, System der subjectiven öffentlichen Rechte, 2 Aufl. 1905, S. 87. — Ср. А. И. Елистратовъ, Основныя начала административнаго права, 1914, стр. 142—148; А. А. Рождественскій, Теорія субъективныхъ правъ, 1913, стр. 203—217.

[3]) Нѣкоторыя конституціи прямо провозглашаютъ «равенство законовъ и предъ закономъ» (Баварская конституція, вводная часть), но отъ этого практическая сила этого начала не измѣняется: ср. M. Seydel, Bayerisches Staatsrecht, B. I, bearb. von R. Piloty, 1913, S. 175—176; А. Арндтъ, Прусская конституція, перев. и дополн. бар. А. Ф. Мейендорфъ, 1905, стр. 4.

[4]) С. А. Котляревскій, 159; Н. И. Паліенко, 41; P. Chasles, 148, называетъ манифестъ «истиннымъ обѣщаніемъ конституціи» (une veritable promesse de constitution); Ant. Palmo, Die russische Verfassung, 1910, S. 81, также подчеркиваетъ, что манифестъ имѣлъ «лишь значеніе обѣщанія» (nur die Bedeutung eines Versprechens).

Digitized by Google

нужды покидать предѣлы права вообще; достаточно признать, что манифестъ былъ не моральнымъ обѣщаніемъ, а правовымъ обязательствомъ. Оговоримся прежде всего, что, съ точки зрѣнія офиціальнаго права, не существуетъ иныхъ публично-правовыхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены или признаны закономъ, и что законъ есть всегда актъ односторонній, юридическая сила котораго не зависитъ отъ мотивовъ, по которымъ онъ изданъ, будь то намѣреніе одарить гражданъ новымъ порядкомъ или желаніе прекратить царящую смуту. Но съ точки зрѣнія высшихъ началъ права, которыя только и могутъ раскрыть правовую связь явленій высшаго правового порядка, какъ смѣна абсолютистской формы правленія конституціонною, — съ точки зрѣнія этихъ правовыхъ началъ, мы были несомнѣнно свидѣтелями открытаго соглашенія двухъ политическихъ силъ, разъединенныхъ въ процессѣ историческаго развитія — правительства и общества, точнѣе, двухъ различныхъ частей общества, столкнувшихся въ борьбѣ за власть. Требованія борющагося общества были изложены въ трехъ пунктахъ совѣщанія земскихъ и городскихъ дѣятелей 15 сентября 1905 г. въ Москвѣ[1])»: 1) обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ; 2) установленіе выборовъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, 3) рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей». Не трудно видѣть, что манифестъ явился прямымъ отвѣтомъ и почти полнымъ удовлетвореніемъ этой политической программы, съ сохраненіемъ даже порядка изложенія заявленныхъ въ ней требованій. Иными словами, правительство обязалось добровольно исполнить требованія общества, а общество — отказаться отъ насильственной борьбы. Согласно основному началу права, если обѣщаніе дается потому, что полученъ или подлежитъ полученію эквивалентъ обѣщанія, то оно уже не имѣетъ характера свободнаго, въ моральномъ значеніи, обѣщанія, а имѣетъ силу правового обязательства (ту же силу имѣетъ даже намѣреніе одарить, разъ оно принято[2])... Въ данномъ случаѣ съѣздъ и правительство, каждый отъ имени тѣхъ общественныхъ группъ, которыя за ними стояли, вступили въ соглашеніе, которое можетъ быть съ такимъ же основаніемъ принято за источникъ права, какъ и «конституціонныя соглашенія», столь

---

[1]) Приведены въ книгѣ гр. Витте, По поводу непреложности законовъ государственной жизни, 1914, стр. 356.

[2]) Г. Дернбургъ, Пандекты, т. II, 1911, стр. 21, 59—62; M. Planiol, Traité élémentaire de droit civil, t. II, 5 éd., 1909, 1033, p. 351; М. М. Винаверъ, «Вѣстникъ гражд. права», 1913, V, стр. 122; Проектъ гражд. улож., кн. V, т. I, 548—52; т. V, 313—19.

Digitized by Google

блестяще описанныя у Дайси и Лоу[1]): на правительство возлагалась обязанность осуществить манифестъ, а на гражданъ возлагался долгъ «помочь прекращенію сей неслыханной смуты». Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, достойны ли и способны ли къ правовой защитѣ подобныя соглашенія: въ нихъ политика преобладаетъ надъ правомъ, но сфера права въ нихъ есть, она вполнѣ полнозвучна, и такія соглашенія являются какъ бы натуральными обязательствами въ публичномъ правѣ: не будучи предусмотрѣны дѣйствующимъ правомъ, они имѣютъ однако правовую силу, поскольку связываютъ обѣ стороны и опредѣляютъ ихъ взаимно-согласованное поведеніе, а разъ исполненныя, они получаютъ безвозвратную правовую силу[2])...

Мы лишены, къ сожалѣнію, возможности ближе коснуться политическаго значенія манифеста. Если бы мы имѣли возможность это сдѣлать, мы прежде всего остановились бы на исключительныхъ особенностяхъ момента его изданія. Тогда, десять лѣтъ назадъ, манифестъ былъ благою вѣстью политическаго возрожденія

---

[1]) Ср. также Л. І. Петражицкій, Теорія права и государства, т. II. 1907, стр. 593, 598—601; К. Н. Соколовъ, Парламентаризмъ, 1912, стр. 382—409.

[2]) Что именно такъ отнеслось общество къ манифесту, видно изъ многочисленныхъ рѣчей и постановленій первой и даже второй (Стен. отчеты, стр. 992, 708 и др.) Думы. Уже отвѣтный адресъ первой Думы на тронную рѣчь Государя указываетъ на нарушеніе манифеста различными органами власти (засѣд. 5 мая 1906 г., 240); въ отдѣльныхъ случаяхъ депутаты подчеркиваютъ противорѣчіе принятыхъ и проектируемыхъ мѣръ манифесту (напр., протестъ деп. Миклашевскаго противъ смертныхъ казней, какъ противорѣчащихъ манифесту, засѣд. 2 мая 1906, и мн. др.). Съ особенною рельефностью противоположныя воззрѣнія Думы и правительства на манифестъ выступили во время отвѣта товарища министра вн. дѣлъ А. Н. Макарова на запросъ о дѣйствіи положенія объ охранѣ.—Тов. мин. вн. дѣлъ: «Я долженъ сказать, что въ запросѣ незакономѣрность примѣненія положенія объ охранѣ приводится въ связи съ Высочайшимъ манифестомъ 17 октября 1905 г. Но это не вѣрно. Въ манифестѣ 17 октября 1905 г. провозглашены съ высоты престола общія начала свободы, при чемъ никакихъ законовъ этотъ манифестъ не отмѣняетъ». — Голосъ. «Такъ что возможно и то и другое?» — Тов. мин. вн. дѣлъ: «Положеніе объ охранѣ, какъ и другіе законы, продолжаетъ существовать до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ отмѣнено въ установленномъ порядкѣ». Даже «съ точки зрѣнія Гос. Думы, оно продолжаетъ существовать». — Голосъ: «Но его можно не примѣнять». Тов. мин. вн. дѣлъ: «Если же оно продолжаетъ существовать, оно является закономъ, и исполнительная власть должна законы исполнять» (Стен. отчеты, засѣд. 3 іюля 1906 г., стр. 1919).—Такимъ образомъ, представитель правительства отрицалъ дѣйственную юридическую силу за манифестомъ потому, что остались неотмѣненными старые законы, а Дума отрицала старые законы, потому что они противорѣчили манифесту; она полагала, что старые законы можно было толковать и примѣнять только въ соотвѣтствіи съ манифестомъ. Болѣе того, «общество не признавало закономѣрными и удовлетворяющими чувству справедливости временныхъ законовъ, указовъ и правилъ, изданныхъ въ это тяжелое переходное время, потому что они шли въ разрѣзъ съ объявленными манифестомъ 17 октября свободами» (проектъ отвѣтнаго адреса Гос. Совѣта, предложенный членомъ Гос. Совѣта Д. И. Багалѣемъ, прил. къ вас. 3).

Digitized by Google

Россіи, хотя и подъ эгидою старой власти; онъ былъ призывомъ обратить всѣ силы внутренняго развитія, поднятыя войною и неудовлетворенныя ея исходомъ, на внутреннее государственное строительство. И теперь, черезъ десять лѣтъ, мы вновь стоимъ подъ знакомъ великой и страшной войны, потрясшей наше общество въ самыхъ его нѣдрахъ, и, если вѣрно, что функція праворазрушенія и правосозиданія принадлежитъ преимущественно войнѣ (Еллинекъ), то, какъ и десять лѣтъ назадъ, мы ждемъ новаго творческаго правового акта, который во всей полнотѣ осуществилъ бы начала, заложенныя въ учредительномъ актѣ 17 октября 1905 г. и далъ бы новый мощный толчокъ свободному политическому развитію Россіи.

Я. М. Магазинеръ.

Digitized by Google

Юридическое значеніе Манифеста 17 октября 1905 года.

I.

Когда возбуждаютъ вопросъ о томъ, былъ ли манифестъ 17-го октября закономъ[1]), то упускаютъ точнѣе опредѣлить, въ какомъ смыслѣ понимается слово законъ въ этомъ вопросѣ. До образованія Государственной Думы въ Россіи, какъ и въ другихъ абсолютно-монархическихъ государствахъ, существовало лишь матеріальное понятіе закона[2]).

Законами назывались тогда такіе акты высочайшей воли, которые заключали въ себѣ норму права. Законовъ же въ формальномъ смыслѣ не существовало, т.-е. не было закона какъ формы, какъ названія акта. Наименованіе высочайшихъ актовъ законами появилось въ собраніи узаконеній лишь послѣ введенія у насъ народнаго представительства. Высочайшій указъ 6 іюня 1905 г. объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ понятія закона въ формальномъ смыслѣ все-таки не установилъ, хотя задачей его было именно «установить внѣшніе признаки закона и тѣмъ самымъ отграничить законодательную дѣятельность отъ распоряженій, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемыхъ». Въ условіяхъ неограниченной монархіи разрѣшеніе поставленной старому государственному совѣту задачи было невыполнимо. Провести формальную границу между законодательными актами абсолютнаго монарха и актами верховнаго его управленія не было никакой возможности, ибо, съ одной стороны, обязательная сила ихъ была совершенно одинакова и высочайшій указъ не только не терялъ своей силы въ случаѣ противорѣчія его закону, какъ теперь, а наоборотъ, отмѣнялъ законъ, создавая изъ него исключеніе; съ другой

---

[1]) «...ибо съ юридической точки зрѣнія манифестъ 17-го октября такой же законъ, какъ и всѣ прочіе законы Россійской Имперіи». Н. И. Лазаревскій, «Русское государственное право», т. I, 1913, стр. 191).

[2]) Обоснованіе этого приходится отложить до другого случая.

Digitized by Google

стороны, правило о томъ, чтобы законы, т.-е. нормы права, проходили до ихъ утвержденія черезъ государственный совѣтъ имѣло по старымъ основнымъ законамъ значеніе инструкціи, правила, установленнаго для подчиненныхъ монарху учрежденій, но не связывало его самого подъ условіемъ недѣйствительности законодательнаго акта, изданнаго въ ненадлежащемъ порядкѣ, какъ это принципіально имѣетъ мѣсто теперь, когда правило о непротиворѣчіи высочайшихъ указовъ и повелѣній законамъ связываетъ въ отношеніи народнаго представительства волю самого монарха. Въ настоящее время формальное различіе законовъ и указовъ основывается на идеѣ различія двухъ самостоятельныхъ воль, двухъ источниковъ, изъ которыхъ законы и указы исходятъ. Вотъ почему манифестъ 17-го октября по терминологіи стараго режима закономъ не можетъ быть названъ.

Но такъ какъ законы въ матеріальномъ смыслѣ до введенія у насъ народнаго представительства издавались между прочимъ и въ формѣ манифестовъ, то возникаетъ вопросъ, не является ли манифестъ 17-го октября закономъ именно въ матеріальномъ смыслѣ. Законы въ матеріальномъ смыслѣ регулируютъ правоотношенія гражданъ какъ между собою, такъ и въ отношеніи государства. Законъ регулируетъ эти отношенія не только общимъ образомъ, создавая правила для ряда случаевъ, но можетъ установить правило и для одного случая и опредѣлить конкретное правоотношеніе. Закономъ можетъ быть дано, напр., уполномочіе на заключеніе займа, на совершеніе покупки или продажи, на предоставленіе отъ имени государства дара и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ производитъ юридическое дѣйствіе, т.-е. онъ вызываетъ юридическія послѣдствія въ смыслѣ установленія тѣхъ или другихъ, смотря по его содержанію, правъ или обязанностей. Это свойство закона называется его матеріальной силой. Но именно этой силы закона манифестъ 17-го октября и не имѣетъ. Юридически существенная часть манифеста заключается въ возложеніи на правительство, т.-е. на подчиненныхъ монарху должностныхъ лицъ, выполненія его непреклонной воли, изложенной въ трехъ пунктахъ манифеста. Съ этой стороны манифестъ 17-го октября ничѣмъ не отличается отъ указа 12 декабря 1904 г. «о предначертаніяхъ» къ усовершенствованію государственнаго порядка. Оба они являются въ сущности служебными приказами, обращенными монархомъ къ подчиненнымъ ему учрежденіямъ, и по своей юридической природѣ для своей обязательности не нуждались вовсе въ опубликованіи ихъ: они были бы обязательны, если бы распубликованію и не подверглись. Въ этомъ отношеніи между абсолютнымъ государствомъ и кон-

Digitized by Google

ституціоннымъ нѣтъ никакой разницы: въ томъ и другомъ служебные приказы относятся къ внутреннимъ отношеніямъ должностнаго организма. Указъ 12-го декабря и манифестъ 17-го октября являлись по своему содержанію обыкновенными приказами по службѣ съ тою лишь разницею отъ другихъ такихъ же приказовъ, что имѣли болѣе важное содержаніе и были распубликованы не въ томъ смыслѣ, въ какомъ распубликовываются законы, что является условіемъ ихъ обязательности, а въ смыслѣ доведенія о нихъ до свѣдѣнія публики.

Если манифестъ 17-го октября не имѣлъ, какъ мы видѣли, матеріальной силы закона, то къ нему не могутъ быть примѣнены и правила о соотношеніи законовъ во времени. Нельзя поэтому утверждать, что манифестъ отмѣнилъ у насъ что-либо въ прошедшемъ или, въ свою очередь, отмѣненъ былъ или замѣненъ какимъ либо закономъ въ дальнѣйшемъ. Подобно тому, какъ нельзя утверждать, что манифестомъ 17-го октября отмѣненъ былъ абсолютизмъ русскаго монарха, такъ же точно неправильно утвержденіе, что манифестъ 20-го февраля или основные законы 23 апрѣля 1906 г. отмѣнили или замѣнили собою манифестъ 17-го октября [1]). Этого нельзя было бы утверждать даже въ томъ случаѣ, если бы манифестъ былъ дѣйствительно закономъ и основные законы воспроизвели бы только его содержаніе. Въ нашихъ гражданскихъ и другихъ законахъ есть множество постановленій, источники которыхъ восходятъ до отдаленныхъ вѣковъ, но дѣйствіе новаго правила не только источникъ тотъ не замѣняетъ и не отмѣняетъ, но, напротивъ того, свидѣтельствуетъ объ его силѣ. Тѣмъ менѣе можно говорить объ отмѣнѣ или замѣнѣ манифеста 17-го октября манифестомъ 20 февраля 1906 г., или новыми основными законами, что первый именно и обратилъ содержаніе манифеста 17 октября 1905 г. въ законъ, а вторые квалифицировали лишь его формальную силу. Здѣсь съ большою ясностью обнаруживается проводимое въ современной литературѣ государственнаго права различіе между содержаніемъ закона и его санкціей. Манифестъ 17-го октября не преобразовалъ Россіи въ конституціонное государство. Не отмѣнивъ абсолютизма, онъ точно формулировалъ лишь идею преобразованія абсолютнаго государства въ государство конституціонное. Это можно, кажется, считать въ настоящее время общепризнаннымъ. Однако и среди тѣхъ нашихъ изслѣдователей, которые не считаютъ манифестъ

[1]) По мнѣнію Н. И. Лазаревскаго, манифестъ 17-го октября былъ «отмѣненъ и замѣненъ» другими законодательными постановленіями. Но это невозможно ни одновременно, ни въ томъ порядкѣ послѣдовательности, на которую указываютъ использованные авторомъ кодификаціонные термины. Назв. соч., стр. 191.

Digitized by Google

17-го октября закономъ или по крайней мѣрѣ не приписываютъ ему преобразовательнаго значенія въ вышеуказанномъ смыслѣ, нѣтъ согласія по вопросу о томъ моментѣ, въ который Россія обратилась въ конституціонное государство. Въ этомъ отношеніи высказаны разныя мнѣнія. Согласно одному изъ нихъ, манифестъ 17-го октября непосредственно не создалъ перехода отъ самодержавія къ ограниченной монархіи, но «...переходъ этотъ былъ предрѣшенъ (а не только обѣщанъ) манифестомъ и находился въ зависимости отъ созыва Думы, т.-е. отъ наступленія извѣстнаго фактическаго условія и... самый переходъ совершился по наступленіи этого условія»[1]).

Однако, если переходъ отъ абсолютнаго строя къ конституціонному былъ уже предрѣшенъ манифестомъ 17-го октября и самый переходъ не зависѣлъ болѣе отъ воли монарха, а лишь отъ наступленія фактическаго условія, то за манифестомъ мало признать значеніе программы или обѣщанія, а нужно считать его закономъ, отмѣнившимъ неограниченность прежнихъ основныхъ законовъ, хотя бы не съ момента опубликованія манифеста, а съ момента позднѣйшаго — собранія Государственной Думы. Авторъ приведеннаго мнѣнія приходитъ такимъ образомъ къ тому самому выводу, противъ котораго онъ борется въ полемикѣ своей съ другими изслѣдователями. Но помимо этого противорѣчія, авторъ упускаетъ изъ виду, что пунктомъ 3-мъ манифеста Государь возложилъ на обязанность правительства выполненіе его непреклонной воли: установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу и т. д. «Установить какъ незыблемое правило» — это значитъ издать законъ. Въ манифестѣ 17-го октября такого закона не содержалось. Впервые соотвѣтствующая норма права появилась въ манифестѣ 20 февраля 1906 г., гдѣ она гласила: «...Мы постановляемъ впредь общимъ правиломъ, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы». Нельзя также утверждать, что послѣ изданія манифеста 17-го октября переходъ къ конституціонной монархіи зависѣлъ уже только отъ созыва Думы, какъ «наступленія извѣстнаго фактическаго условія». Это было бы такъ, если бы такое условіе содержалось въ самомъ манифестѣ. Но въ манифестѣ его не было и дополнять манифестъ врядъ ли допустимо.

Согласно другому мнѣнію, «было бы болѣе правильнымъ признать установленіе у насъ новаго конституціоннаго строя со дня опубликованія новыхъ основныхъ законовъ, т.-е. 23 апрѣля 1906 г. Моти-

---

[1]) Н. И. Лазаревскій, стр. 189.

Digitized by Google

вируется этотъ выводъ тѣмъ, что «законъ сохраняетъ свою силу до того момента, когда онъ будетъ отмѣненъ новымъ, съ нимъ равносильнымъ: манифестъ 17-го октября не отмѣнилъ существовавшихъ основныхъ законовъ, и послѣдніе сохраняли свою силу до замѣны ихъ новыми, т.-е. до 23 апрѣля»[1]) и т. д. Это мнѣніе ближе къ истинѣ, нежели первое; но оно такъ же неправильно. Старые основные законы наши, какъ это общепризнано и какъ это не могло быть иначе, не имѣли большей формальной силы, нежели обыкновенные законы абсолютной монархіи и не подлежали измѣненію въ какомъ-либо особомъ порядкѣ. Между старыми основными законами и обыкновенными законами абсолютной монархіи существовало различіе не по формѣ, а по существу, по важности предмета ихъ для государства. Поэтому старый основной законъ могъ быть отмѣненъ монархомъ, какъ и всякій иной законъ. Примѣромъ этого является и манифестъ 20 февраля 1906 г., который, воспринявъ въ себя содержаніе п. 3 манифеста 17-го октября, тѣмъ самымъ юридически дѣйствительнымъ образомъ отмѣнилъ выраженную въ ст. 1 старыхъ основныхъ законовъ неограниченность воли Русскаго Монарха, опредѣливъ здѣсь и моментъ вступленія въ силу этой отмѣны. Нужно считать поэтому, что неограниченность власти монарха отмѣнена была не 17 октября 1905 г. и не 27 апрѣля 1906 г., день собранія первой Государственной Думы, а съ распубликованіемъ манифеста 20 февраля 1906 г. Послѣдній не отмѣнилъ и не замѣнилъ другими законодательными постановленіями манифестъ 17-го октября, а возвелъ его содержаніе въ законъ, установивъ какъ «незыблемое правило», т.-е. какъ норму права, то, что въ манифестѣ 17-го октября являлось для населенія лишь однимъ только извѣщеніемъ.

II.

Значеніе манифеста 17-го октября обнаруживается въ связи отдѣльныхъ постановленій его съ тѣми законами, которые изданы были за нимъ въ его осуществленіе: пункта 3-го его съ манифестомъ 20 февраля 1906 г.; п. 2 съ Высочайшимъ указомъ 11 декабря 1905 г. и п. 1 съ новыми основными законами 23 апрѣля 1906 г. Въ ближайшемъ разсмотрѣніи нуждаются, однако, съ интересующей насъ точки зрѣнія, лишь пункты 3-й и 1-й.

Чтобы постигнуть значеніе постановленія, изложеннаго въ п. 3 манифеста 17-го октября, необходимо отличать понятіе конституціоннаго государства отъ понятія государства правового. Манифестъ

[1]) **Н. А. Захаровъ, Система русской государственной власти, 1912, стр. 121.**

Digitized by Google

17 октября 1905 г. и манифестъ 20 февраля 1906 г. сдѣлали Россію государствомъ конституціоннымъ. Но они не сдѣлали ея государствомъ правовымъ. Государство конституціонное противополагается государству абсолютному. Сущность его заключается, однако, не въ томъ, что оно имѣетъ конституцію, т.-е. законодательный актъ или совокупность такихъ актовъ, въ которыхъ изложены главныя основанія его устройства. Государство можетъ быть конституціоннымъ, и не имѣя конституціонныхъ законовъ, формально выдѣленныхъ изъ совокупности правовыхъ его нормъ. Конституціоннымъ государствомъ или, точнѣе, конституціонной монархіей является такая монархія, въ которой имѣется народное представительство. Но монархія представительная или конституціонная въ началѣ своего существованія не представляетъ собою государства правового. Это составляетъ для нея еще задачу будущаго. Подобно тому какъ государство конституціонное отличается отъ абсолютнаго, такъ же точно государство правовое находитъ себѣ антитезу въ государствѣ полицейскомъ. Въ отличіе отъ послѣдняго правовое государство должно въ сферѣ не только гражданскихъ, что признается къ концу его исторіи, уже и въ государствѣ абсолютномъ, но и въ сферѣ отношеній публичныхъ дѣйствовать не иначе, какъ на основѣ права. Оно должно юридически установить какъ пути и предѣлы своей дѣятельности, такъ и сферу свободы гражданъ. Это требованіе во всей своей силѣ относится главнымъ образомъ къ области управленія, такъ какъ въ сферѣ дѣятельности суда оно осуществлено было у насъ уже въ значительной степени въ эпоху абсолютнаго государства. Въ сферѣ же управленія дѣятельность государства и при дѣйствіи новыхъ основныхъ законовъ опредѣляется пока старыми правилами, изданными при старомъ режимѣ и которыя уже въ то время отличались принципіально отъ правилъ по предметамъ гражданскаго и уголовнаго права и обоихъ процессовъ. Когда абсолютный монархъ установлялъ норму гражданскаго права, то для властей и учрежденій она принципіально, по крайней мѣрѣ, являлась непреоборимой: только судья ее примѣнялъ и только эту норму судья долженъ былъ примѣнять. Никто его отъ этой нормы освободить не могъ. Иначе въ сферѣ управленія вообще и въ области полиціи въ особенности. Издававшіяся здѣсь монархомъ правила связывали должностныхъ лицъ лишь въ отношеніи монарха. Они обязаны были исполнять его велѣніе, хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ оно уклонялось отъ заранѣе установленнаго общаго правила. Такимъ образомъ правила въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго права и процесса, обязательныя и для органовъ власти, въ области управленія для

Digitized by Google

нихъ обязательными не были. Эти правила адресовались административнымъ учрежденіямъ; подданныхъ же они формально не касались. Ни на устойчивость этихъ правилъ, ни на исполненіе ихъ должностными лицами съ соблюденіемъ установленныхъ границъ подданные не имѣли права. Самое опубликованіе и такихъ правилъ опредѣлялось соображеніями цѣлесообразности, когда признавалось полезнымъ, чтобы подданные знали, чего имъ ждать отъ учрежденій, и могли бы съ этимъ сообразоваться. Вообще же подробности такихъ правилъ сохранялись въ тайнѣ. Словомъ, юридическую силу правила въ области управленія имѣли для должностныхъ лицъ; на подданныхъ же отражалось лишь фактическое исполненіе такихъ правилъ. Въ сферѣ полиціи публичнаго права для подданныхъ въ абсолютномъ государствѣ не было. Но это именно противорѣчитъ существу правового государства. Въ послѣднемъ государственная власть ничего гражданамъ не повелѣваетъ и ничего не запрещаетъ иначе, какъ на основаніи закона. Совокупность такихъ законовъ опредѣляетъ въ правовомъ государствѣ содержаніе его власти, которая именно поэтому не является здѣсь произвольной. Практически задача сводится въ настоящее время въ Россіи къ возможно широкому обоснованію государственнаго управленія законами. Но для торжества правового государства этого еще недостаточно: изданіе соотвѣтствующихъ нормъ матеріальнаго права есть лишь первый шагъ въ указанномъ направленіи. Подобно тому какъ сферы отношеній, на которыя распространяется дѣятельность судовъ кромѣ нормъ, регулирующихъ правоотношенія, знаетъ еще институтъ судебнаго рѣшенія, входящаго въ законную силу и установляющаго для отдѣльнаго случая право, какъ подлежащее осуществленію, такъ же точно въ этомъ институтѣ нуждается и управленіе. И далѣе: административное распоряженіе, или какъ называютъ его наши законы, «постановленіе» находитъ себѣ аналогію въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя постановляютъ судебныя мѣста внѣ правилъ состязательнаго процесса. Дѣятельность управленія сводится также поэтому къ двумъ формамъ волеизъявленій: къ постановленіямъ и къ рѣшеніямъ. Существо послѣдняго остается неизмѣннымъ, постановляется ли оно по дѣламъ гражданскимъ или административнымъ; тѣмъ большая разница должна существовать между прежнимъ административнымъ постановленіемъ и нынѣшнимъ. Нынѣ оно не должно болѣе походить на велѣніе абсолютнаго государства, ограничиваясь извѣщеніемъ гражданъ о предъявляемыхъ къ нимъ требованіяхъ. Оно кромѣ этого должно заключать въ себѣ опредѣленіе правоотношенія, которое возникаетъ между государ-

Digitized by Google

ствомъ и гражданиномъ по поводу предъявленнаго къ нему требованія, правоотношенія обязательнаго не только для гражданина, но и для государства. Словомъ, административное постановленіе должно получить теперь иное значеніе, болѣе соотвѣтствующее его юридической природѣ, нежели то, какое оно имѣло въ государствѣ абсолютномъ.

III.

Предписавъ установить какъ незыблемое правило, что законы не должны издаваться иначе, какъ съ согласія народнаго представительства, манифестъ опредѣлилъ самое существенное, что обусловливало переходъ отъ абсолютной монархіи къ конституціонной. Съ предоставленіемъ народному представительству рѣшающаго голоса въ дѣлахъ законодательныхъ вопросъ о томъ, есть ли у насъ конституція, сдѣлался совершенно праздным. Этимъ принципіальнымъ разрѣшеніемъ вопроса манифестъ предопредѣлилъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ другихъ преобразованій въ прежнемъ государственномъ строѣ. Постановленія манифеста 20 февраля 1906 г. явились поэтому лишь логическими послѣдствіями начала, впервые выраженнаго въ манифестѣ 17-го октября и получившаго силу закона въ томъ же манифестѣ 20 февраля 1906 г. [1]). Этихъ выводовъ нельзя было не сдѣлать. Однако всѣхъ выводовъ, вытекающихъ изъ манифестовъ законодатель не исчерпалъ и не могъ ихъ исчерпать expressis verbis. Изъ этого не слѣдуетъ дѣлать того заключенія, что своимъ молчаніемъ онъ ихъ намѣренно отвергъ. Выводы, вытекающіе изъ установленныхъ законодателемъ принциповъ, должны считаться молчаливо одобренными самимъ законодателемъ и составляющими поэтому элементъ дѣйствующаго права. Несмотря на постановленія упомянутыхъ манифестовъ и на послѣдующіе законодательные акты, цѣлью которыхъ было произвести въ государственномъ строѣ измѣненія, вызываемыя принципіальною отмѣною неограниченности воли монарха и введеніемъ народнаго представительства, въ постановленіяхъ опредѣляющихъ нынѣ государственное устройство Россіи, не можетъ, какъ, впрочемъ, во всякомъ законодательствѣ, не обнаружиться пробѣловъ. Но рѣчь идетъ не о пробѣлахъ въ правѣ, а именно о пробѣлахъ въ законѣ. Послѣдніе могутъ быть восполнены путемъ толкованія законовъ, путемъ выводовъ изъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу государственнаго устройства.

[1]) См. ст. «Сессія, ея начало, пріостановка и закрытіе». «Право», 1911 г. № 42, столб. 2287 и слѣд.; Н. И. Щукинъ, «Законодательная сессія по русскому праву». Оттискъ изъ «Юридическихъ Записокъ» Демидовскаго Юридическаго Лицея. 1914 г. № 3, стр. 45 и слѣд.

Digitized by Google

IV.

Наконецъ п. 1 манифеста 17 октября 1905 г. долженъ быть поставленъ въ связь съ Основными Законами 23 апрѣля 1906 г., въ главу вторую которыхъ введены были новыя, по сравненію съ старыми основными законами, постановленія «о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданыхъ». Въ то время какъ въ манифестѣ выражалась лишь общимъ образомъ воля даровать населенію «незыблемыя основы гражданской свободы», въ основныхъ законахъ начала неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ получаютъ болѣе опредѣленную формулировку въ видѣ субъективныхъ публичныхъ правъ. Въ основныхъ законахъ начало «неприкосновенности личности» гарантируется стт. 30—35 (Собр. Узак. и Распор. прав. 1906 г. № 98, ст. 603), свобода совѣсти ст. 39, свобода слова ст. 37, наконецъ свобода собраній и союзовъ ст. 36 и 38. Но для того, чтобы неприкосновенность личности была, какъ говорилось въ манифестѣ 17-го октября, «дѣйствительной», основные законы наши ничего не сдѣлали. Къ установленію правъ гражданъ они отнеслись чисто формально, нисколько не опредѣливъ содержанія этихъ правъ и предоставивъ въ этомъ отношеніи полную свободу будущему законодателю, который воленъ оставить въ силѣ или даже вновь ввести уже отмѣненныя правила стараго режима, напр., правила цензурнаго устава о печати. Послѣ того, что приблизительно соотвѣтствуетъ содержанію нашей ст. 79 основныхъ законовъ, въ иностранныхъ конституціяхъ добавлено указаніе на мѣропріятіе, по существу гарантирующее «дѣйствительную» свободу печати. Мы имѣемъ въ виду постановленіе, что «цензура не можетъ быть вводима». Подобнаго постановленія въ нашихъ основныхъ законахъ не содержится. Какъ и въ другихъ государствахъ, отмѣна предварительной цензуры послѣдовала и у насъ силою Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 23 мая 1905 г. Такъ какъ въ ст. 79 новыхъ основныхъ законовъ сказано, что «каждый можетъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами», то введеніе предварительной цензуры въ порядкѣ управленія представляется при обыкновенномъ теченіи дѣлъ и у насъ невозможнымъ. Но въ отличіе отъ иностранныхъ законодательствъ она не только въ законодательномъ порядкѣ, но и въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ можетъ быть введена и въ настоящее время. Судя по газетнымъ слухамъ, такая перспектива еще недавно угрожала у насъ общественному спокойствію. Такая же ничѣмъ по существу неограниченная свобода предоста-

Digitized by Google

влена вмѣстѣ съ законодателемъ верховному управленію и въ вопросѣ о собраніяхъ. Въ отличіе отъ другихъ конституцій того же дуалистическаго типа, въ которыхъ говорится, что подданные въ правѣ безъ предварительнаго разрѣшенія собираться мирно и безъ оружія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и что постановленіе это не относится лишь къ собраніямъ подъ открытымъ небомъ, которыя и въ отношеніи предварительнаго разрѣшенія подчинены закону, ст. 78 нашихъ основныхъ законовъ гласитъ такъ: «Россійскіе подданные имѣютъ право устраивать собранія въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ, мирно и безъ оружія. Закономъ опредѣляются условія, при которыхъ могутъ происходить собранія, порядокъ ихъ закрытія, а равно ограниченіе мѣстъ для собраній». Въ статьѣ этой не говорится самаго главнаго, чѣмъ новое должно отличаться отъ стараго — что для собраній не нужно будетъ предварительнаго разрѣшенія, ибо съ предварительнаго разрѣшенія собираться можно было и до введенія новыхъ основныхъ законовъ. Законодатель, а въ извѣстныхъ случаяхъ и управленіе свободны въ опредѣленіи «условій» созыва и прохожденія собраній. Они могутъ даже частныя собранія обусловить предварительнымъ разрѣшеніемъ.

Формулировка основныхъ правъ россійскихъ подданныхъ основными законами по сравненію ея съ содержаніемъ п. 1 манифеста можетъ дать поводъ къ заключенію, что въ отличіе отъ редакціи п. 1 манифеста 17-го октября законодатель въ основныхъ законахъ хотѣлъ лишь напомнить гражданамъ, что подъ свободой онъ понимаетъ свободу, ограниченную законами, и что въ этомъ указаніи заключается самая цѣль перечисленія правъ подданныхъ въ основныхъ законахъ. Но тогда постановленія эти были бы само собою понятными и, слѣдовательно, въ законахъ государства излишними. Въ самомъ дѣлѣ, если въ ст. 79 нашихъ основныхъ законовъ говорится, что «каждый можетъ, въ предѣлахъ установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами», или въ ст. 81, что «россійскіе подданные пользуются свободою вѣры, условія пользованія этою вѣрою опредѣляются законами», то это повтореніе общеизвѣстной истины, что свобода гражданъ ограничивается законами, которая сохранила бы свою полную силу и въ томъ случаѣ, если бы она не была выражена въ основныхъ законахъ. Неправильно было бы однако лишать эти постановленія всякого юридическаго значенія. Оно заключается въ томъ, что ими проводится отчасти принципъ закономѣрности управленія, осуществленіе коего возможно лишь въ конституціонномъ государствѣ. Предметы, о которыхъ говорятъ цитиро-

Digitized by Google

ванныя статьи основныхъ нашихъ законовъ, не иначе могутъ теперь быть регулированы, какъ въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. не могутъ быть регулируемы въ порядкѣ подчиненнаго управленія, а за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 87, и въ порядкѣ управленія верховнаго. Субъективное публичное право, сообщаемое этими и другими постановленіями нашихъ основныхъ законовъ гражданину, заключается по существу своему въ притязаніи на невмѣшательство органовъ управленія въ эти сферы проявленія его дѣятельности. При желаніи сдѣлать Россію правовымъ государствомъ такія права должны быть будущимъ законодательствомъ защищаемы. Для этого необходимо, какъ уже сказано, установить систему судебныхъ инстанцій по административнымъ дѣламъ, дѣйствующихъ по началамъ, установленнымъ для споровъ о гражданскихъ правахъ. Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ тѣмъ, что законодатель при выработкѣ обыкновенныхъ законовъ не упуститъ ввести и послѣдовательно провести въ нихъ тѣ принципы, гарантирующіе «дѣйствительную», какъ выражается манифестъ 17-го октября, свободу, которые опущены были въ основныхъ законахъ.

М. Горенбергъ.

Digitized by Google

Манифестъ 17 октября и право запросовъ.

I.

Въ п. 3 манифеста 17 октября было повелѣно — «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законом'ѣрностью дѣйствій постановленныхъ... властей».

Такъ на зарѣ нашего конституціоннаго развитія вопросъ о предоставленіи Думѣ рѣшающаго голоса въ дѣлахъ законодательныхъ сочетался съ вопросомъ о ея контрольныхъ функціяхъ. «Незыблемое правило» манифеста 17 октября о правахъ Думы по надзору за дѣятельностью правительства имѣло, очевидно, двухсторонній характеръ — оно обращалось къ прошлому и къ будущему. По отношенію къ прошлому оно констатировало недостаточность контрольныхъ правъ Думы по Учрежденію 6 августа. По отношенію къ будущему оно предусматривало ихъ усиленіе, удерживая, однако, ограниченіе думскаго контроля предѣлами надзора за законом'ѣрностью дѣйствій правительственной власти.

Для того, чтобы выяснить значеніе манифеста 17 октября въ исторіи нашего запроснаго права, необходимо поэтому сравнить контрольныя полномочія Думы по Учрежденію 6 августа и соотвѣтствующія полномочія Думы по Учрежденію 20 февраля.

II.

Изданіе Учрежденія Государственной Думы 6 августа было послѣднимъ этапомъ долгаго процесса усвоенія русскимъ абсолютизмомъ отдѣльныхъ элементовъ конституціонно-правового строя. Этотъ процессъ, растянувшійся болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ, ознаменовался тремя реформаторскими эпохами, въ каждую изъ которыхъ русская абсолютная монархія пыталась осуществить рядъ преобразованій въ духѣ правового государства, не колебля основного для нея принципа неограниченности власти монарха. Отъ

Digitized by Google

первой эпохи, пришедшейся на царствованіе Александра I, Россія получила принципіальное обособленіе законодательства отъ правительства и министерскую организацію исполнительной власти. Эпоха великихъ реформъ Александра II принесла съ собой зачатки гражданскаго равенства, независимый судъ и мѣстное самоуправленіе. Послѣдняя, третья по счету, преобразовательная эпоха, открывшаяся указомъ 12 декабря 1904 г., протекала въ началѣ по тому же трафарету. Общество требовало одной конституціонной реформы, правительство высказывалось въ пользу нѣсколькихъ частичныхъ реформъ, обширная программа которыхъ и была намѣчена въ указѣ 12 декабря. Но уже два мѣсяца спустя, 18 февраля 1905 г., эта программа была признана недостаточной, и правительство расширило ее, добавивъ къ ней реформу нашего законодательнаго аппарата въ смыслѣ созданія законосовѣщательнаго учрежденія представительнаго состава. Въ борьбѣ за существованіе русскій абсолютизмъ готовился сдѣлать послѣднее, героическое усиліе. Онъ хотѣлъ воспріять въ свои нѣдра и приспособить къ организаціоннымъ особенностямъ своего строя институтъ, составляющій самую сущность конституціонализма — народное представительство.

Учрежденіе Думы 6 августа явилось поэтому любопытнымъ опытомъ построенія народно-представительнаго органа съ совѣщательнымъ голосомъ. Исторія его составленія въ подробностяхъ до сихъ поръ неизвѣстна. Но несомнѣнно, что трудности, которыя пришлось преодолѣть составителямъ Учрежденія, были очень велики. Задача ихъ чрезвычайно осложнялась тѣмъ, что имъ было поручено сконструировать не сословный сеймъ, не земскій соборъ и не совѣщаніе «мѣстныхъ людей» при Государственномъ Совѣтѣ, а настоящую представительную палату — парламентъ, безъ присущей парламенту власти[1]). Отсюда проникающая все Учрежденіе 6 августа роковая двойственность. Планируя устройство законосовѣщательной Думы, опредѣляя границы ея компетенціи и размѣры ея правъ, авторы Учрежденія все время опасались дать Думѣ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Пріемы, при помощи которыхъ они думали разрѣшить эти внутреннія противорѣчія, не лишены остроумія и оригинальности. Но искусственность этихъ пріемовъ бросается въ глаза.

Постановка контрольныхъ правъ Думы по Учрежденію 6 августа страдаетъ именно такою, искусственно сглаженною внутреннею противорѣчивостью. Составители Учрежденія не считали воз-

[1]) Матеріалы по Учрежденію Государственной Думы, изданіе неофиціальное. Соображенія министра внутреннихъ дѣлъ, стр. 67—79.

Digitized by Google

можнымъ оставить Думу безъ всякихъ правъ надзора за дѣятельностью правительства. Но они позаботились, чтобы соотвѣтствующія полномочія Думы возможно меньше напоминали западно-европейское право интерпеляціи[1]). Парламентскій запросъ есть орудіе надзора какъ за законностью, такъ и за цѣлесообразностью дѣйствій правительства. Учрежденіе 6 августа предоставляло Думѣ «заявлять (въ первоначальномъ проектѣ было еще болѣе скромное «просить») министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій» только по поводу такихъ дѣйствій органовъ власти, «коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія» (ст. 35). Развитое право парламентскаго запроса чаще всего уполномочиваетъ запрашивать министровъ каждаго отдѣльнаго депутата или группы депутатовъ опредѣленной численности. Учрежденіе предоставило право запроса Думѣ, какъ цѣлому, дѣйствующему по иниціативѣ 30 членовъ (стт. 58—59). Наконецъ, вся процедура парламентскаго запроса естественно сосредоточивается въ стѣнахъ парламента, который остается его хозяиномъ отъ начала и до конца. Учрежденіе, связанное совѣщательнымъ характеромъ Думы, предусматривало, на случай, если Дума большинствомъ двухъ третей признаетъ невозможнымъ «удовлетвориться сообщеніемъ министра», дальнѣйшее восхожденіе дѣла черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее благовоззрѣніе (ст. 61). Здѣсь, такимъ образомъ, логика вещей опрокидывала всѣ искусственныя построенія творцовъ Думы 6 августа. Съ такими предосторожностями созданный ими суррогатъ парламентскаго запроса совершенно уподоблялся здѣсь праву «жалобы», или «представленія» средневѣковыхъ сословно-представительныхъ собраній.

На ряду съ этимъ суррогатомъ права парламентскаго запроса Учрежденіе 6 августа дало Думѣ еще одно право, предназначенное, по преимуществу, служить средствомъ освѣдомленія Думы. Это — право Думы получать отъ министровъ «разъясненія по дѣламъ» (ст. 24). Изъ самаго текста соотвѣтствующихъ статей Учрежденія явствуетъ, что въ нихъ рѣчь шла, собственно говоря, о непринужденномъ обмѣнѣ свѣдѣній и мнѣній между министрами и членами Думы въ порядкѣ преній по разсматриваемымъ Думой дѣламъ. Только на случай уклоненія министровъ отъ информированія Думы устанавливалась для министровъ обязанность сообщать разъясненія, при наличности соотвѣтствующаго рѣшенія Думы по общему ея собранію или по одному изъ отдѣловъ (ст. 25).

---

[1]) Матеріалы, стр. 120.

Digitized by Google

Постановка контрольныхъ правъ Думы по Учрежденію 6 августа вызвала такую же суровую критику, какъ и все Учрежденіе вообще. Однако, эта критика имѣла своимъ источникомъ неудовлетворенность общества самыми основаніями новаго законосовѣщательнаго органа. Общество добивалось конституціонной реформы и парламента. Власть предлагала ему частичное усовершенствованіе стараго законодательнаго аппарата и болѣе или менѣе искусную поддѣлку подъ народное представительство. Но если отрѣшиться отъ этого коренного и непримиримаго разногласія и взять Учрежденіе 6 августа цѣликомъ, какъ таковое, то придется признать, что въ рамкахъ поставленной имъ задачи составители его лучшаго и большаго дать не могли.

III.

Въ настоящее время контрольныя полномочія нашихъ законодательныхъ палатъ опредѣляются стт. 33, 40—41 и 58—60 Учрежденія Государственной Думы, повторяющими ихъ стт. 36—37, 44 и 57—59 Учрежденія Государственнаго Совѣта и ст. 108 Основныхъ Законовъ. Значеніе ст. 108, которая воспроизводитъ формулу ст. 33 Учрежденія Государственной Думы и ст. 44 Учрежденія Государственнаго Совѣта, заключается въ томъ, что она «бронируетъ» эту формулу особой квалифицированною силой, присущей нашему основному законодательству, и ставитъ, такимъ образомъ, довольно серьезныя препятствія развитію нашего запроснаго права[1]).

Сопоставленіе Учрежденія Думы 20 февраля съ Учрежденіемъ Думы 6 августа показываетъ, что «незыблемое правило» манифеста 17 октября прошло безслѣдно для контрольныхъ полномочій нашего народнаго представительства. Законодательная Дума получила тѣ же средства надзора и информаціи, которыя предназначались для Думы законосовѣщательной, и въ манифестѣ 17 октября были признаны «недѣйствительными». Работа составителей Учрежденія 6 августа все-таки была до нѣкоторой степени творческой. Составители Учрежденія 20 февраля ограничились тѣмъ,

[1]) Указаніе С. А. Котляревскаго, Юридическія предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ, стр. 96, примѣчаніе 2, и В. В. Ивановскаго, Учебникъ государственнаго права, изданіе 4-е, стр. 367—368, будто упоминаніе въ ст. 108 Основныхъ Законовъ о министрахъ и главноуправляющихъ, «подчиненныхъ по закону Правительствующему Сенату», является «новостью», «добавленіемъ» къ Учрежденію 20 февраля, покоится, повидимому, на недоразумѣніи. Цитированныя слова имѣются уже въ текстѣ Учрежденія 20 февраля, напечатанномъ въ Собраніи Узаконеній (см. Собраніе Узаконеній 1906 г., 21 февраля, № 38, отдѣлъ первый, стр. 560).

Digitized by Google

что переписали статьи Учрежденія 6 августа, внеся въ нихъ лишь небольшія редакціонныя измѣненія[1]).

---

[1]) Для ясности приводимъ рядомъ текстъ интересующихъ насъ статей Учрежденія 6 августа и Учрежденія 20 февраля:

Учрежденіе 6 августа.	Учрежденіе 20 февраля.
Ст. 24. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно черезъ своихъ товарищей или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій, либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ уполномоченныхъ министрами и главноуправляющими должностныхъ лицъ.	**Ст. 39.** Во всѣхъ собраніяхъ Государственной Думы могутъ присутствовать министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, но участвовать въ голосованіи они имѣютъ право только въ томъ случаѣ, если состоятъ членами Думы.
Ст. 25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24) статьею порядкѣ обязательно для министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума по общему ея собранію или по одному изъ ея отдѣловъ признаетъ разъясненія необходимыми.	**Ст. 40.** Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Министры и главноуправляющіе имѣютъ право отказаться отъ сообщенія Думѣ разъясненій по такимъ предметамъ, кои, по соображеніямъ государственнаго порядка, не подлежатъ оглашенію. Равнымъ образомъ министры и главноуправляющіе должны быть выслушаны въ засѣданіяхъ Думы каждый разъ, когда они о томъ заявятъ.
	Ст. 41. Разъясненія сообщаются въ указанномъ предшедшею (40) статьею порядкѣ министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, какъ лично, такъ и черезъ ихъ товарищей или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральнаго управленія. Свѣдѣнія же по спеціальнымъ предметамъ могутъ быть предъявляемы ими при содѣйствіи другихъ должностныхъ лицъ, завѣдывающихъ дѣлами по означеннымъ предметамъ.
Ст. 35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, соотвѣтствующія законоложенія (стт. 58—61).	**Ст. 33.** Государственная Дума можетъ обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу такихъ послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незаконом҃рными (стт. 58—60).

Digitized by Google

Что касается запросовъ въ собственномъ смыслѣ слова, то здѣсь самимъ манифестомъ 17 октября составители Учрежденія 20 февраля были поставлены въ очень тѣсныя рамки. Поскольку указанія манифеста являлись обязательной программой ихъ работы, они не имѣли основаній распространить думскій контроль на сферу надзора за цѣлесообразностью дѣйствій правительства. Но и въ этихъ рамкахъ ими все было оставлено попрежнему. Соотвѣтствующія статьи новаго Учрежденія отличаются отъ статей стараго только нѣсколько болѣе свободной и увѣренной терминологіей. Такъ, за исчезновеніемъ дѣленія Думы на двѣ инстанціи — общее собраніе и отдѣлы — перередактировано нѣсколько статей.

Ст. 58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ послѣдовавшихъ со стороны министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій дѣйствій, въ которыхъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), члены Государственной Думы подаютъ заявленіе предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе общаго собранія.

Ст. 58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ послѣдовавшихъ со стороны министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незакономѣрными, члены Думы подаютъ письменное заявленіе предсѣдателю Думы. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель вноситъ его на обсужденіе Думы.

Ст. 59. Принятое большинствомъ членовъ общаго собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльною частью.

Ст. 59. Принятое большинствомъ членовъ Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльной частью, которые, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія либо сообщаютъ Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія, либо извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

Ст. 60. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59) сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по которымъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія.

Ст. 61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей членовъ общаго ея собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60), то дѣло восходитъ черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее благовозрѣніе.

Ст. 60. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 59), то дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовозрѣніе.

Digitized by Google

Запросъ, проведенный въ Учрежденіе 6 августа подъ флагомъ безобиднаго права «заявлять о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій», получилъ свое настоящее названіе. Вычеркнуто требованіе, чтобы запрашивающія точно указывали законъ, который, по ихъ мнѣнію, нарушенъ. Наконецъ, передаточной инстанціей между Думой и Монархомъ при направленіи «дѣла» о запросѣ на Высочайшее благовоззрѣніе вмѣсто Государственнаго Совѣта сдѣланъ его предсѣдатель. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ особенно наглядно сказалась неудовлетворительность работы, выполненной составителями Учрежденія 20 февраля, даже въ предѣлахъ указаній манифеста. Сохранивъ процедуру направленія на благовоззрѣніе монарха разногласій, возникающихъ по запросамъ между Думой и министрами, они ввели въ строй нашихъ конституціонныхъ установленій органически чуждое всякому конституціонализму «право представленія».

Не принесли съ собой ничего новаго, кромѣ мелкихъ стилистическихъ усовершенствованій, и статьи Учрежденія 20 февраля, касающіяся информаціонныхъ правъ Думы. Такъ называемое право «вопросовъ» Думы 20 февраля есть, съ точки зрѣнія буквы закона, не что иное, какъ право получать «разъясненія по дѣламъ» Думы 6 августа[1]). Составители Учрежденія 20 февраля въ столь малой степени видѣли въ этомъ правѣ самостоятельный институтъ, что даже не упомянули о немъ въ главѣ пятой, трактующей о «предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы», и отнесли стт. 39—41 въ главу шестую — «о порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ». Конечно, и это тоже извѣстный прогрессъ по сравненію съ Учрежденіемъ 6 августа, которое ст. 24, начинающуюся словами «министры и главноуправляющіе не состоятъ членами Государственной Думы», помѣстило въ главѣ третьей — «о членахъ Государственной Думы»[2]).

Совершенная недостаточность контрольныхъ полномочій Думы по Учрежденію 20 февраля ясна сама собой. То, что обѣщалъ въ этой области манифестъ 17 октября, было ниже средняго уровня обычно принадлежащихъ парламенту правъ. То, что дало Учрежденіе 20 февраля, оказалось ниже обѣщаній манифеста. Не давъ Думѣ права надзора за цѣлесообразностью дѣйствій пра-

---

[1]) Это упускаетъ изъ виду С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки, стр. 96, примѣчаніе 1. Правильно характеризуютъ ст. 40, не принимая, однако, во вниманіе думской практики, В. В. Ивановскій, Учебникъ, стр. 366—367, и бар. С. А. Корфъ, Русское государственное право, часть I, стр. 306.

[2]) Все сказанное въ текстѣ о Думѣ, конечно, относится и къ Государственному Совѣту, какъ къ верхней палатѣ.

Digitized by Google

вительства, Учрежденіе 20 февраля оставило ей только осужденныя 17 октября средства «недѣйствительнаго» участія въ надзорѣ за законом'ѣрностью.

IV.

Какъ всякій писанный законъ, постановленія нашего законодательства о правѣ запросовъ подверглись дальнѣйшей трансформаціи въ процессѣ парламентской практики. Съ первыхъ же дней своего существованія Государственная Дума стремится къ тому, чтобы изъ имѣющихся въ законѣ безформенныхъ элементовъ запроснаго права выработать цѣлостный институтъ парламентской интерпеляціи. Вполнѣ вѣроятно, что въ этомъ направленіи неизбѣжно работала бы всякая Дума, независимо отъ ея личнаго состава, побуждаемая просто внутренней логикой конституціоннаго строя. Но то обстоятельство, что въ пониманіи своихъ «естественныхъ» правъ Дума сразу стала на строго конституціонную почву, является безспорной исторической заслугой Думы перваго созыва и ея предсѣдателя.

Въ области запросовъ въ собственномъ смыслѣ слова это конституціонное развитіе встрѣтило почти непреодолимыя препятствія въ формальныхъ постановленіяхъ закона. Запретъ для Думы касаться въ запросахъ цѣлесообразности дѣйствій правительства носитъ абсолютный характеръ, и при наличности ст. 108 Основныхъ Законовъ запретъ этотъ могъ бы быть снятъ только въ порядкѣ конституціоннаго законодательства, т.-е. по почину Государя Императора. Зато Дума постаралась устранить изъ процедуры запроса то, что уподобляетъ его, какъ справедливо было сказано, «своеобразному пріему прошеній на Высочайшее имя»[1]). Дума установила, что для направленія «дѣла» о запросѣ по ст. 60 мало признанія объясненій министра неудовлетворительными въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, а необходимо всегда особое постановленіе Думы. За все время существованія Думы всѣхъ четырехъ созывовъ ни одного постановленія о примѣненіи ст. 60 принято не было, хотя объясненія министровъ неоднократно признавались неудовлетворительными. Въ Думѣ перваго созыва вопросъ

[1]) В. А. Маклаковъ, Законность въ русской жизни, «Вѣстникъ Европы», 1909, май, стр. 269. Въ виду сказаннаго въ текстѣ, необходимо признать совершенно неудачной мысль о примѣненіи къ вопросамъ по ст. 40 процедуры обращенія Думы къ монарху по ст. 60. Мысль эта проводится въ законодательномъ предположеніи въ расширеніи интерпеляціонныхъ правъ Государственной Думы, внесенномъ въ Думу лѣтомъ текущаго года по иниціативѣ депутата М. А. Караулова. Ср. А. В. Болдырь, Отвѣтственность министровъ и отвѣтственное министерство. «Русская Мысль» 1915, сентябрь, стр. 105—106.

Digitized by Google

о ст. 60 вообще не возбуждался. Въ практикѣ Думы второго созыва была минута колебанія, давшая поводъ къ полемикѣ въ печати[1]). Но уже въ проектѣ наказа, выработанномъ комиссіей этой Думы, имѣлся § 144, санкціонировавшій думское пониманіе ст. 60 и установлявшій пріоритетъ предложенія о направленіи дѣла по ст. 60 передъ всѣми другими формулами[2]). § 180 наказа, принятаго Думой третьяго созыва, окончательно закрѣпилъ это завоеваніе думской практики. Правда, думская точка зрѣнія не была раздѣлена правительствомъ, которое по понятнымъ мотивамъ отстаиваетъ противоположное, «механическое» пониманіе ст. 60. За такое пониманіе этой статьи высказался и Правительствующій Сенатъ, который, отказавъ въ опубликованіи наказа Думы третьяго созыва, между прочимъ, опротестовалъ и § 180[3]). Но само собой разумѣется, ни взгляды правительства, ни протестъ Сената не могли повліять на автономную практику Думы. При пересмотрѣ наказа Думою четвертаго созыва правило § 180 было по существу сохранено. Только для облегченія прохожденія наказа черезъ Сенатъ новая редакція его (§ 190) была дословно согласована съ самымъ текстомъ ст. 60[4]).

Болѣе свободно чувствовала себя Дума въ приспособленіи къ цѣлямъ парламентской интерпеляціи права обращаться къ министрамъ за разъясненіями по ст. 40. Здѣсь усилія думской практики

---

[1]) См. заявленіе предсѣдателя въ засѣданіи 30 апрѣля 1907 г., Стенографическіе отчеты Думы второго созыва, 1907 г., т. I, стр. 2341; А. А. Пиленко, Русскіе парламентскіе прецеденты, выпускъ второй, стр. 161.

[2]) В. А. Маклаковъ и О. Я. Пергаментъ, Наказъ Государственной Думы, стр. 66.

[3]) Опредѣленіе Правительствующаго Сената отъ 6 ноября 1909 г. вмѣстѣ съ заключеніемъ комиссіи см. въ докладѣ комиссіи по наказу Думы третьяго созыва, 1910 г., № 238, III—3, а также въ докладѣ по проекту наказа Думы четвертаго созыва 1913 г., № 379, IV—I, приложеніе № 1.

[4]) Докладъ по проекту наказа Думы четвертаго созыва, объяснительная записка, стр. 145—147. Приводимъ тексты наказовъ въ обѣихъ редакціяхъ:

Наказъ Думы третьяго созыва.

§ 180. Если по выслушаніи отвѣта министра или главноуправляющаго на запросъ Государственной Думы, кромѣ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, поступитъ предложеніе о направленіи дѣла въ порядкѣ ст. 60 Учр. Гос. Думы, то это предложеніе голосуется раньше другихъ, и принятіе его устраняетъ голосованіе предложенныхъ формулъ.

Наказъ Думы четвертаго созыва.

§ 190. Если по выслушаніи разъясненій министра или главноуправляющаго на запросъ Государственной Думы, кромѣ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, поступитъ предложеніе о признаніи невозможности удовлетвориться разъясненіями министра или главноуправляющаго (Учр. Гос. Думы, ст. 60), то это предложеніе голосуется раньше другихъ, и принятіе его устраняетъ голосованіе предложенныхъ формулъ.

Digitized by Google

шли въ двоякомъ направленіи. Думѣ было нужно изъ расплывчатой просьбы о разъясненіяхъ, предъявляемой попутно во время преній, создать ясно очерченный «вопросъ», который можетъ не только предъявляться въ качествѣ «побочнаго» предложенія при обсужденіи какого-либо дѣла, но и занимать особое мѣсто въ порядкѣ думскаго дня [1]). Во-вторыхъ, ей нужно было добиться возможности предъявлять министрамъ вопросы внѣ непосредственной связи съ фактически разсматриваемыми ею въ каждый данный моментъ дѣлами. Перваго Дума достигла легко, сблизивъ порядокъ предъявленія вопроса съ порядкомъ предъявленія запроса [2]). Второе далось ей не безъ борьбы, въ которой успѣхъ все болѣе и болѣе склоняется на сторону Думы.

Борьба эта велась подъ знакомъ распространительнаго толкованія ст. 40. По буквальному смыслу ст. 40 Дума можетъ обращаться къ министрамъ только за разъясненіями, «непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ». Думская практика истолковала эти выраженія закона въ томъ смыслѣ, что требованіе закона будетъ исполнено, если дѣло, по поводу котораго предъявляется вопросъ, входитъ въ компетенцію Думы [3]). Практика Думы перваго

[1]) Замѣтимъ, что самый терминъ «вопросъ» неизвѣстенъ ни закону, ни даже буквѣ думскаго наказа.

[2]) Временныя правила Думы перваго созыва не проводили различія между порядкомъ внесенія вопросовъ по ст. 40 и запросовъ по ст. 33. Наказъ С. А. Муромцева предоставлялъ инициативу внесенія вопроса комиссіямъ и «отдѣльнымъ членамъ» Думы (§ 137). Проектъ наказа Думы второго созыва также предусматривалъ внесеніе вопроса комиссіями или «отдѣльными членами Думы» (§ 75). Впервые наказъ Думы третьяго созыва постановилъ, что заявленія по ст. 40 могутъ быть вносимы либо комиссіями, либо отдѣльными членами Думы за подписью не менѣе 30 человѣкъ (§ 100). Это «ограниченіе правъ отдѣльныхъ членовъ Думы» вызвало суровую критику Л. М. Неманова, Право запросовъ въ III Думѣ, «Право», 1910, № 1, столб. 17—18, ср. В. Д. Набоковъ, Право интерпеляціи, Труды Юридическаго Общества при Имп. С.-Пб. университетѣ, томъ III, стр. 379—380, 385. Однако, Л. М. Неманов недостаточно точно разграничилъ думскій «вопросъ» отъ «простого вопроса», который имѣлъ въ виду цитируемый имъ Зейдель, и отъ англо-французскаго «вопроса», который «теоретически исчерпывается отвѣтомъ министра и никакихъ дебатовъ вызывать не долженъ». Между тѣмъ, думская практика, опираясь на ст. 40, построила совершенно своеобразный институтъ, отличный отъ простой просьбы о разъясненіяхъ и только по названію сходный съ англо-французскимъ вопросомъ. Въ критикѣ Л. М. Неманова правильно только то, что Дума могла бы, не расходясь съ буквой закона, предоставить инициативу вопроса не 30 членамъ, а и меньшему ихъ числу и даже каждому члену Думы въ отдѣльности. Отъ возможности терминологическихъ недоразумѣній съ думскимъ «вопросомъ» предупреждаетъ Chasles, Le parlement russe, pp. 169, 197, Note; см. также В. В. Ивановскій, Учебникъ, стр. 367.

[3]) В. Д. Набоковъ, тамъ же, стр. 386—387, Б. А. Ландау, Запросы и вопросы въ Государственной Думѣ, «Журналъ министерства юстиціи», 1910, іюнь, стр. 192. Упомянутое уже законодательное предположеніе депутата М. А. Караулова правильно предлагаетъ измѣнить редакцію ст. 40 въ томъ смыслѣ, чтобы для предъявленія вопроса было достаточно, чтобы онъ касался «предметовъ вѣдѣнія Государственной Думы». Ср. А. В. Болдырь, тамъ же, стр. 105—106.

Digitized by Google

созыва вообще не различала вопросовъ и запросовъ. Извѣстное обращеніе Думы къ предсѣдателю совѣта министровъ по поводу оскорбительныхъ для Думы телеграммъ, печатавшихся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», было вызвано «запросомъ» и не заключало въ себѣ ссылки на какую-либо статью Учрежденія. Ст. 40 была примѣнена къ этому случаю предсѣдателемъ совѣта министровъ, который въ своемъ отвѣтѣ предсѣдателю Думы высказался за ограничительное толкованіе этой статьи[1]). Наказъ С. А. Муромцева провелъ уже различіе между заявленіями, возникающими по ст. 40, и заявленіями, возникающими по ст. 58. Инициативу заявленій по ст. 40 онъ предоставлялъ комиссіямъ «по поводу переданныхъ имъ для разработки дѣлъ», или отдѣльнымъ членамъ Думы «при разсмотрѣніи дѣлъ въ общемъ собраніи ея» (§ 137)[2]). Ограничительную формулу наказа С. А. Муромцева усвоилъ и проектъ наказа Думы второго созыва (§ 75). Но при обсужденіи этого параграфа въ Думѣ, по предложенію депутата А. А. Демьянова, всѣ ограничительныя условія пользованія ст. 40 были вычеркнуты, и въ текстѣ осталось одно безсодержательное правило, что заявленія по ст. 40 вносятся въ письменномъ изложеніи[3]). Наконецъ, наказъ Думы третьяго созыва вернулся къ традиціи наказа С. А. Муромцева (§§ 100—101) и такимъ образомъ въ самой Думѣ ограничительное толкованіе ст. 40 какъ будто восторжествовало. Однако, думская практика шла своимъ путемъ и, несмотря на колебанія наказнаго права, все чаще и чаще допускала вопросы внѣ «непосредственной» связи съ разсматриваемыми Думой дѣлами. Правительство оказывало этому «либеральному» пользованію ст. 40 постепенно слабѣвшее сопротивленіе. Дѣлая иногда оговорки, иногда и безъ всякихъ оговорокъ, правительство давало разъясненія и по такимъ вопросамъ, которые оно формально могло бы оставлять безъ отвѣта. Ко времени Думы четвертаго созыва развитіе это настолько подвинулось впередъ, что докладчикъ комиссіи по наказу, депутатъ В. А. Маклаковъ, счелъ возможнымъ окончательно зафиксировать это «расширеніе» ст. 40. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, комиссія отмѣнила формальныя ограниченія пользованія ст. 40, которыя внесла въ наказъ Дума третьяго созыва въ цѣляхъ согласованія права вопросовъ съ закономъ (Наказъ, §§ 107—108)[4]). Правда, торжество Думы оказалось

[1]) «Стенографическіе отчеты», т. I, стр. 389—391, 639—640.
[2]) Внутренній распорядокъ Государственной Думы, стр. 68.
[3]) В. А. Маклаковъ и О. Я. Пергаментъ, тамъ же, стр. 35—36, А. А. Пиленко, тамъ же, стр. 156. Рѣчь депутата А. А. Демьянова см. «Стенографическіе отчеты Думы второго созыва», 1907 г., т. II, стр. 342.
[4]) Обо всемъ этомъ см. цитированный уже докладъ комиссіи по наказу Думы четвертаго созыва, объяснительная записка стр. 81—83.

Digitized by Google

не совсѣмъ прочнымъ. Депутатъ В. А. Маклаковъ писалъ свой докладъ въ 1913 г. Въ маѣ того же года совѣтъ министровъ, какъ сообщалось въ печати, опять напомнилъ о необходимости точнаго соблюденія ст. 40 [1]). Но и эта новая оппозиція правительства не повліяла на думскую практику; въ лѣтнюю сессію текущаго года Дума предъявила министрамъ цѣлый рядъ вопросовъ, не стоявшихъ въ связи съ разсматриваемыми ею дѣлами (о московскихъ безпорядкахъ, объ обезпеченіи страны топливомъ, объ арестахъ въ Польшѣ, объ эвакуаціи земскихъ учрежденій, объ эвакуаціи рабочихъ и т. д.) и, въ частности, на вопросъ объ эвакуаціи земскихъ учрежденій правительство безпрекословно дало объясненія по существу.

Нельзя поэтому не согласиться, что правы тѣ, которые, видя именно въ вопросѣ по ст. 40 зародышъ настоящей парламентской интерпеляціи, призываютъ Думу къ возможно болѣе широкому пользованію ею [2]). Санкціонированная Думой практика превращенія запросовъ въ вопросы, несомнѣнно, является могучимъ средствомъ расширенія сферы примѣненія ст. 40 [3]). Право запросовъ въ системѣ нашего конституціоннаго строя есть только «орудіе борьбы за законность». Надлежаще поставленное право вопросовъ по ст. 40 открываетъ Думѣ широкія перспективы непосредственнаго вліянія на направленіе политики правительства.

V.

Изъ сказаннаго ясно, что отдѣльныя положенія манифеста 17 октября имѣли въ нашей государственной жизни неодинаковую судьбу. «Незыблемое правило» о рѣшающемъ голосѣ Думы въ осуществленіи законодательной власти остается краеугольнымъ камнемъ зданія обновленнаго строя. «Незыблемыя основы гражданской свободы» еще ждутъ своего воплощенія въ законѣ. «Развитіе начала общаго избирательнаго права» есть по прежнему далекій идеалъ для Думы, избираемой по положенію 3 іюня. Но формы думскаго контроля, въ томъ видѣ, какъ ихъ намѣтилъ манифестъ 17 октября, уже антиквированы жизнью. Конституціонная Россія переросла эти формы и борется за «естественное» право всякаго

---

[1]) Право, 1913, № 20, столб. 1288.

[2]) В. А. Маклаковъ, тамъ же, стр. 265, Б. А. Ландау, тамъ же, стр. 129, А. А. Алексѣевъ, Къ вопросу объ эволюціи русскихъ конституціонныхъ законовъ, «Юридическія Записки», издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ, 1911, вып. II—III, стр. 437.

[3]) Докладъ комиссіи по наказу Думы третьяго созыва, 1909 г., № 17, III—2, объяснительная записка, стр. 75.

Digitized by Google

парламента, за право интерпеляціи въ конституціонномъ смыслѣ этого термина.

Юристъ, оперирующій только надъ текстами закона, не былъ бы въ состояніи уловить эту поучительную эволюцію одной изъ важнѣйшихъ вѣтвей нашего конституціоннаго права. Изучать же ее необходимо потому, что ея «скала», это въ то же время «скала» эволюціи конституціонной Россіи. Въ семьяхъ, чтобы слѣдить за ростомъ дѣтей, родители ставятъ ихъ у дверного косяка и дѣлаютъ на немъ едва замѣтные знаки. Такъ по знакамъ, которые запечатлѣны въ стенографическихъ отчетахъ Думы и въ различныхъ варьянтахъ ея наказа, можно слѣдить за ростомъ русскаго конституціонализма.

К. Соколовъ.

Digitized by Google

Политическое и юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года.

Въ напечатанныхъ выше статьяхъ дана полная и исчерпывающая характеристика манифеста 17 октября 1905 г., насколько это возможно вообще сдѣлать въ рядѣ (ж.ть)хъ отзывовъ, написанныхъ различными учеными и собранныхъ въ одной книгѣ научнаго журнала, а не въ спеціальномъ и самостоятельномъ монографическомъ изслѣдованіи. Здѣсь мы находимъ и краткій историческій очеркъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя предшествовали манифесту 17-го октября, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно его тексту, и вызвали самое изданіе его, и оцѣнку культурной и политической роли этого манифеста, и попытку намѣтить наиболѣе существенное вліяніе его на развитіе нашихъ государственно-правовыхъ теорій, и, наконецъ, чрезвычайно подробный, разносторонній и детальный анализъ юридическаго значенія, какъ манифеста въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ его положеній. Освѣщая манифестъ 17-го октября съ самыхъ различныхъ сторонъ, всѣ авторы сходятся въ основной оцѣнкѣ его: всѣ они признаютъ, что манифестъ дѣлаетъ рѣшительный и принципіальный шагъ отъ абсолютно-монархическаго къ конституціонному государству, и что онъ кладетъ грань между нашимъ старымъ и новымъ государственнымъ строемъ. Въ данномъ случаѣ единодушіе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ общей оцѣнкѣ значенія манифеста сошлись представители науки государственнаго права, принадлежащіе, можно сказать, къ тремъ различнымъ поколѣніямъ нашихъ государствовѣдовъ.

Юристовъ больше всего, конечно, интересуетъ опредѣленіе правового значенія манифеста 17-го октября. Этому вопросу и посвящено большинство напечатанныхъ выше статей. Однако и авторы, избравшіе темой для своихъ статей оцѣнку другихъ сторонъ манифеста 17-го октября, считаютъ нужнымъ намѣтить хотя бы въ существенномъ пунктѣ свой взглядъ на правовое содержаніе манифеста. Если при ознакомленіи съ этими отзывами обращать вниманіе на форму

Digitized by Google

изложенія, то получается впечатлѣніе большого расхожденія во взглядахъ у различныхъ авторовъ. Дѣйствительно, нѣкоторые авторы противопоставляютъ свои взгляды, ранѣе высказаннымъ, и считаютъ нужнымъ опровергать чужія неправильныя мнѣнія. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ приводимыми возраженіями оказывается, что опровергаются взгляды, которые прямо никѣмъ никогда не высказывались. Съ одной стороны, возникло предположеніе, что кто-то хотѣлъ видѣть въ манифестѣ 17-го октября точно формулированныя статьи закона, подлежащія непосредственной инкорпораціи въ Сводъ Законовъ. Противъ этого взгляда на манифестъ всѣ единодушно возражаютъ; но это единодушіе и показываетъ, что никто никогда и не искалъ въ манифестѣ обычнаго текста закона. Съ другой стороны, горячо возражаютъ также противъ взгляда на манифестъ 17-го октября, какъ на актъ правительственный, а не законодательный. Однако изъ самаго характера этихъ возраженій совершенно ясно слѣдуетъ, что никто даже не пытался высказывать такого парадоксальнаго мнѣнія. Въ томъ и другомъ случаѣ, слѣдовательно, опровергаются взгляды, которыхъ никто не отстаиваетъ. Конечно, это рѣшительное отклоненіе возможныхъ ошибочныхъ представленій значительно способствуетъ выясненію истинной юридической природы манифеста 17-го октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно особенно подчеркиваетъ, что въ основномъ и существенномъ всѣ авторы одинаково смотрятъ на правовое значеніе манифеста. Если же между ними и встрѣчаются разногласія, то они относятся къ второстепеннымъ вопросамъ и деталямъ.

Всѣ авторы, напечатанныхъ выше статей, согласно признаютъ, что манифестъ 17-го октября съ формальной стороны есть законъ, поскольку до введенія народнаго представительства законы у насъ издавались и въ видѣ манифестовъ. Еще важнѣе при отсутствіи вполнѣ точнаго формальнаго понятія закона въ нашемъ дореформенномъ государственномъ строѣ сходство взглядовъ при оцѣнкѣ содержанія манифеста. А въ этомъ случаѣ всѣ одинаково считаютъ, что манифестъ устанавливаетъ юридическія нормы. Отсутствіе разногласія въ этомъ пунктѣ особенно подчеркивается тѣмъ, что Н. И. Паліенко, взгляды котораго, высказанные имъ раньше, заставляли предполагать нѣкоторыхъ, что онъ не признаетъ манифестъ 17-го октября матеріальнымъ закономъ, теперь опредѣленно утверждаетъ, что и съ его точки зрѣнія этотъ манифестъ обосновываетъ правовую норму. (Ср. выше стр. 61.)

Итакъ, всѣ признаютъ манифестъ 17-го октября закономъ, содержащимъ въ себѣ правовыя нормы, но въ то же время никто не ищетъ въ немъ точно формулированныхъ статей закона. Въ этомъ заклю-

Digitized by Google

чается своеобразіе манифеста 17-го октября, заставляющее отклоняться отъ обычнаго представленія о правовыхъ нормахъ, издаваемыхъ законодательнымъ путемъ. Однако и это своеобразіе юридической природы манифеста уже достаточно выяснено въ нашей государственно-правовой литературѣ. Съ нашей точки зрѣнія болѣе всего способствовали выясненію этой особенности манифеста тѣ положенія, которыя были выдвинуты Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ въ статьѣ, напечатанной въ первой книгѣ нашего журнала. Исходя изъ того взгляда, что существенный моментъ, превращающій то или иное правило въ правовую норму, заключается въ признаніи ея членами правового общенія дѣйствующей нормой права, онъ указываетъ, что нѣкоторыя особенно важныя правовыя нормы могутъ быть установлены особымъ путемъ, именно путемъ провозглашенія. Во всякой дѣйствующей правовой системѣ должны быть высшія или первичныя нормы, для установленія которыхъ и требуется провозглашеніе. Манифестъ 17-го октября и представляетъ собою такое провозглашеніе первичныхъ нормъ нашего государственнаго строя.

Если присмотрѣться къ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя теперь даны въ напечатанныхъ выше статьяхъ, то придется признать, что всѣ они въ концѣ концовъ вращаются около тѣхъ же идей. Такъ Н. И. Палiенко указываетъ, что онъ въ своихъ ранѣе вышедшихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ всегда проводилъ взглядъ, что общественное признаніе составляетъ существенный моментъ для обязательности законодательныхъ нормъ. Поэтому поскольку источникъ обязательности правовыхъ нормъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17-го октября, заключается въ «общемъ правосознаніи», онъ вполнѣ согласенъ съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. Разногласіе остается только относительно того «установилъ», или только «предопредѣлилъ» манифестъ 17-го октября конституціонный строй у насъ. Такъ же точно А. С. Алексѣевъ выдвигаетъ положеніе, что манифестъ 17-го октября «есть несомнѣнно законъ», но это — «не предписаніе власти, а выраженіе воли общества» (см. выше стр. 41). Далѣе Я. М. Магазинеръ смотритъ на манифестъ 17-го октября, какъ на связывающее обѣ стороны «конституціонное соглашеніе», которое, будучи разъ исполнено, «получаетъ безвозвратную правовую силу (стр. 81). Наконецъ М. Б. Горенбергъ видитъ въ манифестѣ установленіе законодательнымъ путемъ незыблемыхъ правовыхъ принциповъ, легшихъ въ основаніе нашего новаго государственнаго строя (стр. 90). Можно пожалѣть о томъ, что относительно юридической природы манифеста 17-го октября до сихъ поръ не высказался ни одинъ сторонникъ философскаго идеализма, отстаивающій идею естествен-

Digitized by Google

наго права. Если бы мнѣ раньше пришлось изложить свой взглядъ на этотъ вопросъ болѣе обстоятельно, то я развилъ бы ту точку зрѣнія, что манифестъ 17-го октября есть провозглашеніе у насъ дѣйствующимъ правомъ извѣстныхъ естественно-правовыхъ принциповъ. Но несмотря на различіе въ формулировкѣ этихъ положеній, обусловленное иногда даже разницей въ философскомъ міровоззрѣніи, всѣ эти положенія выражаютъ одну и ту же мысль, что манифестъ 17-го октября устанавливаетъ у насъ въ качествѣ дѣйствующаго права извѣстные общіе юридическіе принципы, а не частныя нормы.

Высшій авторитетъ юридическихъ принциповъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17-го октября виденъ изъ того, что этотъ манифестъ не можетъ быть отмѣненъ. Если съ исторической точки зрѣнія отмѣна манифеста 17-го октября была бы нелѣпостью, такъ какъ нельзя превратить разъ происшедшій историческій фактъ въ несуществовавшій, то такъ же невозможна отмѣна манифеста и съ юридической точки зрѣнія. Вѣдь нельзя объявить недѣйствующими правовые принципы, которые уже разъ были признаны присущими данному государственному организму и соотвѣтствующими достигнутой имъ стадіи развитія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить исторія французской декларації правъ 1789 г., которая формально была отмѣнена уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея изданія, когда первая французская конституція 3 сентября 1791 г. была замѣнена слѣдовавшей за ней, но самые принципы декларації прав признаются тѣмъ не менѣе и нынѣ составной частью дѣйствующаго во Франціи права. Итакъ, отдѣльные пункты манифеста 17-го октября могутъ не выполняться, фактически они могутъ быть нарушены, но отмѣнить манифестъ и признать болѣе не дѣйствующими у насъ провозглашенные имъ принципы невозможно.

Конечно, взглядъ на манифестъ 17-го октября, какъ на законодательное провозглашеніе содержащихся въ немъ юридическихъ принциповъ дѣйствующимъ правомъ, которое обусловливаетъ нашъ государственный строй, требуетъ пересмотра общетеоретическихъ основъ нашей юриспруденціи. Оно не можетъ быть согласовано съ традиціонной юриспруденціей, придерживающейся узко догматической точки зрѣнія. Но этотъ пересмотръ теоретическихъ основъ юриспруденціи и выработка новыхъ основныхъ началъ общей теоріи права уже давно подготовляются. Достаточно указать на то, что въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія тогдашніе вожди нашей научной юридической мысли С. А. Муромцевъ, С. В. Пахманъ и А. Х. Гольмстенъ вели горячій споръ о значеніи юридическихъ

Digitized by Google

принциповъ для науки права и объ ихъ отношеніи къ правовымъ нормамъ. Каждый изъ этихъ трехъ юристовъ приписывалъ юридическимъ принципамъ совершенно особенное значеніе, не совпадающее съ тѣмъ значеніемъ, которое имъ приписывали два другихъ юриста. Но всѣ они одинаково считали, что юридическіе принципы получаются путемъ простого формально-логическаго обобщенія юридическихъ нормъ [1]). Въ наше время послѣдователь того же позитивно-философскаго и юридико-догматическаго направленія, какъ и названные три юриста, Г. Ф. Шершеневичъ уже противопоставляетъ, хотя не достаточно смѣло, юридическіе принципы простымъ обобщеніямъ юридическихъ нормъ. По его словамъ, «юридическій принципъ мы вскрываемъ, обобщеніе мы дѣлаемъ» [2]).

Итакъ, даже у послѣдовательныхъ позитивистовъ ясно намѣчается измѣненіе теоретическихъ взглядовъ на юридическіе принципы. Если же расширить философскія и общенаучныя предпосылки общей теоріи права, то придется признать еще болѣе самостоятельное значеніе юридическихъ принциповъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, нельзя отрицать и ихъ особаго характера, поскольку они составляютъ неотъемлемую составную часть того или иного изъ дѣйствующихъ правопорядковъ.

Б. Кистяковскій.

---

[1]) Ср. С. Муромцевъ, Очерки общей теоріи права, Москва, 1877, стр. 85, 136, 148 и сл. Его же, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 15—18. Его же, Что такое догма права? Москва, 1885, стр. 23—27. С. В. Пахманъ, О современномъ движеніи въ наукѣ права. С.-Пб., 1882, стр. 41. А. Х. Гольмстенъ, Юридическія изслѣдованія и статьи. С.-Пб., 1894, стр. 2, 10 и сл. 25.

[2]) Г. Ф. Шершеневичъ, Общая теорія права. Москва, 1912, стр. 770.

Digitized by Google

„Третья“ школа и споръ „классиковъ“ съ „соціологами“ въ уголовномъ правѣ.

§ 1.

Законченъ ли споръ классической и соціологической школъ въ уголовномъ правѣ, споръ, пришедшій на смѣну старой борьбѣ между классиками и антропологами, тянувшійся вплоть до послѣдняго времени и особенно рѣзко выявившійся въ Германіи? Если законченъ, то которая сторона вышла побѣдительницей, а какая побѣжденной? Сошлись ли противники на какомъ-либо среднемъ компромиссномъ рѣшеніи или же побѣда одного изъ спорящихъ оказалась полнымъ пораженіемъ другого? — вотъ вопросы, неизбѣжно встающіе при изученіи этого спора и особенно при попыткѣ оцѣнки «третьей» школы, родившейся во время этой борьбы.

На эти вопросы мы имѣемъ два отвѣта: сами противники, въ особенности классики, категорически отказываются считать борьбу законченной [1]), другіе же, и въ частности, «третья» школа — думаютъ, что борьба превзойдена. Борьба кончена, говоритъ «dritte Schule», она кончилась частичнымъ пораженіемъ обоихъ враговъ. Побѣдители — мы. Мы взяли отъ той и другой стороны все вѣрное и такимъ образомъ уничтожили почву для дальнѣйшаго спора.

Лично я позволяю думать, что болѣе правильнымъ будетъ первый отвѣтъ, гласящій: ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ борьба «классиковъ» и «модернистовъ» не закончена, да въ ея современной обстановкѣ и не можетъ быть закончена. Присмотримся внимательнѣе къ характеру этой борьбы, чтобы въ ней самой найти подтвержденіе выставленнаго положенія.

---

[1]) См., напр., послѣднюю работу Birkmeyer'a, «Schuld und Gefährlichkeit», 1914.

Digitized by Google

§ 2.

Когда внимательно присматриваешься къ деталямъ этой борьбы, то выносишь какое-то двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, кажется, что борьба ведется около отдѣльныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ пунктовъ науки уголовнаго права. Читая работы той и другой стороны, видишь, что противники ясно и опредѣленно формулируютъ свои лозунги и намѣчаютъ тѣ пункты, которые хотятъ завоевать. «Свобода воли или детерминизмъ, возмездіе или цѣлевое наказаніе, дѣяніе или дѣятель долженъ быть караемъ, репрессія или превенція, уголовное право или уголовная профилактика, вина или опасность, реалистическое или симптоматическое пониманіе преступнаго дѣянія» — таковы основные лозунги, вокругъ которыхъ идетъ борьба. Таково первое впечатлѣніе.

При дальнѣйшемъ изученіи спора картина значительно мѣняется. Вникая въ детали борьбы, постепенно приходишь къ выводу, что дѣло здѣсь не въ отдѣльныхъ проблемахъ, что намѣченные и оспариваемые пункты только лозунги, только стратегическія точки одного огромнаго сраженія по всему фронту уголовной науки между двумя непримиримыми врагами. Иными словами, споръ классиковъ и соціологовъ не есть только споръ о Vergeltungsstrafe и Schutzstrafe или о другихъ указанныхъ выше проблемахъ [1]).

Значеніе его несравненно важнѣе и причины несравненно глубже: этотъ споръ есть лишь симптоматическое проявленіе громадной революціи, происходящей въ сферѣ соціальнаго реагированія и врачеванія преступности, — діагностическій показатель того, что въ обществѣ произошелъ какой-то сдвигъ въ области пониманія преступленія, его оцѣнки и мѣръ борьбы съ нимъ. Этотъ сдвигъ неизбѣжно долженъ былъ дать знать о себѣ и въ теоріи. Классическая школа, приноровленная къ бывшему до сихъ поръ пониманію и соціальной оцѣнкѣ преступленія, повидимому уже не можетъ соотвѣтствовать новымъ запросамъ. Новое вино требуетъ и новыхъ мѣховъ. И исторія борьбы классиковъ сначала съ антропологами, потомъ съ соціологами убѣдительно показываетъ, какъ все болѣе и болѣе «просачивается» на поверхность теоріи громадный переломъ, совершающійся въ практикѣ, — въ самой соціальной жизни.

---

[1]) См. «Kritische Beiträge zur Strafrechtsreform», въ частности, работы: Die Vergeltungsidee» — Beling'a, «Der Vergeltungsgedanke — Köhler'a, «Was lässt von Liszt — Birkmeyer'a, его же, Studien zu dem Hauptgrundsatz d. modern. Richtung im Strafrecht, его же, Schuld u. Gefährlichkeit, Nagler'a, Verbrechensprofilaxe, Rohland'a, Die soziologische Strafrechtslehre и др.

Digitized by Google

Иными словами, громадное значеніе спора школъ заключается въ томъ, что этотъ споръ не есть только споръ объ отдѣльныхъ вопросахъ уголовнаго права, а борьба на жизнь и на смерть ясно опредѣлившагося и затвердѣвшаго въ своей организаціи существующаго уголовнаго права съ какимъ-то новымъ, идущимъ ему на смѣну преемникомъ, точные контуры котораго пока еще не вполнѣ ясны и самимъ его защитникамъ.

Таково то двойственное впечатлѣніе, которое получается при внимательномъ изученіи этой борьбы.

Но вѣрно ли послѣднее впечатлѣніе? Лежитъ ли въ основаніи спора дѣйствительно радикальная полярность двухъ позицій, для которыхъ никакой компромиссъ немыслимъ и невозможенъ, или же споръ базируется въ значительной степени на недоразумѣніи, на однобокости и узости спорящихъ, не понимающихъ другъ друга и не желающихъ примирить вполнѣ примиримое.

Если вѣрно первое положеніе, то ясно, что примиреніе немыслимо и споръ кончиться не могъ, и не можетъ, пока одна изъ сторонъ не разбита окончательно. Если же вѣрна вторая посылка, то, очевидно, примиреніе возможно, споръ можетъ и долженъ быть ликвидированъ посредствомъ синтеза правильныхъ пунктовъ той и другой стороны.

Мнѣ кажется истинной первая посылка, «третья» же школа считаетъ правильной второе допущеніе. Посмотримъ, насколько оно вѣрно и попутно очертимъ и позицію «третьей» школы.

§ 3.

Хотя «третья» школа и ведетъ свое начало отъ Меркеля, но формально родилась она очень недавно. Названіе «третьей» школы (не Итальянской, а Германской) появляется впервые едва ли не въ статьѣ Липманна: «Strafrechtsreform und Schulenstreit», напечатанной въ 28 т. «Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft». Главными представителями ея кромѣ Липманна и Hippel'я, по словамъ послѣдняго, являются: Bar, Lammasch, Stooss, Frank[1]). Къ этимъ именамъ слѣдуетъ причислить еще Rohwedder'a, упоминаемаго Липманномъ[2]), и графа Gleispach'a, указываемаго Биркмейеромъ[3]) и еще рядъ другихъ dii minores.

---

[1]) См. Hippel, Vorentwurf, Schulenstreit und Strafzwecke въ «Zeitschrift für d. ges. Strafrechtswissenschaft т. 30, стр. 871—918.

[2]) См. Liepmann, Die Lehre von Verbrechen und Strafe v. A. Merkel (1912), S. XXX.

[3]) См. Birkmeyer, Schuld und Gefährlichkeit. 1914. S. 8 и слѣд.

Digitized by Google

Въ чемъ же заключается «символъ вѣры» этой dritte Schule, придающій ей самостоятельное бытіе, отличное отъ «классическаго» и «соціологическаго» вѣроисповѣданій? Что заставило ее выйти изъ этихъ школъ и объявить себя автономной единицей, ведущей самостоятельное существованіе, независимое отъ той и другой школы?

Представители «старой» и «новой» школы называютъ ее эклектическимъ направленіемъ, не имѣющимъ собственной цѣнности, а паразитически живущимъ крохами, взятыми отъ стола «классицизма» и «соціологизма». Эта школа, объявляютъ они, есть продуктъ компромисса между двумя лагерами, ничего «своего» она не имѣетъ, и... только. Не только нѣмецкіе ученые, но и русскіе криминалисты, повидимому, склонны къ этому же мнѣнію [1]).

Иначе смотрятъ на дѣло сами представители этой школы. Обычно противополагаются, говоритъ Липманнъ, двѣ школы: 1) классическая школа возмездія, во главѣ съ Биркмейеромъ и 2) соціологическая школа цѣлевого наказанія, во главѣ съ Листомъ. Между тѣмъ, говоритъ онъ, «имѣется третья школа», вполнѣ самостоятельная, частично сходящаяся и расходящаяся съ обѣими школами. Эта школа ведетъ свое начало отъ Меркеля, который намѣтилъ основные пункты ея программы, и свободна отъ односторонностей и крайностей обѣихъ школъ [2]).

Въ такихъ же почти выраженіяхъ очерчиваетъ ее и Hippel. «Es gibt — aber, говоритъ онъ, eine mittlere Richtung unserer Wissenschaft, die das Gleiche tut. Sie hat sich dem Schulenstreite bewusstermassen kritisch gegenüberstellt [3]).

Итакъ, первая ея черта, это среднее мѣсто, занимаемое ею между «классиками» и «соціологами»...

Спросимъ себя теперь, что же она беретъ отъ однихъ и что отъ другихъ?

Резюмируя кратко ея основные пункты, можно обозначить ихъ въ такомъ видѣ:

I. Эмансипація вмѣняемости отъ вопроса о свободѣ — воли. Слѣдуя Меркелю она устами Липманна заявляетъ, что вопросъ о свободѣ воли не вліяетъ на проблему вмѣняемости. Хотя классики, въ лицѣ Биркмейера и связываютъ вмѣняемость съ индетерминизмомъ, а соціологи во главѣ съ Листомъ — съ детерминизмомъ, но ни апріорной, ни причинной связи между той и другой

[1]) См. напр., сообщеніе А. Н. Трайнина въ «Русской группѣ Международнаго союза криминалистовъ». S. 133 и слѣд. (1911 г.).
[2]) См. Liepmann, Strafrechtsreform u. Schulenstreit. «Zeitschrift» XXVIII т. Его же, Die Lehre v. Verbrechen und Strafe. Einleitung.
[3]) Hippel, Vorentwurf. S. 876.

Digitized by Google

проблемой нѣтъ. Это видно, хотя бы изъ того, что есть «соціологи» (напр., Принсъ) — индетерминисты, и есть классики, сторонники Vergeltungsstrafe — детерминисты. Указавъ на это, необходимо, однако добавить къ сказанному, что и Липманнъ, и Хиппель, и Франкъ — сами детерминисты [1]).

II) Такое же «среднее» положеніе занимаетъ «третья» школа и въ вопросѣ о сущности и цѣляхъ наказанія. Какъ извѣстно, противоположеніе «классической» и «соціологической» школы въ этомъ отношеніи выразилось въ лозунгахъ: Vergeltungsstrafe и Zweck- (или Schutz)-strafe.

«Третья» школа, подобно классикамъ, слѣдуя Меркелю, заявляетъ, что сущность наказанія — возмездіе (Vergeltung), но само возмездіе понимается здѣсь въ смыслѣ, отличномъ отъ Биркмейеровской школы. Подъ возмездіемъ третья школа понимаетъ въ лицѣ Липманна:

1) Реакцію на раздраженіе (Wirkung eines Geschehens), воспринимаемое какъ удовольствіе или неудовольствіе, и побуждающее къ противодѣйствію.

2) Реакцію, которая должна вести къ заглаженію или уничтоженію чувства неудовлетворенности и психическаго недовольства.

3) Заглаженіе (Ausgleichung), которое слѣдуетъ схемѣ: кто мнѣ сдѣлалъ добро, заслуживаетъ благодарности и удовольствія, кто причинилъ зло — долженъ претерпѣть за это страданіе [2]).

Таковы основныя черты возмездія въ пониманіи Липманна.

Близки къ указанному пониманію возмездія и точки зрѣнія Франка и Хиппеля. Если понимать подъ «возмездіемъ реакцію на поведеніе, которая соотвѣтствуетъ характеру послѣдняго», то «не только современное, но и всякое наказаніе есть и можетъ быть только возмездіемъ», говоритъ Франкъ. Положеніе, что «наказаніе не есть или не должно быть возмездіемъ — цѣликомъ ложно, такъ какъ оно противорѣчитъ себѣ самому» [3]).

«Потребность возмездія, какъ выраженіе самосохраненія, говоритъ Hippel, побуждаетъ какъ животныхъ, такъ и человѣка, къ насильственной защитѣ отъ насильственнаго нападенія; въ этомъ смыслѣ она является безусловно необходимымъ средствомъ самозащиты, орудіемъ въ борьбѣ за существованіе»... Это возмездіе или «заглаженіе зла, причиненнаго преступленіемъ, настоятельно требуется» и находитъ свое выраженіе въ древности въ формѣ

---

[1]) Liepmann, Strafrechtsreform. S. 9—11. Die Lehre. S. XI, XII. Frank, Vergeltungsstrafe u. Schutzstrafe. S. 24.

[2]) Liepmann, Strafrechtsreform. S. 5. См. также: Die Lehre v. Strafe. S. XII—XVI.

[3]) Frank, Vergeltungsstrafe. S. 6—8.

Digitized by Google

кровной мести, теперь — въ наказаніи, налагаемомъ государствомъ на преступника. Оно свойственно современному человѣку и если бы кто вздумалъ создавать уголовное право, игнорируя эту потребность, тотъ создалъ бы право, рѣшительно безполезное съ соціальной точки зрѣнія [1]).

Таковы вкратцѣ основныя черты возмездія въ пониманіи «третьей» школы [2]).

Какъ видно изъ сказаннаго, въ данномъ пунктѣ «третья» школа весьма близко подходитъ къ классикамъ. Главное отличіе отъ послѣднихъ здѣсь то, что «третья» школа не такъ рѣзко выдѣляетъ сознательность этой реакціи и обусловленность ея «виной». Для классиковъ же понятіе возмездія логически предполагаетъ: а) предыдущее дѣяніе, в) это дѣяніе должно быть противоправнымъ и с) «виновнымъ». Возмездіе мыслимо только какъ сознательная контръреакція на подобнаго рода поступокъ [3]). Въ этомъ смыслѣ, нѣкоторые изъ нихъ включаютъ въ понятіе возмездія не только дескриптивные, но и нормативные элементы. «Возмездіе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ должнымъ и недолжнымъ», подчеркиваетъ неоднократно Роландъ, какъ и другіе классики.

У «третьей» же школы возмездіе имѣетъ характеръ почти дескриптивный. Для нея «возмездіе» и «справедливое возмездіе» не синонимы, тогда какъ для классиковъ съ ихъ нормативнымъ пониманіемъ Vergeltung то и другое синонимы [4]).

Такимъ образомъ въ пониманіи сущности наказанія, какъ возмездія, третья школа сближается съ классиками, хотя въ игнорированіи нормативныхъ элементовъ возмездія она уже приближается къ соціологамъ, точно также не отрицающимъ наличность элемента возмездія въ наказаніи, но учитывающимъ его, какъ простой фактъ, а не какъ нѣчто «должное» или неизбѣжно долженствующее быть цѣлью наказанія. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что Липманнъ допускаетъ наказаніе и безъ элементовъ всякаго возмездія. Было бы невѣрно, говоритъ онъ, полагать, что jede Strafe sei Vergeltung. Ibid. 5—6, 19—20. См. возраженіе Франка, op. cit., стр. 8.)

---

[1]) Hippel, Vorentwurf. S. 882—883.

[2]) См. подробное изложеніе пониманія «возмездія» «третьей» школой, а равно и др. школами въ недавно-вышедшемъ капитальномъ трудѣ проф. А. А. Жижиленко, Наказаніе (1914), ч. II и passim.

[3]) См. Birkmeyer, Was lässt. 10, Schuld und Gefährlichkeit. 106—7. Rohland, Die soz. Strafrechtslehre, 34—37. Nagler, Verbrechensprofilaxe, S. 8. Beling, Die Verg-ngsidee § 5 и вся 1-я часть.

[4]) См. напр., Роландъ, ibid, 19, 23—30. «Vergeltung und gerechte Vergeltung fallen in unserem Anschauungen derart zusammen, dass wenn wir von Vergeltung reden, wir damit immer gerechte Vergeltung meinen», 29 и вышеуказанныя страницы др. классиковъ.

Digitized by Google

Но разъ это такъ, то спрашивается, въ чемъ же расходится съ классиками и въ чемъ сходится съ «соціологами» въ пониманіи наказанія эта школа.

Отвѣтъ долженъ быть таковымъ: для классиковъ, если не исключительной, то все же основной цѣлью наказанія является само возмездіе («справедливое возмездіе»), въ этомъ смыслѣ содержаніе и цѣль наказанія для нихъ совпадаютъ. Если наказаніе и выполняетъ добавочныя функціи (улучшеніе, воспитаніе, устрашеніе и т. д.), то это лишь добавочныя, фактическія, а не логически связанныя съ сущностью наказанія — возмездія функціи [1]).

«Третья» же школа рѣшительно разрываетъ «классическое» единство содержанія и цѣли наказанія. Содержаніе наказанія — одно, говорятъ ея представители, а цѣль — совершенно другое. Да, содержаніе наказанія — возмездіе, и въ этомъ правы классики, но содержаніе — не цѣль, цѣль нѣчто совершенно отличное отъ содержанія, а потому возмездіе, вопреки классикамъ не можетъ быть цѣлью наказанія, по крайней мѣрѣ главной или единственной. Въ этомъ смыслѣ, продолжаетъ «третья школа», правы соціологи, которые дѣлаютъ изъ наказанія средство, цѣли котораго лежатъ внѣ возмездія и заключаются, въ частности, въ защитѣ общества.

А разъ это такъ, то нѣтъ никакой противоположности между Zweckstrafe и Vergeltungsstrafe и безполезенъ весь тотъ споръ, который идетъ-изъ за этого между «соціологами» и «классиками».

Таковъ въ суммарномъ видѣ тотъ мостикъ, по которому «dritte Schule» перебѣгаетъ отъ «классиковъ» въ станъ «соціологовъ» и примиряетъ обѣ школы въ своемъ лонѣ.

«Цѣль явленія, говоритъ Франкъ, лежитъ всегда внѣ его содержанія», а потому, «нѣтъ противоположности между Zweckstrafe и Vergeltungsstrafe, такъ какъ каждое наказаніе есть Vergeltungsstrafe и такъ какъ съ каждымъ наказаніемъ связанъ вопросъ о его цѣли». Воздаяніе не есть цѣль наказанія. Его цѣлью въ конечномъ счетѣ является сохраненіе соціальнаго порядка [2]). Хотя сущность наказанія и есть возмездіе, но «само Vergeltung не безцѣльно, а преслѣдуетъ великую цѣль защиты общества и правового порядка», говоритъ Липманнъ. На ряду съ этимъ оно служитъ цѣли: а) избавленія самого преступника отъ линчеванія, в) удовлетворяетъ надлежащую потребность пострадавшаго и его близкихъ, с) является орудіемъ самосохраненія государства, и,

---

[1]) См. Nagler, ibid. § 9 и 10, Rohland, ibid. 23 и др. Birkmeyer, Schuld. S. 106 и др.

[2]) Frank, ibid. 8, 22.

Digitized by Google

наконецъ, d) представляетъ благодаря неодобренію, выражающемуся въ обвинительномъ приговорѣ, одно изъ мотиваціонныхъ и превентивныхъ средствъ борьбы съ преступностью [1]).

Возмездіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, почти съ первыхъ поръ уже служило средствомъ для самосохраненія примитивныхъ группъ. Возмездіе же, выполняемое государствомъ, не есть инстинктивное удовлетвореніе потребности, или осуществленіе категорическаго императива, а есть «Zweckstrafe» и только постольку оправдываемо, поскольку оно находится на службѣ государственнымъ цѣлямъ [2]).

То же съ небольшими варіаціями говоритъ и Hippel. Не только возмездіе является цѣлью наказанія, на ряду съ нимъ здѣсь выступаютъ и другія цѣли: общее и спеціальное предупрежденіе.

Не останавливаясь подробнѣе на этомъ пунктѣ сказанное можно резюмировать такъ: «третья» школа въ вопросѣ о наказаніи занимаетъ среднюю позицію между приверженцами Vergeltungsstrafe и сторонниками Schutz - Zweckstrafe. Вмѣстѣ съ первыми она считаетъ содержаніемъ или сущностью наказанія возмездіе (хотя Липманнъ допускаетъ и наказанія, не содержащія возмездія), вмѣстѣ съ соціологами, благодаря раздѣленію цѣли наказанія отъ его содержанія, она полагаетъ, что воздающее наказаніе не есть и не должно быть безцѣльнымъ наказаніемъ, а должно служить цѣлямъ защиты общества и поддержанія правопорядка. Франкъ кратко формулируетъ эту мысль такъ: «Мой девизъ гласитъ, говоритъ онъ, Возмездіе? — Да! но только въ границахъ справедливости и цѣлесообразности» [3]).

III. Изъ даннаго рѣшенія этого вопроса самъ собой вытекаетъ отвѣтъ «третьей» школы и на вопросъ: «Репрессія или превенція», вопросъ, какъ извѣстно, послужившій также предметомъ горячихъ схватокъ двухъ школъ и по существу являющійся иной формулировкой того же спора: Vergeltungsstrafe или Schutzstrafe.

Ни та, ни другая сторона неправа, говоритъ dritte Schule, ибо всякая репрессія является въ то же время и превенціей. Классики, рѣшительно раздѣляя превенцію и репрессію, опираются на то, что репрессія есть возмездіе за совершенное уже преступное дѣяніе, тогда какъ превенція предполагаетъ только возможность или опасность совершенія такового, а не случившійся фактъ виновнаго нарушенія нормы... Соціологи, наоборотъ, на фактъ содѣянія смотрятъ только, какъ на одинъ изъ «симптомати-

[1]) Liepmann, Strafrechtsreform, 6—7.
[2]) Liepmann, Die Lehre v. A. Merkel. S. XIV.
[3]) Ibid. 25.

Digitized by Google

ческихъ» признаковъ преступнаго настроенія (слѣд., соціальной опасности) преступника. Поэтому, задачей уголовнаго права они считаютъ предупрежденіе преступнаго дѣянія, лишеніе преступника тѣмъ или инымъ путемъ (устрашенія, улучшенія, обезвреженія и общей превенціи) возможности совершать преступленія и тѣмъ угрожать правовому порядку. «Третья» школа, оспаривая положенія той и другой стороны, аргументируетъ такъ: въ виду того, что функціи и цѣли наказанія не исчерпываются однимъ возмездіемъ, а включаютъ и улучшеніе, и устрашеніе и обезвреженіе преступниковъ, а равно и укрѣпленіе правовыхъ чувствъ, то тѣмъ самымъ наказаніе — репрессія неизбѣжно вліяетъ и на будущее; слѣдовательно будучи по отношенію къ прошлому репрессіей, она по отношенію къ будущему представляетъ превенцію. «Никакая опредѣленная граница между репрессіей и превенціей невозможна», говоритъ Липманнъ, такъ какъ «нѣтъ наказанія, которое въ то же время не хотѣло бы быть превенціей и не возбуждало бы или въ самомъ преступникѣ или въ другихъ лицахъ мотивовъ, удерживающихъ отъ преступленія»[1]).

То же говоритъ и Hippel. Подобно Липманну и онъ въ наказаніи на ряду съ репрессіей усматриваетъ превенцію. Однако, онъ, повидимому, идетъ не такъ далеко, какъ Липманнъ. Упрекая Биркмейера за его односторонность, онъ говоритъ, что «мѣры соціальной защиты (превенція) могутъ возникать и по поводу совершеннаго (а не только будущаго) правонарушенія. Здѣсь они выступаютъ вмѣстѣ съ наказаніемъ и другими мѣрами (въ особенности вознагражденіемъ за убытки и принужденіемъ), подъ высшимъ понятіемъ правовыхъ слѣдствій для борьбы съ совершеннымъ правонарушеніемъ». Логическое различіе между ними то, что «наказаніе преслѣдуетъ и возмездіе, *и* превенцію, мѣры же соціальной защиты — только превенцію»[2]).

Такова же приблизительно и точка зрѣнія Франка[3]).

IV. Переходя къ слѣдующимъ пунктамъ спора школъ, посмотримъ, какъ рѣшаетъ третья школа проблему: дѣяніе или дѣятель должно быть наказываемо, являющуюся лозунгомъ другого болѣе общаго спора: симптоматически или реалистически должно быть понимаемо преступленіе.

Сущность этого спора между классиками и соціологами, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему: для первыхъ важенъ самъ фактъ преступнаго дѣянія, какъ виновнаго противоправнаго по-

---

[1]) Liepmann, Die Lehre, XXV—XXX и XV—XVI.
[2]) Hippel, op. cit. 877 и 900.
[3]) Frank, ibid. 20—22.

Digitized by Google

ступка. «Мы, говоритъ Биркмейеръ, хотимъ наказывать преступника не за то, что онъ есть, какъ полагаетъ Листъ, и не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ сдѣлалъ и желалъ сдѣлать»[1]). Для классиковъ виновное содѣяніе преступленія — реальный фактъ, необходимо и достаточно опредѣляющій собой наказаніе и его мѣру. Соединяя субъективную и объективную сторону преступленія они получаютъ критерій для опредѣленія вида наказанія: чѣмъ болѣе воленія совершить преступленіе — виновности въ формѣ неосторожности или умысла и чѣмъ болѣе тяжко само преступленіе, тѣмъ болѣе суровымъ должно быть наказаніе (Schuldstrafe).

Иначе смотритъ на дѣло «симптоматическое» направленіе. Такъ какъ задачей наказанія является защита общества и правопорядка, то дѣло не въ дѣяніи, какъ таковомъ; дѣло въ дѣятелѣ; если онъ опасенъ, если въ немъ преступныя побужденія крѣпко укоренились, то задача криминалиста не въ томъ, чтобы карать уже совершившійся фактъ дѣянія, а чтобы избавить общество впредь отъ такихъ преступленій. Для общества не важно, насколько интенсивна была вина дѣятеля, а важно, насколько грозитъ онъ обществу. А такъ какъ дѣянія человѣка причинно обусловлены, то важно выяснить, къ какому типу преступниковъ принадлежитъ тотъ или иной преступникъ. Если онъ принадлежитъ къ типу «случайныхъ» преступниковъ, совершившихъ преступленіе лишь благодаря случайному неблагопріятному стеченію обстоятельствъ, то, очевидно, онъ не опасенъ для общества и его можно оставить безнаказаннымъ. Если же передъ нами «неисправимый» преступникъ, который «обреченъ» на совершеніе преступленія, то, очевидно, онъ опасенъ для общества, а потому, разъ его «неисправимость» установлена тѣмъ или инымъ путемъ, то хотя бы онъ и не совершилъ еще дѣянія, онъ все равно долженъ быть «обезвреженъ». Преступное дѣяніе въ этомъ смыслѣ есть лишь одинъ изъ діагностическихъ или симптоматическихъ признаковъ преступнаго характера даннаго человѣка[2]).

Коротко говоря, эта полярность выразилась въ рядѣ краткихъ лозунговъ: «реалистическое или симптоматическое значеніе преступленія. Schuldstrafe или Gesinnungsstrafe (Charakterstrafe) Die Tat или der Täter долженъ быть наказанъ и т. д.

Такова картина спора.

«Третья» школа и здѣсь беретъ «среднюю» позицію.

Прежде всего, заявляетъ Липманнъ, классики слишкомъ многое

---

[1]) Birkmeyer, Studien. S. 17.

[2]) См. Tesař, Die symptomatische Bedeutung des verbrecherischen Verhalten (1907).

Digitized by Google

приписали соціологамъ и, въ частности, Листу. Вѣдь и соціологи хотятъ наказывать не до, а послѣ совершенія преступленія. Положеніе: «не дѣяніе, но виновникъ долженъ быть наказанъ» говоритъ лишь о томъ, что «новое» направленіе требуетъ болѣе сознательной борьбы съ причинами преступности; борьба противъ антисоціальнаго настроенія виновника есть лишь слѣдствіе изъ этого положенія, такъ какъ къ факторамъ преступности принадлежитъ и само антисоціальное отрицаніе другого и его интересовъ. Воздаяніе реагируетъ лишь на слѣдствія преступленія. Кромѣ слѣдствій же есть еще причины. Если наказаніе боролось до сихъ поръ противъ этихъ слѣдствій, то отсюда не слѣдуетъ, что нельзя и не нужно бороться противъ причинъ, или что борьба съ этими причинами, коренящимися въ характерѣ преступника, противорѣчитъ борьбѣ съ слѣдствіями. Противоположность лозунговъ: «дѣяніе» или «виновникъ» есть лишь невѣрно понятое различіе борьбы съ «послѣдствіями» и съ «причинами» преступленія. Отсюда выводъ: противоположеніе это — ложно, оно сводится къ различію, а не къ противорѣчію борьбы съ причинами и послѣдствіями преступленія. Да и само воздающее наказаніе, продолжаетъ Липманнъ, базируется не только на «винѣ», но и на «опасности» преступника, назначая болѣе строгую кару, напр., за рецидивъ, за обычное или профессіональное преступленіе и т. д. Кромѣ того, и теперь уже есть наказанія, исходящія не изъ возмездія[1]).

Таковъ вкратцѣ отвѣтъ, которымъ «третья» школа пытается примирить противниковъ.

Близка къ сказанному и точка зрѣнія Hippel'я. И онъ, доказывая, что германскій проектъ выражаетъ принципы «третьей школы», указываетъ какъ на аргументъ на то, что въ немъ дѣяніе учитывается и «въ качествѣ симптома преступнаго настроенія и по своей объективной сторонѣ». Слѣдовательно, проектъ выражаетъ синтезъ симптоматизма съ реализмомъ, т.-е. то, что утверждаетъ третья школа[2]). Правильно, говоритъ онъ далѣе, школа возмездія отрицаетъ чисто симптоматическое пониманіе преступленія, утверждающее, что дѣяніе есть лишь показатель преступнаго настроенія и одинъ изъ поводовъ для наказанія виновника. Но неправильно ея пониманіе вины; она знаетъ лишь неосторожность и умыселъ и ихъ считаетъ показателями интенсивности вины. Между тѣмъ вина колеблется не въ зависимости отъ неосторожности или умысла, а въ зависимости отъ степени испорченности или необдуманности (nach der Intensität der Schlechtigkeit oder Unbesonnenheit), которыя

[1]) Liepmann, Strafrechtsreform. 12—20.
[2]) Hippel, ibid. 892.

Digitized by Google

и выступаютъ для насъ въ умышленномъ или неосторожномъ поступкѣ.

Выясненіе же и опредѣленіе этой интенсивности преступнаго настроенія требуется одинаково и потребностью возмездія и защиты. А для этого средствомъ можетъ служить не только само дѣяніе, но и другіе признаки, въ частности, изученіе предыдущей жизни и поведенія даннаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ правы сторонники положенія: не дѣяніе, но дѣятель, или антисоціальное настроеніе преступника должно быть наказано; той же степенью преступности этого настроенія долженъ предопредѣляться и размѣръ наказанія. Лишнимъ аргументомъ Hippel'ю служитъ тотъ фактъ, что многіе изъ классиковъ учитывали это обстоятельство[1]).

Слѣдовательно, и для Hippel'я возможно примиреніе противниковъ, реализма и симптоматизма, Schuldstrafe и Gesinnungstrafe.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности я ограничусь сказаннымъ въ изложеніи позиціи «третьей» школы. Изъ приведенныхъ примѣровъ, указывающихъ способы рѣшенія ею основныхъ пунктовъ уголовнаго права, сами собой вытекаютъ далѣе ея отвѣты на второстепенные вопросы... Излагать ихъ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что и сами представители этой школы подробностей спеціально не касались.

§ 4.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ «третью» школу, вернемся теперь снова къ поставленному выше вопросу: можетъ ли считаться законченнымъ споръ классиковъ и соціологовъ? права ли третья школа, утверждающая, что этотъ споръ былъ основанъ на однобокости противниковъ, что онъ теперь исчерпанъ и что «третья школа» и есть та новая школа, которая выросла изъ этого спора и въ программѣ которой нашли выраженіе правильные тезисы той и другой стороны?

А что она такъ думаетъ, это ясно провозглашалось ею не разъ, какъ не разъ она заявляла, что новые проекты уголовнаго уложенія (германскій и австрійскій) выразили именно ея программу, а не программу соціологовъ или классиковъ. Такія утвержденія слишкомъ отвѣтственны, чтобы пройти мимо нихъ...

Споръ школъ конченъ, заявляетъ Hippel. «Теоретически онъ конченъ потому, что основы этого спора были узки и односторонни, ибо Истина лежитъ на срединѣ». Практически потому, что Бирк-

[1]) Ibid. 910—913.

Digitized by Google

мейеръ (отказывающійся считать споръ конченнымъ), не имѣетъ права выдавать свои воззрѣнія за выраженіе взглядовъ классической школы, а также потому, что проекты показываютъ именно побѣду третьей школы[1]).

То же говоритъ и Липманнъ. «Споръ школъ, пишетъ онъ превзойденъ»[2]). Недоразумѣніемъ считаетъ его и Франкъ[3]). Выразителемъ взглядовъ «третьей школы» считаетъ проекты и графъ Глейспахъ[4]).

Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ зависитъ прежде всего отъ рѣшенія основного вопроса: правильны ли тезисы «третьей» школы. Если сами по себѣ они правильны, то естественно споръ «неправильныхъ» школъ долженъ быть конченъ, ибо обѣ опѣ заблуждались... Въ этомъ случаѣ остается отказаться отъ своего символа вѣры и... перейти къ символу вѣры «третьей школы».

Въ виду этого мы и попытаемся отвѣтить на поставленный вопросъ. Изъ того или иного характера отвѣта — сами собой вытекутъ отвѣты и на остальные вопросы, въ томъ числѣ, и на основной вопросъ статьи: законченъ ли споръ школъ или нѣтъ.

Съ перваго взгляда «третья» школа производитъ весьма выгодное впечатлѣніе.

Теоретики разбираемаго направленія болѣе осторожны, не такъ прямолинейны и обладаютъ бо́льшей способностью остановиться, когда нужно, на серединѣ пути, не желая доходить до «конечныхъ безднъ»... Пусть эта школа является компромиссомъ между двумя врагами, это, однако, не мѣшаетъ ей быть «единствомъ». Пусть также германскій и австрійскій проекты (въ особенности § 43 послѣдняго) выражаютъ компромиссъ между тѣми же школами, это, однако, не мѣшаетъ «третьей» школѣ считать эти проекты «своими», такъ какъ основы проектовъ дѣйствительно совпадаютъ съ основами «dritte Schule».

Мало того, лично я склоненъ даже думать, что практическое законодательство въ области уголовнаго права въ данный моментъ опирается — и должно опираться именно на «третью» школу, а не на соціологовъ или классиковъ: зданіе послѣднихъ требуетъ большой починки, которая исторически невозможна, первые же, пока не имѣютъ еще своего зданія, а обладаютъ только развѣ фундаментомъ его. Цѣлое же ихъ — пока неясно и туманно и находится въ области скорѣе мечтаній, чѣмъ «бытія».

---

[1]) Hippel, ibid. 905, 876, 890—92.
[2]) «Die Lehre». XXX.
[3]) «Vergeltungsstrafe». 3, 4.
[4]) См. Gleispach, Schuldproblem.

Digitized by Google

Отсюда понятно, что законодателю не остается ничего иного, какъ воспользоваться программой третьей школы, которая оставила скелетъ зданія классической школы, но слѣдуя духу времени, основательно отремонтировала и модернизировала его подъ «соціологическій стиль», взявъ у послѣдняго то, что уже имѣетъ форму «бытія», а не только «мечтанія».

Говоря коротко, въ данный моментъ третья школа кажется намъ единственной школой, программа которой могла бы быть практически осуществимой. Практика всегда компромиссна, а потому практически осуществимы всегда только компромиссныя же рѣшенія.

Если же посмотрѣть на ея тезисы съ точки зрѣнія теоретической послѣдовательности, то выводъ получится едва ли въ ея пользу.

Подойдемъ къ ея положеніямъ съ послѣдней точки зрѣнія. Возьмемъ основной для каждой школы вопросъ — о сущности и цѣляхъ наказанія. Какъ выше было указано, формула наказанія третьей школы гласитъ: сущность наказанія — возмездіе, цѣль наказанія-возмездія — защита общества и правопорядка.

Допустимъ, что это такъ и спросимъ себя: насколько совмѣстимы эти два принципа, если логически провести ихъ до конца?

Допустимъ, что сущность наказанія — возмездіе. Но составляетъ ли оно логическую сущность наказанія, безъ котораго оно немыслимо, или же нѣчто только фактическое, которое можетъ быть, но можетъ и не быть? Какъ мы видѣли, Липманнъ склоненъ къ послѣднему мнѣнію: онъ допускаетъ виды наказаній, возникающихъ не на основѣ воздаянія и не являющихся возмездіемъ. Нельзя утверждать, говоритъ онъ, что «jede Strafe ist Vergeltung» [1]).

Но если это такъ, то позволительно спросить, какой же въ концѣ концовъ неотъемлемый и неизбѣжный признакъ наказанія съ точки зрѣнія Липпанна? Не ясно ли, что этой своей оговоркой онъ свелъ «на нѣтъ» положеніе: «сущность наказанія — возмездіе»? Въ итогѣ — понятіе наказанія совершенно расплывается, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ опредѣленное содержаніе и само основное положеніе третьей школы, приведенное выше. «Большая посылка» Липманна: «сущность наказанія — возмездіе» противорѣчитъ малой посылкѣ: «не всякое наказаніе есть воздаяніе».

Другіе представители этой школы, повидимому, учли эту опасность и рѣзко подчеркнули свое несогласіе съ Липпанномъ въ данномъ пунктѣ [2]). Они категорически заявляютъ, что внѣ возмездія нѣтъ и наказанія [3]).

---

[1]) Liepmann, Strafrechtsreform. 19.
[2]) Frank, ibid. 8.
[3]) Frank, ibid. passim.

Digitized by Google

Встанемъ на эту точку зрѣнія и спросимъ себя: всегда ли можно совмѣстить возмездіе съ поставленной цѣлью? Иначе говоря, дѣйствительно ли Vergeltungsstrafe никогда не противорѣчитъ Zweckstrafe?

Третья школа, утверждающая подобную совмѣстимость, и въ данномъ пунктѣ не позаботилась дать сколько-нибудь яснаго понятія возмездія. А между тѣмъ, какъ показываетъ недавно вышедшая работа проф. А. А. Жижиленко [1]) — это понятіе чрезвычайно неясно. То же, что имѣется на этотъ счетъ у Франка и Hippel'я — весьма неопредѣленно. Vergeltung, говоритъ Франкъ, ist eine Reaction auf ein Verhalten, die dessen Charakter entspricht. Oder: Vergeltung ist eine Character der Aktion entsprechende Reaktion». Даетъ ли что-нибудь это опредѣленіе? Развѣ не подойдетъ подъ него всякій актъ? Развѣ всякій актъ — реакція, уже въ силу того, что онъ выразился въ данной, а не въ иной формѣ, съ причинной точки зрѣнія не есть актъ, соотвѣтствующій вызвавшему его акту? а тѣмъ самымъ развѣ не будетъ онъ возмездіемъ? Если же это такъ, то развѣ не большинство актовъ подойдутъ подъ это опредѣленіе. Въ итогѣ и у Франка наказаніе теряетъ свои ясные контуры и мы остаемся лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то нея̀снымъ, безформеннымъ, что ни опровергать, ни доказывать нельзя. Нетрудно понять, что, оперируя съ такимъ туманнымъ понятіемъ легко совмѣщать многое несовмѣстимое, но... вѣдь и цѣнность такого совмѣщенія едва ли очень велика.

То же можно было бы показать и на примѣрѣ Hippel'я.

Изъ сказаннаго выводъ одинъ: чрезвычайная эластичность и примирительно-синтезирующій талантъ третьей школы вытекаетъ изъ отсутствія въ ней ясныхъ опредѣленій и неяснаго употребленія ею основныхъ терминовъ. При попыткѣ отдать отчетъ въ этомъ синтезѣ мы наталкиваемся или на противорѣчія (Липманнъ), или на неопредѣленность (Франкъ, Хиппель).

Лично мы также считаемъ сущностью наказанія — возмездіе, и вполнѣ присоединяемся къ его опредѣленію, данному проф. А. А. Жижиленко въ его «Наказаніи» [2]); но именно это-то и заставляетъ насъ думать, что возмездіе далеко не всегда совмѣстимо съ цѣлесообразностью, и съ принципомъ охраны правопорядка и защиты общества. Наказаніе безъ возмездія (въ пониманіи проф. Жижиленко) не мыслимо. И если возмездный элементъ все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ обихода борьбы съ преступностью

[1] А. Жижиленко, Наказаніе (1914).
[2]) См. Жижиленко, Наказаніе, стр. 167—8.

Digitized by Google

то это не значитъ, что возмездіе наказанія становится все болѣе и болѣе цѣлесообразнымъ, какъ думаетъ третья школа, а значитъ, что само наказаніе — возмездіе вымираетъ, уступая мѣсто мѣрамъ совершенно иного рода, какъ справедливо полагаетъ А. А. Жижиленко[1]).

И стоитъ перейти къ конкретнымъ отношеніямъ, примѣняя къ нимъ принципы «возмездія» и «защиты общества», синтезируемыя третьей школой, чтобы сразу же ясной стала «видимость» синтеза и несовмѣстимость синтезируемыхъ третьей школой принциповъ.

Примѣры:

а) Третья школа говоритъ, что она синтезируетъ Vergeltung и Zweck. «Vergeltung! aber innerhalb der Grenzen der Gerechtigkeit und der Zweckmässigkeit», восклицаютъ и Франкъ, и Липманнъ, и Hippel.

Однако стоитъ представить себѣ фактъ, хотя бы, дѣянія, совершеннаго «случайнымъ» преступникомъ, изъ высокихъ мотивовъ, при случайно-неблагопріятныхъ обстоятельствахъ — и этотъ синтезъ сразу разлетается... Vergeltung — здѣсь требуетъ кары, принципъ цѣлесообразности защиты общества ее отрицаетъ. Гдѣ же синтезъ? Его нѣтъ, каждый изъ возможныхъ исходовъ — отрицаетъ другой. Если накажемъ — то погрѣшимъ противъ цѣлесообразности, если не накажемъ — погрѣшимъ противъ Vergeltung.

b) Та же «противорѣчивость проявляется и въ другихъ синтезахъ» dritte Schule. Мы видѣли, какъ синтезируетъ она репрессію и превенцію, наказаніе дѣянія и дѣятеля, «симптоматизмъ и реализмъ», Gesinnungsstrafe и Schuldstrafe. Но развѣ не ясно, что это синтезированіе есть лишь словесное объединеніе того, что не можетъ быть объединено.

Изъ предыдущаго примѣра уже видно, что антагонизмъ Schuldstrafe и Gesinnungsstrafe третьей школой не уничтоженъ.

Съ точки зрѣнія «вины» «дѣятель» долженъ быть наказанъ, съ точки зрѣнія Gesinnungsstrafe — нѣтъ.

Точка зрѣнія репрессіи требуетъ наказанія, точка зрѣнія превенціи отрицаетъ его.

«Реалистическое» пониманіе преступленія требуетъ наказанія, симптоматическое — противится наказанію.

Возьмите обратный примѣръ: опаснаго субъекта, «неисправимаго» преступника, но еще не совершившаго преступленія. Здѣсь полярность элементовъ, «синтезируемыхъ» третьей школой, опять выступаетъ на лицо только въ обратномъ порядкѣ.

---

[1]) А. Жижиленко, ibid. 247—8.

Digitized by Google

Съ точки зрѣнія: «не дѣяніе, но дѣятель долженъ быть наказанъ» — данное лицо должно быть «обезврежено». Съ точки зрѣнія обратной — для «обезвреженія» нѣтъ основаній. Правда, Липманнъ, говоритъ на это, что и самъ Листъ хочетъ наказывать не до, а лишь послѣ совершенія дѣянія. Но... если бы даже это было и такъ (хотя у Листа же можно найти основанія и для иного вывода), для насъ не важно, до какихъ поръ идетъ Листъ, а важно, вытекаетъ ли то или иное слѣдствіе изъ того или иного принципа. Изъ принципа же: «не дѣло, но виновникъ долженъ быть наказанъ», плюсъ принципъ Schutzstrafe, плюсъ — симптоматическое пониманіе преступленія — съ логической неизбѣжностью вытекаетъ какъ необходимость «обезвреженія» даннаго субъекта (разъ установлена опасность даннаго индивида — не важно — совершилъ или не совершилъ онъ дѣяніе), такъ и многочисленный рядъ другихъ выводовъ, вполнѣ послѣдовательно сдѣланныхъ Birkmeyer'омъ и его единомышленниками[1]).

Каждая пара враждующихъ лозунговъ (начиная съ основныхъ и кончая третьестепенными пунктами уголовнаго права), якобы синтезируемая «третьей» школой въ одно органическое единство, при попыткѣ вывести изъ этой синтетической формулы практическіе результаты — сразу же разрываетъ призрачную вуаль синтеза и обнаруживаетъ свою автономную непримиримость. Законодатель же, пытающійся базироваться на основахъ третьей школы, ставится въ безвыходное положеніе: почва уходитъ изъ подъ его ногъ и вмѣсто цѣльной основы онъ оказывается принужденнымъ постоянно перескакивать отъ классиковъ къ соціологамъ, отъ послѣднихъ обратно къ первымъ. Такъ фактически онъ и дѣлалъ при составленіи германскаго и австрійскаго проекта.

«Третья» школа права, когда заявляетъ, что эти проекты стоятъ на ея точкѣ зрѣнія, но права не потому, что у ней есть своя органически цѣльная платформа, а потому, что сама-то ея платформа есть простой компромиссъ между той и другой школой.

Говоря силлогистически, мы можемъ сказать: «третья школа есть компромиссъ между двумя крайними школами, проекты стали на почву того же компромисса; отсюда — проекты выразили программу третьей школы.

Выводъ, оправдывающій притязанія послѣдней, но оправдывающій и мнѣнія двухъ остальныхъ школъ, опредѣляющихъ проекты, какъ компромиссъ между той и другой стороной.

---

[1]) См. въ особенности работы Birkmeyer'a, Studien, Was lässt v. Liszt, Schuld u. Gefährlichkeit, Rohland'a, Die soz. Strafrechtslehre, Nagler'a и др.

Digitized by Google

Срезюмируемъ сказанное о третьей школѣ:

1) Утвержденіе «третьей» школы, что она есть автономная школа, обладающая своей органически цѣльной и единой программой, невѣрно, ибо: а) основныя ея понятія либо противорѣчивы, либо неясны, либо лишены сколько-нибудь опредѣленнаго содержанія, в) возможность ея примирительнаго синтетизма объясняется и покоится именно на этой неясности и туманности, с) сама эта синтетичность лишь «видимость»: антагонизмъ элементовъ, синтезируемыхъ школой, не только не уничтоженъ, но даже и не уменьшенъ; онъ только прикрытъ «объединяющими» словами.

А изъ сказаннаго вытекаетъ, что ликвидировать спора третьей школѣ не удалось; она этого не сдѣлала да и не можетъ сдѣлать, а потому — утвержденія третьей школы, — что споръ превзойденъ, невѣрны. Враги живы и попрежнему непримиримы!

§ 5.

Разсмотрѣніе третьей школы показало, что синтезъ ея не удался, а потому не обосновано и ея мнѣніе, что споръ превзойденъ. Напротивъ, изъ этого разсмотрѣнія слѣдуетъ, что синтезъ едва ли возможенъ и едва ли мыслимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ синтезировать А и non-A? А въ данномъ случаѣ положеніе весьма близко къ этому противорѣчію. Биркмейеръ былъ правъ, когда въ своемъ памфлетѣ «Was lässt von Liszt» заявилъ, что Листъ не оставляетъ отъ уголовнаго права ничего, ни одного камня, что послѣдовательное проведеніе его рецептовъ есть полное уничтоженіе современнаго уголовнаго права.

Для насъ здѣсь не важно, обречено ли на гибель уголовное право, построенное на принципѣ возмездія[1]), а важенъ самъ фактъ этой непримиримости.

Послѣдовательно проводя принципы соціологической школы и сравнивая выводы съ соотвѣтствующими положеніями классиковъ, мы получаемъ, приблизительно такую таблицу.

1) Соціологи: разъ опасность преступника установлена, то онъ долженъ быть обезвреженъ, т.-е. наказанъ, хотя бы еще и не совершилъ преступнаго дѣянія.

Классики: наказаніе недопустимо. («Да» и «Нѣтъ».)

---

[1]) Въ данномъ вопросѣ правъ А. А. Жижиленко, считающій вымираніе его весьма вѣроятнымъ. См. «Наказаніе», стр. 247. См. также: Сорокинъ, Преступленіе и кара, подвигъ и награда, гл. VIII—X.

Digitized by Google

2) Соціологи: если виновникъ дѣянія «случайный» преступникъ — наказаніе къ нему не должно быть приложено.

Классики: Онъ долженъ быть наказанъ (Нѣтъ и Да).

3) Соціологи: Умыселъ, разъ онъ установленъ и долженъ былъ вызвать дѣяніе, — наказуемъ.

Классики: cogitationis poenam nemo patitur (да и нѣтъ).

4) Соціологи: при одинаковомъ преступномъ настроеніи покушеніе должно быть наказуемо наравнѣ съ выполненіемъ.

Классики: не одинаково.

5) Соціологи: наказаніе должно быть пропорціонально глубинѣ и опасности преступнаго настроенія.

Классики: должно быть пропорціонально: объект. сторонѣ + субъективная сторона преступленія.

6) Соціологи: въ отношеніи наказуемости уничтожается разница между вмѣняемыми и невмѣняемыми, ибо и невмѣняемые опасны, а потому должно быть такъ или иначе обезврежены.

Классики: различіе между вмѣняемыми и невмѣняемыми громадно. Первые наказуемы, вторые — нѣтъ.

Продолжая такимъ же путемъ «очную ставку», можно было бы, показать, что по всему фронту уголовной науки, вплоть до деталей (понятіе dolus, culpa, конструкція соучастія, дѣленіе правонарушеній на тяжкія преступленія, преступленія и проступки и т. д.) — отвѣты той и другой стороны будутъ различны и большей частью противоположны [1]). А поэтому попытка синтезированія ихъ равнозначна покушенію съ негодными средствами.

Хотя Листъ въ послѣднемъ изданіи своего Lehrbuch'a (1914) и заявляетъ, что stellte sich allmählich eine gewisse Milderung der Gegensätze heraus [2]), однако, изъ данныхъ, приводимыхъ имъ, видно смягченіе лишь при сравненіи тезисовъ старой, «абсолютной» классической школы съ новой. Новое же классическое теченіе по существу не сдало ни одной существенной позиціи и попрежнему отказывается отъ компромиссовъ и примиреній [3]). Да иначе и быть не можетъ. Если этотъ споръ — симптомъ перелома, происходящаго въ области общественныхъ взглядовъ на преступленіе и борьбу съ нимъ, то, очевидно, нельзя здѣсь ограничиться простыми уступками и словесными синтезами. Всякій принципъ, теоретически изучаемый и развиваемый, требуетъ своего доведенія до логическаго конца въ области чистой теоріи. Съ этой точки зрѣнія посредническая роль третьей школы — научно малоцѣнна и должна

[1]) См. подробнѣе объ этомъ Birkmeyer, Studien. 18—142.
[2]) 87 стр.
[3]) См. Birkmeyer, Schuld u. Gefährlichkeit (1914).

Digitized by Google

быть признана неудачной, ибо принципы классиковъ и соціологовъ не примиримы.

Иное дѣло практика. Она инертна и способна лишь къ медленной эволюціи. При всѣхъ крупныхъ измѣненіяхъ въ ней старое сосуществуетъ съ развивающимся новымъ. Поэтому и грядущее уголовное право (весьма отдаленными защитниками коего являются соціологи и точныя контуры котораго невѣдомы еще и имъ) въ переходную эпоху должно уживаться съ старымъ. Мы вступаемъ въ эпоху, когда начинается такое сосуществованіе.

Въ этомъ — конечная причина появленія «третьей» школы съ ея компромиссными рѣшеніями, теоретически малоцѣнными, практически же неизбѣжными.

Пока это «сожительство» длится — споръ школъ не можетъ кончиться, не можетъ исчезнуть и третья школа. Когда «грядущее» окончательно станетъ на мѣсто «бывшаго» — тогда лишь споръ будетъ превзойденъ. Тогда же сама собой исчезнетъ и третья школа.

А пока, несмотря на свою непослѣдовательность, она практически необходима, какъ бываютъ необходимы при длинныхъ переѣздахъ станціи и гостинницы. «Станціей отправленія» въ данный моментъ служитъ современное классическое уголовное право, «станціей прибытія» — будущее уголовное право, намѣчаемое отчасти «соціологами». «Третья» же школа — это гостиница, въ которой принуждено не на долго остановиться трансформирующееся уголовное право!...

Питиримъ Сорокинъ.

Digitized by Google

Отрубное владѣніе и условія его образованія.

Сущность и значеніе вопроса. — Отрубное владѣніе въ Положеніяхъ 1861 г.— Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ 1906 г., указъ 9 ноября 1906 года, законъ 14 іюня 1910 г. и изданныя на ихъ основаніи инструкціи. — Отрубное владѣніе по Положенію о землеустройствѣ. — Роль усадебнаго участка при образованіи отрубного владѣнія. — Сконцентрированность пашни.— Землеустройство вспомогательныхъ угодій. — Укрѣпленіе ихъ по указу 9 ноября 1906 года — закону 14 іюня 1910 года. — Допускаемыя по нимъ формы земельной общности. — Формы землеустройства вспомогательныхъ угодій по Положенію землеустр. — Зачетъ ихъ за угодья другого рода. — Разверстка ихъ на участки. — Оставленіе ихъ въ земельной общности.— Заключеніе.

Съ недавняго времени, на ряду съ традиціонными формами крестьянскаго землевладѣнія — общинной и подворной — прокладываетъ себѣ путь третья форма — отрубное владѣніе (съ его разновидностью — владѣніемъ хуторскимъ), имѣющее склонность стать формой преобладающей и вытѣснить остальныя, болѣе старыя. Въ своей основѣ эта форма относится къ категоріи хозяйственно-техническихъ понятій. Но она пріобрѣла и крупное правовое значеніе. Во-первыхъ, современное землеустройство является не только хозяйственнымъ, но и правовымъ преобразованіемъ земельнаго уклада; образованіе отрубного владѣнія ставится главнѣйшею цѣлью вмѣшательства государства въ сложившійся земельно-правовой строй. Затѣмъ, съ изданіемъ закона о преобразованіи мѣстнаго суда, понятіе отрубного владѣнія пріобрѣло и процессуальное значеніе; къ компетенціи волостного суда отнесены иски о возстановленіи нарушеннаго или утраченнаго владѣнія, кромѣ исковъ, касающихся участковъ отрубного владѣнія. Съ отрубнымъ владѣніемъ связываются, наконецъ, проектируемыя мѣры по огражденію мелкаго землевладѣнія отъ раздробленія. При подобныхъ условіяхъ, точное уясненіе понятія отрубного владѣнія пріобрѣтаетъ крупное значеніе.

Съ отрубнымъ владѣніемъ связываются представленія объ извѣстной степени сконцентрированности владѣнія. Отрубное вла-

Digitized by Google

дѣніе противополагается чрезполосному, т.-е. такому, которое состоитъ изъ ряда разбросанныхъ полосъ, перемежающихся съ полосами другихъ владѣльцевъ. Далѣе, съ тѣмъ же понятіемъ связывается представленіе объ извѣстной округленности владѣнія. Мы не станемъ называть отрубнымъ участокъ, который расположенъ въ одномъ мѣстѣ, но имѣетъ слишкомъ искривленную конфигурацію. Затѣмъ, случается, что терминъ отрубное владѣніе примѣняется къ участкамъ, отличающимся извѣстною хозяйственною устойчивостью, извѣстными положительными хозяйственными качествами, помимо внѣшней конфигураціи (обезпеченность водою и т. п.). Наконецъ, предполагается, что обладатель отрубного участка имѣетъ на него достаточно прочное право. Но всѣ представленія о сосредоточенности, округленности и хозяйственной устойчивости владѣнія и прочности права — очень растяжимы и оставляютъ широкій просторъ для субъективныхъ оцѣнокъ. Вопросъ осложняется тѣмъ, что обычно крестьянское хозяйство состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, находящихся въ различномъ юридическомъ положеніи. Въ подворномъ владѣніи (напримѣръ, въ томъ, которое образуется въ результатѣ такъ называемаго укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность), эти части слѣдующія: 1) право отдѣльной собственности на усадебный участокъ; 2) право такой же собственности на разбросанныя полосы пашни и, иногда, нѣкоторыхъ другихъ угодій; 3) право на участіе въ пользованіи, въ опредѣленной, неизмѣнной долѣ, въ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ угодьяхъ (обычно — сѣнокосъ, лѣсъ) и 4) право на участіе въ пользованіи, на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ, въ остальныхъ вспомогательныхъ угодьяхъ (обычно — выгонъ, воды, болота, мірская усадебная земля и друг.). Спрашивается, какая степень сосредоточенности и округленности нужна въ подобныхъ условіяхъ, чтобы крестьянское владѣніе стало отрубнымъ?

Какъ ни странно, но современная аграрная политика, затрачивающая такія огромныя усилія на образованіе отрубного владѣнія, не даетъ устойчиваго и вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, что это владѣніе изъ себя представляетъ. Въ крестьянскихъ Положеніяхъ 60-хъ годовъ мы не нашли термина «отрубное владѣніе» или «отрубной участокъ». Но соотвѣтствующія представленія имъ не чужды[1]). Однако, крестьяне очень рѣдко пользовались правомъ перейти къ отрубному владѣнію, пока правительственная аграрная политика послѣднихъ лѣтъ не поставила образованіе этой формы владѣнія главной своей задачей.

[1]) Полож. Великоросс., стт. 115, 116; Общ. Полож., стт. 36 и 54; Полож. Вык., стт. 165, 166.

Digitized by Google

Первымъ крупнымъ актомъ въ этомъ направленіи былъ Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ, 19 сентября 1906 года, изданный Комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Наказъ не могъ внести новшествъ въ крестьянское право и стремился разрѣшить задачу «улучшенія условій землепользованія» на почвѣ разрозненныхъ указаній прежнихъ крестьянскихъ Положеній. Въ этихъ видахъ устанавливаются слѣдующія операціи: 1) выдѣлъ участковъ общинной земли въ собственность отдѣльнымъ домохозяевамъ; 2) переходъ общества отъ передѣльнаго (т.-е. общиннаго) пользованія землею къ подворно-наслѣдственному съ разверстаніемъ чрезполосности или съ распредѣленіемъ земли на отрубные участки (хутора) и 3) разверстаніе чрезполосности подворно-наслѣдственныхъ земель и переходъ къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ (ст. 68). Что такое отрубные участки и хутора, — наказъ не поясняетъ, ограничиваясь общимъ указаніемъ, чтобы при землеустройствѣ обезпечивалось «болѣе удобное въ хозяйственномъ отношеніи расположеніе и очертаніе владѣній» (ст. 77) — формула, какъ видимъ, чрезвычайно растяжимая; въ отношеніи операціи выдѣла Наказъ даже не употребляетъ термина отрубной участокъ. Во всякомъ случаѣ, мы не видимъ, какая мѣра сосредоточенности требуется для вновь образуемыхъ владѣній.

Твердая опора нынѣшней аграрной политики была положена, какъ извѣстно, указомъ 9 ноября 1906 г., внесшимъ глубокія перемѣны въ крестьянское право. Этотъ актъ поставилъ въ свое основаніе преобразованіе, въ отношеніи отдѣльныхъ домохозяевъ, общиннаго владѣнія въ подворное, допустивъ такъ называемое укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность. Здѣсь понимается укрѣпленіе за выходящимъ изъ общины извѣстнаго числа опредѣленныхъ полосъ общинной полевой земли, безъ сведенія ихъ къ одному мѣсту, и съ предоставленіемъ укрѣпляющемуся права собственности на эти полосы. Вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляются нѣкоторыя права на вспомогательныя угодья. Для образованія же отрубного владѣнія указъ устанавливаетъ два пути. Въ примѣненіи къ первому пути, къ выдѣлу отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ членамъ обществъ, указъ не употребляетъ термина «отрубной участокъ», говоря лишь о выдѣлѣ «соотвѣтственнаго участка къ одному мѣсту». Не требовалось, чтобы разбросанныя полосы выдѣлялись непремѣнно къ одному мѣсту; указъ говоритъ о выдѣлѣ, взамѣнъ тѣхъ полосъ, соотвѣтственнаго участка, по «возможности къ одному мѣсту». Объ отрубныхъ участкахъ указъ упоминаетъ по поводу второй операціи — перехода цѣлыхъ обществъ къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ. Что здѣсь разумѣется подъ такими

Digitized by Google

участками, изъ указа не видно. Изъ мотивовъ же къ нему усматривается, что въ разверстаніе предполагалось включать и усадебныя земли; такимъ образомъ, подъ отрубнымъ участкомъ понималось здѣсь то, что нынѣ именуется хуторскимъ участкомъ.

Болѣе подробно понятіе отрубного владѣнія стало разрабатываться въ примѣненіи къ той отрасли аграрной политики, которая сводилась къ распродажѣ мелкимъ хозяевамъ государственнаго земельнаго фонда[1]). Отсюда соотвѣтственныя формулы стали переноситься и въ землеустройство надѣльное, направленное на преобразованіе строя принадлежащаго крестьянамъ земельнаго фонда. Впервые это было сдѣлано въ правилахъ 15 октября 1908 г., изданныхъ въ руководство мѣстнымъ учрежденіямъ при примѣненіи постановленій указа 9 ноября о выдѣлѣ надѣльной земли къ однимъ мѣстамъ. По упомянутымъ правиламъ, при выдѣлахъ, производимыхъ въ обязательномъ (т.-е. въ принудительномъ) порядкѣ, отводъ пахотной земли допускается не иначе, какъ однимъ сплошнымъ отрубомъ, участки же изъ вспомогательныхъ угодій могутъ быть отводимы отдѣльно отъ пашни при невозможности отвода сплошнымъ съ нею отрубомъ (ст. 28). Наиболѣе совершеннымъ типомъ земельнаго устройства признается хуторъ, а при невозможности образованія такового — сплошной для всѣхъ полевыхъ угодій отрубъ, отведенный отдѣльно отъ коренной усадьбы (ст. 30). При выдѣлахъ, по добровольнымъ соглашеніямъ соблюдаются, по возможности изложенныя правила. Но отводъ пахоты въ отдѣльныхъ сѣвооборотныхъ поляхъ, какъ не освобождающій выдѣляющагося отъ принудительнаго участія въ общемъ сѣвооборотѣ, во всякомъ случаѣ, признается не соотвѣтствующимъ цѣлямъ землеустройства (ст. 30); землеустроительное учрежденіе должно отказать въ производствѣ подобнаго рода выдѣла.

Изъ приведенныхъ правилъ можно сдѣлать слѣдующія заключенія. При хуторскомъ землеустройствѣ усадьба переносится на полевой отрубъ, если послѣдній не прирѣзывается къ коренной усадьбѣ, что, по фактическимъ условіямъ, возможно очень рѣдко. Правила считаютъ это землеустройство идеаломъ, но на немъ не настаиваютъ; оно осуществляется въ мѣрѣ возможности. Вообще же перемѣщеніе усадьбы допускается лишь съ согласія выдѣляющагося (ст. 27). Существеннымъ представляется вопросъ о степени сконцентрированія земли въ основномъ угодьѣ-пашнѣ. Мы видимъ, что правила не настаиваютъ на отводѣ пашни непремѣнно въ одно мѣсто. Она можетъ быть нарѣзана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при

[1]) См. особенно временную инструкцію 19 февраля 1908 г. объ основаніяхъ и порядкѣ ликвидаціи земель, принадлежащихъ Крестьянскому банку.

Digitized by Google

чемъ не указывается, при какомъ числѣ участковъ владѣніе перестаетъ быть отрубнымъ. Часто наблюдаемое стремленіе крестьянъ получить отруба въ нѣсколькихъ мѣстахъ вызывается обычно двумя мотивами: 1) чрезвычайно различными качествами почвы въ разныхъ частяхъ надѣла; 2) желаніемъ сохранить общій выпасъ. Первый мотивъ сводится къ тому, что полученіе, взамѣнъ полосъ разнаго качества, одного равноцѣннаго участка, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ, сильно измѣняетъ площадь хозяйства, а слѣдовательно, и его строй. Этотъ мотивъ признается нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами настолько уважительнымъ, что они запрещаютъ такую концентрацію земли, которая потребовала бы полнаго измѣненія хозяйственнаго уклада. Второй мотивъ — желаніе сохранить общій выпасъ всѣхъ по всѣмъ участкамъ связанъ съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ признаковъ общности землепользованія; общій выпасъ неизбѣжно влечетъ за собою и общій, принудительный сѣвооборотъ. Этотъ послѣдній мотивъ разсматриваемыя правила признаютъ неуважительнымъ. Однако, далеко не всегда можно судить напередъ, какое употребленіе сдѣлаютъ собственники отрубныхъ владѣній изъ нарѣзки пашни въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Не менѣе существеннымъ представляется вопросъ о судьбѣ вспомогательныхъ угодій. По правиламъ, они или прирѣзываются къ пахотному участку, или «могутъ быть отводимы отдѣльно отъ пашни». Послѣднее выраженіе не совсѣмъ ясно; не ясно именно, должны ли эти угодья отводиться отрубными участками, или можно ихъ отводить въ какой-либо иной формѣ, напримѣръ, въ формѣ предоставленія выдѣляющимся того или иного участія въ этихъ угодьяхъ, съ сохраненіемъ, слѣдовательно, по отношенію къ нимъ той или иной формы земельной общности[1]).

19 марта 1909 года Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ утвердилъ правила о землеустройствѣ цѣлыхъ сельскихъ обществъ, куда входитъ и разверстаніе цѣлыхъ обществъ на отрубные участки. Въ этихъ правилахъ содержатся также указанія относительно качествъ отрубного владѣнія, частью повторяющія только что изложенныя указанія, частью ихъ видоизмѣняющія и развивающія. Правила располагаютъ формы единоличныхъ владѣній, по соотвѣтствію ихъ задачамъ землеустройства, въ слѣдующей постепенности: 1) хуторъ, заключающій въ одномъ сплошномъ участкѣ всѣ полевыя угодья вмѣстѣ съ усадебною землею; 2) хуторъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ одного участка, при чемъ въ одинъ изъ нихъ входитъ

[1]) Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ правилахъ только въ отношеніи одного частнаго случая (ст. 19).

Digitized by Google

усадьба вмѣстѣ съ пахотной землей, угодья же вспомогательныя (лѣсъ, лугъ) отведены особо; 3) отрубъ, заключающій въ одномъ сплошномъ участкѣ всѣ полевыя угодья отдѣльно отъ усадебной земли, но въ возможной отъ нея близости; 4) отрубъ, заключающій въ одномъ сплошномъ участкѣ всю пахотную землю, съ отводомъ вспомогательныхъ угодій (лѣсъ, лугъ) особо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгонныя земли, а также лѣса и тѣ части надѣла, успѣшная эксплоатація которыхъ и улучшеніе коихъ при единственномъ владѣніи затруднительны, могутъ быть оставляемы въ общемъ или общинномъ владѣніи всѣхъ членовъ дѣлящагося общества или въ общей собственности нѣкоторыхъ участниковъ разверстки. Не допускается образованіе единоличныхъ владѣній въ такихъ формахъ, которыя предполагали бы сохраненіе обязательнаго общаго сѣвооборота нѣсколькихъ смежныхъ владѣльцевъ; напримѣръ, отводъ пашни въ трехъ поляхъ каждому (техн. инстр. ст. 2—4).

Правила 1909 г. дѣйствовали недолго; мы не будемъ поэтому на нихъ подробно останавливаться. Указъ 9 ноября 1906 г., на которомъ они основаны, смѣнился, по разсмотрѣніи въ законодательныхъ палатахъ, законом 14 іюня 1910 г. Этотъ законъ также не говоритъ объ отрубномъ владѣніи въ примѣненіи къ участкамъ, образующимся при выдѣлѣ земли, но употребляетъ этотъ терминъ къ владѣніямъ, образующимся посредствомъ разверстанія цѣлыхъ обществъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ законѣ, отрубами названы отдѣльныя полосы чрезполоснаго владѣнія; повидимому, здѣсь случилась неудачная обмолвка. Изданіе закона 14 іюня 1910 г. потребовало соотвѣтственнаго измѣненія прежнихъ землеустроительныхъ инструкцій, но эти передѣлки дѣйствовали недолго. Въ настоящее время коренным законом, на основаніи котораго образуется отрубное владѣніе, является Положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 г. Къ подробному разсмотрѣнію его по интересующему насъ вопросу мы и перейдемъ.

Нѣкоторыя существенныя данныя мы находимъ уже въ мотивахъ къ закону. Въ соотвѣтствующемъ докладѣ земельной комиссіи 3-й Государственной Думы (1909 г. № 644) мы читаемъ: «отрубное хозяйство достигается въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ земли одного лица, кромѣ усадебной, сводятся къ одному мѣсту въ правильныхъ границахъ, съ проѣздомъ къ каждому участку. Конечно, не всегда возможно полное сведеніе всѣхъ угодій, такъ какъ часто хозяйственно выгоднѣе бываетъ имѣть хоть и нѣсколько кусковъ, но угодій разнаго хозяйственнаго значенія (пашни, лѣсъ, лугъ). Самымъ совершеннымъ землеустройствомъ будетъ устройство хуторского хозяйства съ усадьбою посреди пахотныхъ полей и воз-

Digitized by Google

можнымъ соединеніемъ всѣхъ земель въ одномъ отрубѣ. По существующей терминологіи, хуторское и отрубное хозяйство часто смѣшиваются и считаются равнозначащими. Въ Положеніи Земл., для приданія усадьбамъ особаго значенія и охраненія ихъ отъ всякаго принудительнаго землеустройства, отрубнымъ хозяйствомъ называется то, въ которомъ вся пахотная земля сведена въ одинъ отрубъ, а усадьба остается въ селеніи. Подъ хуторскимъ же хозяйствомъ разумѣется то, въ которомъ усадьба вынесена изъ селенія на пахотную землю, сведенную къ одному мѣсту».

Въ отличіе отъ западно-европейскихъ законодательствъ, русское землеустройство распадается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ видовъ, которые въ законѣ нормируются отдѣльно. По ближайшемъ разсмотрѣніи, различіе между нѣкоторыми изъ этихъ видовъ не такъ уже существенно. А, между тѣмъ, они сузили въ законѣ общую часть и внесли много казуистичнаго и немало путаницы. Образованіе отрубного владѣнія достигается, по закону, тремя различными «дѣйствіями»: 1) выдѣломъ отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ членамъ обществъ (въ Положеніи Земл., гл. IV); 2) полнымъ, по цѣлому обществу, разверстаніемъ угодій на отрубные участки (гл. V) и 3) разверстаніемъ къ однимъ мѣстамъ (на отрубные участки) земель разнаго владѣнія, включенныхъ въ одну дачу разверстанія (гл. VI)[1]). Какъ это ни странно, но законъ опять не даетъ общаго опредѣленія отрубного владѣнія, хотя и ставитъ образованіе таковаго если не единственною, то главнѣйшею своею цѣлью. Указанія относительно отрубного владѣнія даны въ правилахъ отдѣльныхъ дѣйствій, хотя порядокъ, въ которомъ оно образуется, не имѣетъ, съ точки зрѣнія закона, никакого значенія для юридическихъ свойствъ образованнаго отрубного владѣнія. Въ какомъ бы порядкѣ оно ни возникло и въ результатѣ какихъ бы дѣйствій оно ни образовалось, оно имѣетъ одинаковыя свойства. Хуже всего, что упомянутыя указанія далеко не совпадаютъ, и по поводу однихъ дѣйствій даны такія указанія, которыя отсутствуютъ относительно другихъ. Трудно, невозможно найти какія-либо разумныя основанія для подобныхъ различій; по крайней мѣрѣ, въ мотивировкѣ закона эти основанія не указаны. Между тѣмъ, при строгомъ толкованіи закона нельзя переносить указанія, данныя для одного спеціальнаго дѣйствія, на другое.

Недостатки закона исправлены инструкціями, установленными Комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ, — Наказомъ 19 іюня

---

[1]) Содержаніе отдѣльныхъ землеустроительныхъ дѣйствій разобрано нами подробно въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1914 г. въ «Вѣстникѣ Гражданскаго Права», № 5, и въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», № 7.

Digitized by Google

1911 г. и приложеніями къ нему, въ особенности временными правилами землеустроительной техники. Здѣсь даны общія указанія, которымъ должны удовлетворять владѣнія, въ какомъ бы порядкѣ они ни образовались. Но, во-первыхъ, Комитету по земл. дѣламъ предоставлено издавать инструкціи только въ разъясненіе процессуальныхъ, а не матеріальныхъ правилъ закона (прим. къ ст.ст. 64 и 100). Во-вторыхъ, Наказъ, какъ увидимъ ниже, замѣтно расходится съ закономъ.

Роли усадебнаго участка при образованіи отрубного владѣнія касается единственное общее указаніе закона. По ст. 7, усадебныя земли могутъ быть разверстаны только съ согласія ихъ владѣльцевъ. Слѣдовательно, въ уничтоженіи чрезполосности усадебные участки могутъ не участвовать, оставаясь на своемъ мѣстѣ. Но нѣкоторый толчокъ въ пользу образованія хуторскаго владѣнія законъ все-таки дѣлаетъ. А именно, если въ числѣ выдѣляющихся окажутся желающіе выселиться на отведенные участки и передать въ распоряженіе общества свои усадебныя мѣста, получая взамѣнъ соотвѣтственные участки полевой земли, то выселяющимся предоставляется право безвозмезднаго пользованія своею прежнею усадебною землею въ продолженіе трехъ лѣтъ (ст. 36). Правило это дано, однако, только для выдѣла отрубныхъ участковъ и почему-то не упоминается относительно двухъ другихъ операцій. За всѣмъ тѣмъ, въ законѣ не нашло какого-либо выраженія убѣжденіе земельной комиссіи 3-й Госуд. Думы въ томъ, что хуторское хозяйство является самымъ совершеннымъ землеустройствомъ. Даже термина «хуторъ» въ Пол. земл. не упоминается. Съ этой стороны, стремленіе практики къ образованію хуторовъ, т. н. хуторманія, опоры въ законѣ не имѣетъ, хотя, казалось бы, сильное правительственное содѣйствіе къ образованію извѣстной формы владѣнія было бы допустимо лишь при условіи, если законъ прямо выразитъ особенное сочувствіе этой формѣ. Вѣдь хуторское разселеніе, если оно дѣйствительно приметъ крупные размѣры, потребуетъ перестройки ряда отраслей управленія; онѣ не могутъ быть такими же на хуторахъ, какъ въ селеніяхъ.

Чего не говоритъ законъ, то сказали инструкціи. По ст. 34 прав. земл. техн., наиболѣе совершеннымъ признается такое землеустройство, при которомъ всѣ устраиваемыя разноправныя или разнокачественныя земли каждаго владѣльца, въ сколькихъ бы мѣстахъ таковыя ни были расположены, сводятся въ одинъ сплошной участокъ съ включеніемъ въ него и мѣста поселенія; при невозможности образованія владѣнія въ одномъ участкѣ, допускается отводъ его сплошными отрубами, особо по каждому роду угодій, и, по

Digitized by Google

возможности съ тѣмъ, чтобы усадебное мѣсто входило въ участокъ, отводимый изъ основного угодья. Описанный видъ землеустройства именуется въ правилахъ хуторскимъ. Какъ увидимъ ниже, правила допускаютъ и иныя формы землеустройства; здѣсь указаны только двѣ высшія степени совершенства. Затѣмъ, въ изложенныхъ опредѣленіяхъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее. Допуская при хуторскомъ землеустройствѣ переносъ усадебнаго участка въ основное угодье только при условіи возможности такого переноса, правила, несомнѣнно, дѣлаютъ какую-то странную ошибку и называютъ хуторами то, чего никто этимъ терминомъ не называлъ. Вѣдь, по буквальному смыслу правилъ, хуторами окажутся и тѣ отрубныя владѣнія, въ которыхъ, за невозможностью поступить иначе, усадьбы остались въ деревнѣ въ весьма почтительномъ разстояніи отъ полевыхъ участковъ. Это, конечно, не хутора. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простой обмолвкой, не исправленной до сего времени и прискорбной въ томъ отношеніи, что она спутываетъ всѣ статистическіе подсчеты. Если въ практикѣ, при обозначеніи владѣній хуторами, будутъ руководствоваться приведеннымъ офиціальнымъ опредѣленіемъ хуторскаго землеустройства, то хуторовъ въ Россіи окажется неизмѣримо больше, ъ ихъ есть на самомъ дѣлѣ.

Правила земл. техники имѣютъ въ виду переносъ усадьбы, а слѣдовательно, перемѣщеніе усадебнаго участка, и въ томъ типѣ землеустройства, который они признаютъ, изъ трехъ допустимыхъ типовъ, наименѣе совершеннымъ, а именно при поселково-отрубномъ размѣщеніи владѣній, когда усадьбы владѣльцевъ располагаются въ видѣ небольшихъ, по возможности, поселковъ съ отводомъ отрубовъ въ возможной близости къ усадьбамъ (ст. 36). Это землеустройство допускается лишь при неосуществимости отрубного землеустройства, при которомъ усадьбы остаются въ деревнѣ, на старыхъ мѣстахъ.

Перейдемъ къ вопросу о степени сконцентрированности при отрубномъ владѣніи основного угодья — пашни, т.-е. къ вопросу о томъ, должна ли она быть отведена въ одномъ мѣстѣ, или можетъ быть нарѣзана въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Не давая общаго опредѣленія отрубного владѣнія, законъ не разрѣшаетъ этого вопроса въ общей формѣ. Но, къ сожалѣнію, и по отдѣльнымъ видамъ землеустройства вопросъ этотъ не разрѣшается вполнѣ явственно. Мы уже видѣли, что докладъ земельной комиссіи Госуд. Думы считаетъ при отрубномъ хозяйствѣ необходимымъ сведеніе всей пахотной земли въ одинъ отрубъ. Но эта мысль не нашла отчетливаго выраженія въ законѣ. Въ главѣ

Digitized by Google

о выдѣлѣ отрубныхъ участковъ, такой выдѣлъ ясно представленъ, какъ отводъ пашни къ одному мѣсту (Пол. земл., ст. 35). Полное же по цѣлому обществу разверстаніе на отрубные участки допускается закономъ въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ угодій раздѣльнаго пользованія (ст. 42). Оговорки относительно какой-либо особой роли пашни здѣсь не дѣлается. Слѣдовательно, по прямому и буквальному смыслу закона, землеустройство можетъ выразиться въ разверстаніи на отрубные участки луга или лѣса, съ оставленіемъ пашни въ общинномъ, напримѣръ, владѣніи. Образующіяся при этомъ владѣнія будутъ все-таки отрубными участками. Приведенная статья отклоняетъ насъ отъ того представленія объ отрубномъ владѣніи, которое складывается при чтеніи прежнихъ и нынѣшнихъ правилъ по землеустройству, а также другихъ частей землеустроительнаго закона. Если тамъ мы выносимъ впечатлѣніе, что подъ отрубнымъ владѣніемъ или участкомъ надо понимать всю совокупность земельныхъ правъ даннаго лица въ данномъ обществѣ, то здѣсь отрубной участокъ понимается именно какъ участокъ, безотносительно къ другимъ правамъ, хотя бы и связаннымъ съ нимъ. Данный участокъ будетъ отрубнымъ, если у его собственника нѣтъ въ данномъ угодьѣ другого участка. Впрочемъ, ст. 42 не вполнѣ опредѣлительна и въ этомъ отношеніи. Выраженіе разверстаніе къ однимъ мѣстамъ» звучитъ не такъ категорично, какъ «выдѣлъ къ одному мѣсту». Что же тогда отрубной участокъ въ пониманіи ст. 42? Замѣтимъ еще, что, допуская ограниченіе разверстанія однимъ «угодьемъ», ст. 42 оперируетъ съ понятіемъ, которое не имѣетъ точной юридической опредѣлительности. Что такое угодье? Охватываетъ ли это понятіе всю землю одного хозяйственнаго значенія въ данномъ обществѣ, или также отдѣльныя обособленныя части этой земли? Если пашня, лугъ состоятъ изъ нѣсколькихъ обособленныхъ частей, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ (ближнее поле, дальнее поле, отхожее поле, лугъ по одному ручью, лугъ по балкѣ и т. п.), то каждую изъ этихъ частей также называютъ угодьемъ. При такомъ наименованіи образованіе даже въ предѣлахъ каждаго угодья только по одному отрубному участку поведетъ къ тому, что въ предѣлахъ одного общества владѣлецъ будетъ имѣть по нѣскольку пахотныхъ, луговыхъ, лѣсныхъ участковъ. Еще менѣе опредѣлительны интересующія насъ указанія относительно третьей операціи — разверстанія на отрубные участки земель разнаго владѣнія (гл. VI). Изъ самаго заглавія операціи видно, что разверстаніе на отрубные участки есть разверстаніе «къ однимъ мѣстамъ». Но надо ли понимать это въ смыслѣ отвода всѣхъ земель каждаго участника

Digitized by Google

разверстанія къ одному мѣсту, всѣ ли земли въ предѣлахъ дачи должны быть разверстаны, должны ли быть включены въ эту дачу всѣ земли участниковъ разверстанія, въ частности всѣ ихъ пахотныя земли, — на это глава VI отвѣта не даетъ.

Обратимся къ инструкціямъ. Онѣ болѣе категоричны. Наказъ говоритъ, со ссылкою на главы IV, V и VI закона, что при всякаго рода раздѣлахъ и выдѣлахъ должны быть обязательно сведены къ одному мѣсту всѣ входящія въ составъ площади устраиваемой земли пахотныя угодья каждаго владѣльца (ст. 11). Такимъ образомъ, формула «къ однимъ мѣстамъ» истолковывается здѣсь въ смыслѣ «къ одному мѣсту», хотя, въ другомъ мѣстѣ, совершенно недопустимыми считаются только «явно нецѣлесообразныя или невозможныя дѣйствія», къ числу которыхъ относится отводъ пашни въ нѣсколькихъ сѣвооборотныхъ поляхъ, т.-е. съ сохраненіемъ общаго сѣвооборота (ст. 8). Но, какъ мы уже знаемъ, отводъ пашни въ нѣсколькихъ мѣстахъ можетъ проистекать изъ совершенно иныхъ основаній; эти случаи къ числу «явно нецѣлесообразныхъ или невозможныхъ дѣйствій» не отнесены. Надо оговориться, что, настаивая на сведеніи всей пашни къ одному мѣсту, Наказъ не впадаетъ въ прямое противорѣчіе съ упомянутою ст. 42 Пол. земл., такъ какъ выставляетъ это требованіе только относительно земель, входящихъ въ составъ устраиваемой площади. Въ соотвѣтствіи съ 42 ст. Пол., Наказъ не требуетъ, чтобы въ составъ той площади непремѣнно включалась пашня и, слѣдовательно, допускаетъ разверстаніе на отрубные участки, напримѣръ, одного луга, съ оставленіемъ пашни въ неразверстанномъ видѣ. Впрочемъ, Наказъ возлагаетъ на землеустроителя обязанность подробно выяснить населенію выгоды скорѣйшаго перехода къ наиболѣе совершенному землеустройству и распространенія его на всѣ земли (ст. 23 п. в). Прав. земл. техн., допуская отводъ владѣнія сплошными отрубами, особо по каждому роду угодій, повидимому, совершенно запрещаютъ отводъ пашни въ нѣсколькихъ мѣстахъ или оставленіе ея неразверстанной. По крайней мѣрѣ, перечисляя рядъ возможныхъ типовъ землеустройства, они не говорятъ о подобномъ типѣ (ст.ст. 34—36). На практикѣ, насколько мнѣ извѣстно, отводъ пашни въ нѣсколькихъ мѣстахъ практикуется очень широко.

Перейдемъ къ вспомогательнымъ угодьямъ. Судьбу ихъ можно мыслить въ троякомъ видѣ: 1) они прирѣзаются къ пахотному отрубу, а при невозможности этого, въ виду даннаго расположенія земель (если, напр., угодья расположены вдали отъ пашни), замѣняются прирѣзкой равноцѣннаго количества пашни къ пахотному отрубу, т.-е. производится такъ наз. зачетъ угодій; 2) изъ вспомо-

Digitized by Google

гательныхъ угодій отводятся особые отрубные участки внѣ непосредственной связи съ пахотнымъ участкомъ; 3) вспомогательныя угодья оставляются въ той или иной формѣ общности и на отрубные участки не разверстываются.

Въ прежнемъ крестьянскомъ законодательствѣ вопросъ о порядкѣ землепользованія во вспомогательныхъ угодьяхъ[1]) остался очень мало разъясненнымъ. При разработкѣ законодательства послѣдняго времени о выходѣ изъ общины, т.-е. о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, пришлось этимъ вопросомъ заняться. Въ пашнѣ за выходящимъ изъ общины укрѣплялись, въ отдѣльную собственность, обособленные, чрезполосные участки. Какое же право надлежало укрѣпить за нимъ во вспомогательныхъ угодьяхъ?

Среди послѣднихъ имѣются такія, которыя вовсе изъяты изъ непосредственнаго пользованія членовъ общества. Таковы, напр., земли подъ общественными зданіями и сооруженіями, общественныя арендныя статьи, среди которыхъ могутъ оказаться даже пашни. Эти угодья состоятъ въ непосрѣдственномъ распоряженіи общества. Другая категорія угодій предоставлена въ непосредственное пользованіе членовъ общества (лугъ, лѣсъ, мірская усадебная осѣдлость, выгоны, озера и т. п.). Пользованіе этими угодьями со стороны каждаго члена общества можетъ быть не урегулировано въ количественномъ отношеніи. Этотъ случай мы встрѣчаемъ даже тогда, когда пользованіе поставлено въ общія для всѣхъ границы; напр., воспрещена ловля рыбы въ извѣстное время года или извѣстными способами, воспрещенъ выпускъ скота на выгонъ въ извѣстные періоды. Но упомянутое пользованіе можетъ быть урегулировано въ количественномъ отношеніи. Эксплоатація общественнаго угодья со стороны отдѣльныхъ членовъ опредѣляется тогда не только ихъ желаніемъ, но извѣстными размѣрами, назначенными обществомъ въ видахъ установленія уравнительности землепользованія. Гдѣ есть уравнительность, тамъ возможно и проявленіе общиннаго принципа въ видѣ передѣловъ, т.-е. измѣненіе основанія разверстки размѣровъ землепользованія. Разверстка можетъ быть проявлена въ самой разнообразной формѣ. Въ пашнѣ, напримѣръ, за самыми ничтожными исключеніями, раздѣляется самая земля; то же встрѣчается иногда при разверсткѣ сѣнокоса и лѣса. Но въ послѣднихъ часто распредѣляется не земля, а ея произведенія — трава, насажденія. Разверстка выгона иногда опредѣляется въ формѣ опредѣленія количества головъ скота, которое можетъ быть выпущено на пастбище, и т. д. Разверстка вспомогательныхъ угодій,

[1]) О вспомогательныхъ угодьяхъ см. наше **Крестьянское земельное право**, стр. 99, 143—147, 335—336.

Digitized by Google

по своему основанію и времени измѣненія (сроку передѣла), можетъ совпадать съ разверсткой пашни, но часто такого совпаденія не бываетъ.

При разработкѣ правилъ о выходѣ изъ общины, авторы указа 9-го ноября исходили изъ мысли, что во вспомогательныхъ угодьяхъ члены общества обыкновенно не имѣютъ участковъ, которые могли бы быть укрѣплены въ собственность; укрѣпленіе же тѣхъ участковъ, которые случайно окажутся въ пользованіи того или иного лица, казалось несправедливымъ, неудобнымъ и даже невозможнымъ. Поэтому въ указѣ 9 ноября, въ формѣ укрѣпленія, установлено различіе между: 1) тѣми угодьями, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пашнею, т.-е. по тому же расчету, въ тѣ же сроки и въ той же формѣ, а именно въ формѣ распредѣленія самой земли по участкамъ, и 2) угодьями, передѣляемыми на особыхъ основаніяхъ и непередѣляемыми вовсе. Переходящимъ къ личному владѣнію предоставляется въ угодьяхъ второй категоріи лишь право пользованія, безъ отвода изъ нихъ участковъ. Но, затѣмъ, авторы указа 9-го ноября считали существенно важнымъ, чтобы пользованіе такими угодьями было устойчивымъ и опредѣленнымъ. Если размѣры пользованія въ нихъ не будутъ опредѣлены, то, вслѣдствіе измѣненія разверстки, они могутъ уменьшиться, что признавалось недопустимымъ по отношенію къ личнымъ собственникамъ. Опредѣленіе доли участія въ пользованіи казалось незатруднительнымъ въ угодіяхъ раздѣляемыхъ, такъ какъ они ежегодно, а иногда и на болѣе продолжительные сроки распредѣляются по тому или иному основанію между всѣми членами общества, и при всякомъ передѣлѣ каждый изъ нихъ получаетъ въ этихъ угодьяхъ вполнѣ опредѣленную часть. Что же касается угодій непередѣляемыхъ, состоящихъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всего общества, то вычислить, въ какой долѣ участвуетъ въ общемъ пользованіи каждый отдѣльный членъ общества, казалось положительно немыслимымъ.

Въ соотвѣтствіи съ приведенными соображеніями указъ 9-го ноября установилъ три формы укрѣпленія во вспомогательныхъ угодьяхъ: право отдѣльной собственности на конкретные участки— въ угодьяхъ, которыя передѣляются одинаково съ пашней; право пользованія въ опредѣленной, неизмѣнной долѣ — въ тѣхъ сѣнокосныхъ, лѣсныхъ и другихъ угодьяхъ, которыя передѣляются на особыхъ основаніяхъ, напр., по произведеніямъ почвы или отдѣльно отъ угодій, передѣляемыхъ при общихъ передѣлахъ, и на иныхъ основаніяхъ и т. п., и право участія въ пользованіи на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ — въ не-

Digitized by Google

передѣляемыхъ угодьяхъ, какъ-то: мірской усадебной землѣ, выгонахъ, пастбищахъ, оброчныхъ статьяхъ и др. Подъ «принятыми основаніями» разумѣются при этомъ не тѣ, которыя приняты обществомъ въ моментъ укрѣпленія, а тѣ, которыя приняты обществомъ въ данное время и могутъ быть имъ приняты впослѣдствіи[1]).

Смѣнившій указъ 9-го ноября законъ 14 іюня 1910 г. сохранилъ въ отношеніи угодій, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, приведенное правило указа, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ редакціи; а именно, законъ постановляетъ, что укрѣпившіеся домохозяева сохраняютъ за собою право пользованія въ неизмѣненной долѣ тѣми сѣнокосными, лѣсными и другими угодьями, которыя передѣляются на особыхъ основаніяхъ, напримѣръ, по произведеніямъ почвы и т. п. (Общ. Пол. ст. 17[17]). Буквальное выраженіе закона даетъ основаніе предполагать, что, и по новому закону, угодья, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, остаются въ собственности и распоряженіи общества (т.-е. въ общественной, а не общей собственности), членамъ котораго принадлежитъ лишь право пользованія въ общественномъ имуществѣ, при чемъ общество, въ отличіе отъ общиннаго порядка, не можетъ уже измѣнять доли участія отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Что касается угодій непередѣляемыхъ, то Государственная Дума, по очень неясно выраженнымъ соображеніямъ, измѣнила правило указа 9-го ноября, и, по закону 14-го іюня, право пользованія непередѣляемыми угодьями (мірскою усадебною землею, проѣздами, водопоемъ, пастбищами, оброчными статьями и проч.) укрѣпляется въ неизмѣнной долѣ, если таковая можетъ быть опредѣлена на основаніи актовъ землеустройства, общественныхъ приговоровъ и другихъ достовѣрныхъ данныхъ; въ противномъ случаѣ сохраняется лишь право на участіе въ пользованіи на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ (Общ. Пол. ст. 17[19]). Какъ понимать здѣсь возможность опредѣленія неизмѣнной доли по актамъ и другимъ даннымъ? Мы встрѣчали случаи, когда изъ актовъ или изъ измѣненія въ натурѣ брались данныя о пространствѣ непередѣляемаго угодья, и доля опредѣлялась путемъ дѣленія площади на то или иное число душъ, ревизскихъ или положенныхъ въ основаніе разверстки пашни. Этотъ пріемъ представляется совершенно произвольнымъ ариѳметическимъ расчетомъ, не имѣющимъ за собой никакого ни правового, ни хозяйственно-техническаго основанія. По разъясненію Сената, въ непередѣляемыхъ угодьяхъ возможно сохраненіе неизмѣнной доли, если, по правосознанію обще-

[1]) Указъ 2 деп. Сен. 1911 г., № 5544.

Digitized by Google

ства, каждому домохозяину принадлежитъ въ этихъ угодьяхъ опредѣленная доля, но, напримѣръ, въ выгонѣ нельзя предоставить права выпаса опредѣленнаго числа головъ скота[1]). Еще при дѣйствіи указа 9-го ноября Сенатъ находилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ въ неопредѣляемыхъ угодьяхъ можетъ быть укрѣплено право пользованія въ неизмѣненной долѣ, а именно если, по принятымъ основаніямъ, въ этихъ угодьяхъ каждому двору принадлежитъ также доля, какъ и въ полевой землѣ, или если постоянная доля въ этихъ угодьяхъ опредѣлена въ актахъ земельнаго устройства. Такая форма укрѣпленія признается соотвѣтствующей и правосознанію крестьянъ, и существующему землепользованію. Указъ 9-го ноября, по мнѣнію Сената, исходилъ изъ тѣхъ случаевъ, когда опредѣленіе доли представляется дѣйствительно невозможнымъ, напр., въ водопояхъ, колодцахъ, каменоломняхъ и т. п.; въ тѣхъ же случаяхъ, когда опредѣленіе долей въ угодьяхъ неопредѣляемыхъ является возможнымъ, означеніе такихъ долей вполнѣ соотвѣтствуетъ истинному смыслу закона[2]).

Если приведенными разъясненіями устраняется умѣстность сведенія вопроса объ укрѣпленіи неимѣющихъ долей въ пользованіи къ возможности произвести ариѳметическую манипуляцію, то все-таки точки надъ *і* Сенатъ не поставилъ и недостаточно рѣзко отмѣтилъ ту хозяйственно-техническую точку зрѣнія, которая, наравнѣ съ правовой, имѣетъ въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе. Допустимъ, что въ данномъ обществѣ, какъ это нерѣдко бываетъ, имѣется твердое убѣжденіе, что во всемъ надѣлѣ и во всѣхъ его частяхъ участіе каждаго домохозяина опредѣляется количествомъ числящихся за нимъ ревизскихъ душъ; пусть это убѣжденіе можетъ быть констатировано самыми несомнѣнными данными. По буквальному смыслу разъясненій Сената, въ этомъ случаѣ имѣются всѣ данныя для закрѣпленія за отдѣльными домохозяевами права пользованія въ опредѣленной долѣ, напр., въ мірской усадебной землѣ, т.-е. по преимуществу въ улицахъ и площадяхъ, въ скотопрогонѣ къ водопою, въ участкѣ подъ общественной школой и т. п. «угодьяхъ». Но какой смыслъ имѣло бы подобное укрѣпленіе? Гдѣ есть совмѣстное поселеніе людей, будь то городъ или деревня, тамъ имѣются и общественныя потребности, для обслуживанія которыхъ нужны опредѣленные участки земли. Эти потребности останутся и у хуторянъ; ихъ нельзя себѣ представлять какъ Робинзоновъ, отрѣзанныхъ отъ всего міра. Распредѣленіе пользованія упомянутыми выше угодьями по долямъ было бы равносильно

[1]) Указъ 2 Деп. Сен., 1913 г., № 2699.
[2]) Указъ 2 Деп. Сен., 1913 г., № 2699.

Digitized by Google

тому, если бы, напр., въ г. Москвѣ такое же распредѣленіе между горожанами было произведено въ отношеніи улицъ, площадей, рѣки Москвы и ея набережныхъ, земель подъ школьными и иными общественными зданіями, казармами и т. д. Подобная операція или не имѣла бы смысла и осталась бы чисто бумажной операціей, какъ остались таковою многочисленныя произведенныя укрѣпленія долей, или эта операція, если бы вздумали соотвѣтствующія доли осуществлять, привела бы къ чему-то безпримѣрному. Вотъ почему мы думаемъ, что укрѣпленіе долей пользованія непримѣнимо къ угодьямъ, которыя находятся въ непосредственномъ пользованіи общества или, по самому своему назначенію, находятся или должны находиться въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общества. Но придется пойти и дальше. Правосознаніе въ практическихъ дѣлахъ только тогда имѣетъ цѣну, когда оно сопряжено съ убѣжденіемъ возможности осуществленія его содержанія. Возьмемъ примѣръ, котораго коснулся Сенатъ. По убѣжденію общества пользованіе выгономъ должно было бы быть поставлено въ опредѣленныя для каждаго границы. Но это правосознаніе остается нереализованнымъ, такъ какъ общество не видитъ практическихъ путей къ проведенію принципа раздѣльности въ пользованіи выгономъ даже въ формѣ опредѣленія числа головъ скота, выпускаемаго на выгонъ каждымъ дворомъ. Руководствуясь установленнымъ, несомнѣнно, правосознаніемъ крестьянъ, земскій начальникъ укрѣпитъ за отдѣльными домохозяевами опредѣленныя доли участія въ пользованіи выгономъ. Что же отсюда получится? На другой же день по полученіи акта укрѣпленія каждый домохозяинъ въ правѣ предъявить ко всѣмъ своимъ сообщественникамъ требованіе о приведеніи пользованія выгономъ въ соотвѣтствіе съ укрѣпленными долями, т.-е. объ осуществленіи того, что признавалось желательнымъ, но было практически неосуществимымъ. Поэтому, казалось бы, и въ тѣхъ угодьяхъ, пользованіе коими теоретически могло бы быть распредѣлено, но остается въ дѣйствительности нераспредѣленнымъ, также слѣдуетъ укрѣплять не право пользованія въ неизмѣнной долѣ, а право пользованія на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ. Такое истолкованіе очень смутной статьи закона 14 іюня (ст. 1719 Общ. Пол.) вполнѣ соотвѣтствовало бы общему духу операціи «укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность». Эта операція чисто юридическая и не имѣетъ въ виду ломать или измѣнять сложившагося хозяйственнаго распорядка. Она имѣетъ цѣлью закрѣпить сложившіяся права, зафиксировать то, что уже фактически образовалось, но не получило, при общинномъ строѣ, длительной прочности и устойчивости.

Digitized by Google

Существенными представляются указанія относительно складывающейся, по закону 14-го іюня, формы землевладѣнія по воспомогательнымъ угодьямъ. Мы уже видѣли, что закрѣпленіе долей въ угодьяхъ, передѣляемыхъ на особыхъ основаніяхъ, не устраняетъ того, что эти угодья остаются въ общественной собственности. То же самое при всѣхъ условіяхъ происходитъ съ угодьями непередѣляемыми. Въ нихъ укрѣпляется или «право на участіе въ пользованіи на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ» или «право участія въ пользованіи въ неизмѣнной долѣ». Слѣдовательно, общей собственности не образуется и въ послѣднемъ случаѣ. Это начало не было выдержано въ первыхъ землеустроительныхъ инструкціяхъ. Такъ, напримѣръ, правила 19 марта 1909 г. о землеустройствѣ цѣлыхъ сельскихъ обществъ устанавливаютъ (ст. 3 прил. къ ст. 7), что при желаніи крестьянъ и въ случаяхъ дѣйствительной, по естественнымъ или бытовымъ условіямъ, необходимости, выгонныя земли, а также лѣса и тѣ части надѣла, успѣшная эксплоатація и улучшеніе коихъ при единоличномъ владѣніи затруднительны, могутъ быть оставляемы въ общемъ или общинномъ владѣніи всѣхъ членовъ дѣлящагося общества или въ общей собственности нѣкоторыхъ участниковъ разверстки. Здѣсь мы имѣемъ несомнѣнную, грубую ошибку, которая перешла въ тысячи актовъ и которая причинитъ много зла, если послѣдствія ея не будутъ тѣмъ или инымъ способомъ устранены. Правила 19 марта 1909 г. должны были основываться на указѣ 9-го ноября и дѣйствовавшемъ въ то время законодательствѣ. Но ни въ какомъ законѣ, въ томъ числѣ и въ послѣдовавшемъ вскорѣ законѣ 14 іюня 1910 г., нѣтъ ни малѣйшей опоры для установленія по вспомогательнымъ угодьямъ общинной или общей собственности; здѣсь извѣстна только общественная собственность. Общинная собственность не можетъ быть отождествляема съ общественной, а представляется однимъ изъ въ высшей степени своеобразныхъ видовъ ея. Переходъ даннаго домохозяина къ отрубному или хуторскому владѣнію въ какомъ бы порядкѣ этотъ переходъ ни совершился, сопряженъ съ переходомъ къ личной собственности, къ выходу изъ общины (Общ. Пол., ст. 37). Но по коренному началу дѣйствующаго крестьянскаго права, выходъ изъ общины не можетъ быть частичнымъ; онъ долженъ быть полнымъ; нельзя быть частью общинникомъ, частью подворникомъ. Съ переходомъ къ личному владѣнію я освобождаю свои земельныя права отъ передѣльной власти общества, но я утрачиваю право и на тѣ выгоды, которыя проистекли бы для меня изъ послѣдующаго измѣненія разверсточнаго основанія. Еще менѣе можно смѣшивать съ общественнымъ владѣніемъ вла-

Digitized by Google

дѣніе общее или общую собственность. Въ общей собственности право каждаго соучастника есть право собственности. Законъ же совершенно ясно говоритъ, что выходящему изъ общины домохозяину предоставляется въ извѣстныхъ угодьяхъ право пользованія. Изъ всѣхъ формъ земельной общности общая собственность едва ли не самая худшая, въ особенности, если число участниковъ, какъ въ данномъ случаѣ, велико. Съ нею боролись и борются чуть ли не всѣ законодательства. Главный ея недостатокъ — чрезвычайно широкія полномочія, предоставленныя каждому соучастнику въ отношеніи воспрепятствованія намѣреніямъ и желаніямъ всѣхъ остальныхъ. Разсматриваемыя правила пытаются обойти это затрудненіе, предписывая въ окончательные акты землеустройства включать особую оговорку объ обязанности общихъ собственниковъ, въ отношеніи порядка пользованія оставшимися въ общей собственности угодьями, подчиняться рѣшеніямъ простого большинства, исчисленнаго по размѣру долей. Но «порядокъ пользованія» далеко не исчерпываетъ всѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ по имуществу. Наконецъ, крестьянская общественная собственность опирается на совершенно опредѣленную крестьянскую общественную организацію — сельскій или селенный сходъ, порядокъ функціонированія котораго указанъ въ законѣ. Но этотъ сходъ совершенно некомпетентенъ въ управленіи общею собственностью, по отношенію къ которой онъ представителемъ не является. Никакой спеціальной же организаціи для имуществъ, состоящихъ въ общей собственности, въ законѣ не предусмотрѣно. Остается еще упомянуть, что правила 19 марта 1909 г. никакихъ угодій, въ коихъ пользованіе по долямъ не распредѣляется, не предусматриваютъ. Повидимому, правила исходятъ изъ мысли, что опредѣлять доли полезно во всякомъ угодьѣ.

Обратимся къ Полож. земл. Въ своихъ общихъ положеніяхъ оно не говоритъ особо о вспомогательныхъ угодьяхъ и о манипуляціяхъ, которыя съ ними можно производить. Изъ правилъ же, касающихся спеціальныхъ дѣйствій, приходится придти къ тому заключенію, что тѣ или иныя операціи по вспомогательнымъ угодьямъ являются или самостоятельными дѣйствіями (ст. 23 и 42), и тогда, по общему правилу, онѣ производятся, какъ и всякое землеустройство, только по почину заинтересованныхъ лицъ, или тѣ же операціи являются дополнительными при землеустройствѣ пахотной земли (ст.ст. 31 и 39), но и въ этомъ случаѣ онѣ производятся по особому заявленію заинтересованныхъ лицъ; нѣтъ такого заявленія, — и онѣ не могутъ быть произведены. Слѣдовательно, по буквальному смыслу Полож. земл., землеустроительныя дѣй-

Digitized by Google

ствія могутъ быть произведены по одной пахотной землѣ и вовсе не затрагивать вспомогательныхъ угодій. Само собою разумѣется, такое землеустройство не соотвѣтствовало бы идеалу, который имѣла въ виду земельная комиссія Государственной Думы. Но этотъ идеалъ, даже въ качествѣ такового, не нашелъ своего выраженія въ Положеніи. Оно нигдѣ не говоритъ даже, что къ этому идеалу должно стремиться. Объ этомъ говорятъ лишь инструкціи. Наказъ возлагаетъ на землеустроителя обязанности подробно выяснить заселенію выгоды распространенія землеустройства на всѣ земли и неудобства повторныхъ частичныхъ землеустройствъ, а иногда и невозможность ихъ (ст. 23 п. в.). Что касается правилъ земел. техн., то они вообще не предусматриваютъ тѣхъ случаевъ, когда землеустройство охватываетъ не всѣ земли устраиваемыхъ владѣльцевъ.

Если землеустройство охватываетъ вспомогательныя угодья, то въ какой же формѣ оно по отношенію къ нимъ осуществляется? Положеніе о землеустройствѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ и предѣлахъ, допускаетъ:

1) замѣну правъ по вспомогательнымъ угодьямъ прирѣзкой соотвѣтственнаго количества земли изъ угодья, непосредственно примыкающаго къ пахотному отрубу, хотя бы и другого рода — такъ наз. зачетъ угодій (стт. 8, 31, 39);

2) образованіе въ непахотныхъ угодьяхъ особыхъ отрубныхъ участковъ (ст. 39, 42);

3) установленіе въ тѣхъ угодьяхъ права участія въ пользованіи въ неизмѣнной долѣ (ст. 39);

4) сохраненіе права на участіе въ пользованіи угодьемъ на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ, безъ фиксаціи размѣровъ пользованія (ст. 39).

Такимъ образомъ, мы должны прити къ заключенію, что Полож. земл. въ извѣстныхъ предѣлахъ допускаетъ оставленіе нѣкоторыхъ угодій въ земельной общности, и, поскольку оно объ этомъ говоритъ, знаетъ объ формы общности, предусмотрѣнныя закономъ 14-го іюня, и никакихъ иныхъ формъ не знаетъ. Ему извѣстна общественная собственность, въ коей за отдѣльными соучастниками укрѣплено право пользованія въ неизмѣнныхъ доляхъ, и таковая же собственность, въ которой за ними укрѣплено лишь право пользованія на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ. Ему неизвѣстна общая собственность.

Наказъ не знаетъ тѣхъ формъ земельной общности, которыя указаны въ законѣ, и, по примѣру прежнихъ инструкцій, замѣняетъ ихъ во всѣхъ случаяхъ формою, въ законѣ не предусмотрѣн-

Digitized by Google

ной, — общею собственностью. Наказъ предусматриваетъ случаи, когда въ угодьяхъ опредѣляются «постоянныя доли участія каждаго владѣльца» (ст. 11). Въ этихъ случаяхъ землеустроитель долженъ выяснить такой порядокъ пользованія на будущее время, который не требовалъ бы единогласнаго рѣшенія всѣхъ «собственниковъ», а лишь опредѣленнаго ихъ большинства, и предлагаетъ участникамъ разверстанія составить соотвѣтствующій приговоръ или постановленіе (ст. 74). Эта оговорка, какъ мы уже говорили, не устраняетъ существенныхъ недостатковъ общей собственности, а, между тѣмъ, представляется излишнею въ отношеніи общественной собственности, такъ какъ порядокъ управленія ею указанъ въ крестьянскихъ законахъ; тамъ же указано, какимъ большинствомъ голосовъ разрѣшаются тѣ или иные вопросы. Въ ст. 31 относительно участковъ для церквей, школъ и т. п. Наказъ прямо говоритъ объ оставленіи ихъ въ общей собственности, требуя, чтобы въ надлежащіе акты вносилось указаніе о согласіи участниковъ на распоряженіе упомянутыми участками по ихъ прямому назначенію простымъ большинствомъ голосовъ.

Разсмотримъ теперь, въ какихъ условіяхъ примѣняется каждая изъ четырехъ перечисленныхъ выше формъ землеустройства вспомогательныхъ угодій.

По поводу первой формы — расширенія, взамѣнъ этихъ угодій, пахотнаго отруба мы встрѣчаемъ въ общихъ положеніяхъ закона только указаніе о томъ, что, при недостиженіи соглашенія владѣльцевъ о содержаніи землеустройства, послѣднее осуществляется принудительно, при чемъ зачетъ однихъ угодій за угодья другого рода допускается лишь при невозможности устраненія инымъ порядкомъ вредной въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосности (ст. 8). Отсюда видимъ, что прирѣзка къ пахотному отрубу другихъ угодій въ формѣ ихъ зачета не является непремѣннымъ условіемъ образованія отрубного владѣнія и производится только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) если о зачетѣ имѣется соглашеніе заинтересованныхъ лицъ или 2) если соглашенія по поводу проекта распредѣленія земель вообще нѣтъ и отсутствуютъ иные, помимо зачета угодій, способы къ устраненію вредной чрезполосности. Такимъ образомъ, по буквальному смыслу закона (стт. 6 и 8), въ послѣднемъ случаѣ необходима наличность обоихъ указанныхъ въ немъ условій, и если по поводу проекта землеустройства состоялось соглашеніе сторонъ, и этимъ соглашеніемъ закрѣпляется вредная чрезполосность, то все-таки зачета угодій произведено быть не можетъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, поскольку законъ допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принудительный за-

Digitized by Google

четъ угодій разнаго рода, постольку надо признать, что сконцентрированіе всѣхъ правъ по вспомогательнымъ угодьямъ около пахотнаго участка признается желательнымъ, если этому не противодѣйствуютъ важныя хозяйственныя соображенія. Такова и была, въ сущности, мысль земельной комиссіи 3-й Государственной Думы. Признавая желательнымъ сведеніе всѣхъ земель одного лица къ одному мѣсту, комиссія, какъ мы видѣли, находила, что часто бываетъ выгоднѣе имѣть землю хотя въ нѣсколькихъ кускахъ, но въ составѣ угодій разнаго хозяйственнаго значенія.

Къ дальнѣйшимъ выводамъ мы приходимъ при обозрѣніи спеціальныхъ правилъ закона. Статьи о выдѣлѣ отрубныхъ участковъ указываютъ, что по добровольному соглашенію сторонъ особые выдѣлы изъ непахотныхъ угодій замѣняются соотвѣтственными прирѣзками смежныхъ угодій къ пахотному отрубу; такая же замѣна производится и по требованію другой стороны, если иначе нельзя избѣжать неудобной въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосности (ст. 31 по ссылкѣ на нее ст. 39). Такимъ образомъ, для принудительнаго зачета угодій, сверхъ условій, упомянутыхъ въ общихъ постановленіяхъ закона, необходимо еще третье, а именно необходимо, чтобы требованіе о зачетѣ было заявлено одною изъ сторонъ. Правила о полномъ разверстаніи цѣлыхъ обществъ говорятъ о разверстаніи угодій «къ однимъ мѣстамъ» (ст. 42), подъ чѣмъ можно понимать разверстку каждаго угодья на особые отрубные участки и уже во всякомъ случаѣ нельзя понимать непремѣнно зачетъ угодій. Затѣмъ законъ разрѣшаетъ включеніе «въ общую разверстку», по ходатайству общества, и угодій, состоящихъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи (ст. 45). Но что обозначаетъ «включеніе» этихъ угодій «въ общую разверстку», — этого законъ не объясняетъ. Во всякомъ случаѣ, трудно истолковать это какъ обязательный зачетъ угодій. Здѣсь остается, слѣдовательно, руководствоваться приведенными выше общими положеніями закона. Наконецъ, въ правилахъ о разверстаніи земель разнаго владѣнія (т. VI) о вспомогательныхъ угодьяхъ ничего не говорится. Здѣсь, какъ мы знаемъ, разверстаніе на отрубные участки истолковывается какъ разверстаніе «къ однимъ мѣстамъ», изъ чего не слѣдуетъ, чтобы разныя земли одного владѣльца сводились бы непремѣнно къ одному мѣсту. Правда, операція направлена на такъ называемую спеціальную чрезполосность. Если же мы въ пашнѣ отведемъ каждому владѣльцу по одному участку, въ лугѣ — по другому, въ выгонѣ — по третьему, въ лѣсу — по четвертому, въ болотѣ — по пятому и т. д., то и получится «такое расположеніе владѣній, когда земли одного владѣльца чередуются съ землями другого,

Digitized by Google

раздѣляя ихъ на отдѣльныя полосы», т.-е. такое состояніе землевладѣнія, на устраненіе котораго данная операція направлена. Можно было бы поэтому думать, что разъ данная операція начата и, слѣдовательно, необходимыя для производства ея условія имѣются налицо, то она должна быть осуществлена въ формѣ сведенія разныхъ угодій каждаго владѣльца къ одному мѣсту. Но подобный выводъ такъ плохо вяжется съ приведенными выше постановленіями, что съ нимъ можно было бы согласиться только при наличности прямого указанія.

Попытаемся сдѣлать выводы. Прирѣзка взамѣнъ вспомогательныхъ угодій соотвѣтственнаго количества земли къ пахотному отрубу изъ прилегающихъ земель вообще желательна, но не всегда. Эта форма землеустройства должна быть осуществлена, если на нее согласны заинтересованныя лица. Но въ нѣкоторыхъ, указанныхъ выше, случаяхъ эта форма осуществляется въ принудительномъ порядкѣ.

Наказъ во многихъ случаяхъ повторяетъ, разъясняетъ и дополняетъ законъ. Но въ разсматриваемомъ случаѣ онъ, къ сожалѣнію, отказывается отъ этой роли и ограничивается лишь болѣе общими указаніями, чѣмъ тѣ, которыя можно почерпнуть или вывести изъ закона. По Наказу, вся устраиваемая земля каждаго владѣльца должна быть, по возможности, сведена въ одинъ сплошной отрубъ (ст. 12); прочія, кромѣ пахотныхъ угодій, подлежатъ отводу совмѣстно съ пахотною землею каждаго владѣльца, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда такой отводъ невозможенъ (ст. 11). Но чѣмъ опредѣляется возможность или невозможность зачета угодій и какія юридическія или хозяйственныя обстоятельства должны здѣсь имѣть рѣшающее значеніе, — Наказъ не говоритъ. Общая его тенденція — полная концентрація владѣнія. Точка зрѣнія земельной комиссіи о томъ, что иногда выгоднѣе имѣть нѣсколько кусковъ, но разныхъ угодій, — Наказу чужда; объ этихъ случаяхъ онъ особо не говоритъ. На той же, въ сущности, точкѣ зрѣнія стоятъ и правила земл. техники. Но они изложены такъ, что какъ будто отдаютъ предпочтеніе переносу усадьбы на одинъ изъ участковъ передъ сконцентрированностью всѣхъ угодій въ одно мѣсто (стт. 34 и 35).

По поводу замѣны вспомогательныхъ угодій пашнею необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее. Какъ мы видѣли, по закону, возможность зачета обусловливается наличностью или отсутствіемъ соотвѣтствующихъ волеизъявленій и тѣмъ или инымъ расположеніемъ угодій. Вытекающія отсюда соображенія были бы совершенно достаточны для зачета такихъ угодій, въ отношеніи которыхъ

Digitized by Google

общество не связано повинностями или которыя не предназначены для обслуживанія чисто общественныхъ, коммунальныхъ потребностей. Такими угодьями не являются улицы, площади, проселочныя дороги, школьныя и больничныя усадьбы и т. п. Со стороны какого-нибудь ревностнаго хуторянина вполнѣ естественно стремленіе получить взамѣнъ правъ по подобнаго рода угодьямъ соотвѣтственную «прирѣзку» къ пахотному отрубу, общество же частью не въ правѣ, частью, по самымъ разумнымъ основаніямъ, не пожелаетъ обращать тѣ угодья въ такія, которыя даютъ болѣе непосредственную выгоду, напримѣръ, въ пашню. Зачетъ угодій сводится къ обмѣну благъ. Но при описанномъ зачетѣ общество взамѣнъ утраты части пашни никакихъ реальныхъ благъ не получаетъ. Къ сожалѣнію, приведенный вопросъ вовсе не затрагивается ни въ законѣ, ни въ Наказѣ; и тотъ, и другой, въ отрицательномъ отношеніи къ общинѣ и чрезполосности, доходитъ до какого-то, совершенно, исключительнаго пренебреженія къ чисто общественнымъ потребностямъ административнаго свойства.

Слѣдующей, по степени убывающей индивидуализаціи, формой землеустройства вспомогательныхъ угодій будетъ образованіе въ нихъ особыхъ отрубныхъ участковъ. Рамки примѣненія ея опредѣляются, съ одной стороны, тѣми случаями, когда невозможно или нежелательно произвести зачета угодій. Предѣлы, съ другой стороны, будутъ нами выяснены дальше при опредѣленіи тѣхъ случаевъ, когда угодье слѣдуетъ оставить въ одной изъ формъ земельной общности. Мы здѣсь не будемъ повторять того, что изложено, или излагать то, что лучше изложить дальше, но не хотѣли бы этимъ самымъ оставить читателя въ представленіи, что разсматриваемая форма землеустройства есть нѣчто промежуточное, переходное. Въ очертанныхъ предѣлахъ та форма имѣетъ свое нормальное примѣненіе. Мы уже знаемъ, что съ точки зрѣнія Государственной Думы, соображенія хозяйственной выгоды могутъ побудить предпочесть размѣщеніе владѣнія въ угодьяхъ разнаго хозяйственнаго значенія. Надо пожалѣть, что инструкціи не разработали этой важной, дѣйствительно «землеустроительной» точки зрѣнія. Но и онѣ вполнѣ допускаютъ отводъ отдѣльныхъ отрубовъ въ каждомъ изъ угодій. Лучше, если все сосредоточено въ одномъ мѣстѣ, но допустима и эта форма.

Перейдемъ къ оставленію угодій въ земельной общности. Общія положенія закона объ этомъ ничего не говорятъ. Единственная, въ сущности, статья, разрѣшающая интересующій насъ вопросъ, въ примѣненіи къ отрубному владѣнію, есть ст. 39 въ правилахъ о выдѣлѣ отрубныхъ участковъ. Эта статья гласитъ:

Digitized by Google

«отдѣльнымъ домохозяевамъ, въ случаѣ ихъ ходатайства, одновременно съ выдѣломъ пахотной земли, выдѣляются и закрѣпленныя или подлежащія закрѣпленію за ними прочія угодья. Въ угодьяхъ, состоящихъ въ нераздѣльномъ пользованіи, выдѣлъ производится, а при невозможности устанавливается право участія въ пользованіи въ неизмѣнной долѣ... Если въ какомъ-либо угодьѣ, по роду его, установленіе пользованія въ опредѣленныхъ доляхъ совершенно невозможно, то за выдѣляющимся домохозяиномъ сохраняется лишь право на участіе въ пользованіи на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ».

Статья эта открываетъ широкій просторъ для разнообразныхъ недоумѣній. Недоумѣнія не разсѣиваются, а усугубляются, если за разъясненіями мы обратимся къ мотивамъ, къ докладу земельной комиссіи 3-й Государственной Думы. Здѣсь мы придемъ только къ одному заключенію, что комиссія, разрѣшая весьма важные юридическіе и хозяйственные вопросы, имѣла по поводу нихъ очень смутныя мысли. Вотъ соображенія комиссіи:

«Въ этой статьѣ Комиссія имѣла въ виду согласовать положенія, принятыя при раздѣлахъ и при выдѣлахъ, съ размѣрами и выдѣломъ непахотныхъ угодій отдѣльнымъ домохозяевамъ, принятыми въ указѣ 9-го ноября. По этому закону, укрѣпляются лишь участки раздѣльнаго постояннаго пользованія, участки же общаго пользованія, хотя бы и были основанія къ установленію извѣстной доли по передѣламъ на особыхъ основаніяхъ, сохраняютъ право лишь на пользованіе въ неизмѣнной долѣ, если таковая можетъ быть установлена. Въ случаѣ же, если таковая доля установлена быть не можетъ, то сохраняется лишь право на участіе на принятыхъ въ обществѣ основаніяхъ. При выдѣлахъ, по стт. 19—22 указа 9-го ноября, выдѣлъ обязателенъ лишь по отношенію къ укрѣпленнымъ угодіямъ, т.-е. къ бывшимъ въ раздѣльномъ пользованіи въ натурѣ, какъ пашня и сѣнокосъ, раздѣленные на постоянные участки. Всѣ же угодья, передѣляемыя на особыхъ основаніяхъ или непередѣляемыя, но доля въ коихъ можетъ быть установлена въ натурѣ, по указу 9-го ноября, не выдѣляются, и хозяинъ имѣетъ право только на извѣстную долю въ этихъ угодьяхъ. Положеніе о землеустройствѣ, имѣющее цѣлью возможно болѣе освободить хозяина въ хозяйственномъ отношеніи отъ его сосѣдей, дать ему самостоятельность, дать ему всю силу распоряжаться по своему усмотрѣнію своими дѣлами, предоставить ему наиболѣе выгодный компактный участокъ земли со всѣми угодьями, по возможности вмѣстѣ, не можетъ остановиться на этомъ и идетъ дальше, стараясь или во всѣхъ угодьяхъ дать въ натурѣ участокъ земли или, еще

Digitized by Google

лучше, воедино соединить всѣ эти участки. Вотъ почему все, что можетъ быть выдѣлено въ натурѣ, выдѣляется каждому домохозяину отдѣльно, напримѣръ, пашня, лугъ, лѣсъ, выгонъ и т. д... Но могутъ быть случаи, когда въ натурѣ доля не можетъ быть выдѣлена, напримѣръ, рыболовный прудъ, каменоломня, школьная усадьба и т. д., тогда доля не выдѣляется, а точно устанавливается... Но такъ какъ могутъ быть случаи, когда совершенно невозможно установить долю, причитающуюся на каждаго домохозяина, то тогда лишь остаются въ силѣ принятыя въ обществѣ основанія пользованія общими угодьями» (докл., стр. 31).

Намъ придется все-таки предпринять разборъ ст. 39 и ея мотивовъ. По этой статьѣ, въ угодьяхъ, «закрѣпленныхъ или подлежащихъ закрѣпленію», производится выдѣлъ, а въ угодьяхъ «нераздѣльнаго пользованія» производится или выдѣлъ въ натурѣ, или они остаются въ земельной общности. Что слѣдуетъ понимать подъ встрѣчающимися здѣсь сложными наименованіями разныхъ угодій?

Терминъ «закрѣпленныя угодья» мы встрѣчаемъ, кажется, впервые въ ст. 39. Онъ находится, какъ видно изъ сужденій Земельной комиссіи, въ связи съ операціей укрѣпленія, установленной въ указѣ 9-го ноября — законѣ 14 іюня 1910 г. Въ послѣднемъ законѣ терминъ «укрѣпленіе» примѣняется въ отношеніи угодій, въ коихъ укрѣпляются участки земли или пользованіе въ неизмѣнной долѣ (Общ. Пол., стт. 17^{11} и 17^{17}), и не употребленъ въ отношеніи угодій, въ коихъ сохраняется право пользованія безъ опредѣленія его размѣровъ. Но, въ сущности, и здѣсь можно было бы съ неменьшимъ правомъ употребить этотъ терминъ, и, очевидно, для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса нельзя руководствоваться тѣмъ, гдѣ законъ 14-го іюня употребляетъ слово «укрѣпленіе». Въ смутныхъ сужденіяхъ Земельной комиссіи можно, повидимому, уловить, что подъ закрѣпленными или подлежащими закрѣпленію угодьями надо понимать тѣ, въ которыхъ, въ процедурѣ укрѣпленія, подлежали бы фиксаціи не доли, а опредѣленные конкретные участки. Такими угодьями признаются въ законѣ 14-го іюня, помимо пашни, всѣ тѣ, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пашней.

Что такое угодья, состоящія «въ нераздѣльномъ пользованіи»? Понятіе это въ Полож. земл. представляется очень важнымъ, такъ какъ опредѣленіе размѣра правъ производится различно въ зависимости отъ того, состоитъ ли угодье въ раздѣльномъ или нераздѣльномъ пользованіи. Изъ соотвѣтствующихъ статей (стт. 26 и 32) видно, что о послѣднемъ говорится тогда, когда пользованіе

Digitized by Google

угодьемъ происходитъ не въ опредѣленныхъ участкахъ или доляхъ. Но мы не рискнули бы утверждать, что въ законодательствѣ послѣдняго времени и, въ частности, въ Полож. земл. терминъ «нераздѣльное пользованіе» употребляется всегда въ приведенномъ именно смыслѣ и имѣетъ вполнѣ устойчивое значеніе. Во всякомъ случаѣ, то значеніе, которое дается здѣсь нераздѣльному пользованію, совершенно расходится съ общеупотребительнымъ: если пользованіе какой-либо вещью долевое, то никто не станетъ называть его раздѣльнымъ. Въ цитированныхъ сужденіяхъ Земельной комиссіи подъ нераздѣльнымъ (общимъ) пользованіемъ понимается нѣчто третье. Здѣсь раздѣльному пользованію противополагается такое, при которомъ угодье передѣляется на особыхъ основаніяхъ или вовсе не передѣляется. Но передѣлъ на особыхъ основаніяхъ можетъ быть осуществленъ и въ формѣ распредѣленія угодья по участкамъ; съ точки зрѣнія общепринятой терминологіи, такое пользованіе будетъ раздѣльнымъ.

Выбраться изъ всей этой пестрой неустойчивости терминологіи можно, какъ намъ кажется, только слѣдующимъ образомъ. Земельная комиссія знаетъ, что нельзя разверстать на отрубные участки рыболовный прудъ или каменоломню. Въ нихъ, по прямому указанію комиссіи, укрѣпляется долевое пользованіе. Его нельзя считать раздѣльнымъ, ибо изъ ст. 39 во всякомъ случаѣ ясно видно, что сохраненіе земельной общности возможно только въ угодьяхъ нераздѣльнаго пользованія; въ прочихъ угодьяхъ долженъ быть произведенъ выдѣлъ[1]). Слѣдовательно, подъ угодьями «закрѣпленными или подлежащими закрѣпленію», которыя въ ст. 39 противополагаются угодьямъ нераздѣльнаго пользованія, надо понимать тѣ, которыя раздѣлены въ натурѣ на участки; эти угодья подлежатъ разверстанію на отрубные участки. Такое толкованіе не поставитъ насъ передъ физически неразрѣшимыми задачами, ибо если пользованіе угодьемъ долевое, то источникомъ его можетъ оказаться именно физическая невозможность распредѣлить пользованіе по участкамъ (рыболовный прудъ). Обратно, если общество распредѣляетъ пользованіе по участкамъ, хотя бы и чрезполоснымъ, то, очевидно, нѣтъ препятствій разбить такое угодье на отрубные участки, если исходить изъ мысли, что всегда и при всѣхъ условіяхъ всякое чрезполосное владѣніе хуже отрубного, а изъ этой именно мысли исходитъ современное аграрное законодательство. Угодье, пользованіе которымъ происходитъ въ опредѣленныхъ доляхъ или даже безъ опредѣленія долей, будетъ угодьемъ нераздѣльнаго пользованія. Такое пользованіе можетъ опираться на двѣ причины: во-первыхъ, общество не придаетъ особаго значенія

Digitized by Google

раздѣлу угодья, которое можетъ быть раздѣлено (лѣсъ, болото); во-вторыхъ, данное угодье не можетъ быть раздѣлено (рыболовный прудъ). Поэтому относительно угодій нераздѣльнаго пользованія умѣстно, какъ это дѣлаетъ ст. 39, ставить вопросъ объ ихъ раздѣлѣ или оставленіи въ земельной общности. Такимъ образомъ, ст. 39 можетъ быть достаточно удовлетворительно разъяснена съ точки зрѣнія общепринятаго пониманія раздѣльности и нераздѣльности землепользованія.

Съ точки зрѣнія такового толкованія, вспомогательныя угодья раздѣльнаго пользованія подлежатъ непремѣнно разбивкѣ на отрубные участки, поскольку не производится зачетъ угодій. Угодья же нераздѣльнаго пользованія разбиваются на отрубные участки, если это возможно; при невозможности устанавливается долевое пользованіе, а если и оно, по роду угодья, совершенно невозможно, то сохраняется право пользованія безъ опредѣленія размѣровъ. Въ какихъ случаяхъ, за совершенною невозможностью поступить какъ-нибудь иначе, устанавливается эта послѣдняя, наиболѣе чистая форма «общественной» общности, — ни законъ ни докладъ Земельной комиссіи не говорятъ. Можетъ быть, сюда подойдутъ улицы, скотопрогоны, площади. Основная тенденція законодателя ясна — упомянутая общность есть зло, котораго надо всячески избѣгать и съ которымъ можно примириться только на самый худой конецъ. Казалось бы, какой смыслъ устанавливать въ школьной усадьбѣ долевое пользованіе и что получится изъ него, если кто-нибудь вздумаетъ свое долевое пользованіе осуществить. А между тѣмъ, Земельная комиссія приводитъ именно это «угодье» въ качествѣ подходящаго примѣра для установленія долевого пользованія. Мы уже указывали, что какъ бы далеко ни прошла индивидуализація крестьянскаго землевладѣнія, общественныя потребности всегда останутся; мало того, онѣ будутъ возрастать по мѣрѣ прогрессирующаго развитія жизни, интенсификаціи хозяйства, размноженія населенія. Какъ города вынуждены скупать земли для удовлетворенія общественныхъ потребностей, такъ и хуторянамъ, едва ли въ долгомъ времени, придется исправлять увлеченія нынѣшняго землеустройства, покупать, вѣроятно, по лихвеннымъ цѣнамъ, участки и выкупать долевыя права пользованія для постройки школъ, больницъ, устройства общественныхъ зданій, расширенія погоста и т. п. Если западная практика, цѣною большого опыта, пришла къ выводу, что результаты землеустройства тѣмъ прочнѣе, чѣмъ шире и дальновиднѣе обезпечены нужными землями общественныя потребности, и что разверстаніе является лучшимъ поводомъ для осуществленія этой задачи, то наша прак-

Digitized by Google

тика стоитъ, примѣрно, на противоположной точкѣ зрѣнія. Ни въ законѣ, ни въ инструкціи нѣтъ статьи, которая обязывала бы земли, призванныя къ обслуживанію чисто общественныхъ потребностей, освобождать отъ всякихъ частныхъ правъ и оставлять въ непосредственномъ распоряженіи общества, какъ административнаго союза.

Если «совершенная невозможность» поступить иначе не заставляетъ оставить данное угодье въ общественномъ пользованіи, а, съ другой стороны, угодье невозможно разбить на участки, то оно остается въ долевомъ пользованіи. Чѣмъ опредѣляется эта невозможность, — законъ не указываетъ. Мотивы указываютъ примѣры невозможности — рыболовный прудъ, каменоломню, школьную усадьбу. Слѣдовательно, «невозможность» надо понимать въ смыслѣ физической невозможности разбить данное угодье на участки или, въ смыслѣ невозможности, при такой разбивкѣ, использовать его сообразно основному назначенію. Иныхъ основаній, напримѣръ, хозяйственно-техническаго неудобства законъ не знаетъ. Лѣсъ, заболоченный лугъ — могутъ быть разбиты на участки и использованы сообразно своему назначенію въ такомъ видѣ; слѣдовательно, они должны быть разбиты на отрубы. Между тѣмъ, западная землеустроительная практика стоитъ относительно разверстки, напримѣръ, лѣса на противоположной точкѣ зрѣнія. На мелкихъ участкахъ трудно вести правильное лѣсное хозяйство; по мелкимъ лѣснымъ участкамъ затрудненъ лѣсной надзоръ. Правда, судьба многихъ крестьянскихъ общественныхъ лѣсовъ въ Россіи очень плачевна. Но частная собственность не оберегла отъ той же участи и помѣщичьи лѣса, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохраненіе лѣса было бы полезно и выгодно. Сводка крестьянскаго лѣса и распашка лѣсныхъ угодій во многихъ случаяхъ обусловливалась необезпеченностью продовольственныхъ потребностей, т.-е. такими обстоятельствами, при наличности которыхъ трудно мотивировать сбереженіе лѣса. Во всякомъ случаѣ, въ законодательныхъ матеріалахъ мы не найдемъ указанія на мотивы, оправдывающіе парцеллированіе лѣсныхъ угодій.

Приведенные выше выводы сдѣланы на основаніи ст. 39 Полож., относящейся только къ выдѣлу отрубныхъ участковъ. Въ главѣ о разверстаніи на таковые участки земель разнаго владѣнія (гл. VI), какъ мы знаемъ, о вспомогательныхъ угодьяхъ ничего не говорится. По правиламъ о разверстаніи цѣлыхъ обществъ (гл. V), угодья раздѣльнаго пользованія разверстываются на отрубные участки (ст. 42), а угодья нераздѣльнаго пользованія включаются въ общую разверстку (ст. 45), при чемъ не объясняется, что такое

Digitized by Google

включеніе обозначаетъ. Остается и въ отношеніи этихъ двухъ операцій руководствоваться правилами ст. 39, касающейся только одной спеціальной операціи. Умѣстность распространительнаго толкованія можетъ быть оправдана здѣсь тѣмъ, что всѣ три разсматриваемыя операціи преслѣдуютъ, въ своемъ существѣ, одну и ту же задачу — образованіе единоличнаго отрубного владѣнія.

Мы уже знаемъ, что землеустройство вспомогательныхъ угодій выдвигаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ со стороны правильнаго устроенія земель общественнаго значенія и приданія достаточнаго вѣса принципу хозяйственной цѣлесообразности. Всѣ возникающія отсюда проблемы подлежали бы подробной разработкѣ въ Наказѣ и, въ особенности, въ правилахъ землеустроительной техники. Но приведенная точка зрѣнія чужда инструкціямъ; онѣ проникнуты рѣзкимъ индивидуалистическимъ духомъ. По Наказу выдѣлъ особыхъ отрубовъ въ непахотныхъ угодьяхъ обусловливается невозможностью свести всѣ угодья въ одинъ отрубъ; земельная же общность допускается лишь при неисполнимости, по естественнымъ условіямъ, раздѣла въ натурѣ, и на землеустроительныя учрежденія, во всякомъ случаѣ, возлагается изыскивать всѣ способы къ тому, чтобы обезпечить возможность разверстанія всѣхъ угодій или, по крайней мѣрѣ, возможно большей ихъ части, которыя по природѣ своей допускаютъ раздѣльное пользованіе (ст. 11). При этомъ, какъ мы говорили, Наказъ знаетъ только одну форму земельной общности — общую, долевую собственность, закономъ не предусмотрѣнную (ст. 11). Такую собственность предлагается устанавливать въ отношеніи участковъ, необходимыхъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, какъ-то: возведенія церквей, школъ, общественныхъ зданій, устройство пристаней, прудовъ и колодцевъ, а равно подъ кладбища и т. п. (ст. 31). Наказъ прямо говоритъ, что, на ряду съ образованіемъ участковъ въ натурѣ, землеустроитель устанавливаетъ постоянныя доли отдѣльныхъ домохозяевъ въ тѣхъ угодьяхъ нераздѣльнаго нользованія (въ томъ числѣ мірскихъ оброчныхъ статей), разверстаніе коихъ въ натурѣ оказалось невозможнымъ (ст. 74).

Мы уже указывали, что, по буквальному смыслу соотвѣтствующихъ статей Полож. земл., землеустроительныя комиссіи приступаютъ къ тѣмъ или инымъ операціямъ по вспомогательнымъ угодьямъ только тогда, когда заявлено дополнительное ходатайство объ ихъ землеустройствѣ. Безъ такого ходатайства, землеустроительная комиссія, какъ будто бы, обязана этихъ угодій вовсе не касаться, ограничивая свои операціи только пашней. Въ какомъ же положеніи окажутся тогда эти угодья?

Digitized by Google

Отрубное владѣніе образуется или изъ общиннаго, или изъ подворно-чрезполоснаго. Каждое изъ нихъ охватываетъ не одно какое-либо угодье, а всю совокупность разнообразныхъ правъ крестьянина по всѣмъ различнымъ частямъ надѣла. Если владѣніе подворно-чрезполосное, то всѣ входящія въ его составъ права могутъ оказаться или зафиксированными въ соотвѣтствующемъ документѣ (укрѣпительномъ или удостовѣрительномъ), или такого документа можетъ не быть. Въ первомъ случаѣ, землеустройство погаситъ одну часть документа и замѣнитъ эту часть новымъ документомъ; непогашенная часть стараго акта останется въ силѣ. Такимъ образомъ, на разныя части одного органически связаннаго владѣнія окажутся два акта. Теоретическихъ неудобствъ въ этомъ нѣтъ, практическія неудобства — значительны; то, что представляется цѣлымъ и единымъ въ дѣйствительности, не должно быть разорвано по частямъ въ юридическихъ актахъ. Если имѣется второй случай, когда акта на подворно-чрезполосное владѣніе раньше не было, то, выдавая актъ только на устроенную часть, землеустроительная комиссія не удваиваетъ числа актовъ на одно владѣніе. Когда же владѣльцу явится надобность оформить свои права по второй, неустраненной части, то ему придется за этимъ обратиться къ порядку выдачи удостовѣрительнаго акта (стт. 23^4 и 23^5). Тогда опять образуются два акта на разныя части одного владѣнія со всѣми возникающими отсюда затрудненіями.

Возьмемъ, теперь, случай участія въ землеустройствѣ общинника. Для него землеустройство, помимо всѣхъ прочихъ, присущихъ ему послѣдствій, имѣетъ еще одно важное значеніе. Становясь отрубнымъ владѣльцемъ, общинникъ становится личнымъ собственникомъ, перестаетъ быть общинникомъ, выходитъ изъ общины. Мы уже указывали, что, по коренному началу крестьянскаго права, выходъ изъ общины есть актъ единый и цѣльный: нельзя выйти изъ общины по однѣмъ землямъ даннаго общества, оставаясь общинникомъ по другимъ.

Изъ приведенныхъ затрудненій имѣется слѣдующій выходъ: если землеустройство, соотвѣтственно заявленію заинтересованныхъ лицъ, охватываетъ только часть угодій, то въ отношеніи остальной части землеустроительное установленіе должно, сообразно правиламъ закона 14 іюня 1910 г., или произвести укрѣпленіе соотвѣтствующихъ правъ, если они не были укрѣплены, или удостовѣрить эти права, если они не были удостовѣрены, или внести въ свои акты удостовѣренныя или укрѣпленныя права, погасивши полностью имѣющіеся акты. Такъ это нерѣдко на практикѣ дѣлается, хотя, къ сожалѣнію, далеко не всегда.

Digitized by Google

Выше мы подвергли детальному анализу условія образованія отрубного владѣнія. Они столь разнообразны и такъ часто мѣнялись за послѣднее, еще неистекшее десятилѣтіе, что было бы невозможнымъ изъ нихъ вывести точные, отчетливые признаки отрубного владѣнія. Прибавимъ къ этому, что много отрубныхъ владѣній образовалось на основаніи особыхъ инструкцій Крестьянскаго банка и по распродажѣ казенныхъ земель и даже внѣ какихъ-либо подробныхъ правилъ, и мы придемъ къ заключенію, что попытки опредѣлить точные матеріальные признаки отрубного владѣнія совершенно безнадежны. Все, что мы можемъ сказать, это то, что въ отрубномъ владѣніи осуществляется извѣстная мѣра сконцентрированности и округленности владѣнія. Но подобные признаки непригодны для практики, и если законодательство пойдетъ дальше по намѣтившемуся пути надѣленія отрубного владѣнія нѣкоторыми особыми свойствами (въ отношеніи подсудности, порядка раздробленія и т. д.), въ коихъ оно отказываетъ инымъ формамъ мелкаго владѣнія, то населеніе и подлежащія учрежденія будутъ поставлены въ большое затрудненіе. Населенію придется доказывать, есть ли данное владѣніе отрубное или нѣтъ; подлежащимъ же учрежденіямъ придется стоять предъ мудреной проблемой разрѣшать этотъ вопросъ, прежде рѣшенія того дѣла, по которому онъ возникъ.

Когда матеріальные признаки отказываются служить, юриспруденція прибѣгаетъ нерѣдко къ признакамъ формальнымъ. Въ существѣ дѣла вопросъ сведется тогда къ тому, чтобы считать отрубнымъ владѣніемъ не то, которое удовлетворяетъ тѣмъ или инымъ матеріальнымъ условіямъ, а то, которое названо этимъ именемъ. Въ нѣкоторой, правда, очень слабой степени, этотъ путь намѣчается въ новѣйшемъ законодательствѣ. По ст. 123 Полож. земл., для каждаго вновь образованнаго, по землеустройству, владѣнія старшій нотаріусъ открываетъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ отдѣльный листъ. Это дѣйствіе составляетъ одинъ изъ необходимыхъ моментовъ въ заключительной стадіи землеустроительнаго производства. Но, во-первыхъ, въ крѣпостной реестръ не попали тѣ десятки тысячъ отрубныхъ владѣній, которыя были образованы до введенія въ дѣйствіе Полож. земл. А во-вторыхъ, въ тотъ же реестръ попало много неотрубныхъ владѣній, напримѣръ, подворно-чрезполосные участки, проданные крѣпостнымъ порядкомъ. Очевидно, мы стоимъ передъ задачей, которая должна быть разрѣшена въ законодательномъ порядкѣ.

О. Хауке.

Digitized by Google

Василій Александровичъ Савальскій.

21 августа текущаго года умеръ въ Москвѣ профессоръ варшавскаго университета Василій Александровичъ Савальскій, 42 лѣтъ отъ роду. Ранняя кончина прервала эту жизнь какъ разъ въ тотъ моментъ, когда долгій тернистый путь, ведущій въ храмъ науки, путь борьбы и лишеній былъ уже пройденъ, и для молодого ученаго наступилъ наконецъ періодъ осуществленія завѣтныхъ замысловъ, періодъ самостоятельнаго научнаго творчества и академическаго преподаванія въ атмосферѣ признанія и уваженія со стороны товарищей-профессоровъ и слушателей-студентовъ. Недолго однако продолжалось для него это счастливое время и не пришлось ему увидѣть появленіе въ свѣтъ того труда, которому онъ отдалъ лучшіе зрѣлые годы жизни и свои послѣднія слабѣющія силы. «Государство, какъ предметъ возможнаго опыта» — будетъ издано варшавскимъ университетомъ въ качествѣ посмертнаго произведенія покойнаго.

Съ юныхъ лѣтъ В. А. обнаруживаетъ огромную жажду знанія и ярко выраженное научно-философское дарованіе. Уроженецъ Кавказа (станицы Прохладное, Терской области), онъ учится сначала въ владикавказской духовной семинаріи, но затѣмъ, желая непремѣнно поступить въ университетъ, переходитъ въ гимназію и кончаетъ послѣднюю съ золотой медалью. Будучи студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета, В. А. пишетъ сочиненіе на тему «Ученіе Спинозы о правѣ и государствѣ» и получаетъ за эту работу золотую медаль. Онъ обнаруживаетъ въ ней глубокое пониманіе геніальной системы и настоящій философскій талантъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Спиноза, отвѣчающій вполнѣ раціоналистическому складу его мышленія, его стремленію къ прозрачной ясности и доказательности, оказалъ на него глубокое вліяніе: если В. А. и не остался спинозистомъ, то все же навсегда укрѣпилось въ немъ его исконное влеченіе къ универсальному систематическому единству, въ мысли къ неуклонной послѣдова-

Digitized by Google

тельности въ развитіи единой философской гипотезы и къ архитектоническому совершенству въ построеніи каждой науки. Въ концѣ девяностыхъ годовъ на юридическомъ факультетѣ среди профессоровъ и ихъ слушателей царило позитивистическое міросозерцаніе: студенты увлекались главнымъ образомъ науками экономическими. Но В. А. упрямо противостоялъ этимъ господствующимъ теченіямъ и примкнулъ къ направленію идеалистическому, которое имѣло тогда только одного представителя на юридическомъ факультетѣ, молодого начинающаго доцента П. И. Новгородцева. Этимъ послѣднимъ въ 1899 г. В. А. и былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ энциклопедіи права и исторіи философіи права. Затѣмъ потекли долгіе и тяжкіе годы подготовки къ магистрантскому экзамену въ условіяхъ полной необезпеченности, при постоянныхъ поискахъ временнаго заработка; этотъ періодъ жизни требовалъ истинно-философскаго аскетизма, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ юныхъ надеждъ и сознанія духовнаго роста. В. А. жилъ, «какъ Спиноза», въ маленькомъ номерѣ, заваленномъ книгами, гдѣ по вечерамъ велись безконечные философскіе діалоги съ друзьями. Онъ, какъ никто, обладалъ рѣдкой способностью не къ спору, а къ настоящему совмѣстному діалектическому изслѣдованію. Въ 1902 г. В. А. блестяще сдалъ при Московскомъ университетѣ магистрантскій экзаменъ, прочелъ пробныя лекціи на тему «понятіе солидарности у Огюста Конта»[1]) и «Положеніе третьяго сословія въ идеальномъ государствѣ Платона» и въ 1905 г. получилъ командировку за границу. Годы командировки были блестящимъ періодомъ его жизни. Философъ и ученый могъ наблюдать жизнь иныхъ странъ и иныхъ культуръ и работать въ той обстановкѣ организованнаго труда, которую такъ трудно создать у насъ въ Россіи. Письма В. А. къ друзьямъ, относящіяся къ этому времени, имѣютъ далеко не только личный и біографическій интересъ, они полны тонкихъ интересныхъ соціальныхъ наблюденій и національныхъ характеристикъ. Особенно цѣннымъ является теперь письмо, изображающее отношеніе Германіи къ русской революціи 1905 г. и дающее глубоко обоснованную отрицательную характеристику германской политики и особенно германской соціалъ-демократіи. Вообще В. А. настолько же не любилъ нѣмецкую толпу, безвкусную, мелочную и рабскую, — насколько цѣнилъ и уважалъ нѣмецкихъ ученыхъ и нѣмецкую науку. Самъ онъ примкнулъ и по всему своему научному облику необходимо долженъ былъ примкнуть

[1]) Эта лекція была впослѣдствіи переработана въ статью «Критика понятія солидарности въ соціологіи О. Конта», помѣщенную въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія». 1905 г. № 9, отд. 2.

Digitized by Google

къ неокантіанскому движенію. Его привлекали, съ одной стороны, та оппозиція безпринципному релятивизму и эмпиризму всякаго рода, какую онъ встрѣтилъ въ этой философской школѣ, а съ другой стороны, все же ея научность, ея раціонализмъ, ея отрицаніе произвольной и фантастической метафизики. Ясно также и то, почему В. А. изъ неокантіанскихъ писателей выбралъ именно ту вѣтвь, которая носитъ названіе Марбургской школы. Прежде всего онъ нашелъ здѣсь то, что съ самаго начала искалъ: разработанную систему этики и философіи права какъ науки, а затѣмъ нашелъ въ ея методахъ какъ разъ то, что соотвѣтствовало его собственному философскому идеалу: нашелъ стремленіе къ систематической завершенности, къ раціональной доказательности и наукообразности. Изучивъ соціальную философію Штаммлера и Наторпа, В. А. дѣлаетъ однако главною темою своего изслѣдованія философскую систему маститаго вождя марбургской школы, а въ концѣ концовъ главы неокантіанскаго движенія вообще — Германа Когена. Его магистерская диссертація, озаглавленная: «Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ», ставитъ себѣ задачей ввести этику Когена въ оборотъ русской научной мысли; однако она вовсе не ограничивается изложеніемъ этой послѣдней, но даетъ оріентировку въ современной философіи права съ точки зрѣнія избранной позиціи; для этого, съ одной стороны, выясняется отношеніе этой системы къ позитивной и эмпирической соціальной философіи, къ солидаризму Конта и къ психологизму Петражицкаго, а съ другой стороны, ея отношеніе къ другому теченію въ неокантіанствѣ, идущему отъ Виндельбанда и Риккерта. В. А. Савальскому принадлежитъ безъ сомнѣнія заслуга ознакомленія русской науки съ этимъ ярко выраженнымъ теченіемъ нѣмецкой философіи. Съ момента появленія его книги споры о марбургской философіи и о кантіанствѣ составляли постоянную тему нашихъ философскихъ и религіозно-философскихъ кружковъ.

Послѣ защиты диссертаціи въ Московскомъ университетѣ, В. А. былъ въ 1910 г. избранъ юридическимъ факультетомъ Варшавскаго университета на каѳедру государственнаго права. Послѣ долгой уединенной кабинетной работы, соединенной съ полной необезпеченностью, съ невозможностью примѣнить къ дѣлу и развить свои научныя силы, съ постоянной тревогой о завтрашнемъ днѣ, — наступаетъ и для него наконецъ время полнаго расцвѣта, время научнаго успѣха и житейской удачи. Лѣто 1910 г. онъ проводитъ въ Марбургѣ, съ увлеченіемъ отдавшись выработкѣ своего курса, посвященнаго общей части государственнаго права. При этомъ В. А. отнюдь не слѣдуетъ какой-либо готовой схемѣ, приня-

Digitized by Google

той въ наукѣ государственнаго права, онъ заново строитъ собственную систему, исходя изъ основныхъ идей своего философскаго міросозерцанія. Своимъ оригинальнымъ курсомъ философски-обоснованнаго и углубленнаго ученія о государствѣ онъ сразу приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ юридическихъ курсовъ. Его аудиторія всегда переполнена, его слушаютъ не только юристы, но и студенты другихъ факультетовъ. Читаетъ онъ медленно и вдумчиво, какъ бы взвѣшивая и обдумывая критически каждое утвержденіе.

Послѣ нѣсколькихъ семестровъ чтенія онъ издаетъ въ 1912 г. свой печатный курсъ (на правахъ рукописи) подъ заглавіемъ «Государственное право общее и русское. Конспектъ лекцій». Сначала появляется въ свѣтъ первый томъ, а затѣмъ и второй. Кромѣ государственнаго права онъ читалъ на юридическомъ факультетѣ еще курсъ мѣстнаго самоуправленія и логики. И все-таки, будучи переобремененъ лекціями въ университетѣ и на женскихъ курсахъ и неся обязанности секретаря этихъ курсовъ, онъ продолжаетъ все время свои научныя изысканія и замышляетъ на основѣ изслѣдованій, положенныхъ въ основаніе его курса, созданіе новаго систематическаго труда о государствѣ. Варшавскій періодъ былъ несомнѣнно самымъ свѣтлымъ періодомъ его жизни. Его друзья и товарищи навсегда сохранятъ воспоминаніе о его гостепріимной квартирѣ на Мокотовской улицѣ, съ ея уютнымъ кабинетомъ, въ которомъ среди книгъ, картинъ и реликвій, привезенныхъ изъ Греціи и Италіи, красовался на первомъ мѣстѣ чудный бронзовый бюстъ Платона.

Когда Варшава была эвакуирована, В. А. вывезъ изъ своего жилища только двѣ вещи: бюстъ Платона и свою новую работу. Съ этимъ багажомъ онъ пріѣхалъ въ Москву и какъ всегда, поселился въ семьѣ своего друга К. К. Нотгафтъ, съ которымъ онъ съ университетской скамьи дѣлилъ и горе и радость. Въ Москвѣ онъ занимался исключительно своей работой и чѣмъ сильнѣе болѣзнь ему мѣшала, тѣмъ больше онъ спѣшилъ, иногда ночи проводя за письменнымъ столомъ, пока не слегъ окончательно. Въ концѣ концовъ работа была все же въ главныхъ чертахъ закончена. Она носитъ заглавіе: «Государство, какъ предметъ возможнаго опыта». Вотъ обозрѣніе ея содержанія, намѣченное въ оглавленіи, которое самъ авторъ ей предпосылаетъ: Введеніе. I. Современное состояніе науки о государствѣ. II. Проблема методологіи въ наукѣ о государствѣ. III. Планъ изложенія. Литература. А. Опытъ и государство. IV. Философія научнаго идеализма и проблема государства. Б. Опытъ природы и госу-

Digitized by Google

дарство. V. Натурализмъ въ ученіи о государствѣ. VI. Механическая теорія общества. VII. Органическая теорія общества. VIII. Матеріалистическая теорія общества. IX. Солидаристическая теорія общества. X. Психологическая теорія общества. B. Опытъ свободы (культуры) и государство. XI. Научная этика и науки о культурѣ. XII. Этическая теорія общества. XIII. Опредѣленіе государства. Г. Юридическій опытъ и государство. XIV. Государство и право. XV. Государство, какъ предметъ юридическаго опыта. XVI. Государство, какъ множество юридическихъ нормъ. XVII. Государство, какъ множество субъектовъ, объектовъ и отношеній. XVIII. Единство государства. Д. Нравственность и государство. XIX. Метаюридическое и государство. XX. Идеальное государство (естественное право и политика права). XXI. Цѣль государства. XXII. Оправданіе государства. XXIII. Исторія государства.

Смерть В. А. послѣдовала совершенно неожиданно для его друзей, которые разсчитывали на полное выздоровленіе послѣ операціи. Въ послѣднія минуты его жизни при немъ находились К. К. Нотгафтъ, Н. Н. Алексѣевъ и тотъ, кто пишетъ эти строки.

Б. Вышеславцевъ.

Digitized by Google

А. Ѳ. Кони.

(1865—1915 г.)

30 сентября 1915 г. вся интеллигентная Россія праздновала пятидесятилѣтіе общественной дѣятельности Анатолія Ѳедоровича Кони. Посвященное этому выдающемуся юбилею торжественное засѣданіе состоялось и въ возобновившемъ свою дѣятельность Московскомъ юридическомъ обществѣ, печатнымъ органомъ котораго вновь состоитъ «Юридическій Вѣстникъ». Дѣятельность Анатолія Ѳедоровича была и остается весьма разнообразной: онъ выступалъ въ теченіе протекшихъ пятидесяти лѣтъ, какъ прокуроръ, судья, толкователь закона, какъ литераторъ, членъ высшаго законодательнаго учрежденія и какъ ученый юристъ. Но именно юридической работѣ, практической, — въ качествѣ члена судебнаго вѣдомства, и теоретической, — въ качествѣ ученаго криминалиста, выступавшаго устно съ профессорской каѳедры и печатно въ многочисленныхъ монографіяхъ и другихъ трудахъ, — Анатолій Ѳедоровичъ посвятилъ всего болѣе своего досуга таланта и глубокаго знанія. Поэтому «Юридическій Вѣстникъ особенно горячо привѣтствуетъ въ юбилейный годъ глубокочтимаго Анатолія Ѳедоровича, состоящаго почетнымъ членомъ Московскаго юридическаго общества, какъ прежняго, закрытаго въ 1899 г., такъ и новаго (1910 г.), но тѣсно связаннаго съ прежнимъ, — направленіемъ, традиціями и даже личнымъ составомъ.

Судебная служба Анатолія Ѳедоровича протекала сначала въ провинціи, а потомъ въ Петроградѣ, но Москва была и осталась близка ему. Юридическое образованіе свое Анатолій Ѳедоровичъ получилъ въ Московскомъ университетѣ (окончивъ курсъ въ 1865 г.), въ немъ же возникло, не осуществившееся по случайной причинѣ, предположеніе объ ученой командировкѣ Анатолія Ѳедоровича за границу, для подготовленія къ занятію каѳедры уголовнаго права, въ «Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» была напе-

Digitized by Google

чатана первая юридическая работа Анатолія Ѳедоровича («О правѣ необходимой обороны»), рядъ его статей появлялся и появляется и въ настоящее время въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ и научныхъ сборникахъ («Вопросы философіи и психологіи», «Юридическій Вѣстникъ», «Вѣстникъ права», «Судебная реформа» и т. д.), и не разъ Анатолій Ѳедоровичъ выступалъ въ Москвѣ, какъ лекторъ.

Но и протекавшая въ Петроградѣ судебная служба Анатолія Ѳедоровича, и его осуществлявшіяся въ обѣихъ столицахъ литературно-научныя работы, не были ограничены территоріально; вліяніе ихъ, вскорѣ же по вступленіи Анатолія Ѳедоровича на путь общественной дѣятельности, распространилось на всю Россію, въ особенности въ средѣ лицъ, близкихъ наукѣ и суду. И трудно сказать, какой отдѣлъ общественнаго служенія Анатолія Ѳедоровича былъ наиболѣе продуктивенъ и важенъ для общества въ его поступательномъ движеніи по пути дѣйствительной культуры и приближенія къ осуществленію у насъ господства права. Этой задачѣ, т.-е. установленію въ русскомъ обществѣ основъ права и законности, Анатолій Ѳедоровичъ посвящалъ всѣ годы своей судебной дѣятельности, создавая не въ теоріи, а на практикѣ, образы судьи, и государственнаго обвинителя въ духѣ вызвавшихъ ихъ къ жизни Судебныхъ Уставовъ Александра II, и своимъ примѣромъ научая вступавшую на судебное поприще молодежь единенію, при отправленіи правосудія, закона и гуманности, права и этики. Вся безъ исключенія столь долгая непосредственная судебная работа Анатолія Ѳедоровича служила практической школой для тѣхъ лицъ судебнаго вѣдомства, которыя въ отправленіи своихъ обязанностей видѣли не только матеріальное пособіе къ существованію или увлекались карьерой, а сознавали, что они взялись за отвѣтственное и трудное, но въ то же время высокое общественное дѣло. И такимъ же учителемъ и проповѣдникомъ права выступалъ Анатолій Ѳедоровичъ и въ своихъ научныхъ и вообще литературныхъ произведеніяхъ, хорошо знакомыхъ безусловно всѣмъ русскимъ юристамъ. Обширныя произведенія Анатолія Ѳедоровича: «Судебныя рѣчи», «За послѣдніе годы», «На жизненномъ пути», и такія монографіи, какъ «Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ», «Черты судебной этики» и другія, давно стали настольными книгами всѣхъ лицъ, сколько-нибудь интересующихся правомъ и его развитіемъ у насъ.

Ораторскій талантъ Анатолія Ѳедоровича, сказывавшійся въ его обвинительныхъ рѣчахъ на судѣ, въ «напутственномъ словѣ» присяжнымъ засѣдателямъ, проявляющійся и теперь въ его рѣчахъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Академіи наукъ и публичныхъ

Digitized by Google

собраніяхъ, отличался, сохранивъ эту черту донынѣ, особымъ характеромъ, зависящимъ отъ коренного свойства личности Анатолія Ѳедоровича — правовѣда въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова. Рѣчи его проникнуты энергіей и убѣжденностью, но въ нихъ нѣтъ пафоса, свойственнаго большинству ораторовъ, а тѣмъ болѣе излишней горячности. Плавно, художественно въ отношеніи стиля, покойно и торжественно, зиждясь на законахъ логики, протекаетъ рѣчь Анатолія Ѳедоровича, убѣждая слушателей въ вѣрности его мыслей, дѣйствуя не столько на чувства ихъ, сколько на умъ. И эта особенность духа Анатолія Ѳедоровича — «юриста Божіею милостью», — сказывается не только въ его рѣчахъ, но во всѣхъ его произведеніяхъ, хотя бы посвященныхъ вопросамъ, стоящимъ внѣ юридической сферы.

Оканчивая эту небольшую памятку юбилея Анатолія Ѳедоровича, мы выскажемъ ему отъ имени «Юридическаго Вѣстника» глубокое уваженіе и благодарность за все, совершенное имъ въ близкой намъ сферѣ правовѣдѣнія и суда, и радость по поводу того, что Анатолій Ѳедоровичъ не пріостановилъ своихъ научныхъ работъ, и, какъ намъ извѣстно, и въ данное время занятъ составленіемъ нѣсколькихъ монографій юридическаго характера и рефератовъ общественнаго значенія.

Н. Давыдовъ.

Digitized by Google

Юридическое Обозрѣніе.

О правѣ конфискаціи враждебныхъ коммерческихъ судовъ, арестованныхъ въ русскихъ и союзныхъ портахъ и на морѣ въ началѣ настоящей войны.

Вплоть до Крымской кампаніи существовала въ полной мѣрѣ практика конфискаціи непріятельскихъ судовъ, находившихся въ національныхъ портахъ въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій[1]). Только со времени Крымской войны, именно съ 1854 г., можно констатировать болѣе гуманное отношеніе: предоставленіе воюющимъ непріятельскимъ судамъ срока, болѣе или менѣе продолжительнаго для выхода изъ національныхъ портовъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что по утвержденію извѣстнаго писателя по морскому международному праву Дюпюи (Dupuis)[2]), вышеозначенная свобода отъ конфискаціи даетъ мѣсто не малымъ сомнѣніямъ. Если, съ одной стороны, кажется несправедливымъ подвергать конфискаціи ни въ чемъ неповинныя торговыя непріятельскія суда, то, съ другой стороны, въ высшей степени неосмотрительно допускать тѣ же суда безпрепятственно продолжать свои операціи.

Всякому, даже не спеціалисту, извѣстно, что и торговыя суда могутъ служить для военныхъ цѣлей[3]), путемъ ли прямого обращенія ихъ въ военныя[4]), или использованія ихъ для снабженія

---

[1]) Что практиковалось и въ нашемъ отечествѣ — см., напримѣръ, дѣла архива морского министерства о раздѣлѣ призовъ, захваченныхъ эскадрой адмир. Сенявина во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и дѣла Николаевскаго архива въ эпоху русско-турецкой войны 1787—91 гг. (Измаильской призовой комиссіи).

[2]) Le droit de la guerre maritime d'après les conférences de la Haye et de Londres, Paris 1911 г., стр. 164 и слѣд.

[3]) О чемъ подробнѣе см. нашу статью въ «Русскомъ Судоходствѣ» 1913 г., № 9.

[4]) Такую возможность предусматриваетъ и Гаагская конвенція 1907 г. счетомъ 7-я) объ обращеніи торговыхъ судовъ въ суда военныя.

Digitized by Google

провіантомъ и боевыми припасами военныхъ эскадръ. Всѣ такія суда въ состояніи принести существенную пользу своему отечеству, препятствовать чему составляетъ насущный интересъ противника, и, слѣдовательно, воюющіе всегда рискуютъ пострадать отъ операцій тѣхъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ, которымъ они позволятъ безпрепятственно покинуть свои порты.

Мало того, предоставленіе права безпрепятственнаго выхода непріятельскихъ торговыхъ судовъ изъ національныхъ портовъ логически приводитъ къ неприкосновенности и тѣхъ непріятельскихъ судовъ, которыя находятся въ открытомъ морѣ, не зная объ открытіи военныхъ дѣйствій. Вѣдь, и непріятельскія торговыя суда второй категоріи разсчитывали въ равной степени на продолженіе мирныхъ отношеній и, слѣдовательно, не должны, казалось бы, подлежать конфискаціи.

Насколько, однако, современная практика далека отъ признанія неприкосновенности судовъ этой категоріи, мы скажемъ ниже. По изложеннымъ соображеніямъ вполнѣ понятенъ отказъ Англіи на второй Гаагской конференціи мира 1907 г. отъ установленія срока для выхода непріятельскихъ судовъ при началѣ войны[1]). Недаромъ и предложеніе русской делегаціи предполагало возможность для воюющаго задержать непріятельскія торговыя суда въ виду военной необходимости. Наконецъ, за голландско-бельгійское предложеніе на той же конференціи о замѣнѣ конфискаціи секвестромъ съ обязательствомъ вознагражденія по окончаніи войны высказалось только 14 голосовъ противъ 9 при 7 воздержавшихся. Вполнѣ естественно поэтому, что соотвѣтствующая Гаагская конвенція 1907 г. (счетомъ 6-я «о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій») ограничилась лишь пожеланіемъ, чтобы торговымъ судамъ, застигнутымъ войною въ непріятельскихъ портахъ, дозволено было немедленно или до истеченія достаточнаго льготнаго срока выйти и укрыться въ безопасное мѣсто[2]). При чемъ въ отношеніи судовъ, «коихъ постройка указываетъ, что они предназначены для

---

[1]) Deuxième conférence internationale de la paix, t. III, стр. 827.

[2]) При такомъ «пожеланіи», вмѣсто вполнѣ ясной и категорической нормы, отпадаетъ и дальнѣйшее постановленіе той же конвенціи (ст. 2-я со ссылкой на ст. 1-ю) о невозможности конфискаціи непріятельскаго судна, не вышедшаго въ срокъ изъ порта противника.

Digitized by Google

обращенія въ суда военныя», ст. 5 конвенціи прямо оговаривается, что на нихъ она не распространяется.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ регламентаціей затронутой нами темы въ настоящей войнѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что упомянутымъ предложеніемъ русской делегаціи на второй мирной конференціи 1907 г. вышеприведенными соображеніями о значеніи и роли современныхъ торговыхъ судовъ во время войны, Высочайшимъ указомъ 28 іюля 1914 г.[1]) опредѣлено «задержать торговыя суда непріятельскихъ государствъ, застигнутыя войною въ русскихъ портахъ», подвергнувъ тѣ изъ нихъ, «постройка коихъ указываетъ, что они предназначены для обращенія въ военныя», конфискаціи «въ порядкѣ, установленномъ положеніемъ о морскихъ призахъ, на общемъ основаніи ст. 10[2]) этого положенія». Правда, въ силу того же указа постановлено «соблюдать подъ условіемъ взаимности» вышеуказанную 6-ю Гаагскую конвенцію. И сразу же послѣ объявленія войны Англія въ особомъ Order in Council объявила, что, если Германія будетъ соблюдать взаимность, то всѣ германскія торговыя суда имѣютъ право покинуть англійскіе порты до 14 августа 1914 года. Германія однако не выразила желанія послѣдовать примѣру Англіи, и ни одному непріятельскому судну, находившемуся при началѣ войны въ портахъ Великобританіи, не было дано разрѣшенія выйти въ море. Далѣе, расчитывать на взаимность въ отношеніи судовъ, застигнутыхъ въ морѣ, Германія, какъ было уже выяснено англійскими и французскими призовыми судами въ настоящую войну[3]), также не можетъ, такъ какъ Гаагскую 6-ю конвенцію она подписала съ оговоркой о ст. 3-й. Несмотря на указанія представителей судохозяевъ, что оговорки Германіи слѣдуетъ понимать ограничительно, такъ какъ онѣ касаются только второй части указанной статьи[4]), имъ было разъяснено, что, каковы бы

---

[1]) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства № 209 отъ 2 августа 1914 г., ст. 2104 — «О правилахъ, коими Россія будетъ руководствоваться во время войны 1914 г.».

[2]) «Конфискаціи въ качествѣ призовъ подлежатъ военныя и торговыя непріятельскія суда»...

[3]) «Journal officiel de la République française» за 1915 г., рѣшенія Conseil des prises о германскихъ судахъ: «Porto», «Barmbec», «Frieda-Mahn», «Martha-Böchhahn», и «Czar-Nicolai II», стр. 1732, 1855, 2040, 2251 и 2369; «Times», November 14, 1914 рѣшен. англ. приз. суда о германск. суднѣ «The Möwe».

[4]) Въ виду невыгодности для Германіи обязательства задерживать не-

Digitized by Google

ни были мотивы германскихъ оговорокъ, онѣ касаются всей статьи въ ея цѣломъ, такъ какъ постановленія ея неразрывно другъ съ другомъ связаны. Въ пользу конфискаціи судовъ малаго тоннажа ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Защищая рѣшеніе Смирнскаго призового суда въ итало-турецкую войну 1911—1912 г., M. E. Coquet, профессоръ юридическаго факультета въ Poitiers, указываетъ со ссылкой на итальянскаго писателя Ricci-Busatti, что конфискація этимъ судомъ легкихъ итальянскихъ судовъ вполнѣ согласуется съ духомъ упомянутой Гаагской конвенціи 1907 г., охраняющей лишь суда, поддерживающія международную торговлю, послѣднее мѣсто назначенія коихъ вовсе не есть портъ одного изъ воюющихъ[1]). Замѣтимъ, что приведенное мнѣніе раздѣляетъ итальянскій профессоръ Fedozzi, выставляя принципъ уничтоженія непріятельской торговли на морѣ. Впрочемъ съ этимъ принципомъ борется въ настоящее время болѣе гуманный запретъ морскихъ сообщеній противника и, какъ слѣдствіе его, неприкосновенность судовъ, оставшихся въ портахъ. Что же касается торговыхъ судовъ, бо́льшого тоннажа то, предварительно указанія на то, въ силу какихъ другихъ правовыхъ основаній и они могутъ подлежать конфискаціи, замѣтимъ, что самое выраженіе указа 28-го іюля «постройка коихъ указываетъ, что они предназначены для обращенія въ военныя», вполнѣ bona fide можетъ быть распространено и на суда большого тоннажа. И въ этомъ выраженіи указа и лежитъ, центръ тяжести разсматриваемаго вопроса. Дѣйствительно, любой спеціалистъ подтвердитъ наше мнѣніе, высказываемое и въ германской литературѣ[2]), что при теперешнемъ прогрессѣ техники торговыя суда отнюдь не въ состояніи дѣлить съ военными судами ихъ боевые успѣхи. Въ настоящее время ихъ роль болѣе скромная, но не менѣе существенная — служить военными транспортами, угольщиками, плавучими мастерскими и т. д. И вотъ тутъ-то величина тоннажа торговыхъ судовъ и играетъ рѣшающую роль, если, конечно, не держаться узкаго толкованія разбираемаго указа, въ чемъ, кстати сказать, по нижеприводимымъ

пріятельскія суда въ морѣ, такъ какъ въ отличіе отъ державъ, имѣющихъ порты въ разныхъ странахъ, ей придется такія суда топить безъ всякой для себя пользы.

[1]) «Revue générale de droit international public», 1914 г., стр. 267.

[2]) См., напримѣръ, H. Willms, Die Umvandlung von Kauffahrteischiffen in Kriegsschiffe, 1912 г.

Digitized by Google

соображеніямъ нѣтъ никакой надобности. Само собой разумѣется, что, чѣмъ больше вмѣстимость судна, тѣмъ успѣшнѣе оно можетъ быть транспортомъ или угольщикомъ. А это значитъ, что, нисколько не насилуя, такъ сказать, смысла указа, мы имѣемъ полное право утверждать, что торговыя суда и большаго тоннажа съ неменьшимъ основаніемъ, чѣмъ суда малаго тоннажа, подлежатъ согласно смыслу указа конфискаціи, такъ какъ возможность для использованія ихъ для военныхъ цѣлей, согласно вышесказанному, не подлежитъ сомнѣнію. Мало того, высказываться за конфискацію германскихъ судовъ, задержанныхъ въ нашихъ портахъ, даютъ намъ полное основаніе проводимыя именно въ нѣмецкой же спеціальной литературѣ воззрѣнія[1]), что не только нарушеніе противникомъ правомѣрныхъ интересовъ, но и морально несправедливыя дѣйствія послѣдняго совершенно механически, съ точки зрѣнія «машинной» психологіи нѣмцевъ, вызываютъ принятіе мѣръ самопомощи (Selbsthilfe), къ каковымъ относится арестъ и конфискація торговыхъ и даже правительственныхъ судовъ. Въ качествѣ репрессалій означенныя мѣры предусмотрѣны въ нѣкоторыхъ національныхъ законодательствахъ, напр., итальянскомъ[2]). Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ указать, что еще недавно наши бывшіе противники японцы, несмотря на вышеотмѣченный поворотъ во взглядахъ на разсматриваемый вопросъ, подвергали конфискаціи русскія торговыя суда, застигнутыя войной въ ихъ портахъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на ихъ военный характеръ или доказывая, что они — казенныя[3]). Точно такъ же и въ триполитанскую войну оба противника подвергали торговыя суда конфискаціи не только въ портахъ, но и въ открытомъ морѣ. Турки безъ всякой мотивировки, а итальянцы путемъ презумпціи, что разъ судно только предполагается[4]) вышедшимъ изъ послѣдняго порта послѣ объявленія войны, оно предпола-

---

[1]) «Международное право» проф. Листа въ русскомъ переводѣ проф. Грабаря, изд. 1912 г., ст. 372 слѣд.

[2]) Ст. 234 кодекса о торговомъ мореплаваніи (цитируемъ по французскому тексту); «..... par voie de représsailles, il pourra y avoir lieu à l'embargo ou au séquestre de ces navires, quand l'ennemi aura commencé ses hostilités en capturant les navires nationaux qui se trouveraient dans ses ports ou en commettant des exactions dans les provinces de l'État».

[3]) О чемъ подробнѣе см. нашу статью въ «Русскомъ Судоходствѣ» 1913 г., № 10.

[4]) Дѣло о задержаніи парохода «Newa», Atti delle R-a commissione delle prede Roma 1912 г., стр. 120.

Digitized by Google

гается уже знающимъ о послѣдней и, слѣдовательно, подлежитъ конфискаціи. Далѣе, расширяя совершенно произвольно и безъ того произвольную теорію приведенныхъ презумпцій, итальянскіе призовые судьи считали, что всякое судно, находящееся еще въ открытомъ морѣ послѣ того, какъ война официально была объявлена, должно знать о послѣдней и опять-таки подлежитъ конфискаціи[1]). И все это продѣлывалось несмотря на лживое обѣщаніе итальянскаго правительства о соблюденіи упомянутой Гаагской (VI) конвенціи[2])!

В. П. Голубевъ.

[1]) Дѣло о конфискаціи турецкаго парохода «Tabah», ibidem, стр. 45.
[2]) Морскія инструкціи отъ 13 октября 1911 г.

Digitized by Google

Новая работа о Гаррингтонѣ.

Исторія Англіи XVII столѣтія, эпохи, когда правовое государство стало практически на твердую почву и сумѣло осознать свои теоретическія предпосылки, не можетъ не привлекать вниманія изслѣдователей. Міровое, а не только мѣстное значеніе «Великаго возстанія» средины столѣтія и «Славной революціи» — его конца, въ наши дни внѣ какихъ-либо сомнѣній: корни новѣйшаго конституціонализма въ его французско-американской интерпретаціи именно здѣсь, въ идеологіи джентльмэновъ, отстаивавшихъ свою исконную, «норманскимъ нашествіемъ» не искаженную «политію», или же въ исканіяхъ людей новаго уклада, отъ религіознаго освобожденія приходившихъ къ принципамъ освобожденія политическаго. Пестрая, длинная вереница именъ! Ихъ много, какъ было много именъ тѣхъ политиковъ, которыхъ выдвинулъ переломъ аттической жизни V и IV столѣтій. Огромная масса этихъ послѣднихъ канула въ Лету — случайно или же заслоненная такими фигурами, какъ Платонъ и Аристотель. Ихъ историческая параллель, англійскіе политики XVII столѣтія — въ лучшемъ положеніи, не только потому, что они ближе къ намъ, но и потому, что о сохраненіи слѣдовъ ихъ дѣятельности заботились современники: какъ напримѣръ великъ нашъ долгъ признательности тому безвѣстному мистеру Томасону, книготорговцу, который оставилъ послѣ себя систематически подобранную, помѣченную днемъ выхода въ свѣтъ каждой вещи, коллекцію памфлетовъ, наводнившихъ собою книжный рынокъ въ годы конфликта между королемъ и парламентомъ. Но вѣдь Англія искони — страна антикваріевъ!

Среди того многаго, что намъ оставилъ XVII вѣкъ, есть еще надъ чѣмъ поработать. Ученаго, который къ этому вѣку приступаетъ, встрѣтитъ масса классифицированнаго матеріала, тщательно изданнаго, встрѣтитъ руководство такихъ опытныхъ менторовъ, какъ Гардинеръ и Ферсъ (Firth), но въ то же время — сравнительно малое число детальныхъ монографій. Достаточно сказать, что нѣтъ въ глубь идущаго изслѣдованія по исторіи парламента тѣхъ дней: ее пр-

Digitized by Google

ходится извлекать изъ трудовъ, которые преслѣдуютъ цѣли болѣе общаго характера, а не спеціально юридико-политическія. То, что вѣрно относительно учрежденій, вѣрно и относительно идей: здѣсь «извѣстное» въ сущности извѣстно очень мало, поверхностно, а «неизвѣстное» способно оказываться заслуживающимъ гораздо большей извѣстности. Укажу хотя бы на несправедливую извѣстность безталаннаго сэра Роберта Фильмера на ряду съ неизвѣстностью сэра Джона Додриджа, этого поистинѣ самаго талантливаго обоснователя королевскаго абсолютизма эпохи раннихъ Стюартовъ. Его любопытнѣйшій трактатъ о парламентѣ до сихъ поръ ждетъ издателя. Но и то, что̀ издано, не всегда является изданіемъ, «окончательнымъ», критически свѣреннымъ съ манускриптами съ ихъ разночтеніемъ. Исторія политическихъ идей XVII столѣтія еще ждетъ своего компетентнаго изслѣдователя, а пока приходится довольствоваться эскизами, хотя бы блестящими, въ родѣ книги Gooch'a, «The History of English democratic ideas in the seventeenth century»[1]).

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приходится отмѣтить выходъ въ свѣтъ монографіи, посвященной одному изъ наиболѣе крупныхъ людей интересующей насъ эпохи — Джемсу Гаррингтону: H. F. Russell Smith, «Harrington and his Oceana», 1914. Авторъ монографіи извѣстенъ уже въ литературѣ своей работой о вѣротерпимости въ царствованіе позднихъ Стюартовъ («The Theory of religious liberty in the reigns of Charles II and James II). Новое его произведеніе обнаруживаетъ тщательность анализа, объективность тона. Авторъ умѣетъ заинтересовать читателя своеобразнымъ обликомъ Гаррингтона — этимъ «воскресшимъ Платономъ», какъ его называли, порою въ серьезъ, порою не безъ иронiи, современники. И если, быть можетъ, выводы не всегда доводятся до желательной завершенности, то матеріалъ для нихъ въ книгѣ есть. Во всякомъ случаѣ это меньшій минусъ, нежели обратное явленіе: именно, когда пышности «верхняго этажа» не соотвѣтствуетъ основательность «нижняго».

Гаррингтонъ интересенъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, какъ соціологъ. Его взгляды въ этомъ направленіи предвосхищаютъ выводы экономическаго матеріализма. «Какова пропорція или балансъ поземельной собственности, такова и природа власти»— гласитъ одинъ изъ тезисовъ его доктрины. Если въ край угла кладется собственность поземельная, то это потому, что Гаррингтонъ

[1]) Недавно вышли въ свѣтъ этюды G. P. Gooch'a, Political Thought of England, from Bacon to Halifax, 1915. Отдѣлъ о Гаррингтонѣ цѣликомъ основанъ на работѣ Smith'a, которая разбирается въ настоящей замѣткѣ.

Digitized by Google

имѣетъ въ виду Англію, гдѣ въ то время источникомъ богатства являлась земля — сама по себѣ или въ связи съ овцеводствомъ. Однако, «въ такихъ государствахъ, какъ Голландія или Женевская республика, на мѣстѣ баланса земельной собственности стоитъ балансъ собственности денежной», и это обстоятельство Гаррингтонъ учитываетъ. Такимъ образомъ, его формула не имѣетъ узкаго, недоговореннаго характера. Отношеніямъ «по собственности» соотвѣтствуютъ отношенія «по власти» — таковъ смыслъ позиціи этого марксиста XVII столѣтія. — Современники Гаррингтона ставили ему въ упрекъ его «эмпиризмъ». Вренъ въ «Обоснованіи монархіи» (Wren, «Monarchy asserted», 1660) писалъ: «базисъ правленія составляютъ непреложные принципы и дедукціи изъ этихъ принциповъ. Такимъ путемъ политика обращается въ законченную (complete) науку. Въ противномъ случаѣ, какое бы количество конкретныхъ государственныхъ порядковъ ни привлекать, въ лучшемъ случаѣ можно сдѣлать изъ людей эмпириковъ въ области политики». Эмпиризмъ въ политикѣ, додуманный до конечныхъ выводовъ, есть возведеніе «факта» въ «должное». Восемнадцатый вѣкъ и взялъ теорію Гаррингтона, какъ оправданіе начала: «такъ есть, такъ и должно быть». Принципъ «объясненія» обратился въ методъ «оправданія». Но это вовсе не было въ намѣреніяхъ самаго автора: Гаррингтонъ не типъ охранителя, а типъ реформатора. Онъ не только «выводилъ» власть изъ собственности, но и хотѣлъ опредѣленныхъ формъ собственности: таковъ его проектъ запрета владѣть участками земли стоимостью болѣе 2000 фунтовъ стерлинговъ (по тогдашнему курсу) или же проектъ отмѣны права первородства, какъ пути созданія латифундій. Поэтому и едва ли можно согласиться съ оцѣнкой Смиса, будто Гаррингтонъ поклонникъ «факта». Онъ знаетъ «факты» но не со всѣми фактами готовъ согласиться.

Это «несогласіе» съ окружавшей его дѣйствительностью обращало Гаррингтона изъ соціолога въ политика. Принято думать, что въ политика не очень успѣшнаго. Поскольку дѣло идетъ о непосредственныхъ, осязательныхъ результатахъ, это такъ и есть. Причина не въ маловѣсности или же несвоевременности политической программы Гаррингтона. Его программа всего менѣе была маловѣсна: противное доказываетъ дальнѣйшая судьба идей, выдвинутыхъ авторомъ «Океаны». Точно такъ же и несвоевременность этихъ идей не можетъ быть взята въ качествѣ причины ихъ неуспѣха. Въ монографіи Смиса, думается, этотъ пунктъ недостаточно рельефно оттѣненъ, а онъ заслуживаетъ вниманія. Гаррингтонъ былъ выразителемъ настроенія широкихъ круговъ англій-

Digitized by Google

скаго общества эпохи «Великаго возстанія». Въ немъ какъ въ фокусѣ сосредоточились тѣ исканія системы «сдержекъ и противовѣсовъ», какія нашли практическую реализацію не на англійской почвѣ, а спустя столѣтіе на почвѣ «ново-англійской», въ С. Америкѣ. Реставрація Стюартовъ, установка англійской конституціи «на старое днище», какъ говорили люди того времени, вотъ что оказалось сыгравшимъ знаменательную роль въ исторіи англійскихъ политическихъ учрежденій. «Старое днище» именно и означало отказъ отъ «искусственнаго» распредѣленія власти: эластичная формула «король въ парламентѣ», въ которую можно вложить любое содержаніе, любое соотношеніе властвующихъ органовъ, возвратилась на старое мѣсто. Инымн словами, Англія, въ противоположность С. Америкѣ, не стала на путь усвоенія «мѣръ предосторожности», цѣль которыхъ дать высшимъ государственнымъ органамъ средства для утвержденія собственной самостоятельности, а въ результатѣ и разобщенности. Въ этомъ смыслѣ реставрація спасла Англію отъ раздѣленія властей: конечной цѣлью правительственной организаціи оказался принципъ «продуктивности» (efficiency), вытекающій изъ сообщнаго, а не раздѣльнаго властвованія. Таковъ отдаленный результатъ возвращенья Стюартовъ изъ странствованій, но, разумѣется, ихъ звали назадъ не потому, чтобы спасти Англію отъ надвигающагося американизма въ политикѣ. Люди, привѣтствовавшіе Карла II, видѣли въ немъ освободителя отъ общей разрухи, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, а не отъ отрицательныхъ сторонъ системы «сдержекъ и противовѣсовъ». Гаррингтонъ потерпѣлъ фіаско, какъ республиканецъ: республика означала въ тѣ дни хаосъ или нѣчто близкое къ этому, но въ это фіаско лишь случайно оказались вовлеченными тѣ его идеи, реализаціей которыхъ онъ хотѣлъ новому строю придать устойчивость. Наоборотъ, эти идеи были въ духѣ времени, и недаромъ, по свидѣтельству современниковъ, «Океана» была книгой, на которую набрасывались съ жадностью. Уже старый, «природный» англійскій строй люди того времени хотѣли истолковать какъ нѣчто организованное именно такъ, что одинъ правящій элементъ сдерживаетъ другой элементъ. Въ этомъ отношеніи такіе писатели, какъ Хантонъ (Hunton) и Фернъ (Ferne) могутъ быть названы «монтескіанцами до-Монтескье». На практикѣ та же тенденція выразилась въ стремленіяхъ сузить доступъ представителямъ короны въ парламентъ, и въ дебатахъ палаты общинъ первой половины XVII столѣтія проскальзываютъ требованія полнаго запрета по адресу королевскихъ совѣтниковъ брать на себя миссію народныхъ представителей. Все это признаки, въ которыхъ нельзя не

Digitized by Google

усмотрѣть того факта, что и Англію историческія условія толкали на тотъ же путь разобщенія между администраціей и законодательнымъ органомъ, на какой рѣшительно стала С. Америка къ концу XVIII столѣтія. Въ послѣднемъ случаѣ сыгралъ свою опредѣляющую роль не столько авторитетъ Монтескье, сколько то недовѣріе къ представителямъ администраціи, какое создалось въ колоніальный періодъ — все равно, какъ въ эпоху французской революціи недовѣріе къ абсолютному монарху люди перенесли на монарха конституціоннаго. Основной законъ 1791 г., отрѣзавшій короля отъ парламента, заострялъ до послѣдняго предѣла идеи Монтескье именно потому, что и въ новомъ режимѣ люди ждали старыхъ пріемовъ со стороны правительственной власти, тѣмъ болѣе, что предъ глазами французовъ стоялъ образецъ политической мудрости: американская федеральная конституція 1787 г. Однако, эта послѣдняя принципъ раздѣленія власти выводила уже изъ другихъ практическихъ мотивовъ: первые опыты сомостоятельной жизни показали американцамъ, что опасность «тираніи» возможна и со стороны народнаго представительства. Именно этотъ мотивъ сталъ опредѣлять съ теченіемъ времени и позицію англійскихъ обоснователей системы сдержекъ: опытъ Долгаго, черезчуръ долгаго, парламента показалъ, что интересы націи могутъ расходиться и съ ея представителями. Въ томъ, что этотъ опытъ Гаррингтонъ сумѣлъ учесть, — учесть и выдвинуть мѣры противодѣйствія, заключается смыслъ его политической миссіи. Извѣстны рецепты его государственной мудрости: двухпалатность; «дебатированіе» въ рукахъ верхней палаты, менѣе численной, избранной на основаніи высшаго ценза (условіе высшей интеллектуальности!), «рѣшеніе» въ рукахъ нижней палаты, болѣе численной, болѣе демократической; «ротація», частичное обновленіе органовъ правительственной власти и народнаго представительства. Всѣ эти средства, однако, ничто, если не приняты мѣры къ обезпеченію самостоятельности избирателя и преданію полновѣсности его голосу. Отсюда требованіе тайной подачи голосовъ и равенства избирательныхъ округовъ. Въ тайномъ вотумѣ Гаррингтонъ усматривалъ — принципъ огромной важности: не даромъ онъ про Венецію писалъ, что этому принципу она обязана ея «1300-лѣтней жизнью»[1]).

Въ построеніяхъ Гаррингтона есть пункты не столько утопичные,

---

[1]) Авторъ монографіи о Гаррингтонѣ указываетъ, что вплоть до 1872 г. Англія придерживалась явной подачи голосовъ при выборахъ въ парламентъ. Это, однако, не совсѣмъ такъ: въ XVII столѣтіи можно обнаружить слѣды баллотировки въ нѣкоторыхъ изъ городскихъ корпорацій, и тотъ фактъ, что эти города лежатъ тамъ, куда наиболѣе широко вливалась голландская имиграція, показываетъ, откуда дулъ вѣтеръ.

Digitized by Google

сколько мало практичные: въ особенности это относится къ разрыванію процесса законодательства на «обсужденіе» и «рѣшеніе», изъ которыхъ каждое въ рукахъ отдѣльнаго органа. Здѣсь въ сущности утверждался принципъ народнаго референдума, въ видѣ вотированія нижней палатой того, что принято верхней. Но обращать органъ народнаго представительства въ вотирующую машину не такъ легко. Уильямъ Пеннъ, создатель конституціи Пенсильваніи, тщетно пытался установить порядки въ соотвѣтствіи съ указаніями «Океаны». Результатъ, однако, былъ тотъ, что нижняя палата вмѣсто того, чтобы «нѣмо» принимать или отвергать законопроекты, выработанные верхней палатой, настояла на отнятіи у послѣдней ея законодательныхъ функцій. Но на ряду съ подобнымъ, мало раціональнымъ политическимъ пріемомъ, Гаррингтонъ оказался обоснователемъ цѣлаго ряда принциповъ, вошедшихъ въ ту систему конституціонализма, которая ищетъ «сдержекъ и противовѣсовъ». Двухпалатность, построенная, не забудемъ, на избирательномъ принципѣ; частичность обновленія состава законодательнаго органа; тайный вотумъ (у Гаррингтона не только при выборахъ, но при голосованіи въ парламентѣ!) — все это мѣры, которыя въ отдѣльности не были изобрѣтеніемъ Гаррингтона, но въ совокупности даютъ ему право быть родоначальникомъ той политической идеологіи, какая нашла себѣ завершительный этапъ въ С. Американской федеральной конституціи 1787 г. Если бы англійскій конституціонализмъ оказался фиксированнымъ въ тѣ годы перелома, взаимнаго недовѣрія, когда выступалъ съ своими проектами реформъ Гаррингтонъ, то несомнѣнно, что этотъ конституціонализмъ носилъ бы на себѣ большіе слѣды его вліянія: взаимный контроль государственныхъ органовъ, какъ въ С. Америкѣ, реализовался бы на счетъ принципа ихъ единенія, кооперації. Неуспѣхъ Гаррингтона на англійской почвѣ явленіе не менѣе знаменательное и чреватое послѣдствіями, нежели его успѣхъ на американской почвѣ. Но и тамъ, гдѣ Гаррингтонъ не успѣвалъ, онъ для насъ продолжаетъ сохранять интересъ.

К. А. Кузнецовъ.

Digitized by Google

Литературное Обозрѣніе.

В. Герье. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. Москва, 1915 г., стр. 267. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга проф. Герье представляетъ изъ себя изложеніе различныхъ ученій, объ исторіи и историческомъ прогрессѣ.

Теперь, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — «когда изслѣдованіе по источникамъ и документамъ признается безусловнымъ основаніемъ всякой работы въ области исторіи, «когда, слѣдовательно, невозможенъ подходъ къ событіямъ съ субъективной предвзятой точки зрѣнія, слѣдуетъ опасаться другой крайности равнодушія къ «идейному и философскому содержанію исторіи».

Чтобы пробудить читателя отъ такого равнодушія, авторъ и даетъ рядъ очерковъ, въ которыхъ онъ излагаетъ взгляды мыслителей, понимавшихъ исторію не какъ безсмысленный случайный процессъ, но видѣвшихъ въ ней высшій смыслъ. Онъ излагаетъ историческіе взгляды Августина и его послѣдователей, сторонниковъ теократическаго пониманія исторіи, Макіавелли, Бодена, Бэкона, Вико, Гердера, Канта, Шеллинга и Гегеля. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ были уже раньше напечатаны въ разныхъ журналахъ.

Вся книга Герье написана хорошимъ языкомъ, а нѣкоторые очерки, напр., о Вико, Гердерѣ и Гегелѣ, слѣдуетъ признать образцовыми по ясности и отчетливости изложенія.

Къ заслугамъ автора слѣдуетъ также отнести очеркъ малоизвѣстнаго и очень интереснаго ученія Шеллинга объ исторіи, хотя, къ сожалѣнію, проф. Герье ограничился изложеніемъ ученія Шеллинга только перваго періода и не далъ анализа глубокой концепціи исторіи, развитой Шеллингомъ въ философіи миѳологіи и философіи откровенія. Это въ особенности печально, ибо послѣдній періодъ философіи Шеллинга особенно выявился именно въ философіи исторіи и здѣсь оказалъ даже вліяніе (напр. на юриспруденцію черезъ Шталя). Къ сожалѣнію, проф. Герье не поставилъ въ связь излагаемыя имъ теоріи съ нѣкоторыми болѣе новыми ученіями объ исторіи и историческомъ, напримѣръ съ ученіемъ Риккерта

Digitized by Google

объ историческомъ какъ индивидуальномъ. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ излагаемыхъ проф. Герье ученій сами просятся на такое сопоставленіе. Такъ, Бэконъ (Герье, стр. 69) опредѣляетъ историческое какъ «индивидумы, ограниченные пространствомъ и временемъ», и противополагаетъ исторію философіи, которая «пренебрегаетъ индивидуальнымъ и обнимаетъ собой не первыя впечатлѣнія индивидуумовъ, но отвлеченныя отъ нихъ понятія». Шеллингъ прямо (A. W., т. II, стр. 640; Герье, стр. 161) видитъ въ искусствѣ средство, которое даетъ возможность соединить въ исторіи матеріалъ и форму. Вопросъ объ отношеніи такого «эстетическаго» разсмотрѣнія исторія къ проблемѣ исторически индивидуальнаго и къ проблемѣ историческаго развитія также представляетъ значительный интересъ и, къ сожалѣнію, также не затронутъ авторомъ.

Спорнымъ представляется мнѣ утвержденіе автора (стр. 7), что поводомъ къ историческимъ размышленіемъ Августина послужило паденіе Рима, взятаго готами въ 410 году; на самомъ дѣлѣ Августинъ, еще когда писалъ свой комментарій на книгу Бытія (393—401 г.), намѣтилъ свою концепцію «двухъ градовъ», положенную потомъ въ основу его главной работы.

Печальное недоразумѣніе представляетъ замѣчаніе автора (стр. 154) о томъ, что Фихте не касался въ своихъ произведеніяхъ исторіи. Авторъ, очевидно, упустилъ Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters, 1800 г., въ которыхъ Фихте развилъ очень интересную и своеобразную концепцію исторіи, послужившую, пожалуй, прообразомъ для будущихъ построеній Шеллинга и Гегеля. Я надѣюсь, что въ слѣдующемъ изданіи проф. Герье посвятитъ Фихте такой же яркій и интересный очеркъ, какой онъ посвятилъ Шеллингу и Гегелю.

Въ общемъ книга проф. Герье очень интересна и поучительна и можетъ быть смѣло рекомендована для перваго знакомства съ проблемами философіи исторіи тѣмъ, которые захотятъ болѣе глубоко и серьезно вдуматься въ смыслъ историческихъ событій, ставшихъ особенно значительными и страшными въ наше время.

Л. Успенскій.

И. Е. Гешовъ «Балканскій Союзъ. Воспоминанія и документы» Петроградъ 1915 г. стр. 110. Цѣна не обозначена.

Книга И. Е. Гешова вышла изъ печати какъ разъ въ то время, когда идея коалиціи балканскихъ государствъ особенно далека отъ своего осуществленія и когда даже самые горячіе ея сторон-

Digitized by Google

ники теряютъ, кажется, въ нее всякую вѣру. Однимъ изъ такихъ горячихъ приверженцевъ идеи Балканскаго союза является бывшій болгарскій премьеръ-министръ И. Е. Гешовъ. Онъ много способствовалъ созданію противотурецкой коалиціи 1912 г., усиленно хлопоталъ о союзѣ между Болгаріей, Сербіей, Греціей и Черногоріей. Поэтому онъ теперь считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ разсказать о томъ, какъ заключался Балканскій союзъ, почему онъ распался и какъ его хотѣли возстановить. Авторъ подробно излагаетъ, какъ онъ и другіе балканскіе дипломаты вели между собою и съ представителями «великихъ силъ» переговоры о союзѣ, вели сперва какъ бы случайно при встрѣчахъ въ театральныхъ ложахъ, въ купе поѣздовъ, а потомъ систематически и офиціально. Переговоры эти чрезвычайно любопытны какъ образецъ торга между дипломатическими представителями различныхъ государствъ, торга, сопровождавшагося уходомъ и возвращеніемъ торгующихся и напоминающаго торговлю въ мелочныхъ магазинахъ. Тѣ данныя, которыя приводитъ г. Гешовъ, особенно если ихъ сопоставить съ дипломатической перепиской, опубликованной въ прошлой (августовской) книжкѣ «Русской Старины», даютъ полную возможность прослѣдить исторію заключенія Балканскаго союза. Авторъ приводитъ и самые тексты договоровъ «о пріятельствѣ и союзѣ» между балканскими государствами, секретныхъ приложеній къ этимъ договорамъ, военныхъ конвецій, соглашеній между штабами балканскихъ армій и декларацій правительствъ союзныхъ державъ. Авторъ разсказываетъ далѣе какъ трудно было заключить эти договоры и какъ во время первой балканской войны соглашенія между союзниками подвергались серьезнымъ испытаніямъ, какъ австрійцы старались помѣшать дѣлу Балканскаго союза и поссорить сербовъ съ болгарами и какъ русскіе, французскіе и англійскіе дипломаты старались о томъ, чтобы Балканскій Союзъ не распался. Въ книгѣ помѣщены телеграммы гг. Сазонова, Неклюдова, Гартвига и заявленія сэра Эдуарда Грея, предшествовавшія второй балканской войнѣ. Далѣе авторъ останавливается на разборѣ причинъ, вызвавшихъ развалъ Балканскаго союза и винитъ въ этомъ не только военную болгарскую партію съ генераломъ Савовымъ во главѣ (дѣятельность котораго онъ заклеймилъ въ своей книгѣ «Преступное безуміе и анкета о немъ», Софія, 1914 г.), но и сербовъ. Г-нъ Гешовъ вспоминаетъ о томъ, какъ Сербія и прежде препятствовала увеличенію Болгаріи и вела съ послѣдней въ 1885 г. войну, излагаетъ теорію политическаго равновѣсія на Балканахъ, говоритъ о томъ, что, если бы Савовъ и не напалъ на сербовъ, то война между союзниками

Digitized by Google

все равно была бы неизбѣжна. Въ доказательство этого послѣдняго обстоятельства, авторъ останавливается на разборѣ воззванія короля Петра къ его солдатамъ, изданнаго передъ началомъ второй балканской войны. На основаніи того, что въ этомъ воззваніи ничего не упоминается относительно нападенія болгаръ 16-го іюня на сербовъ и на основаніи того, что въ печатномъ текстѣ воззванія число его опубликованія «18-е іюня» вписано рукой, г-нъ Гешовъ стремится доказать, что оно было составлено до нападенія болгарскихъ войскъ на сербовъ, и что, стало быть, Сербія первая рѣшилась на братоубійственную войну. Авторъ останавливается на разборѣ тѣхъ требованій, которыя союзники предъявляли болгарамъ послѣ первой балканской войны и доказываетъ, что они были совершенно неосновательны. Какъ извѣстно, Сербія потребовала себѣ больше, чѣмъ ей полагалось по договору, въ виду того что союзники завоевали у турокъ большую территорію, чѣмъ они предполагали до начала войны, и что она (Сербія) выставила гораздо больше войска, чѣмъ была обязана сдѣлать. Эти доводы получили подробное юридическое обоснованіе на страницахъ сербскаго офиціоза «Самоуправа» и въ книгѣ одного изъ членовъ кабинета г. Пашича, скрывшагося подъ псевдонимомъ Balkanicus'a («Срби и Бугари у балканскомъ рату», Београд. 1913). Разборъ этихъ доводовъ, сводящихся къ ссылкѣ на оговорку относительно «rebus sic stantibus», былъ данъ нами въ предыдущей книжкѣ «Юридическаго Вѣстника», гдѣ мы доказываемъ основательность сербскихъ притязаній. Г-нъ Гешовъ думаетъ иначе. Подъ clausula rebus sic stantibus онъ понимаетъ то положеніе, что всѣ юридическія нормы временны. Но изъ этого, говоритъ онъ, вовсе не слѣдуетъ, будто, при измѣненіи обстоятельствъ международной жизни, допустимъ односторонній отказъ отъ соблюденія какого-либо договорнаго обязательства. Авторъ приводитъ мнѣніе комиссіи Карнеги, которая полагала, что «заявленія о томъ, что измѣнились обстоятельства, явилось — для союзниковъ — послѣднимъ прибѣжищемъ послѣ неудачныхъ опытовъ, сдѣланныхъ съ тою цѣлью, чтобы дать договору невѣрное толкованіе и, такимъ образомъ, доказать, что болгары первые нарушили его».

Самого себя И. Е. Гешовъ рисуетъ умѣреннымъ политикомъ, боровшимся противъ военной партіи, сочувствовавшимъ и сочувствующимъ сближенію между Болгаріей и Россіей. Онъ писалъ о томъ, какъ вышелъ въ отставку, когда убѣдился, что военная партія получаетъ преобладаніе. Въ заключеніе своей книги бывшій болгарскій министръ указывалъ на тѣ голоса въ пользу сближенія между балканскими народами, которые въ началѣ Великой Европей-

Digitized by Google

ской войны раздались въ Болгарскомъ парламентѣ и призываетъ Россію забыть тѣ бѣды, которыя балканцы принесли ей. Онъ говорилъ, что Балканскій союзъ — дѣло осуществимое и теперь, если будутъ удовлетворены жизненные интересы Болгаріи, если ей будетъ возвращена Македонія. «Г-нъ П. Камбонъ — пишетъ авторъ въ концѣ книги — говоря отъ имени силъ Тройственнаго согласія, сказалъ, что послѣднее бьется за маленькія угнетенныя народности... Если такова цѣль Тройственнаго согласія, если оно желаетъ того прочнаго мира, который долженъ основываться на принципѣ самоопредѣленія народовъ, то мыслимо ли, чтобы Болгаріи было отказано въ томъ, что и великія силы, и балканскія государства до крушенія Балканскаго Союза считали принадлежащимъ ей? Будетъ ли оставлена неисправленной несправедливость, совершенная въ Бухарестѣ? Останется ли она неисправленной даже и въ томъ случаѣ, если Болгарія поздно приметъ участіе въ настоящей войнѣ, какъ поздно приняла участіе и Сербія въ войнѣ 1877 г., или если она совсѣмъ не приметъ участія, какъ совсѣмъ не приняла участія въ 1877 г. Грецiя?»

Этими вопросами заканчивается книга г. Е. И. Гешова. Когда авторъ писалъ ее, онъ, вѣроятно, совсѣмъ не ожидалъ, что его страна въ скоромъ времени открыто станетъ на сторону враговъ Россіи. И если прежде на вопросы Гешова и можно было дать утвердительный отвѣтъ, то въ настоящее время, когда военная партія преобладаетъ въ Болгаріи, всѣ усилія Гешова примирить Россію съ ея «бѣдной родственницей» заранѣе обреченны на неудачу, такъ какъ «родственница» очень ужъ неблагодарна.

А. М. Ладыженскій.

И. Б. Розенфельдъ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793). Историко-юридическій очеркъ. Изданіе Петроградскаго Политехн. Института. Стр. 186. 1915. Пгр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вопросъ о юридической природѣ соединенія Украйны съ Россіей является до сего времени неяснымъ и возбуждающимъ споры; съ одной стороны, для юристовъ представляется затруднительной юридическая квалификація этого событія, и мы видимъ, что въ литературѣ были использованы всѣ типы государственныхъ соединеній, извѣстныхъ въ наукѣ государственнаго и международнаго права; съ другой же стороны, историками еще недостаточно изслѣдована та историческая обстановка, тѣ соціальныя силы, которыя привели къ окончательному соглашенію Богдана Хмель-

Digitized by Google

нцкаго съ московскимъ правительствомъ. Только въ недавнее время проф. Б. Э. Нольде въ своихъ «Очеркахъ русскаго государственнаго права» сдѣлалъ интересную попытку детальнаго анализа отношеній Украйны къ Москвѣ. Однако, несмотря на выдающійся интересъ, очеркъ проф. Б. Э. Нольде все же страдаетъ нѣкоторыми дефектами: такъ, авторъ положилъ въ основу своего изслѣдованія только извѣстный небольшой матеріалъ и не привлекъ новаго, затѣмъ онъ оставилъ безъ оцѣнки почти всю литературу вопроса; тѣмъ не менѣе это обстоятельство нисколько не умаляетъ юридической цѣнности работы, произведенной проф. Б. Э. Нольде, и для послѣдующихъ изслѣдователей она должна являться отправнымъ пунктомъ.

Историко-юридическій очеркъ г. Розенфельда является новой интересной попыткой пересмотрѣть вопросъ о соединеніи Украйны съ Москвою и дать его посильное разрѣшеніе, слѣдуя по пути, уже проложенному проф. Б. Э. Нольде. Авторъ вполнѣ справедливо указываетъ, что «обыкновенно историки, занимавшіеся имъ, игнорировали его юридическую сторону, а юристы мало обращали вниманія на сторону историческую». Заслуживаетъ вниманія тотъ путь, который авторъ избралъ при разрѣшеніи этого вопроса. «Поставивъ передъ собою вопросъ о юридической природѣ соединенія Малороссіи съ Россіей, мы съ логической неизбѣжностью пришли къ необходимости прослѣдить всю исторію Малороссіи, начиная съ момента соединенія. Но давая опредѣленную юридическую квалификацію этому соединенію, мы увидѣли не меньшую необходимость остановиться и на анализѣ политическаго и гражданскаго строя малороссійскаго общества за время его обособленнаго государственнаго или государствоподобнаго бытія (стр. 171—172). Несмотря на сжатость и неполноту этихъ историческихъ экскурсовъ г. Розенфельда, все же они въ достаточной степени даютъ возможность уяснить ту историческую обстановку, на фонѣ которой произошло соединеніе Украйны съ Москвою.

Авторъ вполнѣ ясно сознавалъ опасность перенесенія современныхъ юридическихъ категорій государственнаго права въ чуждую имъ историческую атмосферу, и это обстоятельство отразилось и на юридической оцѣнкѣ акта соединенія, которую производитъ г. Розенфельдъ въ главѣ II: «Юридическое положеніе Малороссіи послѣ присоединенія къ Россіи въ 1654 г.», составляющей центральную часть всего очерка. Анализу государственно-правового характера соединенія Украйны съ Москвою авторъ предпосылаетъ общій теоретическій обзоръ ученія о государственныхъ соединеніяхъ въ современной юридической литера-

Digitized by Google

турѣ, останавливаясь преимущественно на ученіяхъ Г. Еллинека и Борнгака. Авторъ отстаиваетъ самостоятельное значеніе категоріи неполной инкорпораціи, въ противоположность мнѣнію Г. Еллинека, который является противникомъ понятія неполной инкорпораціи въ рамкахъ современнаго государственнаго строя. Затѣмъ г. Розенфельдъ подвергаетъ обстоятельному анализу существующія юридическія теоріи относительно соединенія Малороссіи съ Москвою; заслуживаютъ вниманія тѣ возраженія, какія авторъ выдвигаетъ противъ каждой изъ этихъ теорій; такъ, противъ мнѣнія проф. Сергѣевича, что присоединеніе имѣло характеръ личной уніи, онъ выдвигаетъ то возраженіе, что «унія предполагаетъ полную самостоятельность соединенныхъ государствъ какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ»; цѣлый же рядъ фактовъ «подрываетъ государственную самостоятельность и независимость Малороссіи, которыя необходимы, чтобы мы могли сказать, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто личная унія» (60 стр.). Противъ теоріи проф. Дьяконова, видящаго въ соединеніи примѣръ реальной уніи, г. Розенфельдъ также выдвигаетъ довольно основательные аргументы, колеблющіе почву для этой теоріи. Точно такъ же не удовлетворяютъ автора и двѣ другихъ теоріи: теорія полной инкорпораціи проф. Алексѣева и теорія вассальной зависимости, выдвинутая проф. Коркуновымъ и въ самое послѣднее время поддержанная В. А. Мякотинымъ въ его «Очеркахъ соціальной исторіи Малороссіи».

Послѣ анализа литературы по данному вопросу г. Розенфельдъ приходитъ къ выводу, что только теорія проф. Б. Э. Нольде «приближаетъ насъ къ правильному и единственно, по нашему мнѣнію, возможному для юриста рѣшенію вопроса, къ опредѣленію акта 1654 г. какъ инкорпораціи на особыхъ условіяхъ «71 стр.).

Правда, авторъ нѣсколько модифицируетъ понятіе «самоуправленія на собственномъ правѣ», развитое проф. Б. Э. Нольде, и вполнѣ справедливо отмѣчая широту вкладываемаго въ это понятіе содержанія, предпочитаетъ сохранить уже давно установленное въ литературѣ понятіе неполной инкорпораціи.

Таковъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ въ результатѣ своей работы; точка зрѣнія, имъ обстоятельно развитая и аргументированная, все же вызываетъ нѣкоторыя возраженія; такъ, самое понятіе «неполной инкорпораціи» нѣсколько противорѣчитъ договорному характеру соединенія, и въ данномъ случаѣ болѣе правильной остается формула «самоуправленія на собственномъ, а не дарованномъ правѣ», выдвинутая проф. Нольде, несмотря на широту ея содержанія. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ

Digitized by Google

прослѣживаетъ постепенно процессъ инкорпораціи Малороссіи въ связи съ соціальнымъ переворотомъ и политическими событіями, имѣвшими мѣсто въ краѣ. Очеркъ этотъ имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе и является интересной попыткой изложить исторію автономіи Украйны. Къ сожалѣнію, г. Розенфельду, очевидно, неизвѣстны новыя работы украинскихъ ученыхъ Джиджоры, Герасимчука и др., напечатанныя въ львовскихъ «Запискахъ Наукового тов. ім. Шевченка», посвященныя періоду Гетманщины и дающія много новаго для пониманія этой эпохи.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться на рядѣ вопросовъ, которые возбуждаются при чтеніи работы г. Розенфельда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его положенія слишкомъ категоричны, встрѣчаются иногда небольшія погрѣшности и ошибки, но все это не умаляетъ научной цѣнности работы, произведенной г. Розенфельдомъ, и можно думать, что его книга вызоветъ интересъ и къ другимъ вопросамъ изъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Украйны, еще ждущимъ своихъ изслѣдователей.

И. Лебединскій.

Кортней Илбертъ. Парламентъ. Его исторія, организація и практика. Петроградъ, 1915, стр. 192. Переводъ В. Керженцева. Изданіе «Всеобщей Библіотеки». Цѣна 30 коп.

Передъ нами небольшая чисто-англійская книжка на старую, но вѣчно юную тему — объ англійскомъ парламентѣ. Написана она человѣкомъ очень близкимъ къ парламентской практикѣ — клеркомъ палаты общинъ, а потому и книга носитъ преимущественно практическій характеръ. Она остается въ равно далекомъ разстояніи и отъ чистой «континентальной» догматики и отъ теоретическаго углубленія въ основныя проблемы парламентаризма. Кто съ этими научными запросами подойдетъ къ разбираемой книгѣ, будетъ разочарованъ, ибо единственное, что ему можетъ дать клеркъ сэръ Илбертъ, это — небольшой и популярный очеркъ объ англійскомъ парламентѣ. Но если принять во вниманіе, сколько объемистыхъ и недоступныхъ широкой публикѣ книгъ написано на эту тему англійскими и нѣмецкими государствовѣдами и историками, то останется только поблагодарить автора за краткій и содержательный экстрактъ парламентскаго права Англіи.

Авторъ въ 10 главахъ послѣдовательно разсматриваетъ: происхожденіе и развитіе парламента, организацію палаты общинъ, законодательную дѣятельность парламента, финансы и управленіе, засѣ-

Digitized by Google

данія парламента и парламентскую процедуру, внутренній распорядокъ палаты общинъ, депутата и его избирателей, протоколъ палаты и палату лордовъ; въ заключительной главѣ авторъ проводитъ нѣкоторыя параллели между англійскимъ парламентомъ и парламентами Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, британскихъ самоуправляющихся колоній и др.

Въ первыхъ двухъ главахъ дается краткій и содержательный очеркъ развитія парламента и избирательнаго права. Авторъ, изображая процессъ нарастанія полномочій парламента, очень рельефно выдѣляетъ поворотные пункты исторіи англійскаго парламента. Его дѣленіе парламентской исторіи на четыре періода: періодъ средневѣковыхъ парламентовъ, періодъ Тюдоровъ и Стюартовъ, періодъ между революціей 1688 г. и парламентской реформой 1832 г. и современный періодъ, начиная съ 1832 г., — можно признать болѣе удачнымъ чѣмъ дѣленіе по смѣнѣ династій. Дальнѣйшія главы въ чрезвычайно ясной формѣ рисуютъ законодательную дѣятельность англійскаго парламента, порядокъ прохожденія публичныхъ и частныхъ биллей, — здѣсь на каждой страницѣ чувствуется, что автору лично хорошо извѣстно изображаемое, поэтому онъ съ чрезвычайной легкостью отдѣляетъ существенное отъ несущественнаго, и въ результатѣ получается картина органической и цѣлесообразной парламентской техники. Мимоходомъ рисуется процессъ монополизированія законодательныхъ полномочій (особенно законодательной иниціативы) правительствомъ, — явленіе, которое столь часто цитируется, когда говорятъ о кризисѣ классическаго англійскаго парламентаризма (напомнимъ здѣсь только о книгѣ Сидней Лоу, «Государственный строй Англіи»). Приходится только пожалѣть о томъ, что авторъ, который несомнѣнно могъ бы въ отдѣльныхъ чертахъ выявить процессъ «гипертрофіи кабинета», проходитъ во многихъ мѣстахъ своей книги мимо этого вопроса, ограничиваясь краткими фразами безъ доказательствъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «сказать, что въ настоящее время кабинетъ издаетъ законы съ совѣта и согласія парламента (какъ выразился одинъ выдающійся американскій писатель), едва ли будетъ преувеличеніемъ» (стр. 61). Говоря объ участіи парламента въ управленіи, авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Мы иногда слышимъ о тиранiи кабинета и парламентскаго большинства, поддерживающаго кабинетъ. Дѣйствительно, — признаетъ авторъ, — исполнительная власть пользуется важнымъ правомъ законодательной иниціативы и внесенія финансовыхъ предложеній... Правильно также и то, что оковы партійной дисциплины дѣлаются все болѣе крѣпкими. Но, тѣмъ не менѣе, правительство

Digitized by Google

должно защищать посредствомъ аргументовъ всѣ свои финансовыя и законодательныя предложенія, и его можно заставить дать объясненія по поводу всякихъ дѣйствій любого правительственнаго вѣдомства» (стр. 94). На той же страницѣ сэръ Илбертъ заявляетъ: «Нужно повторить, что парламентъ не управляетъ и не хочетъ управлять. Сильная исполнительная власть, сдерживаемая и контролируемая постоянной и бдительной критикой представителей народа, — вотъ идеалъ, къ которому стремятся парламентскія учрежденія» (курсивъ нашъ).

Идеалъ, мы видимъ, формулированъ прекрасно; насколько, однако, этотъ идеалъ осуществляется въ дѣйствительности и не ослабляется ли критика народныхъ представителей тѣмъ фактомъ, что критикующіе всегда въ меньшинствѣ, а критика дѣйственна всецѣло только въ рукахъ министерскаго большинства — обо всемъ этомъ мы почти ничего не узнаемъ, а это вопросы, умѣстные даже въ популярной книгѣ о современномъ парламентаризмѣ. Авторъ отчасти касается этой темы, когда онъ говоритъ, напр., о «механизмѣ прекращенія дебатовъ» и объ оставленіи при извѣстныхъ условіяхъ безъ разсмотрѣнія всѣхъ поправокъ, кромѣ правительственныхъ. «Оппозиція, — говоритъ по этому поводу авторъ, — всегда пытается назначить столько времени, чтобы была возможность обсудить всѣ болѣе серьезные вопросы, затронутые биллемъ, но эти попытки обыкновенно терпятъ пораженіе, вслѣдствіе того, что дебаты о мелочахъ нарочно затягиваются. Никто не защищаетъ эти правила и не считаетъ ихъ удовлетворительными, но ни одна правящая партія не можетъ обойтись безъ нихъ» (стр. 107).

Послѣдняя фраза Илберта есть почти признаніе того явленія, которое въ очень остроумной формѣ отмѣтилъ Сидней Лоу, когда онъ заявилъ, что «почти половина законодательнаго учрежденія совсѣмъ не законодатель или законодатель только, поскольку допускаетъ другая половина, и по вопросамъ, не имѣющимъ большого значенія». Такимъ образомъ, фактъ паденія авторитета и значенія палаты общинъ рядомъ съ переходомъ этой власти къ кабинету остался у Илберта не освѣщеннымъ, а только упомянутымъ.

Очень интересно съ точки зрѣнія исторіи понятія народнаго представительства обращеніе депутата Берке къ избирателямъ въ 1774 г., оно въ высшей степени показательно, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что къ концу XVIII вѣка въ Англіи уже исчезало частно-правовое представленіе о депутатѣ, какъ мандатарія. Приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ этого обращенія: «Парламентъ, — говоритъ Берке, — не есть конгрессъ делегатовъ, пред-

Digitized by Google

ставляющихъ различные и другъ другу враждебные интересы; и депутатъ вовсе не призванъ поддерживать и защищать эти интересы противъ сторонниковъ и защитниковъ другой категоріи интересовъ. Нѣтъ, парламентъ это собраніе представителей одной націи, объединенныхъ заботой объ единыхъ интересахъ родины» (курсивъ мой, стр. 124). По поводу этого обращенія сэръ Илбертъ замѣчаетъ: «Эта цитата сдѣлалась классической... Несмотря на громадную разницу между восемнадцатымъ и двадцатымъ столѣтіями, разницу, отражающуюся и въ характерѣ избирателей и въ положеніи избранныхъ депутатовъ, и теперь большинство депутатовъ, вѣроятно, признаетъ эти принципы вполнѣ правильными» (стр. 125).

Однако это совпаденіе взглядовъ нынѣшней публицистики со взглядами Берке въ XVIII вѣкѣ (или еще раньше съ Т. Смитомъ) оказалось бы менѣе удивительнымъ при болѣе научномъ освѣщеніи юридическаго положенія депутата по отношенію къ избирателямъ,— освѣщеніи, отсутствующемъ даже въ болѣе солидныхъ работахъ о парламентаризмѣ, чѣмъ настоящая работа. На самомъ дѣлѣ развитіе здѣсь идетъ по линіи вытѣсненія частно-правовыхъ взглядовъ на народнаго представителя публично-правовыми. Однако, частно-правовой взглядъ на депутата постольку еще по сей день сохранился въ Англіи, поскольку и провѣрка избирательныхъ списковъ и, въ особенности, провѣрка выборовъ требуетъ состязательнаго порядка по образцу чисто-гражданскаго процесса передъ судомъ, въ которомъ провалившійся кандидатъ или кто-либо изъ избирателей и кандидатовъ выступаетъ истцомъ, а отвѣтчикомъ — избранный депутатъ. Этимъ пережиткамъ придется однако и въ Англіи исчезнуть. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, обращеніе Берке получаетъ характеръ какъ бы особаго «источника права» (какъ авторитетное ученіе), особо ярко и почти впервые выступившаго наружу.

Переводъ г. Керженцева сдѣланъ превосходно. Мѣстами совершенно забываешь, что книга первоначально написана по-англійски, — а это наилучшая похвала переводу. Гдѣ только возможно, переводчикъ пользуется русскими публично-правовыми терминами, успѣвшими у насъ укорениться, но нельзя при этомъ не замѣтить, что переводчикъ черезчуръ рѣдко приводитъ для поясненія исконный англійскій терминъ, что безусловно мѣшаетъ уразумѣнію излагаемаго. Такъ, напр., нерезонно говорить о «правилахъ», не объясняя, что подъ этимъ подразумѣваются «provisional orders», неправильно говорить о «кнутѣ» и только ниже объяснить, что рѣчь идетъ о whip'ѣ, т.-е. о главномъ партійномъ агитаторѣ,

Digitized by Google

врядъ ли удачно безъ всякаго поясненія говорить о «выборномъ комитетѣ», имѣя въ виду Select Committee. Къ переводу слѣдовало бы для орієнтировки прибавить хотя бы самое краткое оглавленіе. Но эти мелкіе недостатки нисколько не умаляютъ достоинствъ разбираемаго перевода.

Настоящая книга, авторомъ которой является извѣстный англійскій публицистъ, теоретикъ и практикъ, можетъ быть рекомендована какъ прекрасное общедоступное — по изложенію и цѣнѣ — пособіе для изученія юридическихъ основъ англійскаго парламентаризма. ***М. Лазерсонъ.***

Н. Г. Вавинъ. Завѣщательный отказъ по русскому праву. Москва, 1915, стр. 1—146.

Въ 1909 году русское наслѣдственное право неожиданно обогатилось новымъ институтомъ — завѣщательнымъ отказомъ, до этого времени въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ упорно отвергаемымъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1909 года за № 40, вынесенное Сенатомъ при ближайшемъ участіи сенатора В. Л. Исаченка, бывшаго по дѣлу докладчикомъ, и получившее широкую извѣстность въ русскихъ юридическихъ кругахъ подъ именемъ рѣшенія по дѣло Смоленцевой, сблизило насъ съ западно-европейскими законодательствами, прочно усвоившими этотъ важный институтъ гражданскаго права. Такъ удалось «въ Европу прорубить окно». И если «окно» оказалось прорубленнымъ не очень удачно, если не всѣ части его были одинаково искусно сработаны, то не оставалось, однако, сомнѣній, что главное сдѣлано, отдѣлка же деталей не замедлитъ себя ждать.

Русская цивилистика, живо откликнувшаяся на новое направленіе сенатской практики и привѣтствовавшая его, не закрывала въ то же время глазъ на необходимость дальнѣйшей упорной работы надъ развитіемъ признаннаго Сенатомъ института. Представители русской юриспруденціи отчетливо сознавали громадное значеніе рѣшенія по дѣлу Смоленцевой, но также понимали, что рѣшеніе это только намѣтило, и то не совсѣмъ ясно, контуры русскаго завѣщательнаго отказа. Въ юридической прессѣ появляется рядъ статей, посвященныхъ легатарному праву, намѣчаются попытки установить болѣе детально существо и предѣлы дѣйствія русскаго легата.

Къ числу представителей русской юриспруденціи, откликнувшихся на новое направленіе сенатской практики, надо отнести

Digitized by Google

и г. Вавина, автора рецензируемой книги. Г. Вавинъ не новичокъ въ вопросахъ легатарнаго права. Въ свое время на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи» имъ были помѣщены двѣ статьи, посвященныя вопросамъ, выдвигаемымъ институтомъ завѣщательнаго отказа [1]). Эти статьи, въ нѣсколько переработанномъ видѣ, вошли въ разсматриваемую нами книгу.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Вавинъ замѣчаетъ, что рѣшеніе по дѣлу Смоленцевой для нашей судебной практики явилось своего рода coup d'état. Сломавъ старый порядокъ, оно не установило новаго. Такимъ образомъ, судебныя мѣста оказались призванными къ самостоятельной творческой дѣятельности. Желаніе облегчить практической юриспруденціи разрѣшеніе возникшей передъ ней задачи и вызвало у г. Вавина выборъ темы рецензируемой книги.

Конечной цѣлью своего изслѣдованія авторъ ставитъ возсозданіе института русскаго завѣщательнаго отказа. Но русскіе гражданскіе законы даютъ для этого слишкомъ мало матеріала; между тѣмъ, въ другихъ положительныхъ законодательствахъ этотъ институтъ разработанъ достаточно полно. Въ виду этого г. Вавинъ считаетъ цѣлесообразнымъ при конструкціи русскаго завѣщательнаго отказа имѣть въ перспективѣ тѣ начала, которыя положены въ основаніе того же института, съ одной стороны, римскимъ правомъ, съ другой, — новѣйшими европейскими кодексами. Такимъ образомъ, авторъ идетъ путемъ сравнительнаго догматическаго изслѣдованія.

Не считая предисловія и заключенія, книга г. Вавина распадается на восемнадцать главъ. Такое дробленіе матеріала объясняется очевиднымъ желаніемъ автора болѣе детально охватить отдѣльные моменты легатарнаго права.

Глава первая посвящена понятію отказа по римскому праву и по законодательствамъ австрійскому, итальянскому, германскому и швейцарскому, рецепировавшимъ идею римскаго отказа. Во второй главѣ г. Вавинъ изслѣдуетъ особенности французскаго права, а въ третьей — устанавливаетъ понятіе отказа по русскому праву. Авторъ указываетъ, что термины «отказъ», «легатъ» совершенно чужды нашимъ гражданскимъ законамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ст. 1086, т. X, ч. 1, не называя вещей своимъ именемъ, признаетъ за наслѣдодателемъ право совершать возложенія, которыя, съ точки зрѣнія общихъ началъ права, содержатъ въ себѣ всѣ признаки отказа. Идея статьи 1086 Зак. Гражд. повторяется и въ новомъ законѣ

[1]) Вавинъ. Понятіе завѣщательнаго отказа по дѣйствующему русскому праву, «Ж. М. Ю.» 1913 кн. 10. О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ легатарнаго права, «Ж. М. Ю.» 1914 кн. 3.

Digitized by Google

3 іюня 1912 г. (ст. 1068[1] Зак. Гражд.). Русскіе цивилисты, какъ извѣстно, кореннымъ образомъ разошлись въ вопросѣ о допустимости отказа въ русскомъ правѣ. Одни изъ нихъ (Кассо, Остриковъ, Полетаевъ) утверждали, что въ русскомъ законодательствѣ понятіе наслѣдника совпадаетъ съ понятіемъ отказопринимателя. Другіе (Мейеръ, Товстолѣсъ, Бѣляевъ, Анненковъ, Бѣляцкинъ, Шершеневичъ), напротивъ, разграничивали понятія наслѣдника и отказопринимателя; но въ то время, какъ Бѣляцкинъ и Шершеневичъ расширяли понятіе русскаго отказа до предѣловъ римскаго легата, допуская не только посредственныя завѣщательныя распоряженія, но и непосредственныя, — остальные считали легатаріями только тѣхъ лицъ, которымъ слѣдуютъ выдачи отъ наслѣдниковъ. Наконецъ, третьи (Побѣдоносцевъ), отрицая принципіально различіе между наслѣдниками и легатаріями, тѣмъ не менѣе не находили возможнымъ подвергать лицъ, которымъ назначена посредственная выдача по завѣщанію, одинаковой отвѣтственности за долги завѣщателя съ отвѣтственностью законныхъ наслѣдниковъ и прямыхъ преемниковъ по завѣщанію. Самъ авторъ примыкаетъ къ той школѣ юристовъ, представителями которыхъ являются Бѣляевъ, Анненковъ и доктрину которыхъ воспринялъ Сенатъ въ рѣшеніи 1909 г., за №40. По мнѣнію г. Вавина, легатомъ по русскому праву должно почитаться также завѣщательное предоставленіе, которое совершается въ пользу третьихъ лицъ черезъ посредство наслѣдника путемъ возложенія на послѣдняго того или иного обязательства въ пользу этихъ третьихъ лицъ (стр. 33, 60).

Въ остальныхъ главахъ, пользуясь преимущественно данными римскаго права и новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ (австрійскаго, итальянскаго, германскаго и швейцарскаго), авторъ занимается вопросами о heredis institutio ex re certa, способахъ назначенія отказовъ, лицахъ при отказѣ, предметѣ отказа, ограниченіи легатарныхъ назначеній, недѣйствительности отказовъ, пріобрѣтеніи отказовъ и отреченіи отъ нихъ, юридической природѣ взаимоотношеній легатарія и наслѣдника, исполненіи отказовъ, порядкѣ удовлетворенія наслѣдникомъ легатарныхъ притязаній, предѣлахъ отвѣтственности наслѣдника передъ легатаріемъ, распредѣленіи легатарной отвѣтственности при множественности обремененныхъ, правѣ сбавки, послѣдствіяхъ непріобрѣтенія отказа и, наконецъ, о гарантіяхъ отказополучателей и наслѣдниковъ.

Таковы многочисленные вопросы легатарнаго права, затронутые г. Вавинымъ, и въ большинствѣ случаевъ, на нашъ взглядъ, удачно разрѣшенные.

Изъ приведеннаго содержанія рецензируемой книги видно, что

Digitized by Google

заглавіе ея значительно уже содержанія. Мы не занимались ариѳметическимъ подсчетомъ страницъ, отведенныхъ русскому праву и иностраннымъ законодательствамъ, но думаемъ, что не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что римскому праву и новѣйшимъ европейскимъ законодательствамъ отведено минимально двѣ трети работы; въ нѣкоторыхъ главахъ не встрѣчается даже намека на русское право (гл. I, II, IV, XVI).

Кромѣ того, авторъ, воспроизводя постановленія нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствъ, признающихъ способомъ установленія легатовъ не только завѣщанія, но и договоры о правѣ наслѣдованія, также выходитъ за предѣлы темы книги, трактующей о завѣщательномъ отказѣ. Разумѣется, мы не видимъ ничего плохого, если авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ, но во всякомъ случаѣ считаемъ необходимымъ установить, что содержаніе и названіе книги другъ съ другомъ не вполнѣ совпадаютъ.

Не имѣя возможности въ краткой рецензіи остановиться на всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ г. Вавиномъ въ своемъ трудѣ и болѣе или менѣе спорныхъ, мы принуждены обратиться къ разсмотрѣнію только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ главѣ, трактующей объ ограниченіи размѣровъ легатарныхъ назначеній, г. Вавинъ, касаясь вопроса о значеніи института обязательной доли, принятой европейскими законодательствами, указываетъ, что обязательная доля признается у насъ только въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 1068[2] Зак. Гражд., въ видѣ одной седьмой части родового имущества, которую лицо... обязано оставить своему супругу или своей супругѣ въ вѣчное потомственное владѣніе, если бы пожелало воспользоваться предоставленнымъ ему, какъ безпотомному, правомъ распорядиться этимъ имуществомъ по завѣщанію (стр. 65). Въ дальнѣйшемъ онъ указываетъ, что обязательная доля, фиксированная въ законѣ, уже въ силу этой фиксаціи становится внѣ воли завѣщателя. Допустить ея обложеніе легатами, — значитъ, подорвать всю ея правовую конструкцію. Назначеніе ея въ завѣщаніи, по мнѣнію автора, — это скорѣе вопросъ формы и удобства, чѣмъ существа. Этимъ путемъ законодатель, съ одной стороны, позволяетъ завѣщателю обнять въ своемъ распоряженіи все свое имущество, съ другой, — ставитъ пережившаго супруга подъ дѣйствіе завѣщательнаго права, наиболѣе для него выгоднаго въ смыслѣ оформливанія наслѣдственныхъ отношеній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ авторъ, обязательная доля съ точки зрѣнія матеріальнаго права является не чѣмъ инымъ, какъ законной долей одного супруга въ наслѣдственномъ имуществѣ другого

Digitized by Google

(указная часть). А если это такъ, то и съ этой стороны она обремененію легатами не подлежитъ, ибо таковые по ст. 1086 Зак. Гражд. могутъ налагаться только на наслѣдниковъ. При этомъ авторъ ссылается на рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1871 г., № 1224, и др., не признающія супруговъ, получающихъ указную часть, наслѣдниками.

Все ли обстоитъ благополучно въ указанныхъ разсужденіяхъ автора?

Мы думаемъ, что выводы автора о недопустимости обремененія пережившаго супруга легатами, въ порядкѣ ст. 1068^2 Зак. Гражд., представляется возможнымъ обосновать, и не прибѣгая къ институту обязательной наслѣдственной доли, неизвѣстной, по господствующему мнѣнію, русскому праву. По совершенно вѣрной мысли Рязановскаго [1]), въ ст. 1068^2 Зак. Гражд. мы имѣемъ предъ собою только проявленіе общаго принципа, выраженнаго въ ст. 1068 Зак. Гражд., о запрещеніи завѣщать родовыя имущества. Супругъ получаетъ въ родовыхъ имѣніяхъ указную часть не потому, что законъ нашъ признаетъ принципъ обязательной доли, а въ силу общаго запрещенія завѣщать родовыя имѣнія и возникающаго отсюда преемства по закону. Отклоненія отъ общаго принципа о запрещеніи завѣщать родовыя имѣнія выражены въ ст. 1068^1 и 1068^2 Зак. Гражд. На основаніи ст. 1068^2, т.-е. при завѣщаніи родового имѣнія въ пользу бокового родственника, — права пережившаго супруга не могутъ быть нарушены волей наслѣдодателя; но опять-таки, говоритъ Рязановскій, не въ силу принципа обязательной доли, такъ какъ постановленіемъ ст. 1068^2 не свободная воля завѣщателя ограничивается предписаніемъ предоставить пережившему супругу опредѣленную часть наслѣдства, а, наоборотъ, существовавшее ранѣе ограниченіе воли завѣщателя смягчается, и ему предоставляется право распорядиться родовыми имѣніями въ завѣщаніи, но не вполнѣ, а съ сохраненіемъ права пережившаго супруга. A contrario этотъ выводъ Рязановскаго, по нашему мнѣнію, подтверждается и ст. 1068^1, не ограничивающей завѣщателя постановленіями объ указной части супруговъ (стт. 1148 —1155, 1157 Зак. Гражд.).

Въ другомъ мѣстѣ своего труда г. Вавинъ, вполнѣ на нашъ взглядъ убѣдительно, устанавливаетъ, что согласно ст. 1086 Зак. Гражд. легаты могутъ возлагаться только на наслѣдниковъ по завѣщанію (стр. 52, 73). Это положеніе онъ подтверждаетъ ссылкой на первоисточникъ ст. 1086 Высочайше утвержденнаго положенія

[1]) Рязановскій. О посмертномъ преемствѣ супруговъ по русскому праву, стр. 152 сл. Н.-Н. 1914 г.

Digitized by Google

Комитета Министровъ по дѣлу гр. Демидова, — имѣющій въ виду случай указанія наслѣдниковъ въ духовномъ завѣщаніи, а также и ссылкой на ст. 1068[1], прямо говорящую о правѣ обязывать лицъ, коимъ завѣщается родовое имѣніе или часть его, т.-е. о назначенныхъ наслѣдникахъ. Отсюда становится вполнѣ очевиднымъ, что пережившій супругъ, получая по ст. 1068[2] Зак. Гражд. свою указную часть, какъ мы видѣли выше, по закону, а не въ порядкѣ завѣщательнаго преемства, естественно не можетъ быть обремененъ легатами. Такъ, по нашему мнѣнію, не прибѣгая къ конструкціи института обязательной наслѣдственной доли, чуждой дѣйствующему русскому праву, и не касаясь юридической природы указной части,—можно было бы разрѣшить вопросъ о недопустимости обремененія отказами пережившаго супруга, получающаго свою указную часть въ порядкѣ ст. 1068[2] Зак. Гражд.

Не согласны мы также съ г. Вавинымъ въ вопросѣ о значеніи отказа обремененнаго наслѣдника отъ принятія наслѣдства при наличности dolus'a съ его стороны. Авторъ разбираетъ случай, когда духовное завѣщаніе было представлено въ судъ и утверждено, и полагаетъ, что и при наличности отреченія наслѣдника судъ по этой именно причинѣ не можетъ встрѣтить препятствій къ утвержденію завѣщанія. Этимъ утвержденіемъ, говоритъ г. Вавинъ, санкціонируются права отказополучателя. Содержаніе этихъ правъ исчерпывается, съ одной стороны, тѣмъ, что отказополучатель можетъ потребовать себѣ легатарнаго предоставленія, съ другой,— тѣмъ, что наслѣдникъ является обязаннымъ по стт. 574 и 584 Зак. Гражд. возмѣстить ему и весь ущербъ въ имуществѣ, происшедшій по его винѣ, а въ томъ числѣ и убытки, происшедшіе отъ злонамѣреннаго отказа наслѣдника отъ наслѣдства (стр. 74).

По нашему мнѣнію, утвержденіе судомъ духовнаго завѣщанія вовсе не заключаетъ въ себѣ санкціи правъ легатарія. Отказополучатель пріобрѣтаетъ право требованія къ наслѣднику, становится его кредиторомъ только съ момента послѣдовавшаго принятія наслѣдникомъ наслѣдства. Вѣдь въ этомъ и заключается конструкція обязательственнаго отказа по русскому праву.

Остается вопросъ о злоупотребленіи наслѣдникомъ своимъ правомъ отреченія отъ наслѣдства въ ущербъ легатарію. Но здѣсь уже должны примѣняться общія положенія о злоупотребленіи своимъ правомъ въ тѣхъ предѣлахъ, какія установила наша судебная практика, признавшая, что лицо, пользовавшееся своими правами и не выходившее изъ ихъ законныхъ предѣловъ, не подлежитъ отвѣтственности за причиненные имъ вредъ и убытки (рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 1871 г. № 785, 1893 г. № 93 и др.). Но такъ

Digitized by Google

какъ, по общему правилу, никто не можетъ быть наслѣдникомъ помимо своего желанія и имѣетъ право принять наслѣдство или отречься отъ онаго (ст. 1255 Зак. Гражд.), то, очевидно, нельзя по дѣйствующему праву возлагать на наслѣдника отвѣтственность за убытки, происшедшіе для легатарія отъ отреченія наслѣдника отъ наслѣдства, хотя бы совершеннаго съ намѣреніемъ повредить легатарію. Лишены мы также въ данномъ случаѣ возможности примѣнить по аналогіи право кредиторовъ отрекшагося наслѣдника оспаривать отреченіе, совершенное въ ущербъ интересамъ этихъ кредиторовъ (стт. 1529, 1547 Зак. Гражд., рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. 1884 г. № 50), такъ какъ, съ точки зрѣнія общей конструкціи обязательственнаго отказа по русскому праву, легатарій становится кредиторомъ наслѣдника только съ момента принятія послѣднимъ наслѣдства.

Сказанное сейчасъ нами имѣетъ, разумѣется, raison d'être только при условіи признанія нашимъ законодательствомъ, такъ называемой, системы принятія наслѣдства, что вмѣстѣ съ большинствомъ нашихъ цивилистовъ принимаетъ и г. Вавинъ (стр. 91). Иначе, конечно, должны складываться отношенія между наслѣдникомъ и легатаріемъ при системѣ отреченія отъ наслѣдства, которую Сенатъ въ рѣшеніи 1913 г., № 43, пытался пересадить на русскую почву. Съ точки зрѣнія послѣдняго рѣшенія, послѣ утвержденія духовнаго завѣщанія къ исполненію, указанный въ завѣщаніи наслѣдникъ считается принявшимъ наслѣдство, такъ какъ въ силу самаго факта утвержденія завѣщанія на наслѣдниковъ переходятъ не только права завѣщателя на завѣщанное имущество, но и соотвѣтственныя обязанности. Наслѣдники могутъ быть освобождены отъ отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если докажутъ, что утвержденіе духовнаго завѣщанія послѣдовало безъ ихъ вѣдома и вопреки ихъ волѣ и что они немедленно заявили суду объ отреченіи ихъ отъ завѣщанныхъ имъ правъ, какъ только имъ сдѣлалось извѣстнымъ объ утвержденіи этого завѣщанія къ исполненію.

Разумѣется, съ этой точки зрѣнія утвержденіе духовнаго завѣщанія дѣйствительно санкціонируетъ права отказополучателя.

Къ сожалѣнію, г. Вавинъ не отмѣтилъ значенія рѣшенія 1914 г., № 43, какъ въ разсмотрѣнномъ только что случаѣ, такъ и въ другомъ мѣстѣ своей книги, гдѣ онъ говоритъ о допустимости примѣненія къ принятію отказовъ по аналогіи системы принятія наслѣдства, дѣйствующей, по его мнѣнію, въ русскомъ правѣ (стр. 91, 92).

Таковы главныя погрѣшности, которыя бросились намъ въ глаза при чтеніи рецензируемой книги.

Digitized by Google

Однако, указанные недостатки не въ состояніи значительно умалить достоинствъ работы г. Вавина. Авторъ создалъ цѣлое ученіе о завѣщательномъ отказѣ по русскому праву, при полномъ отсутствіи соотвѣтствующей литературы и достаточнаго законодательнаго матеріала. Можно смѣло сказать, что работа г. Вавина въ области русскаго завѣщательнаго отказа является единственной по полнотѣ изложенія и по количеству затронутыхъ вопросовъ. Заслуга автора также въ томъ, что онъ шелъ не проторенными путями, а по мѣрѣ возможности пытался давать самостоятельное рѣшеніе затронутымъ вопросамъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ попытки дать самостоятельное рѣшеніе не увѣнчались успѣхомъ, то въ этомъ вина не автора, а рудиментарнаго характера нашихъ законовъ о завѣщательномъ отказѣ.

«Интерпретація, какъ закономѣрное явленіе, имѣетъ свои предѣлы», говоритъ въ заключеніи къ своей книгѣ г. Вавинъ. «Нельзя ею пользоваться тамъ, гдѣ нечего интерпретировать, гдѣ въ законѣ пустое мѣсто . . . . Здѣсь должно притти на помощь творчество законодателя». И если противъ этихъ словъ въ принципѣ не можетъ появиться возраженій, то все же мы должны помнить, что въ нашей русской жизни цѣлый рядъ институтовъ гражданскаго права былъ созданъ именно путемъ интерпретаціи «пустого мѣста» (иски о незаконномъ обогащеніи, ученіе о чекахъ, институтъ душеприказчиковъ и др.). Работѣ г. Вавина и суждено заполнить подобное «пустое мѣсто» закона.

В. Серебровскій.

П. П. Пусторослевъ. Пятидесятилѣтіе несмѣняемости судей въ Россійской Имперіи. Юрьевъ. 1915 г., стр. 101. Ц. 60 коп. Оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета».

По прочтеніи книги г. Пусторослева невольно возникаетъ вопросъ: какую цѣль преслѣдовалъ авторъ, печатая ее? Хотѣлъ ли онъ дать ученый трудъ, или пособіе для студентовъ при изученіи курса русскаго судоустройства, или же статью, написанную для широкой публики?

На первую мысль наводитъ то обстоятельство, что разбираемая книга есть отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ», и отчасти достаточно обильныя ссылки на источники; но зато почти все содержаніе книги опровергаетъ эту мысль. Второе предположеніе болѣе вѣроятно, ибо значительная часть книги посвящена перечню мѣстностей, гдѣ существуютъ выборные мировые судьи, назначен-

Digitized by Google

ные мировые судьи, городскіе судьи, съ указаніемъ правилъ ихъ назначенія и смѣщенія особо для каждой мѣстности, перечень реформъ Императора Александра II съ точными датами этихъ реформъ, строгая оцѣнка принимавшихся «мѣръ къ распространенію судейской несмѣняемости», а равно и мѣръ къ сокращенію оной, съ точки зрѣнія ихъ вредности, полезности или вредности и полезности вмѣстѣ, и т. д.

Но все же утверждать опредѣленно, чтобы авторъ преслѣдовалъ именно эту вторую цѣль, едва ли возможно: слишкомъ ужъ «популярно» написана книга, слишкомъ напоминаетъ изданія «дешевой библіотеки», «библіотеки для народа» и т. п. — Такъ, на стр. 8-й мы читаемъ: «Пришлось (послѣ Крымской войны. С. Г). глубоко подумать о возстановленіи силъ и могущества русскаго народа и государства. — А это привело къ критикѣ внутренняго состоянія Россіи и признанію необходимости реформъ. — Тутъ и обнаружилось съ полнѣйшей ясностью, что въ нашихъ вліятельныхъ кругахъ, правительственномъ и дворянскомъ есть двѣ группы: большинство и меньшинство»; на стр. 9 авторъ сообщаетъ, что «группа большинства состояла главнымъ образомъ изъ большинства должностныхъ лицъ, находившихся въ разныхъ вѣдомствахъ на государственной службѣ, и изъ большинства дворянъ... Въ рядахъ меньшинства стояли люди разныхъ положеній. Тутъ были: и нѣкоторыя высокопоставленныя лица, и нѣкоторыя должностныя лица разныхъ вѣдомствъ, а главнымъ образомъ меньшинство русскаго дворянства»; на стр. 36—7: «Громадная убыль ихъ (утвержденныхъ судебныхъ слѣдователей. С. Г.) произведена искусственно, двоякимъ путемъ: I... и II... — Начнемъ съ перваго пути и кончимъ вторымъ», и т. д.

Значительная часть книги посвящена разработкѣ тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты для обезпеченія суду необходимой самостоятельности, чтобы «облегчить предварительной разработкой законодателю исполненіе этой важной и трудной задачи», при чемъ авторъ входитъ въ самую детальную разработку такихъ мѣръ; такъ, переходя «отъ группы желательныхъ мѣръ къ VII и послѣдней», относящейся къ «высшему суду по дѣламъ объ отмѣнѣ судейской несмѣняемости», онъ опредѣляетъ составъ этого суда въ 10 человѣкъ, одинъ изъ коихъ «долженъ быть предсѣдателемъ этого суда, другой — товарищемъ предсѣдателя, а остальные — членами»; должность этихъ лицъ онъ относитъ къ III классу и годового содержанія полагаетъ: предсѣдателю — 12000 руб., товарищу — 11000 и членамъ — по 10000. Выбираются эти судьи по довольно сложной системѣ, также совершенно подробно разработанной.

Digitized by Google

Съ значительнымъ большинствомъ положеній автора и мѣръ, предлагаемыхъ имъ, нельзя не согласиться, равно какъ и съ общимъ выводомъ его — о необходимости принять рядъ законодательныхъ мѣръ для обезпеченія самостоятельности суда; намъ казалось бы только, что принятіе этихъ мѣръ отнюдь нельзя ставить въ зависимость отъ «окончанія войны и заключенія достойнаго, выгоднаго, прочно обезпеченнаго мира», какъ это дѣлаетъ (стр. 82) г. Пусторослевъ.

С. Гавриловъ.

Судебная реформа. Подъ редакціей **Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго.** При ближайшемъ участіи М. Н. Гернета, А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева и А. Н. Паренаго. Москва. 1915. Цѣна за 5 томовъ по подпискѣ 20 рублей.

Лежащіе передъ нами два большихъ тома изданія п. н. «Судебная реформа» представляютъ собой начало осуществленія широко задуманнаго плана исторіи замѣчательнаго преобразованія, полувѣковой юбилей котораго совпалъ съ годомъ великой міровой войны. Редакція изданія, во главѣ которой стоятъ Н. В. Давыдовъ и Н. Н. Полянскій, привлекла къ участію въ немъ выдающіяся юридическія силы: среди сотрудниковъ мы встрѣчаемъ имена А. Ф. Кони, В. К. Случевскаго, М. П. Чубинскаго, В. Д. Набокова, А. А. Жижиленко, В. Н. Ширяева, П. И. Люблинскаго, М. Н. Гернета, В. М. Гессена, І. В. Гессена, А. Э. Вормса, Б. И. Сыромятникова, Н. В. Тесленко, Н. К. Муравьева и др. Кромѣ того, въ изданіи принимаютъ участіе историки Ю. В. Готье и В. Н. Бочкаревъ и извѣстный канонистъ Н. А. Заозерскій.

Изданіе расчитано на 5 томовъ, въ среднемъ по 20 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Внѣшняя сторона изданія производитъ отличное впечатлѣніе: большой форматъ, прекрасная бумага и печать, многочисленные портреты дѣятелей судебной реформы на отдѣльныхъ листахъ.

Во введеніи, написанномъ Н. В. Давыдовымъ, съ полной отчетливостью выясняется характеръ и планъ изданія. «Въ существѣ своемъ», говоритъ почтенный авторъ, «изданіе это должно представлять изъ себя серьезный трудъ, научно-историческое изслѣдованіе, въ изложеніи, однако, настолько популярномъ, чтобы оно было доступно и могло заинтересовать не только юристовъ-теоретиковъ и практиковъ и вообще судебныхъ дѣятелей, но и другіе культурные слои общества. Изданіе должно служить и

Digitized by Google

профессіональнымъ цѣлямъ, но главнымъ образомъ ознакомленію широкихъ круговъ читателей съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя современный судъ». Руководители изданія подчеркиваютъ, что задуманный ими трудъ долженъ быть «безусловно объективнымъ, не допускающимъ ни полемическихъ выпадовъ, ни односторонняго увлеченія, предвзятыхъ взглядовъ и партійности».

Согласно плану изданія, оно должно обнять не только исторію судебной реформы 1864 г., но, съ одной стороны, ввести въ ея изученіе путемъ внимательнаго изслѣдованія исторіи русскаго дореформеннаго суда, а, съ другой стороны, дать возможность оцѣнить значеніе и судьбу судебнаго преобразованія въ теченіе всего дальнѣйшаго правового развитія Россіи до нашихъ дней. Не ограничиваясь исторіей основныхъ институтовъ судебнаго права, планъ изданія включаетъ исторію особыхъ процессовъ по дѣламъ о религіозныхъ, государственныхъ и должностныхъ преступленіяхъ, а также по дѣламъ аграрнымъ и рабочимъ, имѣя въ виду не только процессуальныя особенности производства этихъ дѣлъ, но и выдающееся ихъ общественное значеніе. Не оставлена безъ вниманія и исторія особыхъ видовъ суда — коммерческаго, духовнаго, военнаго, суда по дѣламъ о малолѣтнихъ и, наконецъ, суда на окраинахъ. Хотя суды коммерческіе, военные и духовные и стоятъ внѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., но, по справедливому замѣчанію Н. В. Давыдова, исключать ихъ изъ общаго перечня было бы неправильно, такъ какъ картина дѣйствующаго въ настоящее время суда была бы безъ упоминанія о нихъ далеко неполна. Слѣдуетъ привѣтствовать и включеніе въ программу изданія исторіи административнаго производства. Въ самомъ дѣлѣ, режимъ усиленной и чрезвычайной охранъ въ теченіе десятилѣтій продолжаетъ поражать Россію «правовой засухой», и оцѣнка роли этого режима является безусловно необходимой для правильнаго пониманія характера правовой жизни Россіи въ теченіе полувѣка, протекшаго со времени великаго акта 1864 г. Вполнѣ цѣлесообразно, равнымъ образомъ, включеніе исторіи административной юстиціи и дисциплинарнаго права. Въ заключеніе отмѣтимъ, что, кромѣ указаннаго уже богатаго матеріала, въ изданіе войдутъ законы и законопроекты по уголовному и гражданскому судопроизводству со времени введенія представительныхъ учрежденій, а также біографіи и мемуары судебныхъ дѣятелей.

Такимъ представляется въ главныхъ чертахъ планъ интересно задуманнаго коллективнаго труда. Въ какой мѣрѣ осуществляютъ его вышедшіе первые два тома «Судебной реформы»?

Первый томъ открывается упомянутымъ уже введеніемъ Н. В. Да-

Digitized by Google

выдова. Далѣе слѣдуетъ небольшой, но содержательный этюдъ «О судебной власти», принадлежащій перу В. М. Гессена. Здѣсь въ немногихъ словахъ выясняется своеобразный характеръ судебной функціи по сравненію съ функціей законодательной и административной. Отмѣчая великую заслугу Судебныхъ Уставовъ, впервые осуществившихъ начало самостоятельности и независимости суда, авторъ настаиваетъ не только на реставраціи этого начала «во всей его благородной и строгой красотѣ», но и на довершеніи Судебныхъ Уставовъ въ соотвѣтствіи съ принципами правового государства. Такое довершеніе должно заключаться въ установленіи судебной охраны субъективныхъ публичныхъ правъ, не принятой Уставами 1864 г. «На современномъ поколѣніи русскихъ юристовъ, — говоритъ авторъ, — лежитъ отвѣтственная и великая задача: они должны довершить реформу 64-го года, изъ Судебныхъ Уставовъ создать судебный уставъ, — тріединый судебный уставъ не только гражданской и уголовной, но также административной юстиціи» (стр. 14).

«Очеркъ исторіи суда въ древней и новой Россіи (до изданія Свода Законовъ) Б. И. Сыромятникова и по объему (свыше 150 страницъ) и по внутреннимъ качествамъ представляетъ собою настоящую историческую монографію, достоинства которой уже нашли компетентную оцѣнку со стороны такого спеціалиста, какъ А. А. Кизеветтеръ. Авторъ выступаетъ во всеоружіи историко юридической эрудиціи и мастерски анализируетъ сложную эволюцію судебнаго строя и процесса древней и новой Россіи. Выводы свои авторъ всегда умѣетъ подкрѣпить мѣткой цитатой изъ того или иного юридическаго памятника, обобщенія — облечь въ яркую, лапидарную форму. Несмотря на то, что работа насыщена спеціальнымъ историческимъ матеріаломъ и имѣетъ строго-научный характеръ, она читается съ увлеченіемъ, благодаря выдающимся ея литературнымъ достоинствамъ.

Статья Ю. В. Готье «Отдѣленіе судебной власти отъ административной», дополняющая очеркъ Б. И. Сыромятникова, затрогиваетъ вопросъ о смѣшеніи судебной и административной властей въ исторіи русскаго государства. Эта статья отчасти воспроизводитъ матеріалъ, уже использованный Б. И. Сыромятниковымъ (Ср. Сыромятниковъ, стр. 111, Готье, стр. 185). Въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ авторы расходятся, напримѣръ, въ вопросѣ объ отдѣленіи судебной власти отъ административной въ законодательствѣ Петра Перваго: въ то время какъ г. Готье говоритъ о «проглянувшемъ на Руси отдѣленіи власти судебной отъ власти административной» въ эту эпоху (стр. 190), — по мнѣнію г. Сыромятни-

Digitized by Google

кова», объ отдѣленіи судебной власти отъ административной при Петрѣ говорить довольно трудно» (стр. 156).

Г. Бочкаревъ въ статьѣ «Дореформенный судъ» даетъ удачную характеристику старыхъ судебныхъ порядковъ на основаніи мемуаровъ современниковъ. Кромѣ широко использованныхъ прежними историками судебной реформы воспоминаній И. С. Аксакова и Н. М. Колмакова, авторъ привлекъ интересный свѣжій матеріалъ.

Работамъ по составленію проектовъ судебнаго преобразованія до 1861 г. посвящена статья В. Д. Плетнева. Авторъ имѣлъ счастливую возможность использовать неопубликованные до сихъ поръ матеріалы по исторіи судебной реформы, извлеченные изъ архива Государственнаго Совѣта. Изъ воспроизведенныхъ г. Плетневымъ матеріаловъ особый интересъ представляютъ «Разсужденіе неизвѣстнаго (повидимому, Балугьянскаго) объ основной системѣ управленія», четыре меморіи неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «Записки о способахъ доставить постоянную защиту подсудимому въ дѣлахъ уголовныхъ» и записка петербургскаго совѣстнаго судьи Давыдова о коренныхъ преобразованіяхъ, въ которой было предвосхищено многое изъ позднѣйшихъ преобразованій.

Непосредственнымъ продолженіемъ историческаго обзора, даннаго г. Плетневымъ, является очеркъ В. Д. Набокова, содержащій обзоръ работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ и общую характеристику судебной реформы. Поставленная задача выполнена авторомъ съ обычнымъ блескомъ.

Весьма интересна данная Г. Г. Тельбергомъ оцѣнка вліянія судебной реформы на науку права. Авторъ рисуетъ картину оживленія юридической мысли въ связи съ реформой, выразившуюся въ ростѣ отечественной юридической литературы, въ распространеніи юридической прессы, въ возникновеніи юридическихъ обществъ, въ поднятіи уровня преподаванія на юридическихъ факультетахъ и ростѣ числа желающихъ получить юридическое образованіе.

Статьей г. Тельберга заканчивается первый томъ «Судебной реформы». Второй томъ открывается чрезвычайно содержательнымъ очеркомъ П. И. Люблинскаго «Судъ и права личности». Какъ извѣстно, авторъ трактовалъ этотъ вопросъ ex professo въ своей монографіи «Свобода личности въ уголовномъ процессѣ». Въ очеркѣ, написанномъ для «Судебной реформы», авторъ даетъ резюме своихъ выводовъ, привлекая и новыя законодательныя и литературныя данныя.

Далѣе слѣдуютъ очерки движенія уголовно- и гражданско-процессуальнаго законодательствъ послѣ 1864 г. Первый очеркъ,

Digitized by Google

написанный А. А. Жижиленко, рисуетъ «печальную картину постепеннаго разрушенія основныхъ устоевъ Судебныхъ Уставовъ» въ позднѣйшемъ законодательствѣ. Интересный очеркъ В. С. Мальченко о цивильно-процессуальномъ законодательствѣ значительно выигралъ бы, если бы не былъ изложенъ въ излишне фрагментарной формѣ.

Вопросъ о крестьянскомъ судѣ и судебно-административныхъ учрежденіяхъ разработанъ въ статьяхъ А. Э. Вормса и А. Н. Паренаго. Русская дѣйствительность и послѣ судебной реформы не освободилась отъ сословной крестьянской юстиціи, поставленной къ тому же подъ властную опеку представителей дворянскаго землевладѣнія. Въ статьѣ г. Паренаго живо изображается, какъ «отсутствіе писаннаго кодекса, неграмотность или малограмотность волостныхъ судей, не позволявшія имъ разбираться въ законахъ, подчиненіе указкѣ волостныхъ старшинъ и писарей, невысокій уровень лицъ, заполнившихъ мѣста волостныхъ судей... — все это вмѣстѣ взятое обратило волостной судъ въ какую-то пародію» (т. II, стр. 97). Многочисленныя попытки реформы сословнаго крестьянскаго суда не имѣли успѣха и завершились печальной памяти «реформой» 1889 г., удовлетворявшей крѣпостническому идеалу патримоніальной юстиціи и приведшей къ тому положенію, при которомъ, по признанію самого Министерства Юстиціи, судъ, вмѣсто того, чтобы имѣть воспитательное значеніе и служить проводникомъ культурныхъ началъ въ народной массѣ, развращалъ ее. О временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 1912 г. авторъ отзывается довольно сдержанно, указывая только нѣкоторые ихъ промахи и недомолвки и полагая, что полезность ихъ или непригодность выяснитъ ближайшее будущее. Намъ думается, однако, что сословная крестьянская юстиція принципіально непріемлема въ рамкахъ правового государства и что именно здѣсь, а не въ техническихъ недостаткахъ новаго закона лежитъ его ахиллесова пята.

Статья Н. Н. Полянскаго «Мировой судъ» (т. II, стр. 172—291) по характеру своему представляетъ монографическое изслѣдованіе исторіи мировой юстиціи въ Россіи. Задача автора была далеко нелегкой, такъ какъ обширный матеріалъ по исторіи мѣстнаго суда въ Россіи не былъ до сихъ поръ подвергнуть систематической обработкѣ. Съ исключительной тщательностью изучивъ этотъ матеріалъ, заключающійся не только въ законодательныхъ актахъ, отчетахъ подлежащихъ учрежденій и т. п., но и въ разбросанной по юридическимъ и общимъ журналамъ статейной литературѣ, авторъ далъ яркую и объективную картину исторіи мирового

Digitized by Google

суда[1]). Не смотря на крайне тяжелыя условія дѣятельности въ атмосферѣ недовѣрія со стороны власти, мировой судъ, по справедливому признанію Н. Н. Полянскаго, много сдѣлалъ для оздоровленія правосудія и для поднятія общаго уровня правосознанія. Недостатки, вытекающіе, главнымъ образомъ, изъ неудовлетворительности личнаго состава, находятъ себѣ объясненіе въ условіяхъ избирательнаго ценза, крайне ограничившаго кругъ лицъ, могущихъ быть призванными къ отправленію должности мирового судьи. Нельзя не отмѣтить интересной оцѣнки значенія мирового института, какъ блюстителя личной свободы и органа контроля надъ законностью распоряженій администраціи. Въ условіяхъ нашей правовой дѣйствительности предоставленное мировымъ судьямъ право контроля надъ законностью произведенныхъ арестовъ и право парализовать дѣйствіе незаконныхъ распоряженій административныхъ властей не получило, къ сожалѣнію, должнаго развитія.

Живой иллюстраціей къ цѣнной работѣ г. Полянскаго является очеркъ «Изъ исторіи мирового суда въ Москвѣ», написанный московскими мировыми судьями гг. Мелкихъ и Челищевымъ. Здѣсь передъ нами встаетъ выпуклая картина тѣхъ общественно-бытовыхъ условій, въ которыхъ протекало существованіе мирового суда въ Москвѣ, представители котораго въ день полувѣкового юбилея удостовѣрили, что въ ихъ опытѣ не было момента, когда бы они усомнились въ совершенствѣ началъ, положенныхъ въ основаніе мировыхъ учрежденій Уставами императора Александра II.

Таково содержаніе вышедшихъ двухъ томовъ «Судебной реформы». Краткій обзоръ этого содержанія показываетъ, что всесторонне продуманный и разработанный планъ изданія осуществляется прекрасно. Рядъ монографическихъ изслѣдованій и очерковъ, скрѣпленныхъ внутреннимъ единствомъ и внѣшней послѣдовательностью, раскрываетъ передъ читателемъ глубоко интересную историческую эпопею русскаго суда, отразившую существеннѣйшіе моменты эволюціи нашей государственности и общественности. Прекрасное впечатлѣніе производитъ объективность изложенія, чуждаго тенденціозности и полемическаго увлеченія, отъ котораго оказалась несвободной офиціальная исторія судебной реформы. Изложеніе облечено въ безукоризненную литературную форму,

---

[1]) На стр. 193 мы замѣтили lapsus, объясняемый, конечно, опечаткой. Здѣсь говорится объ особыхъ окружныхъ избирательныхъ съѣздахъ въ Донской области, изъ гласныхъ, «избираемыхъ землевладѣльцами, степными (!) станичными?) и сельскими обществами».

Digitized by Google

многія страницы читаются не только съ интересомъ, но и съ увлеченіемъ. Не говоря уже о представителяхъ всѣхъ родовъ юридическаго оружія, и для широкаго круга читателей, небезучастныхъ къ исторіи родной культуры, московское изданіе представитъ выдающійся интересъ. Остается пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ прекраснаго изданія.

А. Маклецовъ.

Издатель: *Проф. А. С. Алексѣевъ.*

Редакторъ: *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Книги, полученныя редакціей.

Les Allemands destructeurs de cathédrales et de trésors du passé. Paris, Librairie Hachette et C-ie. 1915.

С. А. Бѣляцкинъ. Война и государственное вознагражденіе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Его же. Гражданскій оборотъ и война. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Вопросы финансовой реформы въ Россіи, подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова, томъ I, выпускъ 1-й. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Е. И. Кельманъ. Проблемы «свободнаго права». Кіевъ, 1915 г. Цѣна 25 коп.

И. М. Козьминыхъ-Ланинъ, инженеръ. Артельное харченіе фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. Съ предисловіемъ *П. А. Вихляева*. Изданіе Московскаго губернскаго земства. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бар. С. А. Корфъ. Русское государственное право. Часть I. 1915 г. Цѣна 2 руб.

Маркъ Криницкій. Вами казненный. Романъ. Изданіе «Современная Библіотека». Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Московской губерніи за 1913—1914 гг. Изданіе Статистическаго отдѣленія Московской губернской земской управы. Москва, 1915 г.

Перепись посѣвныхъ площадей Московской губерніи въ 1915 г. Выпускъ I. Предстоящій ввозъ ржаной муки на станціи желѣзныхъ дорогъ Московской губерніи въ 1915—1916 гг. (предварительныя свѣдѣнія). Москва, 1915 г.

Проф. П. П. Пусторослевъ. Пятидесятилѣтіе несмѣняемости судей въ Россійской Имперіи. Юрьевъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Сборникъ по вопросамъ экономики и кооперації. Семинарій В. Ѳ. Тотоміанца по политической экономіи и кооперації при Московскомъ университетѣ и Коммерческомъ институтѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Проф. В. И. Синайскій. Древне-римская община въ сравненіи съ казачьей общиной. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Состояніе озимей и клеверныхъ посѣвовъ Московской губерніи по выходѣ ихъ изъ подъ снѣга въ 1915 году. Изданіе Статистическаго отдѣленія Московской губернской земской управы. Москва, 1915 г.

Спутникъ солдата и его семьи. Москва, книгоиздательство «Звѣзда» Н. Н. Орфенова. Цѣна 5 коп.

Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1914 годъ. Часть I и II. Изданіе Московскаго губернскаго земства. Москва, 1915 г.

Съѣзды по народному образованію. *Состав. В. И. Чарнолускій.* Петроградъ, изданіе журнала «Вѣстникъ Народнаго Образованія», 1915 г. Цѣна 3 руб.

Труды цивилистическаго студенческаго кружка при Университетѣ св. Владимира, подъ редакціей проф. В. И. Синайскаго. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія членовъ Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1-го октября 1915 года.

Закрытое засѣданіе.

Предсѣдательствовалъ исполняющій обязанности Предсѣдателя Товарищъ Предсѣдателя **Н. В. Давыдовъ.**

Обязанности Секретаря исполнялъ товарищъ секретаря **Н. Г. Вавинъ.**

Присутствовало 77 членовъ Общества. Засѣданіе было открыто въ зданіи Московскаго университета (аудиторія № 6) въ $1^1/_2$ ч. дня.

Передъ открытіемъ собранія Совѣтомъ Общества, по повѣркѣ наличности проживающихъ въ Москвѣ членовъ Общества, было установлено, что «кворумъ», необходимый для избранія Предсѣдателя и Членовъ Совѣта (параграфъ 25 Устава) равняется 48 лицамъ.

Н. В. Давыдовъ открылъ собраніе докладомъ о положеніи дѣлъ Общества, напомнивъ о причинахъ бездѣятельности Общества въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ. За окончаніемъ предсѣдательскихъ полномочій А. С. Алексѣева, истекавшихъ 1 апрѣля 1913 г. Общество встрѣтилось съ необходимостью избрать новаго Предсѣдателя. Таковымъ, по § 11 Устава, могло быть избрано только лицо изъ числа членовъ Общества, состоящихъ профессорами Юридическаго факультета Императорскаго Московскаго университета, къ числу каковыхъ А. С. Алексѣевъ болѣе не принадлежалъ. На Общемъ Собраніи 10 марта 1913 г. кандидатами въ Предсѣдатели были намѣчены записками Н. А. Каблуковъ, С. А. Котляревскій, П. П. Гензель и А. Н. Филипповъ, но ихъ согласія на баллотировку получено не было. На чрезвычайномъ Общемъ Собраніи 1 апрѣля 1913 г. было постановлено отложить, въ виду наступающаго каникулярнаго времени, выборы Предсѣдателя до ближайшаго собранія осенью, а до того времени выяснить вопросъ о возможныхъ кандидатахъ и согласіи ихъ на избраніе путемъ опроса всѣхъ лицъ, имѣющихъ право баллотироваться на должность Предсѣдателя. Осенью, 26 сентября, Совѣтъ Общества постановилъ созвать для выбора Предсѣдателя чрезвычайное Общее Собраніе, а на 7-ое октября назначилъ закрытое Общее Собраніе для заслушанія очередныхъ докладовъ, о чемъ и было послано ректору Московскаго университета увѣдомленіе съ просьбой предоставить Обществу обычное помѣщеніе въ зданіи университета. Однако, ни то, ни другое Собранія не могли состояться, такъ какъ правленіе университета не сочло возможнымъ отвести для этой цѣли помѣщенія, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ

Digitized by Google

законнаго состава Совѣта Общества. Попытка созвать Общее Собраніе на 19 марта 1914 г. въ помѣщеніи Юридическаго собранія также не увѣнчалась успѣхомъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго запрещенія Московскаго градоначальника, основаннаго на отзывѣ г. попечителя Московскаго учебнаго Округа о незаконности состава Совѣта Общества. При такихъ условіяхъ дѣятельность Общества, естественно, оказалась пріостановленной. Не будучи формально закрыто, Общество тѣмъ не менѣе не имѣло возможности проявить своего бытія вовнѣ. Единственнымъ указаніемъ на то, что Общество еще жило, что біеніе жизненнаго пульса въ немъ не угасло, было — выходъ въ свѣтъ «Юридическаго Вѣстника». Такое состояніе летаргіи Общества продолжалось до лѣта текущаго года, когда представилась возможность возбудить ходатайство о разрѣшеніи Обществу собраться для избранія Предсѣдателя съ надеждой на благопріятный исходъ просьбы. Съ этой цѣлью лѣтомъ текущаго года, исправлявшій должность Предсѣдателя Общества **Н. В. Давыдовъ** ѣздилъ въ Петроградъ и представилъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія означенное ходатайство вмѣстѣ съ подробнымъ докладомъ о дѣятельности Общества за все время его существованія. По ознакомленіи съ докладомъ г. министръ не усмотрѣлъ въ положеніи Общества достаточныхъ основаній къ воспрещенію нормальной его дѣятельности, о чемъ сообщилъ словесно и. д. Предсѣдателя. 11 іюля 1915 г. Н. В. Давыдовъ получилъ отъ г. министра письмо слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь Николай Васильевичъ. Вслѣдствіе письма Вашего по дѣлу Московскаго Юридическаго Общества имѣю честь увѣдомить, что одновременно съ симъ я увѣдомляю попечителя Московскаго учебнаго округа, что съ моей стороны не встрѣчается препятствій къ устройству общаго собранія членовъ названнаго Общества, для избранія должностныхъ лицъ Общества. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности (подпись)». Вмѣстѣ съ тѣмъ, при сопроводительномъ письмѣ отъ 5 августа 1915 г. ректоръ Московскаго университета сообщилъ Н. В. Давыдову копію отношенія министра Народнаго Просвѣщенія на имя попечителя Московскаго учебнаго округа отъ того же 11 іюля 1915 г. слѣдующаго содержанія: «Господину попечителю Московскаго учебнаго округа. Товарищъ предсѣдателя Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Н. В. Давыдовъ отъ имени Совѣта сего Общества обратился въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи созыва, для избранія предсѣдателя Общества, Общаго Собранія членовъ его, присовокупивъ при этомъ, что Общество, вопреки установившемуся мнѣнію, не можетъ считать себя упраздненнымъ. Ознакомившись съ перепискою по дѣлу названнаго Общества, я не усматриваю достаточныхъ основаній для признанія его прекратившимъ свое существованіе, такъ какъ оно не было закрыто ни формальнымъ распоряженіемъ правительства, ни постановленіемъ собранія Общества. Въ виду сего и основываясь на заявленіи **Н. В. Давыдова,** что въ настоящее время устранены причины, препятствовавшія въ послѣдніе годы нормальной дѣятельности названнаго общества, увѣдомляю Ваше Превосходительство для зависящихъ распоряженій, что я не усматриваю препятствій къ устройству Общаго Собранія для избранія должностныхъ лицъ Общества. Подписали: министръ Народнаго Просвѣщенія Игнатьевъ, директоръ (подпись)». Далѣе Н. В. Давыдовъ указалъ, что Н. А. Каблуковъ, намѣченный кандидатомъ въ предсѣдатели Общества еще на Общемъ Собраніи 10 марта 1913 г. 59-ю записками изъ 74-хъ, въ настоящее время выразилъ свое согласіе баллотироваться на долж-

Digitized by Google

ность Предсѣдателя, и, слѣдовательно, то патологическое состояніе Общества, въ коемъ оно пребывало такъ долго вслѣдствіе предсѣдательскаго кризиса, теперь должно почитаться совершенно устраненнымъ.

Переходя къ задачамъ момента, предсѣдательствующій объяснилъ, что въ настоящее время, за истеченіемъ срока полномочій, на ряду съ предсѣдателемъ подлежатъ избранію 1) одинъ изъ Товарищей Предсѣдателя на мѣсто выбывающаго **А. Э. Вормса,** 2) два Члена Совѣта на мѣсто выбывающихъ **А. А. Мануилова** и **Н. В. Тесленко,** 3) Секретарь Общества, на мѣсто выбывающаго **Н. М. Жданова,** который по соображенію чисто личнаго характера отказывается отъ дальнѣйшаго выставленія своей кандидатуры въ Секретари Общества, 4) Помощникъ Секретаря на мѣсто **Н. Г. Вавина,** въ случаѣ избранія его въ Секретари Общества, каковую кандидатуру поддерживаетъ Совѣтъ, 5) пять Членовъ Ревизіонной Комиссіи и 6) четыре Члена Комиссіи для разсмотрѣнія сочиненій, имѣющихъ быть представленными на соисканіе преміи **С. А. Муромцева.**

Въ виду отказа **Н. М. Жданова** вновь баллотироваться на должность Секретаря, **Н. В. Давыдовъ** предложилъ Общему Собранію выразить **Н. М. Жданову** благодарность за его многолѣтній и полезный трудъ на пользу Общества.

Предложеніе это было принято единогласно.

Затѣмъ **Н. В. Давыдовъ** предложилъ Общему Собранію привѣтствовать члена общества **В. А. Капеллера,** присутствующаго на собраніи, по поводу исполнившагося сорокалѣтія его непрерывнаго пребыванія въ составѣ Членовъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

Предложеніе было принято, и Общее Собраніе, стоя, продолжительными аплодисментами привѣтствовало юбиляра.

В. В. Нржевальскій предложилъ увеличить число членовъ Муромцевской комиссіи до пяти.

Предложеніе было принято.

И. А. Кистяковскій предложилъ избрать въ члены Муромцевской комиссіи **В. М. Хвостова.**

Н. В. Тесленко, отмѣтивъ заслуги Н. В. Давыдова передъ Обществомъ въ качествѣ исполняющаго обязанности Предсѣдателя, предложилъ Общему Собранію выразить Николаю Васильевичу благодарность за понесенные имъ труды по возсозданію Общества.

Предложеніе было принято, — и Общее Собраніе, стоя, привѣтствовало продолжительными аплодисментами **Н. В. Давыдова.**

Затѣмъ было приступлено къ выборамъ должностныхъ лицъ записками. При избраніи Предсѣдателя, его Товарища, Членовъ Совѣта, Секретаря и его Помощника было подано 70 записокъ. Избранными оказались: 1) Предсѣдателемъ — **Н. А. Каблуковъ** (67 гол., три лица подали пустыя записки); 2) Товарищемъ Предсѣдателя — **А. Э. Вормсъ** (64 гол.); 3) Членами Совѣта — **А. А. Мануиловъ** (65 гол.) и **Н. В. Тесленко** (61 гол.); 4) Секретаремъ — **Н. Г. Вавинъ** (59 гол.) и 5) Помощникомъ Секретаря — **Я. Г. Емельновъ** (57 гол.).

При избраніи ревизіонной комиссіи была подана 51 записка, а при избраніи Муромцевской комиссіи — 50 записокъ.

Въ ревизіонную комиссію избраны: 1) **Н. А. Астровъ** (51 гол.), 2) **Н. К. Муравьевъ** (51 гол.), 3) **Н. Н. Полянскій** (50 гол.), 4) **В. В. Прже-**

Digitized by Google

вальскій (50 гол.), 5) **И. С. Урысонъ** (47 гол.). Въ муромцевскую комиссію избраны: 1) **А. Э. Вормсъ** (50 гол.), 2) **В. А. Краснокутскій** (36 гол.), 3) **І. А. Покровскій** (49 гол.), 4) **В. М. Хвостовъ** (41 гол.) и 5) **Л. С. Таль** (48 гол.).

Засѣданіе было закрыто въ 3 ч. 40 мин. пополудни.

Публичное засѣданіе.

Предсѣдательствовалъ **А. Э. Вормсъ.**
Секретарствовалъ **Н. Г. Вавинъ.**

Собраніе было открыто въ Богословской аудиторіи Университета въ 3 ч. дня вступительнымъ словомъ **А. Э. Вормса,** въ коемъ онъ, указавъ на фактъ возрожденія Общества, отмѣтилъ, что день этого возрожденія совпадаетъ съ юбилейнымъ днемъ пятидесятилѣтія судебной дѣятельности **А. Ф. Кони,** почетнаго члена Общества, и что совпаденіе это особенно знаменательно въ томъ отношеніи, что **А. Ф. Кони** въ теченіе своей долгой дѣятельности стремился къ осуществленію тѣхъ же идеаловъ, къ осуществленію коихъ стремилось и будетъ стремиться Юридическое Общество.

Затѣмъ слово было предоставлено **Н. Н. Полянскому,** который и прочиталъ докладъ на тему: «А. Ф. Кони и его произведенія».

Товарищъ Предсѣдателя **Н. Давыдовъ.**

Товарищъ Предсѣдателя **А. Вормсъ.**

Секретарь **Н. Вавинъ.**

Примѣчаніе отъ редакціи «Юридическаго Вѣстника». Въ виду постановленія Совѣта Юридическаго Общества о томъ, что секретарь Юридическаго Общества по должности входитъ въ редакціонный комитетъ «Юридическаго Вѣстника», нынѣ на мѣсто Н. М. Жданова въ редакціонный комитетъ вступилъ Н. Г. Вавинъ.

Digitized by Google

Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1914 годъ.

Протоколъ засѣданія Казанскаго Юридическаго Общества 8-го февраля 1914 г.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 20 м. вечера въ аудиторіи № 3. Предсѣдательствуетъ **А. А. Симолинъ.** Присутствуютъ члены Общества: **Л. А. Богородицкая, В. Ф. Баудеръ, Б. Е. Будде, К. Г. Гориштейнъ, В. Н. Доманжо, И. И. Зедерштедтъ, Н. И. Миролюбовъ, А. А. Овчинниковъ, Н. Ф. Стахѣевъ, Ю. Н. Фармаковскій, М. М. Хомяковъ,** членъ-соревнователь **М. М. Хвостовъ** и 94 гостей.

Предсѣдатель предлагаетъ избрать въ члены-соревнователи **И. В. Миротворцева, С. Н. Сингалевича, В. И. Огородникова, Н. Н. Граціанскаго** и **А. Г. Муравьева.** Предложеніе принимается единогласно. Затѣмъ, передавъ предсѣдательствованіе **В. П. Доманжо, А. А. Симолинъ** прочитываетъ докладъ: «Авторское право пѣвцовъ и музыкантовъ» (ст. 671[1], т. X., ч. 1) [1]). Желающихъ возражать по заслушанному докладу не оказывается. **А. А. Симолинъ** занимаетъ предсѣдательское мѣсто и предоставляетъ слово **М. М. Хвостову,** который читаетъ докладъ: «Особая форма договора личнаго найма въ греко-египетскомъ правѣ». Докладчикъ указываетъ, что открытіе египетскихъ папирусовъ даетъ громадный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для изученія быта и права одной изъ важнѣйшихъ римскихъ провинцій, а потому не можетъ не привлекать вниманія не только историковъ, но и романистовъ, справедливо жаловавшихся до сихъ поръ на скудность имѣющихся въ ихъ рукахъ источниковъ. Греческіе папирусы изъ Египта содержатъ много конкретныхъ примѣровъ различныхъ договоровъ, а эти конкретные примѣры даютъ возможность усмотрѣть истинную (реальную) сущность той или другой юридической формы. Рельефный примѣръ, подтверждающій вышесказанное, представляютъ документы договоровъ о такъ называемой «парамонэ» (отработка долга личнымъ трудомъ).

Докладчикъ знакомитъ собраніе съ текстомъ этихъ документовъ, указываетъ, что документы эти распадаются по существу на двѣ группы: въ однихъ мы имѣемъ долговыя обязательства, въ другихъ — акты договоровъ личнаго найма. Послѣдніе документы особенно любопытны, такъ какъ форма

[1] Напечатанъ въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ» за 1914 г., кн. V (1).

Digitized by Google

найма, въ нихъ упоминаемая весьма своеобразна: нанимающійся получаетъ отъ нанимателя впередъ извѣстную денежную сумму, которую и обязуется ему отработать, при чемъ встрѣчаются и различныя побочныя соглашенія. Въ разсматриваемыхъ договорахъ мы имѣемъ такимъ образомъ комбинацію элементовъ займа и личнаго найма; въ виду рѣшительнаго преобладанія и первенствующаго значенія послѣднихъ, эти договоры должны быть признаны особымъ видомъ личнаго найма. Такимъ образомъ египетскіе папирусы даютъ возможность ознакомиться со многими своеобразными видами сдѣлокъ во всѣхъ ихъ бытовыхъ подробностяхъ. Такой яркой картины юридическаго быта, какая вскрывается этими источниками, не дастъ никакой голый текстъ закона или сборникъ юридическихъ опредѣленій.

В. Н. Доманжо вполнѣ соглашается съ докладчикомъ въ томъ, что сборники египетскихъ папирусовъ представляютъ громадный интересъ для каждаго романиста. Всѣ источники познанія римскаго права изучены самымъ тщательнымъ образомъ, но въ исторіи этого мірового права все же остается еще много темныхъ страницъ. За послѣднее время число этихъ источниковъ не только не увеличилось, но даже, пожалуй, уменьшилось, такъ какъ научная критика успѣла доказать недостовѣрность и ненадежность очень многихъ изъ нихъ и значеніе многихъ признала сомнительнымъ. Стоитъ вспомнить то впечатлѣніе, какое произвела хотя бы извѣстная работа Пайса, чтобы согласиться съ тѣмъ, что критическій анализъ многихъ источниковъ дѣйствительно способенъ привести къ серьезнымъ и основательнымъ сомнѣніямъ относительно ихъ достовѣрности. При такихъ условіяхъ появленіе новаго обильнаго источника, проливающаго яркій свѣтъ на экономическую и правовую исторію Египта, несомнѣнно представляетъ громадный научный интересъ. Египетъ, какъ извѣстно, былъ одной изъ римскихъ провинцій, правовая жизнь которыхъ регулировалась римскими должностными лицами и находилась подъ вліяніемъ римскихъ правовыхъ началъ. Папирусы даютъ намъ такимъ образомъ возможность прослѣдить, какъ именно римское право воздѣйствовало на право подчиненныхъ Риму народностей, какъ приспособливалось оно къ жизни чуждой ему среды и что само отъ нея заимствовало. Независимо отъ этого уже самая возможность воскресить въ деталяхъ жизнь римской провинціи открываетъ для историка римскаго права весьма широкіе горизонты. Провинціи играли въ исторіи Рима громадное значеніе: онѣ являлись питающими центрами мірового города, давали своему властелину возможность всецѣло отдаться дѣлу собиранія народовъ въ одну державу, не заботясь о средствахъ для выполненія этого дѣла. Но онѣ же явились впослѣдствіи и могилой римскаго національнаго характера. По совершенно вѣрному указанію Іеринга, въ провинціяхъ впервые зародился типъ правителя-деспота, скопированный впослѣдствіи на римскомъ престолѣ; въ провинціяхъ процессъ впервые былъ отданъ въ руки единоличнаго безаппеляціоннаго судьи и щедро примѣнены тѣлесныя наказанія, затѣмъ перенесенныя въ Римъ; развращенность римскаго общества и многія отрицательныя качества характера римлянъ эпохи конца республики и начала имперіи могутъ быть также объяснены развращающимъ вліяніемъ провинціи. До сихъ поръ исторія провинцій представляла едва начатую страницу. Если теперь, благодаря открытію папирусовъ, страница эта можетъ быть пополнена новымъ богатымъ содержаніемъ, значеніе этихъ источниковъ представляется весьма крупнымъ. Къ сожалѣнію, докладчикъ совсѣмъ не упомянулъ о другомъ открытіи, имѣющемъ громадный интересъ для

Digitized by Google

исторіи римской провинціи: о черепичныхъ табличкахъ, представляющихъ изъ себя расписки по сбору податей и рисующихъ весьма яркую и своеобразную картину финансоваго управленія; кромѣ того, для иллюстраціи своихъ положеній онъ выбралъ документы такой сдѣлки, въ которой вліяніе римскаго права на туземное и обратно совершенно незамѣтно, а между тѣмъ въ папирусахъ нѣтъ недостатка въ болѣе поучительныхъ иллюстраціяхъ.

И. В. Миротворцевъ указываетъ, что пока опубликованный папирологическій матеріалъ былъ незначителенъ, институтъ «парамонэ» былъ извѣстенъ намъ изъ надписей, главнымъ образомъ дельфійскихъ (со II в. до Р. Х. по I в. (включительно) по Р. Х.) «Парамонэ» называлось налагаемое на вольноотпущенника обязательство оставаться у господина или до его смерти, или въ теченіе опредѣленнаго времени, исполняя все, что тотъ прикажетъ. Вольноотпущенникъ, обязанный «парамонэ», находился, судя по надписямъ, въ положеніи близкомъ къ рабству. Египетскія долговыя обязательства о «парамонэ» представляютъ любопытный памятникъ для характеристики процесса приспособленія греческихъ правовыхъ нормъ къ новымъ жизненнымъ отношеніямъ. Отличительную черту «парамонэ» на египетской почвѣ слѣдуетъ видѣть въ томъ, что этотъ юридическій терминъ, носящій на себѣ печать «рабскаго» происхожденія, примѣняется для обозначенія отношеній, въ которыя вступаетъ свободный человѣкъ. Въ Египтѣ низшіе классы никогда не чувствовали себя вполнѣ свободными. Фараоны безуспѣшно боролись противъ рабства за неуплату долга. Явленіемъ того же порядка была временная зависимость, въ которую вступалъ свободный для отработки долга. Обозначивъ эту зависимость терминомъ «парамонэ», греки вскрыли ея истинную сущность. Вышеупомянутое даетъ основаніе высказать предположеніе о смыслѣ заключенія договоровъ личнаго найма въ формѣ долгового обязательства о «парамонэ». Если «парамонэ» — состояніе близкое къ рабскому, то, вѣроятно, заключая такой договоръ, рабочій оказывался въ большей зависимости отъ работодателя, чѣмъ обычно.

С. П. Сингалевичъ указываетъ, что договоръ о «парамонэ» встрѣчается въ папирусахъ изъ Оксиринха, при чемъ въ одномъ изъ этихъ папирусовъ онъ носитъ чистый характеръ личнаго найма.

В. И. Огородниковъ проводитъ аналогію между договоромъ «парамонэ» и служилой кабалой древне-русскаго права, отмѣчая, что обязательства въ мало развитомъ правовомъ быту вообще создаютъ отношенія, близкія къ отношеніямъ изъ правъ вещныхъ.

А. А. Симолинъ замѣчаетъ, что докладчикъ въ своемъ стремленіи подвести «парамонэ» подъ видъ договора личнаго найма въ однихъ случаяхъ и подъ видъ займа въ другихъ впадаетъ въ крайность. Это договоръ смѣшанный. Такъ его и слѣдуетъ характеризовать, такъ какъ современной доктринѣ извѣстна особая группа смѣшанныхъ договоровъ.

М. М. Хвостовъ выражаетъ полное удовлетвореніе тѣмъ, что взглядъ его на значеніе египетскихъ папирусовъ для изученія исторіи римскаго права раздѣляется и спеціалистами этой области. Упомянутыя **В. Н. Доманжо** черепичныя таблицы дѣйствительно даютъ любопытный для финансовой исторіи римской провинціи матеріалъ, но этотъ матеріалъ, по сравненію съ папирусами, имѣетъ лишь второстепенное значеніе; такое же значеніе съ открытіемъ папирусовъ имѣютъ и надписи, о которыхъ упоминалъ **И. В. Миротворцевъ.** Соглашаясь съ **В. Н. Доманжо,** что значеніе многихъ источниковъ познанія римскаго права сдѣлалось нынѣ сомнительнымъ,

Digitized by Google

докладчикъ отказывается признать большую роль въ критикѣ этихъ источниковъ за работой Пайса.

По окончаніи преній собраніе благодаритъ докладчиковъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 15 м. вечера.

Протоколъ засѣданія Юридическаго Общества 1 марта 1914 г.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. въ аудиторіи № 3 бар. **А. А. Смолинымъ** въ присутствіи членовъ Общества: **В. Ф. Баудеръ, А. Г. Батъ, Л. А. Богородицкой, А. Я. Бродскаго, В. И. Вегеръ, М. А. Вегеръ, М. С. Венеціанова, К. Г. Горнштейнъ, В. П. Доманжо, А. В. Завадскаго, Кревера, И. И. Крыльцова, П. В. Кузнецова, С. Н. Нелидова, Э. Г. Перетцъ, Р. Я. Ротенбергъ, Н. Ф. Стахѣева** и 23 гостей.

I. Слово предоставлено **В. П. Доманжо,** прочитавшему докладъ на тему: «Вексельный бланкъ».

II. Открыты пренія по докладу. **К. Г. Горнштейнъ** отмѣчаетъ большой теоретическій и практическій интересъ доклада. Къ сожалѣнію, докладчикъ только намѣтилъ теоретическую постановку вопроса, но не сдѣлалъ выводовъ изъ своей теоріи. Самая его конструкція нѣсколько въ докладѣ измѣнилась. Сначала докладчикъ опредѣлялъ выдачу вексельнаго бланка, какъ особаго рода договоръ, въ силу котораго получающій бланкъ получаетъ право заполнить его или по своей волѣ, или согласно имѣющемуся у него требованію къ выдавшему бланкъ. Далѣе эта конструкція была видоизмѣнена такъ: получившій бланкъ можетъ заполнить его согласно имѣющимся у него требованіямъ, а если таковыхъ не было, то тогда — по усмотрѣнію. Такая формулировка представляется болѣе правильной, но за какую стоитъ самъ докладчикъ? Что касается отдѣльно затронутыхъ докладчикомъ вопросовъ, то оппонентъ считаетъ, что съ изданіемъ новаго вексельнаго устава пали мотивы, которыми Сенатъ мотивировалъ ненаказуемость злоупотребленій вексельнымъ бланкомъ, почему теперь ст. 1694 Улож. о наказаніяхъ должна примѣняться, если бы напр. получившій бланкъ на храненіе его заполнилъ. Затѣмъ, вопреки докладчику, въ число правомочій получившаго вексельный бланкъ должно быть внесено право передачи бланка по надписи и безъ заполненія его текстомъ. Бланкъ несомнѣнно представляетъ собою цѣнность, не даромъ съ него въ полной его цѣнѣ начисляютъ пошлину казенныя палаты при переходѣ его къ наслѣдникамъ. Въ жизни эта передача постоянно практикуется. Принявъ точку зрѣнія докладчика, мы сдѣлаемъ бланкъ не подлежащимъ заполненію, разъ онъ попадетъ, напр., въ опись наслѣдства. Впрочемъ, самъ докладчикъ за наслѣдниками признаетъ право заполненія.

В. П. Доманжо не можетъ принять на себя цѣликомъ упрекъ въ неполнотѣ доклада, она объясняется отсутствіемъ въ нашей судебной практикѣ достаточнаго матеріала — общее число рѣшеній Сената у насъ не превышаетъ по вексельнымъ бланкамъ 10—15. Передавать западно-европейскую было излишнимъ, такъ какъ защищаемая имъ конструкція есть какъ разъ выводъ изъ западной практики. Противорѣчія въ даваемыхъ имъ опредѣленіяхъ, кажется, нѣтъ; когда есть расчеты, тогда бланкъ долженъ писаться сообразно имъ, а когда ихъ нѣтъ, то по волѣ получившаго бланкъ. Мотивы Сената въ его рѣшеніи о ненаказуемости злоупотребленія бланкомъ не падаютъ и теперь, ибо они распадаются на двѣ части, съ одной стороны, Сенатъ доказываетъ, что у насъ не установлена наказуемость, а съ другой,

Digitized by Google

что она и «не могла быть» установлена въ виду воспрещенія вексельныхъ бланковъ прежнимъ уставомъ. Поэтому теперь отпадаетъ только «не могла быть». Отрицаніе передачи бланка по надписи логическій выводъ изъ предложенной конструкціи — пока бланкъ не заполненъ — нѣтъ векселя, слѣдовательно нельзя передавать его вексельнымъ индоссаментомъ. Мнѣніе это поддерживается у насъ бар. **Нолькеномъ.** Другое дѣло наслѣдникъ — наслѣдникъ замѣняетъ лицо наслѣдователя. **М. С. Венеціановъ** не можетъ согласиться съ тѣмъ, что выдача бланка представляетъ сама договоръ — она есть результатъ предыдущаго словеснаго соглашенія, но такое же словесное соглашеніе предшествуетъ и выдачѣ каждаго векселя; какъ при спорѣ о векселѣ нельзя возражать ссылкою на условія этого предварительнаго соглашенія, совершенно такъ же нельзя поднимать, какъ возраженіе противъ векселя написаннаго на вексельномъ бланкѣ, вопроса о томъ, что былъ выданъ сначала бланкъ и только на такихъ то условіяхъ, иначе надо допустить, что выдача вексельнаго бланка, какъ словесный договоръ, допускаетъ доказываніе этого договора и его условій показаніями свидѣтелей, что пришлось бы допустить въ отношеніи каждаго векселя.

В. П. Доманжо считаетъ, что самая выдача вексельнаго бланка входитъ въ составъ договора выдачи бланка.

Это договоръ реальный, а не словесный. По параграфу 33 Устава о векселяхъ векселедатель съ первымъ пріобрѣтателемъ можетъ бороться и возраженіемъ вытекающимъ изъ ихъ личныхъ отношеній, слѣдовательно, и по соображеніямъ, вытекающимъ изъ условій договора о выдачѣ бланка можетъ бороться его выдавшій, когда противъ него предъявленъ къ платежу уже готовый вексель. Практика рейсгерихта также допускаетъ такія возраженія, поскольку этотъ вексель предъявляетъ ко взысканію то самое лицо, которое получило его по договору о выдачѣ бланка.

К. Г. Горнштейнъ считаетъ, что споръ между **М. С. Венеціановымъ** и докладчикомъ основанъ на нѣкоторомъ недоразумѣніи, ибо одинъ стоитъ на процессуальной, а другой на матеріально-правовой точкѣ зрѣнія. Надо различать двѣ стадіи, пока бланкъ не заполненъ, дѣйствуетъ словесный договоръ, условія котораго можно доказывать свидѣтельскими показаніями, разъ бланкъ заполненъ — въ процессѣ изъ векселя свидѣтельскія показанія недопустимы, поэтому мы потеряли право доказывать свидѣтельскими показаніями и предварительное соглашеніе, но оно вовсе не исчезло, поэтому съ точки зрѣнія матеріально-правой, мы оказались только стѣсненными въ выборѣ средствъ доказыванія.

Къ **К. Г. Горнштейну** примыкаетъ **А. В. Завадскій,** указывающій, что и въ Сенатскомъ рѣшеніи 1913 г. подчеркнуто, что свидѣтельскія показанія допущены только въ виду признанія со стороны истицы, что выданъ былъ не вексель, а именно вексельный бланкъ.

Бар. **А. А. Симолинъ** не можетъ принять ни конструкціи докладчика, ни выводовъ Сенатскаго рѣшенія. Всѣ реквизиты векселя безусловно для него необходимы, поэтому вексельный бланкъ самъ по себѣ не вексель — это прямо и говоритъ ст. 14 Уст. о век. Что же касается соглашенія при этой выдачѣ, то, если принимать конструкцію докладчика и видѣть въ ней предварительный договоръ, то онъ долженъ быть облеченъ тоже въ письменную форму, такъ какъ у насъ предварительные договоры должны имѣть по закону ту же форму, что и основные.

В. П. Доманжо думаетъ, что какъ разъ ст. 14 Уст. о век. и даетъ право

Digitized by Google

утверждать, что вексельный бланкъ по заполненіи вексель, но до заполненія договоръ обще-гражданскаго права.

К. Г. Горнштейнъ полагаетъ, что нашъ законъ вовсе не знаетъ требованія, чтобы предварительный договоръ облекался непремѣнно въ ту же форму, что основной — крѣпостной, напр., формы для предварительныхъ договоровъ не требуется нигдѣ.

С. Н. Нелидовъ считаетъ, что докладчикъ, отрицая возможность передачи бланка по надписи, въ корень подрываетъ житейское значеніе бланка. Въ передаваемости бланка и лежитъ ключъ жизненности бланка, побѣдившій законодательные запреты и обезпечившій ему то чрезвычайное распространеніе, которое описалъ въ началѣ доклада **В. П. Доманжо.**

В. И. Вегеръ находитъ конструкцію докладчика чрезвычайно убѣдительной, возраженіе бар. **А. А. Симолина** ея не подрываетъ: если законъ и логика требуютъ облеченія предварительнаго договора въ ту же форму, что главнаго, т.-е. письменную, то бланкъ эту письменную форму и имѣетъ, это не простая бумажка, а снабженная подписью выдающаго.

Бар. **А. А. Симолинъ** не считаетъ себя убѣжденнымъ многочисленными возраженіями: не онъ одинъ и **К. П. Анненковъ** требуетъ для предварительнаго договора той же формы, что для основного, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда иная форма прямо указана въ законѣ (примѣръ **К. Г. Горнштейна**). Бумага и подпись развѣ это договоръ? Если тутъ и есть договоръ, то только словесный и значитъ облеченный въ не надлежащую форму. Дѣлать изъ текста ст. 14 выводъ, что она знаетъ выдачу вексельнаго бланка, какъ особый договоръ гражданскаго права, значитъ видѣть въ ней больше, чѣмъ въ ней дѣйствительно содержится — она говоритъ только, что разъ бланкъ заполненъ, онъ вексель.

К. Г. Горнштейнъ считаетъ, что опять пренія переходятъ на процессуальную точку зрѣнія. Отрицать, какъ это дѣлаетъ бар. **А. А. Симолинъ**, всякое юридическое значеніе за бланкомъ, пока онъ бланкъ, значитъ итти въ разрѣзъ съ жизненной потребностью.

Н. Ф. Стахѣевъ, опираясь на текстъ ст. 14, готовъ примкнуть къ мнѣнію, защищаемому **Винаверомъ** — съ момента выдачи бланка, — бланкъ уже вексель.

III. Выражена благодарность докладчику. Послѣ чего, по уходѣ гостей, избраны единогласно въ дѣйствительные члены помощникъ присяжнаго повѣреннаго **В. Х. Таначевъ** и секретарь Казанскаго окружнаго суда **И. И. Крыловъ.**

IV. Собраніе заслушиваетъ годичный отчетъ, составленный секретаремъ **В. П. Доманжо** и казначеемъ **В. Ф. Баудеромъ**, которые его докладываютъ. Постановлено, согласно уставу, передать его на просмотръ Ревизіонной комиссіи.

V. Произведены выборы правленія на 1914 г. Избраны: Предсѣдателемъ бар. **А. А. Симолинъ**, казначеемъ **В. Ф. Баудеръ**, секретаремъ **В. П. Доманжо.** Такъ какъ на должность товарища предсѣдателя и второго секретаря никто не получилъ абсолютнаго большинства, то была произведена перебаллотировка; избранными оказались товарищемъ предсѣдателя **А. В. Завадскій** и секретаремъ **Л. А. Богородицкая.**

VI. Членами Ревизіонной комиссіи избраны единогласно: **А. Г. Батъ, М. С. Веницiановъ** и **К. Г. Горнштейнъ.**

Засѣданіе закрыто въ $10^1/_2$ часовъ вечера.

Предсѣдатель **А. Симолинъ.**
Секретарь **А. Завадскій.**

Digitized by Google

Протоколъ засѣданія Казанскаго Юридическаго Общества 23 марта 1914 г.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера. Предсѣдательствуетъ **А. А. Симолинъ.** Присутствуютъ члены общества: **Л. А. Богородицкая, В. И. Вегеръ, В. П. Доманжо, А. В. Завадскій, М. С. Венеціановъ, И. И. Зедерштедтъ, М. А. Илговская, Креверъ, П. В. Кузнецовъ, А. Ф. Ротенбергъ, П. Ф. Стахѣевъ, В. С. Таначевъ** и 25 гостей.

Предсѣдатель предоставляетъ слово **А. В. Завадскому,** который дѣлаетъ обществу сообщеніе, распадающееся на три самостоятельныя части: 1) «Опытъ комментарія къ ст. 563[1]» (давность на земли, замежеванныя по Положенію о Землеустройствѣ), 2) «Допустимо ли обезпеченіе исковъ при понудительномъ исполненіи» и 3) «О нѣкоторыхъ редакціонныхъ недосмотрахъ въ позднѣйшихъ судопроизводственныхъ законахъ». Въ сообщеніи по первому пункту докладчикъ указываетъ, что редакція ст. 563[1] способна навести на мысль, будто земли, замежеванныя по Положенію о Землеустройствѣ, совсѣмъ не подлежатъ дѣйствію давности; подобное предположеніе представляется однако совершенно недопустимымъ и въ мотивахъ закона опоры не находитъ. Положеніе ст. 563[1] правильно можетъ быть истолковано только въ томъ смыслѣ, что давностное владѣніе землями, замежеванными по Положенію о Землеустройствѣ не можетъ быть начато черезъ установленныя по этому положенію межи. Участки же за такими межами находящіеся могутъ быть пріобрѣтаемы по давности, если владѣніе ими началось внутри установленныхъ по Положенію о Землеустройствѣ границъ или черезъ межи, установленныя не по этому Положенію. Въ сообщеніи по второму пункту докладчикъ указываетъ, что при просьбахъ о понудительномъ исполненіи обезпеченіе исковъ на первый взглядъ представляется совершенно излишнимъ. Однако фактически можетъ создаться такое положеніе, что, получая прямо исполненіе, взыскатель оказывается въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ истецъ, получившій обезпеченіе иска. Для иллюстраціи высказаннаго могутъ быть указаны хотя бы слѣдующіе случаи: 1) обращеніе взысканія на недвижимость, мѣстонахожденіе которой не совпадаетъ съ мѣстомъ, гдѣ дается исполнительный листъ или дѣлается надпись объ исполненіи и 2) ссылка на льготный срокъ, указанный въ п. 2 ст. 161[10]. Если производится взысканіе по опротестованному векселю и взысканіе предполагается обратить на недвижимость, то съ просьбой о понудительномъ исполненіи придется обращаться не по мѣсту нахожденія этой недвижимости, а по мѣсту жительства отвѣтчика или по мѣсту платежа по векселю. Предъявляя искъ въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства и прося о его обезпеченія, истецъ тотчасъ отъ самого суда получаетъ запретительную статью на недвижимость, хотя бы она находилась и въ округѣ другого суда (618 ст. У. Г. Суд.); предъявляя же свое требованіе въ порядкѣ понудительнаго исполненія, взыскатель можетъ наложить запрещеніе только черезъ судебнаго пристава, и самое назначеніе пристава совершено будетъ не тѣмъ судомъ, гдѣ производится взысканіе, а тѣмъ, въ округѣ котораго находится недвижимость. Такимъ образомъ, если допустить обезпеченіе иска при понудительномъ исполненіи по актамъ и разрѣшить соотвѣтствующему судебному органу самому давать указъ о наложеніи запрещенія, положеніе взыскателя значительно при этомъ порядкѣ взысканія улучшится. Кромѣ того, прибѣгающій

Digitized by Google

къ понудительному исполненію встрѣчается съ п. 2 ст. 161[10], согласно которому никакія исполнительныя дѣйствія невозможны при понудительномъ исполненіи до истеченія указаннаго въ этомъ пунктѣ льготнаго срока (3 дня). Прибѣгающій къ понудительному исполненію благодаря этому опять оказывается въ худшемъ положеніи, чѣмъ тотъ, кто ищетъ въ обычномъ порядкѣ и проситъ обезпеченія. Передъ кредиторомъ ставится дилемма: или упустить драгоцѣнное время, или, предпочтя понудительному исполненію обычный порядокъ, получить немедленно обезпеченіе, но рискнуть вознагражденіемъ за веденіе дѣла (ст. 161[23]). Итакъ, допущеніе обезпеченія иска при понудительномъ исполненіи практически представляется весьма важнымъ. Но допустимо ли оно? За говоритъ аналогія надписи о понудительномъ исполненіи съ судебнымъ рѣшеніемъ. Наша судебная практика (рѣш. № 110 1901 г.) пришла къ убѣжденію, что обезпеченіе иска допустимо и по воспослѣдованіи судебнаго рѣшенія, а такъ какъ надпись о понудительномъ исполненіи есть видъ судебнаго рѣшенія, то обезпеченіе и при ней должно быть допущено. Противъ этого допущенія ссылаются обыкновенно на то, что при понудительномъ исполненіи нѣтъ иска, а, слѣдовательно, не можетъ быть и обезпеченія и на то, что по дѣйствующимъ правиламъ о понудительномъ исполненіи обжалованіе постановленія объ обезпеченіи было бы невозможно, а это поставило бы отвѣтчика въ затруднительное положеніе. Первое возраженіе представляется совершенно слабымъ: возможно вѣдь и обезпеченіе будущихъ исковъ и состоявшихся судебныхъ рѣшеній; второе — нѣсколько сильнѣе, но и оно врядъ ли можетъ быть признано основательнымъ: въ дѣйствующихъ правилахъ о понудительномъ исполненіи возможности обезпеченія и допустимости жалобъ на представленіе обезпеченій не предусматривается, но это не исключаетъ предоставленія обезпеченія по аналогіи исполнительной надписи съ судебнымъ рѣшеніемъ, а отсутствіе возможности обжаловать такое предоставленіе не представляется страшнымъ, такъ какъ въ рукахъ отвѣтчика всегда остается просьба о пріостановкѣ исполненія. Въ третьей части своего сообщенія докладчикъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ редакціонныхъ недосмотровъ въ новѣйшихъ процессуальныхъ законахъ.

Преній не было. Въ 9 час. 45 мин. Предсѣдатель объявляетъ засѣданіе закрытымъ. Собраніе благодаритъ докладчика.

Предсѣдатель **А. А. Симолинъ.**

Секретарь **В. Доманжо.**

Протоколъ засѣданія Казанскаго Юридическаго Общества 29 марта 1914 г.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 35 мин. вечера въ аудиторіи № 3 въ присутствіи членовъ Общества: **А. Г. Бѣтъ, В. Ф. Баудеръ, Л. А. Богородицкой, А. Я. Бродскаго, В. И. Вегеръ, О. А. Вегеръ, М. С. Венеціанова, В. П. Доманжо, М. А. Илговской, Н. И. Миролюбова, Ф. Я. Ротенбергъ, В. А. Симолина, Н. Ф. Стахѣева, В. Х. Таначева, П. Л. Ухтомскаго, М. М. Хвостова, С. А. Ушакова** и 110 гостей.

Предсѣдательствующій предоставляетъ слово члену Общества **С. А. Ушакову**, который читаетъ докладъ: «Борьба за личность и право въ произведеніяхъ Н. К. Михайловскаго».

Digitized by Google

Докладчикъ отмѣчаетъ необычайную популярность покойнаго публициста, основой которой являлось его поразительное личное обаяніе, свѣтлый и разносторонній умъ, замѣчательная чуткость, отзывчивость и изящество души, соединенныя съ большимъ гражданскимъ мужествомъ. Какъ писатель, Н. К. Михайловскій отличается крупной силой мысли, могучей логикой, яркимъ талантомъ стилиста; въ его произведеніяхъ отличительнымъ характернымъ признакомъ выступаетъ неподкупная честность мысли и благоговѣйное отношеніе къ человѣческой личности, которая для него является культомъ. Изъ этого культа личности вытекаетъ его знаменитая формула прогресса и отрицательное отношеніе къ современному строю, основанному на раздѣленіи труда, и стремленіе къ иному, при которомъ личныя качества и способности отдѣльнаго индивида находили бы полное гармоническое развитіе. Этимъ культомъ объясняется его страстная рѣзкая критика органической теоріи государства и общества, какъ низводящей человѣка до положенія клѣточки въ организмѣ. Въ творчествѣ Михайловскаго докладчикъ отмѣчаетъ два періода: до 1878 г. Михайловскій остается индифферентнымъ къ вопросамъ политическаго строя, полагая, что развитіе политической свободы и правовыхъ формъ поведетъ лишь къ усиленію буржуазіи, народъ же при этомъ ничего не выиграетъ; послѣ 1878 г. Михайловскій подъ вліяніемъ убѣжденія въ неминуемомъ водвореніи въ Россіи капиталистическаго строя съ его политическими притязаніями переходитъ въ лагерь борцовъ за политическую свободу, но и теперь на первомъ планѣ у него остаются интересы личности, правовой же строй разсматривается лишь какъ средство для ея гармоническаго развитія и усовершенствованія. Сообразно этому онъ и самое право выводитъ изъ личности. Свои положенія докладчикъ подкрѣпляетъ многочисленными цитатами изъ произведеній Н. К. Михайловскаго, указываетъ, какое громадное воспитательное значеніе должна была имѣть пропаганда подобныхъ воззрѣній въ русскомъ обществѣ, и заканчиваетъ докладъ призывомъ свято чтить память Н. К. Михайловскаго, убѣжденнаго и пламеннаго адвоката личности.

Въ преніяхъ принимаютъ участіе **М. М. Хвостовъ** и **В. И. Вегеръ.**

М. М. Хвостовъ указываетъ, что Н. К. Михайловскій теперь, конечно, можетъ быть оцѣниваемъ только исторически. Тема доклада обязывала реферата охарактеризовать значеніе трудовъ Н. К. Михайловскаго въ исторіи борьбы за право и личность. Эта характеристика представляется у автора доклада и далеко не полной и весьма односторонней, превращаясь въ какой-то панегирикъ личности покойнаго публициста, принимая видъ некролога, въ которомъ нѣтъ мѣста критикѣ. Стремленіе Михайловскаго къ возвеличенію личности, къ созданію культа ея референтомъ весьма преувеличено; въ своихъ произведеніяхъ Михайловскій нерѣдко ратовалъ и за подчиненіе личности шаблону общественныхъ воззрѣній. Согласно докладчику, присущій Михайловскому культъ личности опредѣлялъ его отрицательное отношеніе къ различнымъ государственнымъ формамъ и къ раздѣленію труда. Этотъ же культъ побуждалъ его къ нападкамъ на органическую теорію государства и на марксистовъ. Между тѣмъ въ этихъ нападкахъ есть много неосновательнаго и несправедливаго. Органическая теорія неповинна въ сдѣланныхъ изъ нея практическихъ выводахъ. Докладчику не слѣдовало бы забывать, что въ исторіи борьбы за право и личность критикуемыя Н. К. Михайловскимъ доктрины имѣли несравненно большее значеніе, чѣмъ его собственные труды. Н. К. Михайловскій вовсе и не былъ такимъ субъективистомъ, какимъ

Digitized by Google

его изображаетъ докладчикъ, чему наилучшимъ доказательствомъ является его крайняя нетерпимость по отношенію къ декадентству.

В. И. Вегеръ тоже полагаетъ, что докладчикъ не выполнилъ поставленной имъ себѣ темою реферата задачи. Воззрѣнія Михайловскаго на право остались въ докладѣ совершенно невыясненными. Соціологія, этика, нравственность, значеніе личности — все это къ праву прямого отношенія не имѣетъ. Какъ именно выводитъ Михайловскій право изъ личности докладчикъ не поясняетъ. Если имъ использованъ весь матеріалъ, могущій характеризовать правовыя воззрѣнія Михайловскаго, то придется признать эти воззрѣнія весьма расплывчатыми, если же нѣтъ — придется винить докладчика въ неполнотѣ разработки темы. Н. К. Михайловскій нерѣдко подходитъ къ научнымъ вопросамъ какъ публицистъ; его критика научныхъ положеній представляется подчасъ весьма шаткой. Такъ, въ своихъ нападкахъ на органическую теорію онъ имѣетъ въ виду исключительно тѣ практическіе выводы, которые изъ нея дѣлались; полемизируя съ ученіемъ марксистовъ, совершенно упускаетъ изъ виду, что Марксъ видитъ въ классѣ экономическую, а не соціально-политическую категорію и благодаря этому бросаетъ его ученію рядъ совершенно незаслуженныхъ упрековъ. Въ полемикѣ съ доктриной Маркса Михайловскій сплошь и рядомъ обрушивается на нее за такія положенія, которыхъ въ ней въ дѣйствительности нѣтъ и которыя должны быть отнесены на счетъ ея послѣдователей.

С. А. Ушаковъ полагаетъ, что критика трудовъ Михайловскаго въ задачу его не входила: вѣдь общественное значеніе его воззрѣній ясно и безъ оцѣнки ихъ съ высотъ научнаго анализа. Свою характеристику Михайловскаго, какъ яркаго субъективиста, докладчикъ считаетъ правильной. Приматъ личности у него несомнѣненъ. Конечно, давленіе общественнаго мнѣнія на трудахъ Михайловскаго иногда весьма замѣтно, но это давленіе фатально. Указаніе на признаніе этой стихійной силы есть лишь углубленіе его ученія, а не призывъ итти подъ ея иго. Въ своей борьбѣ съ декадентствомъ Михайловскій остается убѣжденнымъ субъективистомъ, такъ какъ отрицаетъ пользу декадентства именно для личности; на личной точкѣ зрѣнія онъ стоитъ и въ полемикѣ съ марксистами. Что касается нападокъ Михайловскаго на органическую теорію государства, то безосновательными ихъ назвать нельзя: практическіе выводы изъ этой теоріи дѣлали сами ея творцы, а эти то выводы и представлялись Михайловскому непріемлемыми. Полнаго и цѣльнаго ученія о сущности права у Михайловскаго дѣйствительно нѣтъ. Докладчикъ долженъ признать, что и не весь матеріалъ, характеризующій правовоззрѣнія Михайловскаго имъ использованъ, но онъ полагаетъ, что уже самое пониманіе права, какъ силы не порабощающей личность и внѣшней для нея, а изъ самой личности вытекающей должно было трудамъ Михайловскаго придать особый въ высшей степени цѣнный отпечатокъ, что именно въ докладѣ и было отмѣчено. Нападки Михайловскаго на марксизмъ дѣйствительно очень часто являются выпадами не противъ Маркса, а противъ его послѣдователей, но это вполнѣ понятно, такъ какъ Михайловскому въ его публицистической дѣятельности приходилось сталкиваться не съ самимъ маститымъ мыслителемъ, а съ тѣми «марксятами», которые считали себя носителями его идей.

По окончаніи преній присутствующіе благодарятъ докладчика за его сообщеніе. Продолжительныя рукоплесканія.

По удаленіи гостей въ закрытомъ засѣданіи единогласно избираются въ члены Общества: 1) помощникъ присяжнаго повѣреннаго **Б. Я. Каплапъ,**

Digitized by Google

2) помощникъ присяжнаго повѣреннаго **Г. А. Исаковичъ**, 3) профессорскій стипендіатъ **Акментынь** и въ члены-соревнователи окончившій экономическій факультетъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института **С. А. Бернштейнъ**.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 25 мин. вечера.

Предсѣдатель **А. Симолинъ**.
Секретарь **В. Доманжо**.

Протоколъ засѣданія Юридическаго Общества 20 ноября 1914 г.

Засѣданіе открыто въ 8½ час. вечера Предсѣдателемъ Общества барономъ **Симолинымъ** въ присутствіи членовъ Общества: **М. М. Агаркова, А. Г. Бать, Л. А. Богородицкой, А. Я. Бродскаго, В. И. Вегеръ, К. Г. Горнштейна, М. С. Венеціанова, Екатерининскаго, А. В. Завадскаго, И. И. Зедерштедтъ, Иманаева, Крылова, А. В. Ковалева, Г. Ю. Мансъ, Н. И. Миролюбова, Д. А. Персонъ, Родіонова, А. Ф. Ротенбергъ, Р. Я. Ротенбергъ, Н. Ф. Стахѣева, Н. А. Тимофеева, С. А. Ушакова, Ювжикъ-Компанейца** и 99 человѣкъ гостей.

Предсѣдатель заявляетъ, что по нездоровью **А. В. Завадскаго** сообщеніе его состояться не можетъ и предоставляетъ слово **Н. И. Миролюбову. Н. И. Миролюбовъ** произноситъ рѣчь: «Значеніе судебной реформы для уголовнаго суда». Уголовный судья долженъ быть независимымъ, обладать спеціальными познаніями, рѣшать споръ между государствомъ и гражданиномъ на объективныхъ данныхъ. Независимость и подзаконность судьи являются основными постулатами политики права. Въ интересахъ независимости судья долженъ быть несмѣняемъ и нести только судебныя функціи. Самому суду должно предшествовать предварительное слѣдствіе; судъ долженъ быть основанъ на началахъ устности, непосредственности, гласности; въ производствѣ необходимо участіе защиты въ лицѣ спеціалиста правовѣда; должна, наконецъ, быть обезпечена возможность кассаціоннаго обжалованія судебныхъ рѣшеній. Изложивъ тѣ соображенія, по которымъ процессуальная политика настаиваетъ именно на такой организаціи уголовнаго суда, ораторъ переходитъ къ обрисовкѣ нашего дореформеннаго судоустройства и судопроизводства. Отсутствіе независимости (суды помѣщичьи, полиціи, подчиненіе судовъ администраціи, которая оставляла иногда безъ исполненія даже указы Сената), взяточничество (взятки давались даже министру юстиціи), масса инстанцій и видовъ судовъ, въ которыхъ не всегда ориентировались даже наиболѣе опытные крючкотворы, крайняя неподготовленность судей (въ 7 Петербургскихъ департаментахъ Сената было всего 6 человѣкъ съ высшимъ образованіемъ; въ нѣкоторыхъ судахъ и по закону всѣ судьи могли быть неграмотными) полное смѣшеніе въ производствѣ суда съ обвиненіемъ и защитой — таковъ общій фонъ картины дореформеннаго правосудія. Изъ трехъ стадій производства слѣдствіе и исполненіе были въ грубыхъ и нечистыхъ рукахъ полиціи, сплошь невѣжественной, прибѣгавшей для полученія сознанія, несмотря на давнюю отмѣну пытокъ, къ скручиванью рукъ подсудимаго и держанію его на соленой пищѣ безъ воды. Судъ рѣшалъ при полномъ отсутствіи непосредственности, даже не читая подлиннаго, обыкновенно огромнаго, дѣла (нѣкоторыя дѣла доставлялись въ судъ на

Digitized by Google

10 подводахъ) по экстракту, составленному всесильнымъ и податливымъ на взятки секретаремъ. Рѣшеніе основывалось на формальныхъ доказательствахъ, дѣлившихся на совершенныя и несовершенныя и нерѣдко рѣшеніе, формально безукоризненное, скрывало вопіющую неправду. Если прибавить къ этому медленность самаго дѣлоразбирательства (дѣло о пропажѣ мѣдныхъ денегъ изъ Московскаго казначейства тянулось 21 годъ) и исполненія (полиція иногда цѣлыми годами «не могла» отыскать осужденнаго), то станетъ ясной глубокая справедливость извѣстныхъ словъ, что дореформенная Русь «полна неправды черной» и что въ ней «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ». Недостатки ясно сознавались, но первоначальные проекты реформъ были лишь заплатами на ветхомъ строѣ. Дѣло рѣзко двинулось послѣ Крымской войны, когда была сознана негодность всего прежняго строя, начиная съ крѣпостного права. Новые люди, привлеченные къ дѣлу преобразованія, должны были, естественно, опираться на данныя науки и опытъ западныхъ законодательствъ. Послѣ тщательной подготовки были, наконецъ, опубликованы основныя начала реформы, провозгласившія отдѣленіе власти судебной отъ власти законодательной и административной и необходимость участія въ уголовномъ судѣ народнаго элемента. Всего въ 11 мѣсяцевъ особой комиссіей съ Зарудnымъ во главѣ были затѣмъ выработаны и внесены въ Государственный Совѣтъ и самые проекты судебной реформы. Проекты эти не были простымъ переводомъ съ европейскихъ образцовъ, въ нихъ внесено было много самостоятельнаго; между прочимъ составители широко использовали шеститомный сборникъ замѣчаній на опубликованныя ранѣе «начала». Что же дали судебные уставы? Водвореніе идеи законности. Ей служатъ независимость и несмѣняемость судей, матеріальная ихъ обезпеченность и независимость отъ канцелярій, поставленныхъ на свое мѣсто. Затѣмъ единство суда и равенство всѣхъ передъ нимъ — только въ зависимости отъ тяжести преступленія идетъ подсудимый въ окружный судъ или къ мировому. Близкій къ народу мировой судъ стяжалъ признательность, какъ первый судъ, которому стало довѣрять населеніе. Смѣло введенный судъ присяжныхъ, судъ совѣсти народной, сдѣлалъ судъ дѣломъ общественнымъ, своимъ для общества. Той же идеи законности послужило введеніе формальной защиты въ лицѣ присяжной адвокатуры, организованной въ независимое автономное сословіе, и самостоятельной прокуратуры. Тому же служитъ и производство: хотя предварительное слѣдствіе осталось на слѣдственномъ началѣ, но оно передано новому, созданному еще въ 1861 г., органу-судебному слѣдователю и организовано на началахъ состязательности, непосредственности, устности, гласности и равноправія сторонъ, а рѣшеніе основывается на свободной оцѣнкѣ доказательствъ по совѣсти и разумѣнію. Судья освободился такимъ образомъ отъ висѣвшихъ ранѣе на немъ оковъ. Вспомнивъ еще о введеніи кассаціоннаго суда, отмѣнѣ безконечныхъ инстанцій, передачѣ исполненія прокурорскому надзору, мы убѣдимся, что старый и новый судъ — два явленія, противостоящія другъ другу, какъ тьма и свѣтъ, холодъ и тепло. И понятенъ станетъ тотъ взрывъ энтузіазма, которымъ были встрѣчены уставы при ихъ появленіи, и восторженныя похвалы имъ, тогда либеральнаго, публициста Каткова.

Рѣчь покрыта рукоплесканіями присутствующихъ. Предсѣдатель предоставляетъ слово **С. А. Ушакову,** который произноситъ рѣчь: «Къ юбилею суда присяжныхъ».

Говорятъ, что право и судъ консервативны, но это относится болѣе къ гра-

Digitized by Google

жданскому, чѣмъ къ уголовному суду. Уголовный судъ ясно чувствуетъ перевороты политической жизни. Судъ присяжныхъ вводится во Франціи, когда рушится старый строй; въ Германіи въ Sturm und Drangperiode; его внесли въ Италію французскія войска, но возстановленъ въ ней онъ былъ только послѣ ея обновленія; у насъ судъ присяжныхъ появился на поворотѣ отъ полицейскаго государства къ правовому, когда впервые съ оглядкой заговорили о конституціи. Эпоха реформъ характеризуется освобожденіемъ личности: освобожденіемъ крестьянъ, земскимъ самоуправленіемъ, признаніемъ въ судебныхъ уставахъ правъ личности и подсудимаго, и свидѣтеля, и потерпѣвшаго и судьи. Судья властенъ теперь надъ доказательствами, и надо найти такого судью, которому при такой его свободѣ довѣряло бы общество. Такими судьями могли быть прежде всего присяжные, и наши реформаторы и пресса того времени, не колеблясь, считали судъ присяжныхъ за лучшую форму суда. Но возникалъ вопросъ, подготовленъ ли самъ народъ къ роли судьи? Даже такіе люди, какъ Спасовичъ, боялись посадить на судейское кресло вчерашняго раба. Не такъ думали сами наши реформаторы: они твердо вѣрили въ духовныя силы русскаго народа, и судъ присяжныхъ смѣлою рукою вводился ими для всѣхъ важныхъ дѣлъ. Однако уже при самомъ введеніи суда присяжныхъ кругъ дѣлъ, ему подвѣдомыхъ, былъ ограниченъ. Члены Государственнаго Совѣта изъ опасенія несоотвѣтствія суда присяжныхъ абсолютному строю отказались распространить его на дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, гдѣ какъ разъ государственная власть наиболѣе заинтересована. Вскорѣ потерялъ онъ дѣла о печати, а послѣ дѣла Засуличъ, которая была оправдана присяжными за покушеніе на градоначальника — и дѣла противъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ сбылось предсказаніе предсѣдательствовавшаго въ этомъ процессѣ, который на поздравительное обращеніе къ нему одного высокопоставленнаго лица отвѣтилъ, что день оправдательнаго вердикта — день не радости, а печали для судьи присяжныхъ. Черезъ 9 лѣтъ изъ компетенціи суда присяжныхъ были изъяты и дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ будто бы не способенъ былъ разбираться такъ, какъ судъ коронный, а черезъ короткое время произошелъ извѣстный судебный скандалъ какъ разъ съ коронным судомъ : Харьковская судебная палата обвинила невиннаго почтмейстера Пономарева, а черезъ нѣсколько дней передъ нею же предсталъ и настоящій виновникъ. Такимъ образомъ судъ присяжныхъ лишился у насъ всякаго политическаго значенія. Приступая къ оцѣнкѣ техническихъ его достоинствъ, необходимо напомнить о происходившемъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ серьезномъ движеніи въ западной наукѣ противъ суда присяжныхъ. Споръ шелъ въ Италіи и въ Германіи. Итальянская антропологическая школа ставила уголовному суду задачу опредѣлить, къ какому типу преступниковъ принадлежитъ данное лицо, на что способны только судьи-эксперты-врачи. Съ паденіемъ ученія о прирожденныхъ преступникахъ пало и вліяніе антропологической школы. Практическіе нѣмцы выставляли узко техническія соображенія. Такіе ученые, какъ Биндингъ Вахъ. Іерингъ, Ашротъ и др. говорили о судѣ присяжныхъ, какъ о гирѣ на крыльяхъ судебной работы, судѣ улицы, своеобразномъ noli me tangere невѣжества. Основнымъ порокомъ суда присяжныхъ является, по ихъ мнѣнію, то, что присяжные не профессіоналы и не юристы. Идеалъ же судьи — судья опытный, знающій, дисциплинированный, безусловно безстрастный, могущій подавить въ себѣ душевныя симпатіи во имя требованія закона.

Digitized by Google

Этотъ научный походъ на судъ присяжныхъ отразился и въ законодательствѣ; въ Германіи (въ 1893 и 1895 г.) и въ Австріи (въ 1903 г.) вносятся проекты объ ограниченіи или о полной замѣнѣ суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ. Техническіе доводы противъ присяжныхъ небезосновательны, но стоящіе за судейскую технику забываютъ, что навыкъ ведетъ къ ремесленничеству, къ превращенію священнодѣйствія въ будничные обряды. Кромѣ того, не привыкаетъ ли судья къ вынесенію тяжкихъ обвиненій, не притупляются ли его нервы при видѣ человѣческаго горя? Недаромъ министръ юстиціи Муравьевъ признавалъ грѣхомъ коронаго суда рутину, а адвокатъ Фридманъ съ ужасомъ вспоминаетъ одного, выразившаго ему при самомъ началѣ его карьеры участіе прокурора, думавшаго не объ участи подсудимаго, а о томъ, что сегодня въ процессѣ выигрываетъ прокуроръ, а завтра защитникъ. Нельзя требовать отъ судей механическаго подчиненія закону, ибо законъ — застывшій кристаллъ, а въ дѣлѣ суда нужна индивидуализація. Вотъ почему и нужно звать въ судьи людей свѣжихъ, и недаромъ наши судебные практики — старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ и прокуроры, созванные на совѣщаніе въ 1895 г., единодушно засвидѣтельствовали, что судъ присяжныхъ не только вполнѣ удовлетворительно у насъ функціонируетъ, но и является лучшимъ, особенно тамъ, гдѣ требуется разборъ тонкихъ уликъ. Мнѣніе цѣнное, особенно какъ исходящее отъ коронныхъ судей. Въ чемъ же особое достоинство русскаго суда присяжныхъ? Не считая возможнымъ опираться только на личныя свои судебныя впечатлѣнія и оставляя въ сторонѣ соотвѣтствіе института присяжныхъ всему историческому прошлому русскаго народа, отмѣченное въ сегодняшнемъ Высочайшемъ манифестѣ, ораторъ беретъ на себя указать тѣ главныя особенности суда присяжныхъ, которыя засвидѣтельствованы видными учеными и судебными практиками и которыя можно почерпнуть изъ изученія офиціальныхъ и газетныхъ отчетовъ и данныхъ статистики. Прежде всего отмѣчается большая добросовѣстность присяжныхъ (они необыкновенно терпѣливо воспринимаютъ подчасъ колоссальный фактическій матеріалъ: вспомнимъ дѣло Скитскихъ или Таганрогской таможни (1315 вопросовъ!) и почти религіозное отношеніе къ своимъ обязанностямъ: положить повѣстку о вызовѣ въ качествѣ присяжнаго къ образамъ, итти за сотни верстъ въ суровую зиму въ Олонецкой губерніи, чтобы только не пропустить своей обязанности, горячо молиться передъ вынесеніемъ вердикта (все это факты, засвидѣтельствованы они въ изящной литературѣ, напр. у Елпатьевскаго) — могутъ только люди благоговѣющіе передъ порученнымъ имъ дѣломъ. Одного добросовѣстнаго отношенія къ обязанностямъ, конечно, еще мало, но наблюдатели и наблюденія свидѣтельствуютъ, что присяжные дѣйствительно хорошіе судьи, а не просто добросовѣстные люди. Это люди, знающіе жизнь, ту жизнь, которая расходится съ отвлеченной логикой кодекса и требуетъ исправленія ея прямолинейности. Присяжные, сами средніе люди, берутъ масштабъ изъ личнаго опыта и не могутъ повторить за кодексомъ: хоть умри отъ голода, но не укради. Присяжные поэтому обращаютъ особое вниманіе прежде всего на личность подсудимаго: они строги, когда видятъ въ подсудимомъ плохого человѣка, закоренѣлаго отщепенца и мягки, когда видятъ случайное преступленіе. Ихъ мягкость къ женщинѣ объясняется вовсе не чрезмѣрной, какъ добродушно иронизируетъ проф. Фойницкій, галантностью, а слѣдованіемъ высокому этическому принципу защищать слабаго, когда за спиной этого слабаго стоитъ другой болѣе сильный. Вотъ почему почти всегда выносится оправда-

Digitized by Google

ніе матерямъ, убивающимъ незаконныхъ дѣтей: здѣсь не дѣлается потачки разврату, а оказывается милость брошенной обольстителемъ, котораго законъ не привлекаетъ на скамью подсудимыхъ. Жизненность суда присяжныхъ сказывается и въ ихъ стремленіи видѣть въ преступленіи только реально опасное, причиняющее вредъ. Вотъ почему они неохотно карають преступленія чисто формальнаго характера; именно ихъ постоянныя оправданія по дѣламъ о нарушеніяхъ нѣкоторыхъ паспортныхъ правилъ привели, повидимому, къ отмѣнѣ уголовныхъ наказаній въ дѣлахъ этого рода. Жизненность заставляетъ ихъ обращать особое вниманіе на мотивы преступленія и часто расходиться съ закономъ, разно карая въ виду разности мотивовъ, хотя бы законъ и не придавалъ такого значенія этой разницѣ. Та же жизненность не позволяетъ имъ наказывать свыше вины, какъ они ее понимаютъ. Такъ, въ Англіи былъ періодъ, когда оправдывались всѣ поддѣлыватели банковыхъ билетовъ, пока наконецъ законодатель не внялъ этому молчаливому протесту присяжныхъ и не уменьшилъ наказанія за это преступленіе, которымъ до того была лишь смертная казнь. Коллизія избранной закономъ мѣры наказанія и жизненнаго опыта присяжныхъ особенно часто наблюдается у насъ благодаря крайней устарѣлости нашего уголовнаго кодекса, представляющаго изъ себя, по авторитетному отзыву Таганцева, заплатанное рубище, въ которомъ стыдно показаться и въ Вяземской лаврѣ. Характерно отношеніе присяжныхъ къ доказательной сторонѣ процесса. Всякаго рода сомнѣнія толкуются ими въ пользу подсудимаго. Лучше оправдать 10 виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго — этотъ великій принципъ неминуемо проводится ими въ жизнь. Присяжные засѣдатели требуютъ полноты доказательства, чтобы признать фактъ преступленія; вотъ почему такъ часты ихъ просьбы о направленіи дѣла къ дослѣдованію. Это обстоятельство часто вызываетъ рѣзкія нападки, заявленія, будто защитнику достаточно слезу пустить — и оправданіе обезпечено, но это глубоко невѣрно. Поведеніе присяжныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современной научной теоріи процесса, требующей презумпціи невиновности подсудимаго и допускающей обвиненіе только при полной доказанности вины. Ораторъ не страшится упрека въ томъ, что онъ читаетъ панегирикъ суду присяжныхъ. Онъ прекрасно сознаетъ, что судъ присяжныхъ не свободенъ отъ недостатковъ, но онъ считаетъ идею его самой правильной. Судъ присяжныхъ — верхъ человѣческой мысли въ области отправленія правосудія, конечно, верхъ только историческій, человѣческій умъ безконечно изобрѣтателенъ и сумѣетъ найти еще лучшій, но пока лучшаго нѣтъ. Поэтому невозможна замѣна суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ, судомъ національно германскимъ, и особенно слѣдуетъ дорожить судомъ присяжныхъ въ обстоятельствахъ русской жизни, въ которой онъ имѣетъ такъ много заслугъ: онъ создалъ вѣру въ судъ въ широкихъ кругахъ, придалъ гуманитарный характеръ русскому правосудію, поставилъ человѣка выше суда и содѣйствовалъ водворенію законности. Не удалять судъ присяжныхъ должны мы, а привѣтствовать. Да здравствуетъ русскій судъ присяжныхъ! Да будетъ вѣчна память его создателей съ ихъ вѣрою въ русскій народъ! Да здравствуетъ русскій народъ, сильный какъ въ мирномъ строительствѣ, такъ и на полѣ брани!

Продолжительныя рукоплесканія.

По удаленіи гостей, Общество приступаетъ къ текущимъ дѣламъ. Единогласно избираются въ члены общества: 1) членъ Государственной Думы **Максудовъ,** 2) пом. прис. пов. **М. И. Бабаджанъ** и пом. прис. пов. **А. Г. Батъ.**

Digitized by Google

Предсѣдатель сообщаетъ, что сегодня имъ отправлена на имя Старшаго Предсѣдателя Казанской Судебной Палаты телеграмма слѣдующаго содержанія: «Юридическое общество при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ привѣтствуетъ судей, прокуратуру, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и всѣхъ лицъ судебнаго вѣдомства въ день пятидесятилѣтія великой реформы». Постановлено отправить привѣтственную телеграмму **А. Ѳ. Кони:** «Юридическое общество при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ день пятидесятилѣтія судебной реформы привѣтствуетъ своего почетнаго члена, какъ славнаго и вдохновеннаго поборника великихъ началъ судебныхъ уставовъ. Предсѣдатель общества **Симолинъ,** секретарь **Богородицкая»**.

Заслушано обращеніе Юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ отъ 29 мая 1914 г. за № 89, въ которомъ предлагается обмѣнъ изданій между обществами какъ на будущее время, такъ и за прошедшее въ цѣляхъ установленія связи между столичнымъ и провинціальнымъ юридическими обществами въ ихъ научной дѣятельности по разработкѣ правовыхъ вопросовъ. Постановлено принять предложеніе. Доложено письмо **Л. А. Богородицкой** отъ 20 сентября 1914 г. объ отказѣ ея отъ должности секретаря Общества. Такъ какъ, несмотря на просьбу собранія, **Л. А. Богородицкая** настаиваетъ на отказѣ, постановлено произвести выборы секретаря въ годичномъ собраніи.

Предсѣдатель общества **А. А. Симолинъ.**

Секретарь **В. Доманжо.**

Digitized by Google

Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Журналъ Общаго Собранія Общества имени А. И. Чупрова.

Засѣданіе 13 ноября 1914 г.

Предсѣдательствовалъ **Н. А. Каблуковъ.**

Присутствовало 32 члена Общества.

Заслушанъ докладъ **П. П. Маслова** «Заработная плата и организація хозяйства».

По заслушаніи доклада послѣдовали пренія, въ которыхъ приняли участіе **В. Ѳ. Тотоміанцъ, И. И. Скворцовъ, Л. Б. Кафенгаузъ, Д. Н. Иванцовъ, Л. І. Лубны-Герцыкъ, Е. Я. Черномордикъ, В. В. Шеръ** и **Н. Н. Шапошниковъ.**

В. Ѳ. Тотоміанцъ указалъ на то, что утвержденіе докладчика, будто заработная плата постоянно повышается по направленію отъ окраинъ къ центру, невѣрно для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и многихъ Европейскихъ государствъ. Также неправильнымъ является тотъ взглядъ докладчика, что крестьянское хозяйство вездѣ падаетъ, тогда какъ наоборотъ во многихъ странахъ крестьянское и вообще сельское хозяйство быстро и прочно развиваются.

И. И. Скворцовъ видитъ заслугу автора въ томъ, что онъ, несмотря на многотрудныя обстоятельства, въ теченіе 20 лѣтъ занимается теоретическими вопросами. Но въ его послѣдней работѣ есть много недостатковъ, связанныхъ съ воззрѣніями, высказанными имъ въ его первой работѣ («Аграрный вопросъ»). Ничѣмъ не показано, дано лишь голословное утвержденіе — будто убывающее плодородіе почвы ведетъ къ усиленному вытѣсненію рабочихъ силъ изъ деревни. Возраженія референта противъ Маркса (утвержденіе, будто машины не вытѣсняютъ рабочихъ силъ въ сферѣ промышленности; что стоимость содержанія семьи рабочаго не входитъ въ стоимость рабочей силы и т. д.) основаны на недосмотрѣ — Марксъ имѣетъ въ виду развитыя капиталистическія отношенія; референтъ же беретъ развивающіяся капиталистическія отношенія и съ торжествомъ отмѣчаетъ, что здѣсь не имѣютъ мѣста закономѣрности развитого экономическаго общества. Онъ не замѣтилъ, что Марксъ превосходно зналъ соотвѣтствующія явленія, но трактовалъ ихъ, какъ явленія первоначальнаго накопленія.

Л. Б. Кафенгаузъ считаетъ, что теорія докладчика въ своей основѣ неясна. Докладчикъ исходитъ изъ факта притяженія промышленностью сельско-

Digitized by Google

хозяйственнаго населенія и устанавливаетъ въ связи съ этимъ, что минимумъ заработной платы опредѣляется въ рамкахъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Съ сущностью этой теоріи можно согласиться только въ томъ случаѣ, если принять, что минимумъ заработной платы зависитъ отъ производительности предѣльнаго мелкаго участка земли. Это одинъ изъ варіантовъ теоріи Тюнена; въ такомъ случаѣ чѣмъ же вызывается полемика автора съ теоретиками предѣльной производительности?

Д. Н. Иванцовъ находитъ, что въ общемъ и цѣломъ за трудомъ докладчика надо признать большое значеніе, главнымъ образомъ методологическое. Но отдѣльныя теоремы, съ которыми докладчикъ выступаетъ, далеко не равноцѣнны и нѣкоторыя изъ нихъ весьма сомнительны. Въ частности, положенія докладчика о падающей доли рабочихъ въ продуктѣ и о различномъ воздѣйствіи роста буржуазнаго и пролетарскаго бюджета на развитіе производительныхъ силъ абсолютно имъ не доказаны.

Лубны-Герцыкъ приводитъ слѣдующія возраженія противъ доклада: я не согласенъ съ мнѣніемъ докладчика, что то обстоятельство, что низшій уровень заработной платы промышленныхъ рабочихъ происходитъ не отъ ихъ чрезмѣрнаго размноженія, но отъ прилива къ индустріи новыхъ кадровъ рабочихъ изъ сельскаго хозяйства, является фактомъ, опровергающимъ воззрѣнія неомальтузіанизма, ибо основная причина выселенія сельскаго населенія въ города и промышленные центры есть перенаселеніе деревни или иначе малоземелье, дѣлающее при современномъ уровнѣ сельскохозяйственной техники часть сельскаго населенія избыточнымъ. На перенаселеніе деревни указываютъ многіе факты и въ первую очередь недоѣданіе сельскаго населенія и хроническія голодовки, происходящія отъ несоотвѣтствія плотности сельскохозяйственнаго населенія съ условіями климата въ связи съ существующимъ уровнемъ сельскохозяйственной техники. Докладчикъ указываетъ на ряду съ малоземельемъ и иныя причины выселенія крестьянъ изъ деревни проникновеніе въ сельское хозяйство капитализма, также паденіе ремеслъ и кустарныхъ промысловъ; но двѣ послѣднихъ причины, по моему мнѣнію, занимаютъ второстепенное положеніе по отношенію къ малоземелью, такъ какъ крестьянъ вынуждаетъ заниматься ремеслами и кустарными промыслами все то же малоземелье, которое не даетъ имъ достаточно средствъ существованія. Vandervelde въ своемъ трудѣ «L'exode de Rural» превосходно охарактеризовалъ эту зависимость. Тѣ же тяжелыя условія существованія сельскаго населенія подчеркиваетъ и фактъ, истолкованный докладчикомъ превратно, именно отсутствіе уменьшенія долей бюджета, приходящихся на одного человѣка, при ростѣ семей земледѣльцевъ и ярко выраженная наличность этого явленія среди промышленныхъ рабочихъ; авторъ объясняетъ это сравнительнымъ благополучіемъ сельскаго населенія; мнѣ же кажется, наоборотъ, что причиной здѣсь является крайне низкій уровень существованія малоземельнаго сельскаго населенія, ниже котораго слѣдуетъ уже вымираніе. Между тѣмъ фабричный рабочій, не имѣющій семьи, получаетъ доходовъ больше, чѣмъ сколько необходимо для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей, и поэтому, обзаведясь семьей, можетъ дѣлиться съ ней своимъ доходомъ; крестьянинъ же въ этомъ случаѣ долженъ искать побочныхъ заработковъ и доходовъ.

Е. Я. Черномордикъ полагаетъ, что то, что дано докладчикомъ въ его докладѣ, не есть, строго говоря, теорія заработной платы, а лишь матеріалы для ея построенія. Выведенная имъ закономѣрность повышенія уровня

Digitized by Google

заработной платы по мѣрѣ удаленія отъ очаговъ избыточнаго населенія и приближенія къ экономически болѣе развитымъ центрамъ можетъ быть объяснена иначе — закономѣрностью повышенія при ростѣ спроса и паденіи предложенія. Повышеніе же заработной платы въ отрасляхъ и предпріятіяхъ, находящихся въ процессѣ роста производительныхъ силъ, и соотвѣтствующее пониженіе въ отрасляхъ и предпріятіяхъ, идущихъ къ упадку, могутъ быть также объяснены учетомъ грядущаго повышенія или пониженія спроса. Такимъ образомъ эти обѣ выведенныя докладчикомъ закономѣрности даютъ лишь иллюстрацію дѣйствія закона спроса и предложенія. Что же касается внесенной докладчикомъ поправки въ формулу Маркса, заключающейся въ устраненіи изъ минимума заработной платы издержекъ, вызываемыхъ естественнымъ размноженіемъ рабочаго класса, то эта поправка можетъ быть основана лишь на бытовыхъ явленіяхъ переходныхъ стадій къ капитализму, но не соотвѣтствующихъ его типичнымъ развитымъ формамъ, которыя только однѣ и могутъ лечь въ основу теоретическаго изученія капиталистической системы и обобщеній, изъ этой системы вытекающихъ. Самое понятіе заработной платы въ виду этого не можетъ быть такимъ широкимъ, какъ принятое докладчикомъ, и должно быть ограничено наличностью свободнаго (юридически и о т ъ с р е д с т в ъ п р о и з в о д с т в а) рабочаго въ капиталистическомъ производствѣ. Такое выдѣленіе чистой формы капитализма необходимо для его пониманія даже и въ томъ случаѣ, если въ дѣйствительности такой чистой формы не существуетъ и даже не будетъ когда-либо существовать.

В. В. Шеръ привѣтствуетъ появленіе книги докладчика, но считаетъ, что въ ней не дано законченной теоріи, скорѣе лишь элементы ея. По словамъ докладчика, благодаря приливу изъ деревни происходитъ какъ бы «разрѣженіе» городского рабочаго и его психологіи. Докладчикъ базируется на данныхъ германской переписи, но врядъ ли на основаніи ея можно что-либо утверждать о томъ, что такое «разрѣженіе» имѣло мѣсто въ русскихъ центральныхъ губерніяхъ. Для теоріи докладчика характерно еще и то, что въ ней отражаются совершенно различные теоретическіе принципы — предѣльной производительности, спроса и предложенія. Правильнѣе всего было бы однако отнести докладчика къ теоретикамъ предѣльной производительности.

Н. Н. Шапошниковъ, не отрицая связи между «перераспредѣленіемъ производительныхъ силъ» и уровнемъ заработной платы, считаетъ однако, что докладчикъ въ своихъ построеніяхъ смѣшиваетъ причину съ слѣдствіемъ. Не потому въ какой-нибудь отрасли промышленности высока заработаная плата, что туда притекаетъ трудъ, а наоборотъ, туда притекаетъ трудъ потому, что тамъ высока заработная плата. Отрицательное отношеніе докладчика къ теоріи предѣльной производительности недостаточно обосновано и представляется не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ докладчикъ въ своихъ построеніяхъ очень близко подходитъ къ этой теоріи. Основное утвержденіе докладчикъ, что заработная плата устанавливается на minimum'ѣ средствъ существованія, не является несовмѣстимымъ съ ученіемъ теоретиковъ предѣльной производительности. Если продукты труда различныхъ рабочихъ несравнимы въ ихъ натуральной формѣ, то вполнѣ допустимо сравненіе цѣнностныхъ результатовъ ихъ труда, поэтому основанное на этомъ возраженіе докладчика противъ теоріи предѣльной производительности не представляется убѣдительнымъ; также врядъ ли можно согласиться съ утвержде-

Digitized by Google

ніемъ докладчика, что въ промышленности размѣръ заработной платы не даетъ возможности содержать семью и что въ сельскомъ хозяйствѣ заработная плата спускается до минимума средствъ существованія.

Въ отвѣтъ на сдѣланныя возраженія докладчикъ привелъ слѣдующее: И. И. Скворцовъ не видитъ разницы между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей въ смыслѣ примѣненія машинъ. Въ индустріи введеніе машинъ связано съ расширеніемъ производства; въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ расширеніе невозможно, машины сокращаютъ занятое населеніе. Теоретическое построеніе предполагаетъ универсальное капиталистическое хозяйство, но въ дѣйствительности такого строя хозяйства нѣтъ и капитализмъ можетъ существовать только при наличности въ извѣстныхъ отрасляхъ мелкаго хозяйства. Что въ основу теоріи положено земледѣліе, оправдывается тѣмъ, что въ процессѣ эволюціи остальныя отрасли производства вышли изъ земледѣлія; тѣмъ менѣе слѣдуетъ устранять процессъ эволюціи при построеніи теоріи заработной платы. Неправильно указаніе, что теорія доклада близка къ теоріи Тюнена, докладчикъ не считается съ предѣльнымъ бюджетомъ, но съ массовыми нормами, которыя въ свою очередь стоятъ въ связи съ продовольственной арендой и опредѣляютъ минимумъ заработной платы. Равнымъ образомъ теорія доклада не совпадаетъ съ теоріей спроса и предложенія — послѣдняя какъ разъ не объясняетъ ряда фактовъ (безработица) и кромѣ того при построеніи экономической теоріи слѣдуетъ исходить изъ общественнаго характера экономическихъ явленій. Сама по себѣ теорія спроса и предложенія не поясняетъ движенія заработной платы, нося чисто формальный характеръ; она даетъ только механизмъ движенія, какъ такового. Объясненіе по существу получается лишь при допущеніи факта перераспредѣленія и дѣйствія большихъ силъ. Теорія производительности имѣетъ много сходства съ теоріей докладчика, но только въ томъ, что заработная плата различна въ различныхъ отрасляхъ производства. Производительность труда въ разныхъ предпріятіяхъ нельзя сопоставлять по цѣнности, которая въ свою очередь является сложнымъ и самостоятельнымъ явленіемъ.

По окончаніи преній Предсѣдатель Общества **Н. А. Каблуковъ** указалъ, что докладъ вызвалъ много возраженій, но все это лишь подчеркиваетъ интересъ къ темѣ докладчика, пытавшагося выяснить одну изъ самыхъ сложныхъ сторонъ капиталистически развивающагося общества. Во всякомъ случаѣ ширина поставленнаго вопроса и связь его съ областью самой глубокой и основной экономической теоріи дѣлаютъ сегодняшнее засѣданіе однимъ изъ интереснѣйшихъ въ работѣ Общества. Предсѣдатель предложилъ присутствующимъ выразить искреннюю благодарность докладчику.

Предсѣдатель **Н. Каблуковъ.**
Секретарь **Н. Пѣтуховъ.**

Засѣданіе 15 января 1915 г.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ профессора **Каблукова,** при секретарѣ **Л. Б. Кафенгаузъ.**

Профессоръ **Н. А. Каблуковъ,** открывая засѣданіе, произнесъ рѣчь, посвященную памяти двухъ умершихъ экономистовъ — академика И. И. Янжула и Н. А. Рыкачева. Онъ отмѣтилъ заслуги покойнаго И. И. Янжула въ области политической экономіи и финансовой науки и предложилъ собранію почтить память его вставаніемъ.

Digitized by Google

Затѣмъ профессоръ **Н. А. Каблуковъ** остановился на характеристикѣ личности Н. А. Рыкачева. Научныя заслуги послѣдняго опредѣляются главнымъ образомъ его трудомъ «Деньги и денежная власть», являющимся выдающимся вкладомъ въ экономическую литературу. Кромѣ того личность покойнаго отличалась рѣдкой нравственной высотой: онъ не зналъ расхожденія между словомъ и дѣломъ; когда началась европейская война, онъ однимъ изъ первыхъ ушелъ добровольно простымъ рядовымъ на защиту нашей страны и палъ на полѣ битвы.

По предложенію профессора Каблукова собраніе почтило память покойнаго и постановило занести въ протоколъ выраженіе соболѣзнованія по поводу смерти Н. А. Рыкачева.

Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ профессора **Н. Н. Шапошникова** «О теоретическомъ обоснованіи протекціонизма». Докладъ этотъ составляетъ часть напечатанной теперь работы «Свободная торговля и протекціонизмъ».

Въ преніяхъ по поводу доклада принимали участіе **П. П. Масловъ, С. Н. Прокоповичъ, Л. Н. Юровскій,** проф. **В. Я. Желѣзновъ** и **Л. Б. Кафенгаузъ.**

П. П. Масловъ считаетъ возможнымъ обсужденіе протекціонизма съ теоретической точки зрѣнія, но докладчикъ поставилъ вопросъ на такую теоретическую высоту, что не замѣтилъ реальныхъ интересовъ разныхъ группъ населенія. При изслѣдованіи вопроса о протекціонизмѣ слѣдуетъ исходить изъ понятія развитія производительныхъ силъ, но въ то же время необходимо принять во вниманіе, что разные классы съ точки зрѣнія своихъ интересовъ различно понимаютъ это развитіе. Докладчикъ полагаетъ, что производительность труда тѣмъ выше, чѣмъ выше цѣны: это точка зрѣнія предпринимателей, съ точки зрѣнія которыхъ высокія цѣны способствуютъ развитію производительныхъ силъ, и потому они являются протекціонистами. Къ иному выводу мы придемъ, если примемъ во вниманіе интересы населенія. Съ послѣдней точки зрѣнія пошлины прежде всего являются налогомъ на потребителей. Кромѣ того нельзя покровительствовать всѣмъ отраслямъ. Таможенная политика, привлекая капиталъ въ одну какую-нибудь отрасль народнаго хозяйства, отвлекаетъ его изъ другой. Наконецъ, благодаря вздорожанію товаровъ, сокращается потребленіе ихъ, что ведетъ къ сокращенію емкости рынка для продуктовъ тѣхъ же покровительствуемыхъ отраслей промышленности.

Что же касается мнѣнія докладчика относительно аграрнаго протекціонизма, то оппонентъ не согласенъ съ тѣмъ, что аграрный протекціонизмъ сокращаетъ емкость страны по отношенію къ населенію. Благодаря паденію производительности послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала болѣе интенсивная обработка земли вызываетъ ростъ приложенія труда въ сельскомъ хозяйствѣ, что въ свою очередь повышаетъ емкость страны по отношенію къ населенію.

С. Н. Прокоповичъ полагаетъ, что протекціонизмъ нельзя изучать съ чисто абстрактной точки зрѣнія. Докладчикъ долженъ былъ бы доказать свои положенія на индуктивномъ матеріалѣ. Существуютъ разныя системы протекціонизма, но не существуетъ протекціонизма вообще. Оппонентъ считаетъ недоказаннымъ мнѣніе докладчика о постоянной наличности въ странѣ незанятыхъ капиталовъ, неиспользованныхъ производительныхъ средствъ, которыя бы не матеріализовались въ формѣ товаровъ. Даже въ періоды депрессіи нѣтъ такихъ неиспользованныхъ средствъ. Несостоятельно

Digitized by Google

мнѣніе докладчика о вліяніи протекціонизма на притокъ иностранныхъ капиталовъ: какъ показываетъ примѣръ Россіи огульный протекціонизмъ привлекаетъ очень мало иностранныхъ капиталовъ въ промышленность. Наконецъ оппонентъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ докладчика о вліяніи протекціонизма на ростъ населенія.

Л. Н. Юровскій отмѣтилъ прежде всего заслугу докладчика, чисто теоретически поставившаго вопросъ, который въ русской литературѣ трактовался до сихъ поръ преимущественно съ практической точки зрѣнія. Вполнѣ правильно Н. Н. Шапошниковъ задается спеціально вопросомъ о цѣлесообразности «охранительныхъ» пошлинъ, противопоставляемыхъ «воспитательнымъ» пошлинамъ. Протекціонистическихъ системъ существуетъ много, но съ теоретической точки зрѣнія всѣ онѣ распадаются на двѣ группы, и спорною въ наукѣ является только система охраны тѣхъ отраслей труда, которыя не способны и не будутъ способны выдерживать иностранную конкуренцію. Однако докладчикъ, правильно поставивъ вопросъ, недостаточно приблизился къ его разрѣшенію. Теорію международной торговли классической школы онъ не подвергъ всесторонней критикѣ и не далъ вмѣсто нея другой стройной системы. Онъ ограничился только отдѣльными, правда, во многомъ вѣрными замѣчаніями. Чтобы дать обѣщанное теоретическое оправданіе протекціонизма необходимо конструировать теорію международной торговли, отличную отъ той, которую развивали А. Смитъ, Рикардо, Д. С. Милль, Кэрнсъ, Бастэбль и др., и дедуцировать изъ нея цѣлесообразность «охранительныхъ» таможенныхъ пошлинъ. Этого Н. Н. Шапошниковъ не сдѣлалъ. По частному вопросу о пошлинахъ на земледѣльческіе продукты, отвергаемыхъ докладчикомъ, оппонентъ полагалъ, что аграрный протекціонизмъ совершенно отличенъ отъ индустріальнаго лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о «воспитательномъ» протекціонизмѣ. Но когда ставится вопросъ о созданіи и поддержаніи новыхъ предпріятій, въ которыхъ производительныя силы страны прилагались и всегда будутъ прилагаться менѣе производительно, чѣмъ во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ, тогда безразлично, оказывается ли покровительство земледѣльческой или обрабатывающей промышленности.

Проф. **В. Я. Желѣзновъ** призналъ правильной теоретическую постановку вопроса докладчикомъ и указалъ на связь идей докладчика съ идеями Листа. Докладчикъ не указалъ однако на то, что его выводы можно при извѣстныхъ условіяхъ принять только, исходя изъ Листовской идеи національнаго хозяйственнаго организма. Оппонентъ также не считаетъ послѣдовательнымъ отрицательное отношеніе докладчика къ аграрному протекціонизму.

Л. Б. Кафенгаузъ соглашается съ теоретической постановкой вопроса о протекціонизмѣ у докладчика. Онъ соглашается также съ посылками докладчика, состоящими въ томъ, что въ народномъ хозяйствѣ имѣются наличные неиспользованные или недостаточно использованные капиталы, которые могутъ и должны быть направлены въ тѣ отрасли, развивать которыя мы считаемъ необходимымъ. Однако оппонентъ не можетъ согласиться съ выводами докладчика, требующими всеобщаго протекціонизма. Исходя изъ посылокъ докладчика, можно сдѣлать только тотъ выводъ, что вообще необходимо вмѣшательство въ экономическую жизнь, но это вмѣшательство не всегда и не вездѣ должно выражаться въ формѣ промышленнаго протекціонизма. Оппонентъ считаетъ непослѣдовательнымъ принципіальное отрицательное отношеніе докладчика къ аграрному протекціонизму. Мнѣніе докладчика, что послѣдній сокращаетъ емкость страны по отношенію къ насе-

Digitized by Google

ленію кажется ему недоказаннымъ. Ссылка докладчика на Вагнера въ данномъ случаѣ врядъ ли состоятельна, такъ какъ, по мнѣнію Вагнера, аграрный протекціонизмъ долженъ способствовать сокращенію только индустріальнаго, но не всего населенія.

Н. Н. Шапошниковъ, отвѣчая своимъ оппонентамъ, указалъ на то, что въ докладѣ на такую широкую тему поневолѣ пришлось нѣкоторые важные вопросы или затронуть вскользь или даже совершенно обойти молчаніемъ. Поэтому нѣкоторыя изъ возраженій — результатъ недоразумѣнія, которое, можетъ быть, разсѣется по выходѣ въ свѣтъ изслѣдованія докладчика, посвященнаго теоріи международной торговли. Главной задачей доклада являлось показать, что протекціонизмъ вопреки мнѣнію большинства теоретиковъ международной торговли можетъ являться условіемъ увеличенія общихъ размѣровъ народнаго производства, и тѣ теоретическіе аргументы, которые были выставлены въ пользу этого утвержденія докладчикомъ, почти не вызвали возраженій со стороны оппонентовъ. Указаніе С. Н. Прокоповича на то, что въ Россіи, несмотря на усиленное покровительство, притокъ иностраннаго капитала невеликъ, не является возраженіемъ докладчику, такъ какъ онъ совершенно не думаетъ утверждать, чтобы протекціонизмъ всегда и вездѣ вызывалъ усиленный приливъ капитала. Методологически неправильнымъ представляется указаніе С. Н. Прокоповича на то, что докладчикъ не имѣлъ права основывать свои выводы на абстрактно-дедуктивномъ анализѣ. Главной задачей доклада являлась критика абстрактной теоріи свободной торговли, а абстрактные аргументы необходимо опровергать аргументами такого же порядка. Что касается аграрнаго протекціонизма, то докладчикъ, развивая свою точку зрѣнія, указалъ на то, что утвержденіе о томъ, что аграрный протекціонизмъ понижаетъ емкость страны относительно населенія, является логически необходимымъ выводомъ изъ закона убывающаго плодородія. Паденіе производительности труда въ земледѣліи заставляетъ страну, въ которой населеніе достигло извѣстныхъ предѣловъ, ввозить дешевый хлѣбъ изъ-за границы, а потому все то, что лишаетъ страну этой возможности, въ частности и аграрный протекціонизмъ, поскольку онъ достигаетъ своей цѣли, уменьшаетъ размѣры того населенія, которое могло бы существовать въ странѣ при свободномъ ввозѣ хлѣба и вывозѣ фабрикатовъ. Что касается указанія Л. Н. Юровскаго на то, что въ докладѣ опущенъ анализъ принципа сравнительныхъ издержекъ Торренса-Рикардо, то это сдѣлано вполнѣ сознательно, такъ какъ, по мнѣнію докладчика, этотъ вопросъ никакого непосредственнаго отношенія къ темѣ доклада не имѣетъ.

Журналъ Общаго Собранія Общества имени А. И. Чупрова

Засѣданіе 22 января 1915 г.

Предсѣдательствовалъ **Н. А. Каблуковъ.**

Присутствовало 15 членовъ Общества.

Заслушанъ докладъ **В. О. Тотоміанца** «Объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій».

Digitized by Google

Тезисы къ докладу:

1. Вопросъ о формахъ вознагражденія труда пріобрѣтаетъ съ развитіемъ капитализма все большее и большее значеніе. Современныя капиталистическія формы вознагражденія рабочихъ мало удовлетворяютъ какъ требованіямъ справедливости, такъ и производительности труда.

2. Поэтому нынѣ слѣдуетъ выдвинуть новую систему заработной платы, т.-е. участіе рабочихъ и служащихъ въ прибыли предпріятій, а также копартнершипъ, т.-е. участіе рабочихъ не только въ прибыли, но и въ убыткахъ, во владѣніи и завѣдываніи предпріятіемъ, что является уже новой формой предпріятія.

3. Зародыши системы участія въ прибыли и копартнершипа слѣдуетъ искать въ отдаленномъ прошломъ, а также въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ странъ, гдѣ сохранилось половничество и участіе въ продуктѣ или прибыли рыбной ловли. Половничество и участіе въ продуктѣ и до сихъ поръ являются жизненными формами и выдерживаютъ конкуренцію съ капиталистическими формами вознагражденія труда.

5. Въ настоящее время участіе въ прибыли и копартнершипъ находятъ хотя и не особенно частое, но тѣмъ не менѣе удачное примѣненіе какъ въ крупной, такъ и мелкой промышленности Англіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Чаще всего наблюдаются примѣры простого участія въ прибыли, затѣмъ переходныя формы отъ участія въ прибыли къ копартнершипу и наконецъ копартнершипъ, который обыкновенно совпадаетъ съ полной производительной кооперацією.

6. Въ деталяхъ можно намѣтить слѣдующіе типы участія въ прибыли и копартнершипа: во-первыхъ, участіе съ опредѣленной суммой, когда фирма точно опредѣляетъ и впередъ оглашаетъ процентъ прибыли, полагающійся служебному персоналу; во-вторыхъ, участіе безъ опредѣленія суммы, когда хозяинъ, не оповѣщая предварительно служащихъ, удѣляетъ имъ постоянный или мѣняющійся процентъ прибыли. По способу употребленія доли участія въ прибыли или бонусовъ можно различить два типа: участіе индивидуальное и участіе коллективное, при чемъ во второмъ случаѣ рабочіе пользуются бонусомъ не индивидуально, а онъ идетъ на общеполезныя учрежденія, т.-е. въ страховой и пенсіонный фонды, на общество взаимопомощи, на дома для рабочихъ, школы и т. д.

7. Въ кооперативныхъ предпріятіяхъ участіе въ прибыли не менѣе необходимо, чѣмъ въ частныхъ, ибо въ послѣднее время конфликты съ рабочими и служащими появились и въ нихъ. Кромѣ того, производительная кооперація можетъ освободиться отъ своихъ недостатковъ (эксплуатація наемнаго труда) только введеніемъ участія въ прибыли.

8. Системы участія въ прибыли и копартнершипа нуждаются для своего распространенія въ энергичной пропагандѣ. До сихъ поръ, вслѣдствіе малой освѣдомленности, какъ предприниматели, такъ и рабочіе не отрѣшились по отношенію къ нимъ отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Залогомъ скораго распространенія системъ является серьезный интересъ, проявленный въ самое послѣднее время къ копартнершипу французскимъ законодательствомъ.

9. Отношеніе къ участію въ прибыли и копартнершипу представителей экономической науки въ общемъ благопріятно. Участіе въ прибыли, впервые рекомендованное знаменитымъ Сисмонди, было затѣмъ обосновано Ч. Бэббэджемъ, Д. С. Миллемъ, М. Шевалье, Торнтономъ, Стэнлей Джевонсомъ и т. д.

Digitized by Google

10. Участіе въ прибыли является формой заработной платы, а копартнершипъ новой формой предпріятія. Поэтому ихъ цѣнность не одинакова: въ то время какъ участіе въ прибыли является только средствомъ установить мирныя отношенія между предпринимателемъ и рабочими, копартнершипъ — средство перехода отъ капиталистической промышленности къ кооперативной. Обѣ системы, не будучи въ состояніи однѣ рѣшить соціальный вопросъ въ его сложной совокупности, тѣмъ не менѣе могутъ поднять производительность труда, ничуть не притѣсняя его, и содѣйствовать установленію соціальнаго мира.

Послѣ доклада послѣдовали пренія, въ которыхъ приняли участіе **П. П. Масловъ, г. Іоксимовичъ** (гость съ разрѣшенія предсѣдателя), **А. А. Барановъ, С. П. Тюринъ, Д. Н. Иванцовъ, Н. М. Лукинъ** и проф. **Н. А. Каблуковъ.**

П. П. Масловъ: существуетъ два вида утопій: утопіи перестройки общественнаго строя и утопіи увѣковѣченія существующаго строя. Надежды на участіе рабочихъ въ прибыляхъ являются утопіями второго рода. Для того, чтобы опредѣлить значеніе участія рабочихъ въ прибыляхъ, нужно наблюдать процессъ развитія народнаго хозяйства. Это наблюденіе приводитъ къ выводу, что по мѣрѣ развитія капитализма все большая и большая доля національнаго производства переходитъ въ видѣ процента на капиталъ и относительно меньшая въ видѣ заработной платы и прибыли. Иначе говоря, самая возможность полученія рабочими доли изъ прибыли въ процессѣ хозяйственнаго развитія сокращается. Такимъ образомъ этотъ процессъ хозяйственнаго развитія не ведетъ къ примиренію противорѣчія интересовъ труда и капитала. Причисливши половничество къ формамъ участія въ прибыляхъ предпріятія, референтъ тѣмъ самымъ показалъ, что эта форма заработной платы появляется и исчезаетъ тамъ, гдѣ это выгодно для предпринимателя. Но выгодно ли предпринимателямъ въ широкихъ размѣрахъ участіе рабочихъ въ прибыляхъ?

Г. Іоксимовичъ указалъ на то, что участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія выстрѣчается и въ русскихъ фирмахъ (Т-во Четверикова, С. Морозова, В. Морозова, П. Митрофанова и т. д.). Всѣ эти фирмы, особенно первая, получаютъ весьма высокую прибыль (до 50%); въ нихъ почти не бываетъ забастовокъ и заработная плата рабочихъ стоитъ на высокомъ уровнѣ. Отсюда вытекаетъ, насколько участіе въ прибыляхъ является желательнымъ явленіемъ. Было бы хорошо, если бы докладчикъ иллюстрировалъ свой докладъ примѣрами изъ русской жизни.

А. А. Барановъ считаетъ, что система участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія съ успѣхомъ можетъ быть введена тамъ, гдѣ размѣръ прибыли колеблется сравнительно мало. Послѣднее стоитъ въ связи съ медленными колебаніями цѣнъ продукта. Система съ трудомъ удерживается тамъ, гдѣ этихъ условій не существуетъ.

С. П. Тюринъ указываетъ на рядъ преувеличеній въ докладѣ, которыя вообще свойственны носителямъ новой идеи. Докладчикъ преувеличиваетъ значеніе копартнершипа въ области повышенія производительности труда, въ особенности теперь, когда система Тэйлора въ этомъ направленіи достигаетъ большихъ результатовъ. Роль системы копартнершипа въ вопросѣ повышенія благосостоянія рабочихъ и упроченія ихъ организацій станетъ очевидной, если ея введеніе зачастую ставится въ связь съ неучастіемъ въ профессіональныхъ организаціяхъ. Докладчикъ недостаточно учелъ положеніе

Digitized by Google

Бемерта о томъ, что копартнершипъ можетъ развиваться въ томъ лишь случаѣ, если система не противорѣчитъ природѣ предпріятія. А. Исаевымъ еще въ 1899 г. и П. П. Масловымъ теперь данный вопросъ былъ поставленъ въ плоскость соотношенія основного и оборотнаго капитала. И безусловно именно въ этой плоскости вопросъ и долженъ разсматриваться.

Д. Н. Иванцовъ несогласенъ съ теоретической стороной доклада, въ которомъ не проведена опредѣленная грань между копартнершипомъ и простымъ участіемъ въ прибыляхъ. Фактическій матеріалъ, приведенный докладчикомъ, не способствуетъ выясненію теоретической стороны вопроса. Оппонентъ полагаетъ, что во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія утверждать о какомъ-либо сродствѣ между половничествомъ и копартнершипомъ. Тутъ и тамъ совершенно разный строй отношеній. Затѣмъ докладчикъ не опровергъ одного очень серьезнаго возраженія противъ системы участія въ прибыляхъ вообще — это ея свойства отрицательно вліять на солидарность рабочихъ и на ихъ участіе въ профессіональныхъ организаціяхъ.

Н. М. Лукинъ считаетъ систему участія въ прибыляхъ выгодной только для предпринимателей. Участіе такихъ заинтересованныхъ рабочихъ во всякаго рода коллективныхъ выступленіяхъ становится невозможнымъ (Юго-Восточная Газовая Компанія Лондона).

Н. А. Каблуковъ находитъ, что участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія можетъ, конечно, вести къ сокращенію стачекъ въ данномъ предпріятіи . Но врядъ ли изъ этого можно вывести, что здѣсь выигрываютъ интересы рабочихъ, какъ цѣлаго класса. Наоборотъ, въ этомъ случаѣ наблюдается расколъ рабочихъ на два класса съ различными интересами.

Въ отвѣтъ на сдѣланныя возраженія д о к л а д ч и к ъ привелъ слѣдующее, Прежде всего онъ считаетъ нужнымъ благодарить оппонентовъ за указанные ими пробѣлы. Многія возраженія покоются однако просто на недоразумѣніяхъ. Прежде всего рядъ соціалистовъ и соціалистически настроенныхъ группъ съ большими или меньшими ограниченіями высказывалъ сочувствіе системѣ (Жоресъ, Фурньеръ, Th. Bird, уставы отдѣльныхъ трэдъ-юніоновъ, съѣзды французскихъ горнорабочихъ и т. д.). Затѣмъ, если система копартнершипа и повышаетъ интенсивность труда рабочаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эксплуатацію его, то вѣдь здѣсь въ противоположность системѣ Тэйлора все же имѣется въ виду длительность труда рабочаго. Повышеніе доли прибыли, приходящейся на капиталъ, въ значительной степени объясняется ростомъ trust'овъ. Система копартнершипа, конечно, не разсчитана на одно только доброжелательство предпринимателей, но и на ея выгодность для нихъ; но въ то же время она какъ бы упраздняетъ капитализмъ, ставя вмѣсто него систему кооперації. То, что система какъ бы разслояетъ рабочій классъ на два класса, конечно, вѣрно; не происходитъ ли такого разслоенія и совсѣмъ по инымъ причинамъ? Не слѣдуетъ ли признать участниковъ трэдъ-юніоновъ избранной и привиллегированной частью всѣхъ рабочихъ? Наоборотъ, система копартнершипа имѣетъ въ виду не избранную часть рабочаго класса а среднюю. Пунктъ въ уставѣ Юго-Западной Газовой Компаніи въ Лондонѣ, требующій отказа рабочаго отъ участія въ стачкахъ, нынѣ вычеркнутъ. Громадный плюсъ системы — это внесеніе элемента коллективизма въ направленіе самого предпріятія.

По окончаніи преній предсѣдатель предложилъ присутствующимъ выразить благодарность докладчику за сдѣланное имъ сообщеніе, что и было единогласно принято.

Предсѣдатель **Н. Каблуковъ.**
Секретарь **Н. Пѣтуховъ.**

Digitized by Google

Засѣданіе 29 января 1915 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ профессора **Н. А. Каблукова** при секретарѣ **Л. Б. Кафенгаузъ.** Присутствовало 16 членовъ Общества.

Заслушанъ былъ докладъ **И. А. Поплавскаго** «Желѣзнодорожный налогъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ Россіи въ 1914—1915 г.».

Содержаніе доклада:

1. Исторія желѣзнодорожнаго налога. Желѣзнодорожный налогъ во Франціи, Австріи, Бельгіи и Италіи. Государственный сборъ съ пассажировъ, багажа и грузовъ пассажирской скорости въ Россіи, его исторія со времени возникновенія (1879) до нашихъ дней. Различные проекты желѣзнодорожнаго налога, дѣйствующій налогъ и его критическая оцѣнка. Условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Отношеніе торгово-промышленнаго класса къ желѣзнодорожному налогу и пересмотру желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

2. Экономическая природа желѣзнодорожнаго тарифа. Особый характеръ монополіи желѣзнодорожныхъ предпріятій и цѣны желѣзнодорожнаго транспорта. Принципы построенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Насколько желѣзнодорожные тарифы могутъ служить подходящимъ объектомъ для обложенія.

Въ возникшихъ послѣ доклада преніяхъ приняли участіе **Н. А. Куровъ, А. А. Соколовъ, Л. Г. Гордонъ, М. И. Богдановъ, Л. Б. Кафенгаузъ,** г. **Кусовковъ,** проф. **П. П. Гензель** и г. **В. Германовичъ** (гость съ разрѣшенія предсѣдателя).

Н. А. Куровъ указалъ на то, что новый желѣзнодорожный налогъ не согласованъ съ таможенной политикой Финляндіи. На финляндскія желѣзныя дороги налогъ не распространяется, и финляндскія фабрики, которыя не платятъ налога съ необходимыхъ для ихъ производства грузовъ, оказались въ привилегированномъ положеніи по отношенію къ однороднымъ фабрикантамъ внутренней Россіи.

Проектируемое вмѣсто налога повышеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ дастъ дорогамъ добавочный доходъ, вѣроятно, въ размѣрѣ вновь введеннаго налога, но такъ какъ часть дорогъ принадлежитъ частныхъ предпріятіямъ, то значительная часть налога попадетъ не въ кассу казны, а въ кассы акціонеровъ частныхъ дорогъ.

А. А. Соколовъ указывалъ на то, что къ вопросу о пересмотрѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ слѣдуетъ относиться съ очень большой осторожностью, такъ какъ повышеніе тарифовъ исключительно въ фискальныхъ цѣляхъ является совершенно нежелательнымъ. Необходимо принять во вниманіе, что наши желѣзныя дороги и теперь отнюдь не столь мало рентабельны, какъ это иногда думаютъ. Тутъ нужно принять во вниманіе, что часть капиталовъ, затраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, взята изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и, слѣдовательно, не вызываетъ никакихъ прямыхъ платежей со стороны казны. Далѣе, наши дороги оказываютъ государству различныя услуги и наконецъ на нихъ тяжелымъ бременемъ ложатся стратегическія линіи.

Л. Г. Гордонъ. При выборѣ между военнымъ налогомъ и пересмотромъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ слѣдуетъ высказаться въ пользу послѣдняго,

Digitized by Google

такъ какъ при пересмотрѣ тарифовъ удастся во всякомъ случаѣ достигнуть большей гибкости повышенія провозной платы въ зависимости отъ рода грузовъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить закончившійся на-дняхъ пересмотръ тарифовъ на хлѣбные грузы, при которомъ на нѣкоторые грузы тарифы во внутреннемъ сообщеніи совершенно не были повышены, а на другіе — повышены въ размѣрѣ болѣе низкомъ, чѣмъ налогъ. Предложенная докладчикомъ исправленная схема военнаго налога, представляющая смѣшанную форму попуднаго и пропорціональнаго сбора, едва ли можетъ быть приспособлена къ торговопромышленнымъ нуждамъ страны.

Въ пользу повышенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ можно указать на увеличившуюся за послѣдніе годы платежеспособность многихъ грузовъ вслѣдствіе роста цѣнъ — такъ, напримѣръ, за послѣднее десятилѣтіе возросли цѣны почти на всѣ хлѣбные грузы. Наконецъ для нѣкотораго повышенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ можно найти оправданіе въ возросшихъ эксплоатаціонныхъ расходахъ дорогъ.

М. И. Богдановъ. Желѣзнодорожный налогъ, который въ нормальное время непріемлемъ по общимъ соображеніямъ, въ настоящее исключительное время имѣетъ одно громадное преимущество передъ другими налогами: онъ почти не вызываетъ расходовъ по его взиманію. Налогъ долженъ быть согласованъ со стоимостью перевозокъ. Схема докладчика слишкомъ теоретична и не имѣетъ реальнаго значенія, такъ какъ даетъ всего 45 милл. рублей вмѣсто необходимыхъ 250 милл. рублей.

Л. Б. Кафенгаузъ, считая желѣзнодорожный налогъ не раціональнымъ, высказался также и противъ пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ съ фискальной цѣлью по соображеніямъ конституціонно-правового характера. Пересмотръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ не подлежитъ у насъ вѣдѣнію законодательныхъ палатъ, а такъ какъ ни одинъ новый налогъ не можетъ быть принятъ по нашимъ Основнымъ Законамъ помимо Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, то повышеніе тарифа съ явно фискальной цѣлью не должно быть допущено.

г. **Кузовковъ** указалъ, что налогъ на хлѣбные грузы ляжетъ на неимущіе классы населенія городскихъ центровъ, промышленныхъ районовъ и областей, постигнутыхъ неурожаемъ. Съ другой стороны, казна получитъ только часть того, что заплатитъ населеніе, другую же часть налога получатъ землевладѣльцы тѣхъ районовъ, откуда хлѣбъ сбывается гужомъ.

Проф. **П. П. Гензель** указалъ, что пересмотръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ нельзя производить въ такое исключительное время, такъ какъ все равно тарифъ придется пересмотрѣть послѣ окончанія войны. Нельзя требовать, чтобы тарифы проходили черезъ представительныя палаты, такъ какъ въ виду сложности и громоздкости ихъ они во всѣхъ странахъ подчиняются вѣдѣнію административныхъ органовъ. Хотя введенный желѣзнодорожный налогъ и нераціоналенъ, но при реформированіи его онъ кое-что можетъ дать

г. **В. Германовичъ** отмѣтилъ, что главные недостатки желѣзнодорожнаго налога уже устранены, такъ какъ по новому разъясненію налогъ не можетъ превышать 50% провозной платы; вмѣстѣ съ тѣмъ и нельзя ожидать отъ него тѣхъ большихъ суммъ, какія прежде предполагались.

Предсѣдатель собранія проф. **Н. А. Каблуковъ,** закрывая засѣданіе, остановился на теоретической части прочитаннаго доклада и отмѣтилъ научную цѣнность тѣхъ идей о природѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которыя развивалъ докладчикъ.

Digitized by Google

Журналъ Годичнаго Общаго Собранія Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ

Засѣданіе 24 февраля 1915 г.

Предсѣдательствовалъ: **П. А. Каблуковъ.**

Присутствовало: 48 членовъ.

1. Докладъ **А. К. Виттъ:** «Измѣненія въ прядильно-ткацкомъ производствѣ центральнаго района Россіи въ связи съ войной и прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ».

Послѣ доклада послѣдовали пренія, въ которыхъ приняли участіе: А. А. Барановъ, А. М. Арцимовичъ, Н. А. Каблуковъ, В. А. Голгоѳскій, П. Н. Колокольниковъ и Ф. М. Кубацкій (гость — съ разрѣшенія предсѣдателя).

А. А. Барановъ указалъ на необходимость большей дифференціаціи въ выводахъ доклада. Слѣдовало бы отдѣльно разсмотрѣть положеніе мужчинъ и женщинъ въ прядильномъ и ткацкомъ производствахъ. Тогда бы, напримѣръ, оказалось, что % замѣщенія мужского труда женскимъ не былъ бы столь высокъ въ прядильномъ производствѣ. Необходимо также проводить различіе между ватками и мюлями. Паденіе производительности труда крупнѣе тамъ, гдѣ преобладаютъ мюльныя машины. Пудономеръ не есть точный критерій для опредѣленія интенсивности труда — соотношеніе между ними гораздо сложнѣе. Наконецъ неправильно положеніе докладчика, что отъ ткача требуется больше опытности, чѣмъ отъ прядильщика. Хорошій прядильщикъ на мюлѣ вырабатывается въ 12 лѣтъ.

А. М. Арцимовичъ спрашиваетъ докладчика, на основаніи какихъ данныхъ выводилась имъ средняя оплата рабочаго. Принимались ли во вниманіе сверхурочные часы, случаи сдѣльной платы и т. д. Какимъ образомъ могло получиться, наконецъ, что при пониженіи качества труда повысилась оплата рабочаго часа?

Проф. **П. А. Каблуковъ** задаетъ вопросъ, было ли при вычисленіи средней оплаты рабочаго въ разные періоды принято во вниманіе, насколько устойчивымъ оставалось соотношеніе женщинъ, дѣтей и взрослыхъ рабочихъ среди рабочихъ группъ въ эти періоды?

Въ отвѣтъ на поставленный оппонентомъ вопросъ **докладчикъ** отвѣтилъ, что соотношеніе женщинъ, мужчинъ и дѣтей, конечно, мѣнялось за сравниваемые періоды, но это измѣненіе еще болѣе подчеркиваетъ происшедшее повышеніе средней стоимости рабочаго часа. Что же касается до формъ оплаты, то въ пряденіи — не на подготовительныхъ стадіяхъ — сдѣльная плата всегда имѣетъ мѣсто. Сверхурочныхъ работъ по тонкому пряденію въ 1914 г. вовсе не было.

В. А. Голгоѳскій: докладчикъ утверждаетъ, что производительность повысилась за это время, но не играетъ ли здѣсь роль измѣненіе въ характерѣ и сортѣ вырабатываемой пряжи? Вопросъ соизмѣренія труда, необходимаго для выдѣлки различныхъ сортовъ пряжи (напримѣръ: медіо, утка и т. д.), несомнѣнно весьма сложенъ. Обычно приходится пользоваться расцѣнками фабрикъ, какъ эмпирическими и болѣе или менѣе приблизительными выразителями этихъ соотношеній.

Digitized by Google

П. Н. Колокольниковъ ставитъ докладчику вопросъ, имѣются ли данныя, что за изслѣдуемый періодъ не измѣнялись расцѣнки.

Ф. М. Кубацкій сообщаетъ, что изслѣдованіе въ той же области, которое производилось имъ, привело его къ совершенно другимъ выводамъ; между тѣмъ это изслѣдованіе охватывало область производства съ числомъ рабочихъ, вдвое большимъ, чѣмъ у докладчика. Такъ для оппонента ясно, что сокращеніе часовъ въ хлопчатобумажной промышленности есть несомнѣнный фактъ.

Въ отвѣтъ на сдѣланныя ему возраженія, **докладчикъ** прежде всего остановился на техническихъ особенностяхъ отдѣльныхъ стадій производства, которыя различно отражаются на положеніи и оплатѣ отдѣльныхъ группъ рабочихъ и о которыхъ говорилъ первый оппонентъ. Условность пудономера, какъ критерій, должна быть признана; пудономеръ носитъ скорѣе контролирующій характеръ. И тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что выработка повысилась. Измѣненія въ расцѣнкахъ на фабрикахъ имѣли мѣсто за изслѣдуемый періодъ (на 5%, на 10%), но всѣ эти измѣненія были приняты во вниманіе при разсчетахъ и повышеніе заработной платы было учтено путемъ приведенія ея къ первоначальной. Что же касается до разницы въ выводахъ, полученной послѣднимъ оппонентомъ при обслѣдованіи болѣе широкой области производства, то причина установленнаго имъ сокращенія рабочихъ часовъ кроется въ томъ, что оппонентъ въ противоположность докладчику къ изслѣдуемымъ имъ прядильному и ткацкому производствамъ присоединялъ и ситценабивное, въ которомъ паденіе производства оказалось особенно рѣзко.

По окончаніи преній Предсѣдатель предложилъ благодарить докладчика за его интересное сообщеніе.

2. Заслушано предложеніе Предсѣдателя привѣтствовать **П. П. Гензеля** по случаю его возвращенія изъ плѣна.

Собраніе привѣтствовало **П. П. Гензеля.**

3. Заслушано предложеніе Совѣта Общества послать привѣтственную телеграмму **М. М. Ковалевскому** по случаю его освобожденія изъ плѣна и возвращенія на родину.

Постановлено поручить Предсѣдателю составить телеграмму и послать ее **М. М. Ковалевскому.**

4. Заслушанъ Отчетъ Совѣта о дѣятельности О-ва съ 24 февраля 1914 г. по 24 февраля 1915 года.

Постановлено утвердить, внеся въ него указаніе о томъ, что анкета о доходахъ и расходахъ служащихъ и рабочихъ въ Москвѣ въ 1914 г. предпринята Комиссіей по изученію вліянія войны совмѣстно съ постоянной Комиссіей при Музеѣ содѣйствія труду.

5. Доложенъ Денежный отчетъ Совѣта за 1914 г. съ заключеніемъ Ревизіонной Комиссіи.

Постановлено утвердить.

6. Доложена смѣта на 1915 г. въ размѣрѣ 2.350 руб.

Постановлено утвердить.

7. Заслушано предложеніе Совѣта возбудить ходатайство отъ имени

Постановлено принять предложеніе Совѣта.

Digitized by Google

Общаго Собранія передъ Правленіемъ университета объ отведеніи помѣщенія для библіотеки О-ва.

8. Выборы Президіума Общества на 4-й годъ его существованія. (По 24 февраля 1916 г.).

По установившемуся обычаю выборы происходили путемъ подачи записокъ, при чемъ избранные абсолютнымъ большинствомъ баллотировкѣ шарами не подвергались. Избранными оказались:

Предсѣдатель: **Н. А. Каблуковъ.**
Тов. Предсѣд.: **В. Я. Желѣзновъ.**
Члены Совѣта: **А. А. Мануиловъ.**, **А. А. Чупровъ.**, **В. И. Анисимовъ.**, **М. Д. Загряцковъ.**, **Н. Н. Шапошниковъ.**
Казначей: **П. П. Гензель.**
Секретарь: **Н. Г. Пѣтуховъ.**
Тов. Секретаря: **Л. Н. Литошенко.**, **Л. Б. Кафенгаузъ.**
Библіотекарь: **П. А. Свавицкій.**

Такъ какъ при избраніи второго Товарища Предсѣдателя ни у кого изъ кандидатовъ абсолютнаго большинства не оказалось, было приступлено къ баллотировкѣ шарами: первый кандидатъ **С. Н. Булгаковъ** не получилъ большинства. Въ силу этого баллотировался второй кандидатъ **П. П. Масловъ,** который большинствомъ 21 голоса противъ 5 и былъ избранъ вторымъ Товарищемъ Предсѣдателя О-ва.

Затѣмъ происходили выборы Ревизіонной комиссіи. Избранными оказались: **В. А. Перелешинъ, И. Г. Коганъ, В. С. Малченко, П. А. Бурышкинъ.**

За отсутствіемъ абсолютнаго большинства у остальныхъ кандидатовъ было приступлено къ баллотировкѣ шарами. Оказался избраннымъ: **П. Н. Колокольниковъ.**

Предсѣдатель О-ва: **Н. А. Каблуковъ.**
Секретарь О-ва: **Н. Г. Пѣтуховъ.**

Отчетъ Совѣта Общества имени А. И. Чупрова

за отчетный годъ съ 24 февраля 1914 г. по 24 февраля 1915 г.

(Докладъ Секретаря Общества годичному Общему собранію 24 февраля 1915 г.)

Съ 24 февраля 1915 г. Общество имени Александра Ивановича **Чупрова** для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ заканчиваетъ 3-ю и вступаетъ въ 4-ю годовщину своего существованія. Въ этотъ день, согласно Уставу Общества, его Совѣтъ имѣетъ честь предложить вниманію гг. членовъ нижеслѣдующія данныя о жизни и дѣятельности Общества за истекшій годъ.

Digitized by Google

Открытое въ концѣ 1911 г. Общество имени Александра Ивановича **Чупрова** въ годичномъ засѣданіи своемъ 24 февраля 1912 г. постановило образовать Отдѣленія Теоретической Экономіи, Статистики и Соціальной Исторіи. Въ 1913 г. на чрезвычайномъ собраніи 1-го марта было рѣшено открыть Отдѣленіе Соціальной Политики. Всѣ эти Отдѣленія продолжаютъ существовать и работать въ настоящее время. За отчетный годъ при означенныхъ Отдѣленіяхъ былъ образованъ рядъ комиссій для изученія отдѣльныхъ вопросовъ. Такъ при Статистическомъ Отдѣленіи были образованы Комиссіи по текущей статистикѣ урожаевъ, страховой, школьной и городской статистикѣ и продолжала свое существованіе Комиссія по вопросамъ земской статистики. При Отдѣленіи Соціальной Политики существуетъ особая Комиссія по организаціи работъ Отдѣленія и выработкѣ плана журнала, посвященнаго интересамъ и нуждамъ третьяго элемента.

Охватившая Россію война не могла не привлечь къ себѣ вниманія Общества имени Александра Ивановича **Чупрова.** Общество въ засѣданіи своемъ 8 сентября 1914 г. постановило — съ одной стороны по предложенію профессора **В. Я. Желѣзнова** образовать особую Комиссію для выработки основаній предстоящей финансовой реформы въ Россіи и условій проведенія ея въ жизнь (Финансовую Комиссію Общества), съ другой — по предложенію Библіотекаря Общества и Секретаря Статистическаго Отдѣленія **Н. А. Свавицкаго** — Комиссію для изученія вліянія текущей войны на русское народное хозяйство. О работахъ этихъ комиссій будетъ сказано ниже. Здѣсь надо только добавить, что Комиссія для выработки основаній предстоящей финансовой реформы въ Россіи и условій проведенія ея въ жизнь въ свою очередь образовала рядъ подкомиссій, а именно:

1) Подкомиссію прямыхъ налоговъ.

2) Подкомиссію по изученію вліянія отмѣны продажи спиртныхъ напитковъ на различныя стороны хозяйственной жизни.

3) Подкомиссію кредитную (для изученія вопросовъ государственнаго кредита и денежнаго обращенія).

4) Подкомиссію по изученію нашихъ мѣстныхъ налоговъ.

При Комиссіи для изученія вліянія текущей войны на русское народное хозяйство образовалась особая Подкомиссія по изученію вліянія войны на положеніе труда.

Движеніе личнаго состава Общества за отчетный годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Къ 24 февраля 1915 г. Общество имѣло 452 члена (къ 24 февраля 1914 г.— 420). Сверхъ того за истекшій годъ изъ состава Общества выбылъ павшій въ бою членъ Общества Андрей Михайловичъ **Рыкачевъ,** память котораго была почтена въ засѣданіи Общества 15 января 1915 г.

Членами Общества состоятъ 417 мужчинъ и 35 женщинъ. Изъ этого 240 живутъ въ Москвѣ, 11 въ ея пригородныхъ мѣстностяхъ и 173 (въ прошломъ году 175) въ другихъ городахъ Россіи. Члены Общества, числившіеся въ прошломъ году за границей, нынѣ находятся въ предѣлахъ Россіи. Здѣсь нужно оговориться, что въ этомъ году секретаріату Общества было труднѣе чѣмъ когда-либо установить точное мѣстожительство членовъ Общества. Несомнѣнно одно, что, поскольку можно судить по возвращавшимся повѣсткамъ, многіе члены Общества нынѣ находятся въ рядахъ дѣйствующей арміи.

Число членовъ въ Отдѣленіяхъ Общества выражается къ 24 февраля 1915 г. въ слѣдующихъ цифрахъ:

Digitized by Google

Отдѣленіе Теоретической Экономіи	82 члена	(82 въ 1914 г.)
Отдѣленіе Статистики	221 »	(221 » 1914 г.)
Отдѣленіе Соціальной Исторіи	74 »	(68 » 1914 г.)
Отдѣленіе Соціальной Политики	48 »	(42 » 1914 г.)

Составъ должностныхъ лицъ Общества имени Александра Ивановича **Чупрова,** въ значительной степени лишь переизбранный въ засѣданіи 24 февраля 1914 г., остался къ 24 февралю 1915 г. въ томъ же видѣ. Въ настоящую минуту состоятъ:

Предсѣдателемъ: **Н. А. Каблуковъ.**

Тов. Предсѣдателя: **В. Я. Желѣзновъ.**, **С. Н. Булгаковъ.**

Членами Совѣта: **А. А. Мануиловъ.**, **А. А. Чупровъ.**, **В. И. Анисимовъ.**, **М. Д. Загряцковъ**, и вновь избранный въ прошломъ году **Н. Н. Шапошниковъ.**

Казначеемъ: **П. П. Гензель.**

Секретаремъ: **Н. Г. Пѣтуховъ.**

Тов. Секретаря: **Л. Н. Литошенко.**, **Л. Б. Кафенгаузъ.**

Библіотекарь: **Н. А. Свавицкій.**

Ревизіонная комиссія, переизбранная 24 февраля 1914 г. въ составѣ **В. А. Перелешина, В. С. Малченко, И. Г. Когана, П. А. Бурышкина** и **А. Е. Лосицкаго,** нынѣ сократилась до 4 членовъ за отказомъ **А. Е. Лосицкаго,** вступившаго въ составъ Совѣта Общества, какъ товарищъ предсѣдателя Статистическаго Отдѣленія.

Въ 1914 г. согласно Наказу Отдѣленіямъ были вновь избраны Президіумы 3 Отдѣленій Общества на 2-лѣтній срокъ. Въ настоящее время эти Президіумы, а также Президіумъ Отдѣленія Соціальной Исторіи представляются въ слѣдующемъ составѣ:

Отдѣленіе Теоретической Экономіи.

Предсѣдатель: **А. А. Мануиловъ.**

Тов. Предсѣдателя: **В. Я. Желѣзновъ.**, **Н. Н. Шапошниковъ.**

Секретари: **Л. Б. Кафенгаузъ.**, **З. С. Каценеленбаумъ.**

Отдѣленіе Статистики.

Предсѣдатель: **С. Н. Прокоповичъ.**

Тов. Предсѣдателя: **А. Е. Лосицкій.**, **В. И. Анисимовъ.**

Секретари: **В. В. Дмитріевъ.**, **Н. А. Свавицкій.**

Digitized by Google

Отдѣленіе Соціальной Исторіи.

Предсѣдатель: **Д. М. Петрушевскій.**
Тов. Предсѣд.: **А. А. Кизеветтеръ.**
Секретарь: **А. Д. Удальцовъ.**

Отдѣленіе Соціальной Политики.

Предсѣдатель: **В. Я. Желѣзновъ.**
Тов. Предсѣд. **М. Д. Загряцковъ.**
Секретари: **Н. П. Огановскій,** **С. П. Тюринъ.**

Составъ Президіума въ главныхъ комиссіяхъ Общества къ 24 февраля сего года слѣдующій:

Комиссія по вопросамъ Земской Статистики.

Предсѣдатель: **Н. А. Каблуковъ.**
Тов. Предсѣд.: **В. И. Анисимовъ.** **Н. И. Воробьевъ.**
Секретари: **Н. А. Свавицкій.** **М. И. Богомазовъ.** **С. В. Шольцъ.**

Финансовая Комиссія.

Предсѣдатель: **В. Я. Желѣзновъ.**
Секретари: **А. А. Соколовъ.** **Д. П. Боголѣповъ** (потомъ отказался).

Комиссія по изученію вліянія текущей войны на русское народное хозяйство.

Предсѣдатель: **В. В. Дмитріевъ.**
Тов. Предсѣд.: **А. Е. Лосицкій.** **М. Г. Коганъ.**
Секретарь: **П. Н. Колокольниковъ.**

Дѣятельность Общества имени Александра Ивановича **Чупрова,** какъ и всегда связана прежде всего съ рядомъ засѣданій какъ самого Общества, такъ его Совѣта, Отдѣленій и Комиссій.

Совѣтъ Общества въ отчетномъ году имѣлъ 5 засѣданій: 27-го апрѣля, 30 августа, 21-го октября, 22-го декабря и 24-го февраля.

Общество въ томъ же году имѣло 8 закрытыхъ засѣданій:

1) 10-го марта — докладъ **А. В. Чаянова** «Къ вопросу о теоріи трудового хозяйства».

2) 8-го сентября — посвященное ближайшей дѣятельности Общества въ связи съ войной.

3) 26-го сентября — докладъ **Н. А. Каблукова** «Обще-экономическое и соціальное значеніе системы Тэйлора».

Digitized by Google

4) 13 октября — докладъ **П. П. Маслова** «Заработная плата и организація хозяйства».

5) 15-го января — докладъ **Н. Н. Шапошникова** «О теоретическомъ обоснованіи протекціонизма».

6) 22-го января — докладъ **В. Ѳ. Тотоміанца** «Объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій».

7) 29-го января — докладъ **И. А. Поплавскаго** «Желѣзнодорожный налогъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ 1914—1915 гг.» и, наконецъ, сегодня

8) 24-го февраля — докладъ **А. К. Виттъ** «Измѣненія въ прядильно-ткацкомъ производствѣ Центральнаго района Россіи въ связи съ войной и прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ».

Дѣятельность Отдѣленій и Комиссій въ отчетномъ году носила слѣдующій характеръ.

Въ Отдѣленіи Теоретической Экономіи были прочитаны доклады:

1) 26-го февраля — докладъ **С. А. Первушина** «Теорія кризисовъ Туганъ-Барановскаго».

2) 7-го марта — докладъ **А. А. Рыбникова** «Кустарные промыслы, ихъ формы и условія развитія въ Россіи».

Въ Отдѣленіи Статистики.

1) 4-го марта — докладъ **И. А. Поплавскаго** «Къ вопросу о вліяніи жилищныхъ условій на заболѣваемость и смертность рабочихъ».

2) 8-го ноября — предложеніе **П. П. Колокольникова** — «Объ организаціи работъ по вопросу о вліяніи войны на положеніе труда», и докладъ **А. К. Виттъ** — «Объ организаціи текущей статистики хлопчатобумажной промышленности».

3) 10-го декабря — докладъ **И. А. Поплавскаго** «О товарной желѣзнодорожной статистикѣ».

4) 19-го февраля — предложеніе **П. Н. Колокольникова** — «Объ образованіи Комиссіи для изученія вопроса о дороговизнѣ жизни».

Въ Отдѣленіи Соціальной Исторіи.

1) 14-го марта — докладъ **Р. И. Выдрина** «Національный вопросъ въ исторіи русскаго общественнаго движенія».

2) 2-го февраля — докладъ **С. Б. Веселовскаго** о его книгѣ «Сошное письмо въ Московскомъ Государствѣ».

Въ Отдѣленіи Соціальной Политики.

1) 17-го марта — докладъ **М. Д. Загряцкова** «Третій элементъ и его значеніе въ организаціи земскаго самоуправленія»; сообщеніе **С. П. Тюрина** — «Объ организаціи докладовъ при Отдѣленіи Соціальной Политики» и сообщеніе **Е. В. Виленъ-Горовицъ** «Организація русской секціи Международнаго Союза по законодательной охранѣ труда».

2) 18-го октября — докладъ **Г. П. Брянцева** «Законъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и его проведеніе въ Москвѣ».

Какъ обычно, Комиссіей по вопросамъ земской статистики устраиваются и въ этомъ году засѣданія съ участіемъ провинціальныхъ членовъ. Только

Digitized by Google

въ настоящемъ году въ виду особыхъ и болѣе сложныхъ задачъ, которыя стоятъ передъ мѣстными статистическими учрежденіями въ связи съ войной, засѣданія Комиссіи предположено назначить на Пасхѣ.

Война, какъ уже говорилось, должна была привлечь къ себѣ вниманіе Общества и отразиться на его дѣятельности. Главнымъ образомъ она отразилась въ томъ, что нѣсколько сократилось число засѣданій и докладовъ въ основныхъ организаціяхъ Общества и, наоборотъ, стали устраиваться засѣданія тѣхъ временныхъ комиссій и подкомиссій, которыя возникли вмѣстѣ съ войной и войну и ея вліяніе на жизнь Россіи имѣли своею цѣлью возможно ближе изучить.

Дѣятельность Финансовой Коммиссіи была слѣдующая:

1) 15-го сентября — состоялось засѣданіе, въ которомъ, послѣ выбора президіума, былъ прочитанъ докладъ члена Государственной Думы **А. И. Шингарева** о покрытіи недобора въ Государственномъ бюджетѣ, образовавшагося вслѣдствіе прекращенія продажи питей и сокращенія поступленій по другимъ статьямъ.

2) 25-го сентября — общее съ Комиссіей по изученію вліянія текущей войны на русское народное хозяйство засѣданіе для выработки плана дальнѣйшихъ работъ.

3) (Подкомиссія прямыхъ налоговъ) 28-го сентября — докладъ **А. А. Соколова** «Подоходный налогъ и желательность введенія его въ Россіи».

4) 30-го сентября — докладъ **В. Н. Твердохлѣбова** «Чрезвычайный единовременный поимущественный налогъ».

5) 31-го октября — докладъ **Д. П. Боголѣпова** «Скала прогрессіи и возможный финансовый результатъ подоходнаго налога въ Россіи».

6) 4-го ноября — докладъ **В. В. Лазовскаго** «Постановка деклараціи въ русскомъ проектѣ подоходнаго налога».

7) 21-го ноября — докладъ **Д. В. Кузовкова** «Поземельный налогъ въ Россіи въ связи съ проектомъ подоходнаго налога».

8) 15-го декабря — докладъ **В. Н. Твердохлѣбова** «Прямые реальные налоги въ связи съ проектомъ подоходнаго налога».

9) 27-го декабря — докладъ **М. Н. Соболева** «Перестройка финансовой системы Россіи въ связи съ введеніемъ подоходнаго и поимущественнаго налоговъ».

10) 28-го декабря — доклады **А. А. Соколова** и **Д. П. Боголѣпова** «О подоходномъ налогѣ» и докладъ **Б. Б. Веселовскаго** «Земскіе и городскіе финансы, ихъ современное состояніе и ближайшія мѣры улучшенія ихъ».

На основаніи всѣхъ этихъ докладовъ и преній къ нимъ былъ выработанъ рядъ положеній, относящихся къ реформѣ государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ Россіи.

11) Подкомиссія по мѣстнымъ финансамъ имѣла одно организаціонное засѣданіе въ декабрѣ.

12—18) Подкомиссія по изученію вопроса о вліяніи прекращенія продажи спиртныхъ напитковъ на хозяйство и бытъ населенія имѣла 7 засѣданій, а именно 8, 15, 30 октября, 13 ноября, 12 и 31 декабря 1914 г. и 30 января сего года.

Предсѣдателемъ этой Подкомиссіи состоитъ **В. Я. Желѣзновъ** и секретаремъ — **С. А. Первушинъ.**

Дѣятельность Комиссіи по изученію вліянія текущей войны на русское народное хозяйство была слѣдующей.

Digitized by Google

Комиссія имѣла 15 засѣданій, на которыхъ разсматривались проекты анкетъ о доходахъ и расходахъ служащихъ и рабочихъ въ Москвѣ въ 1914 г. и о вліяніи войны на рабочія организаціи, также проектъ монографическихъ бюджетныхъ изслѣдованій въ Москвѣ. Въ то же время Комиссія производила пробныя обслѣдованія, а въ данное время, съ 9-го февраля, совмѣстно съ постоянной Комиссіей, существующей при Музеѣ содѣйствія труду, организовала общее обслѣдованіе черезъ кооперативы, профессіональныя организаціи г. Москвы и черезъ особыхъ регистраторовъ. Принять участіе въ работахъ изъявили согласіе 35 студентовъ Университета, Коммерческаго института и Городского университета А. Шанявскаго.

Общее число засѣданій Совѣта, Общества, его Отдѣленій, Комиссій и Подкомиссій за истекшій годъ выражается въ цифрѣ 55 (37 въ 1913—1914 г., 44 въ 1912—1913 г.); было сдѣлано всего 32 доклада и сообщеній (37 въ 1913—1914 гг.; 31 въ 1912—1913 гг.).

Въ отчетномъ году библіотека Общества продолжала пополняться. Къ 24 февраля 1915 г. въ ней состояло кромѣ журналовъ 542 отдѣльныхъ томовъ и брошюръ противъ 300 къ прошлому годичному собранію. Циркуляровъ къ членамъ Общества и различнымъ лицамъ и учрежденіямъ съ напоминаніемъ о существованіи библіотеки и съ просьбой присылки въ нее выходящихъ и вышедшихъ изданій въ настоящемъ году не разсылалось. Не было приведено въ исполненіе по недостатку помѣщенія и постановленіе Общества образовать постепенно путемъ покупки и выписки справочно-библіографическій Отдѣлъ библіотеки.

Что касается изданія научныхъ трудовъ своихъ членовъ, Общество имени Александра Ивановича **Чупрова** продолжало въ отчетномъ году попрежнему принимать участіе въ издаваемомъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ». За отчетный годъ въ книжкахъ журнала были помѣщены слѣдующія статьи экономическаго содержанія.

Книга I. — **Р. М. Орженцкій** «Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія».

Книга II. — **С. А. Первушинъ** «Теорія кризисовъ М. И. Туганъ-Барановскаго».

Въ кн. III—IV помѣщана рецензія **В. Ѳ. Тотоміанца** на книгу проф. Левитскаго «Исторія Политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта».

Кромѣ того въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» продолжали печататься протоколы засѣданій Общества и его Отдѣленій Теоретической Экономіи и Соціальной Исторіи. Эти протоколы въ формѣ отдѣльныхъ оттисковъ разсылались всѣмъ членамъ Общества.

Редакторомъ Экономическаго Отдѣла журнала попрежнему состоитъ **А. А. Мануиловъ.**

Въ отчетномъ году появились три номера основаннаго согласно постановленію Чрезвычайнаго Собранія Общества 31 января 1914 г. и издаваемаго при Статическомъ Отдѣленіи журнала «Статистическій Вѣстникъ». Расходы по изданію «Вѣстника» къ 24 февраля 1915 г. достигли 891 руб. 27 коп., приходъ же отъ подписки и временный — отъ поступившихъ пожертвованій — 1578 руб. 41 коп.

Въ концѣ 1913 г. Общество образовало спеціальную комиссію для изслѣдованія вопроса о томъ, можетъ ли быть и что можетъ быть издано изъ оставшихся ненапечатанными сочиненій и замѣтокъ рано скончавшагося

Digitized by Google

экономиста-теоретика **В. К. Дмитріева.** Однако отъ этой мысли Общество должно было отказаться въ виду трудности, какъ писала мать покойнаго на имя предсѣдателя Общества **Н. А. Каблукова,** составить что-либо цѣлое для печати изъ тѣхъ отдѣльныхъ черновыхъ записокъ, которыя остались послѣ покойнаго.

Въ настоящее время Общество имѣетъ въ виду приступить къ изданію трудовъ Финансовой комиссіи — тѣхъ докладовъ, которые были въ ней прочитаны. Подобно прошлому году особымъ изданіемъ печатаются «Труды Комиссіи по вопросамъ земской статистики на масленицѣ 1914 г.». Труды за 1913 г. въ настоящее время наполовину распроданы.

Кромѣ того Общество въ лицѣ своихъ Отдѣленій и Комиссій частью вмѣстѣ съ другими организаціями, частью самостоятельно рѣшила предпринять рядъ анкетъ и обслѣдованій. Такъ Комиссія по изученію вліянія текущей войны на русское народное хозяйство организовала рядъ анкетъ о которыхъ говорилось выше. При Финансовой комиссіи подкомиссія по изученію вопроса о вліяніи прекращенія продажи спиртныхъ напитковъ на хозяйство и бытъ населенія въ засѣданіяхъ своихъ обсуждала вопросъ о постановкѣ изслѣдованій: 1) о вліяніи прекращенія продажи питей на производительность труда рабочихъ (при содѣйствіи Общества Фабрикантовъ и Заводчиковъ и Общества Хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ — получены свѣдѣнія отъ предпріятій съ общимъ числомъ рабочихъ около 200 тыс. человѣкъ), 2) о вліяніи прекращенія продажи питей на горимость деревни (до сихъ поръ получены матеріалы болѣе чѣмъ изъ 30 губерній), 3) о вліяніи прекращенія продажи питей на преступность (обслѣдованіе охватываетъ а) окружные суды Московскаго судебнаго округа, в) волостные суды, с) мировые суды г. Москвы и съѣздъ мировыхъ судей) и 4) изслѣдованіе о потребленіи денатуратовъ (охватывается болѣе 10 губерній различныхъ районовъ Россійской Имперіи). Всѣ собранныя подкомиссіями матеріалы предполагается весной опубликовать. Расходы, связанные со всѣми этими анкетами и обслѣдованіями, нынѣ вносятся въ смѣту Общества и представляются на усмотрѣніе настоящаго Собранія. Несмотря на то, что поступленія въ кассу Общества нѣсколько сократились въ связи съ войной, Совѣтъ Общества все же считалъ бы эти расходы вполнѣ своевременными въ виду того, что многія явленія хозяйственной жизни могутъ быть впервые установлены, многія же глубже и съ новыхъ точекъ зрѣнія изслѣдованы именно въ связи съ хозяйственными потрясеніями, которыя созданы войной.

Изъ дѣятельности Общества за отчетный годъ слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующее. Въ засѣданіи своемъ отъ 8-го сентября Общество единогласно постановило во вниманіе къ заслугамъ **М. М. Ковалевскаго** въ области общественныхъ наукъ ходатайствовать черезъ Императорскую Академію Наукъ передъ Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ о скорѣйшемъ освобожденіи его отъ плѣна и возвращеніи на родину. Затѣмъ Общество телеграммами приняло участіе въ юбилеяхъ Семевскаго и Берви-Флеровскаго. Согласно извѣщенію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества Совѣтъ избралъ для участія въ совѣщаніяхъ Бюро объединенныхъ 6 техническихъ обществъ Москвы 3 членовъ Общества **С. Н. Прокоповича, Л. Б. Кафенгаузъ, С. А. Первушина.** Что касается до изслѣдованій, намѣченныхъ въ прошломъ отчетномъ году, въ области вопросовъ, переданныхъ на разсмотрѣніе Общества Совѣтомъ Съѣздовъ представителей льняного дѣла, Комиссіей при Сельско-хозяйственномъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, II Всерос-

Digitized by Google

сійскимъ Кооперативнымъ Съѣздомъ, Екатеринославскимъ Съѣздомъ по организаціи хлѣбной торговли, Харьковскимъ Съѣздомъ по статистикѣ народнаго образованія — то всѣ эти изслѣдованія, какъ и слѣдовало ожидать стали вопросомъ болѣе или менѣе отдаленнаго мирнаго будущаго.

Проектъ смѣты О-ва имени А. И. Чупрова на 1915 г.

1. На покрытіе расходовъ по организаціи общихъ и секц. собраній, наемъ дѣлопроизводителя, разсылку повѣстокъ, почтовые и мелкіе расходы, бланки, бумагу и по сбору членскихъ взносовъ	1100 руб.
2. На печатаніе протоколовъ и участіе въ изданіи «Юридическаго Вѣстника»	150 »
3. На библіотеку	100 »
4. На протоколы Комиссіи по вопросамъ земской статистики за 1915 г.	100 »
Тоже по страховой статистикѣ	50 »
Тоже по народному образованію	50 »

5. По изданію журнала «Статистическій Вѣстникъ»:

Доходъ: подписка . . .	1000 р.	Расходъ:		
» пожертвованія	700 р.	2000 р. —		
Субсидія отъ О-ва	300 р.		Приплата	300 »

6. На анкету по вопросу о прекращ. продажи спиртныхъ напитковъ	100 »
7. На прочія анкеты	200 »
	2350 руб.*)
Доходъ отъ членскихъ взносовъ и %%	2350 »

*) Кромѣ указанныхъ выше расходовъ предполагается дать ссуду Финансовой комиссіи на 1 годъ въ размѣрѣ 300 р.

Digitized by Google

Отчетъ Казначея Общества имени А. И. Чупров

ПРИХОДЪ.	Руб.	Коп
На 1 января 1914 г состояло на текущемъ счету въ Коммерч. банкѣ «И. В. Юнкеръ и К°»	1126	43
Наличными у Казначея	4	79
Итого . . .	1131	22
Въ теченіе 1914 г. поступило:		
221 членскій взносъ по 5 р.	1105	—
Счетъ Статист. Отдѣленія: «Стат. Вѣстникъ».		
Пожертвованія на «Статист. Вѣстникъ»	790	32
Подписка на «Статист. Вѣстникъ»	788	09
Счетъ Статист. Отдѣленія; Комиссія по вопросамъ Земской Статистики: Изданіе «Трудовъ».		
Пожертвованія на изданія «Трудовъ»	375	—
Доходъ отъ продажи «Трудовъ» (брутто; нетто 369 р.)	619	—
Счетъ Статист. Отдѣленія: фондъ имени Блеклова.		
Пожертвовано на премію имени Блеклова	30	—
Начислено % по текущему счету у «И. В. Юнкеръ и К°»	75	66
Итого . . .	4914	29

22 февраля 1915 г. Ревизіонная Комиссія провѣрила отчетъ и книги г. Казначея Общест порядкѣ, записи соотвѣтствуютъ оправдательнымъ документамъ. На 1 января 1915 года вмѣст числѣ на текущемъ счету въ Коммерческомъ банкѣ «И. В. Юнкеръ и К°» одна тысяча шестьсот девять рублей восемьдесятъ восемь коп. (529 руб. 88 коп.). На основаніи изложеннаго Реви

Digitized by Google

ъ 1 января 1914 г. по 31 декабря 1914 г.

Ассигновано по смѣтѣ.	Р А С Х О Д Ъ.	Руб.	Коп.
900 р.	Расходы по организаціи общихъ и секц. собраній, наемъ дѣлопроизводителя, равсылка повѣстокъ, почтовые и мелкіе расходы, бланки, бумага, сборъ членскихъ взносовъ	845	21
Дох. 1600 р. Расх. 1900 р. Прип. 300 р.	**Счетъ Статист. Отдѣленія: «Стат. Вѣстникъ».** Расходъ по изданію «Статист. Вѣстника» (выпущено 2 книжки)	891	27
250 р.	**Счетъ Статист. Отдѣленія; Комиссія по вопросамъ Земской Статистики: изданіе «Трудовъ».** Расходъ по изданію «Трудовъ» Комиссіи (брутто; нетто 644 р.)[1]	894	—
150 р.	Согласно условію «Юридическому Вѣстнику»	150	—
300 р.	На библіотеку	—	—
	1 января 1915 г. **Состоитъ на Тек. Счету** у «И. В. Юнкеръ и К°»	1603	93
	Состоитъ наличными у Казначея	529	88
	Итого . . .	4914	29

[1]) **Изъ коихъ** 54 р. 51 к. въ видѣ аванса.

Казначей Общества имени А. И. Чупрова *Пав. Гензель.*

22 февраля 1915 г.

имени А. И. Чупрова, нашла всѣ записи и итоги правильными. Книги ведутся въ полномъ ъ остаткомъ отъ прошлаго года наличность выражается въ цифрѣ 2133 р. 81 к., въ томъ три рубля девяносто три коп. (1603 руб. 93 коп.) и на рукахъ у Казначея пятьсотъ двадцать іонная Комиссія предлагаетъ Общему Собранію отчетъ утвердить.

Подписано: *П. А. Бурышкинъ.*
В. С. Малченко.
И. Г. Коганъ.

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

III-й годъ изданія. | на журналъ | III-й годъ изданія.

ВѢСТНИКЪ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА,

издаваемый М. М. Винавером

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

проф. Д. Д. Гримма, проф. В. Б. Ельяшевича,
проф. М. Я. Пергамента, проф. І. А. Покровскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня, іюля, августа и сентября, книжками объемомъ **10 листовъ** каждая.

Подписная цѣна 5 руб. въ годъ.

Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ и 2 руб. къ 1-му мая.

Адресъ конторы: Петроградъ, Литейный пер., 28, книжный складъ „Право“, телефонъ 41—61.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Захарьевская, 25, кв. 14, тел. 522—50.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 Г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

ОРГАНЪ АДВОКАТУРЫ, НОТАРІАТА, СУДА.

VIII г. изданія. | ИЗДАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ **И ВЫХОДИТЪ КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ** | VIII г. изданія.

при ближайшемъ участіи: члена Моск. Окр. Суда **П. И. Астрова, И. С. Вольмана,** проф. **А. Э. Вормса,** проф. **М. Н. Гернета, Н. К. Муравьева,** б. прив.-доц. **Н. Н. Полянскаго,** прив.-доц. **В. М. Устинова и И. С. Урысона.**

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“ является органомъ юристовъ, практиковъ—**адвокатовъ, нотаріусовъ и судей**—и ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе вопросовъ текущаго законодательства, судебной, административной и нотаріальной практики.

Всѣ подписчики журнала получаютъ слѣдующія **безплатныя приложенія:**

ТРИ СБОРНИКА РѢШЕНІЙ ПРАВИТ. СЕНАТА (Гражд., Уголов. и Общ. собранія) и ХРОНОЛОГИЧ. ПЕРЕЧЕНЬ СОБР. УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА вмѣстѣ съ полнымъ текстомъ ВАЖНѢЙШИХЪ ЗАКОНОВЪ ЗА ТЕКУЩІЙ ГОДЪ.

Въ Сборникахъ рѣшеній Правит. Сената офиціальный текстъ рѣшеній снабженъ примѣчаніями редакціи. Примѣчанія эти имѣютъ цѣлью указать на юридическіе вопросы, которые ставятся даннымъ рѣшеніемъ, выяснить отношеніе разбираемаго рѣшенія къ предыдущей практикѣ Сената и дать краткую юридическую оцѣнку установленныхъ въ рѣшеніи положеній. Примѣчанія по гражданскому праву и процессу будутъ составляться подъ редакціей проф. **А. Э. Вормса,** примѣчанія по уголовному праву и процессу подъ редакціей проф. **М. Н. Гернета,** прис. пов. **Н. К. Муравьева** и прив.-доц. **Н. Н. Полянскаго.** Подписная цѣна **7** руб. въ годъ; допускается разсрочка: при подпискѣ **4** руб. и 1 апрѣля 3 руб.

Желающіе получить алфавитный указатель лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности за истекшій годъ, доплачиваютъ къ подписной платѣ 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Конторѣ журнала, а также въ Канцеляріяхъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Петроградѣ, Москвѣ, Казани, Саратовѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевской консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ и во всѣхъ **юридическихъ** и общихъ книжныхъ магазинахъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: Москва, Новослободская, Тихвинскій пер., домъ № 9, тел. 255—90.

Digitized by Google

8-й годъ изданія

Продолжается подписка на 1915 годъ

8-й годъ изданія

на

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ЖУРНАЛЪ, ОСНОВАННЫЙ МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

и издаваемый при содѣйствіи

ПЕТРОГРАДСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,

подъ общей редакціей **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ. М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Въ вышедшихъ въ **1913 и 1914 гг.** книжкахъ журнала, въ числѣ прочихъ, были помѣщены слѣдующія статьи:

Б. А. Кистяковскій. Наши задачи. — Его же. Кризисъ юриспруденціи и диллетантизмъ въ философіи. — **П. И. Новгородцевъ.** Современное положеніе проблемы естественнаго права. — Его же. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. — **Л. І. Петражицкій.** Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права. — **І. А. Покровскій.** Сила или право? — **Е. В. Спекторскій.** Философія и юриспруденція. — Его же. Къ столѣтію исторической школы въ правовѣдѣніи. — **А. А. Мануиловъ.** Къ вопросу о предметѣ и характерѣ теоретической экономіи. — **Р. М. Орженцкій.** Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія. — **А. С. Алексѣевъ.** Происхожденіе чрезвычайно-указнаго права и его политическое значеніе. — Его же. Реставрація Бурбоновъ и конституціонные акты, предшествовавшіе хартіи 1814 года. — Его же. Исторія разработки французской конституціонной хартіи 4 іюля 1814 года. — **Н. В. Давыдовъ** Л. Н. Толстой и Судъ. — **М. М. Ковалевскій.** Преемственность или прерывность законодательныхъ работъ. — **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.** Юридическая природа манифеста 17-го октября. — **С. А. Котляревскій.** Сущность парламентаризма. — **С. А. Корфъ.** Конституція Невшателя 1814 года. — **А. М. Кулишеръ.** Защита субъективныхъ публичныхъ правъ посредствомъ иска. — Его же. Государственное единство Англіи и гомруль. — **А. Н. Нерсесовъ.** Нейтрализованныя государства. — **Б. Е. Шацкій.** Конституціонный кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ. — **П. И. Люблинскій.** Публичная защита въ уголовномъ процессѣ. — **Н. Н. Полянскій.** Къ вопросу о правѣ частныхъ

Digitized by Google

лицъ на субсидіарное обвиненіе.—**М. П. Чубинскій.** Истребленіе плода и проблема его наказуемости.—Его же. Профессоръ И. Я. Фойницкій.—**В. Н. Ширяевъ.** Понятіе должностного преступленія.—**М. И. Брунъ.** Колливіонныя нормы въ юриспруденціи XIV—XX вв. о состояніи лица.—**П. И. Бѣляевъ.** Слѣды первобытныхъ представленій о природѣ и человѣкѣ въ исторіи гражданскаго права.—**А. Э. Вормсъ.** Законъ и обычай въ наслѣдованіи у крестьянъ.—Его же. Проекты закона о наслѣдованіи въ крестьянскихъ земляхъ.—**Д. М. Генкинъ.** Относительная недѣйствительность сдѣлокъ.—**А. М. Долматовскій.** Юридическая природа найма имуществъ.—**А. В. Завадскій.** Къ юридической сторонѣ спора между графинями А. Л. и С. А. Толстыми о рукописяхъ Л. Н. Толстого.—Его же. П. П. Цитовичъ. Краткая характеристика его научной дѣятельности.—Его же. По поводу юбилея сенатора В. Л. Исаченка.—**С. Е. Сабининъ.** Къ вопросу о значеніи юриспруденціи въ римскомъ правѣ.—**Бар. А. А. Симолинъ.** Два вопроса изъ области авторскаго права.—**В. И. Синайскій.** Первыя страницы русскаго законопроекта обязательственнаго права въ сравненіи съ германскимъ и швейцарскимъ уложеніемъ.—Его же. Война и особенныя завѣщанія.—**Л. С. Таль.** Проблема власти надъ человѣкомъ въ гражданскомъ правѣ.—**Т. М. Яблочковъ.** Формы «спора» и «неоспариванія» въ гражданскомъ процессѣ.—**А. Н. Филипповъ.** «Русская Правда» въ изслѣдованіи нѣмецкаго ученаго.—**Памяти Г. Ф. Шершеневича. И. А. Кистяковскій.** Г. Ф. Шершеневичъ, какъ цивилистъ.—**А. Э. Вормсъ.** Профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ, какъ коммерсіалистъ.—**Е. Н. Ефимовъ.** А. Ф. Кистяковскій и его научное наслѣдіе.—**Кн. К. В. Кекуатовъ.** Земскія товарищества по закону 1906 года.—Его же. Союзъ и товарищества.—**Н. В. Давыдовъ.** Юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ,—и др.

Приложенія: Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ: въ февралѣ, въ апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ—книгами размѣромъ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты «Юридическаго Вѣстника» за 1913 и 1914 годы продаются по 8 рублей. Для лицъ, подписавшихся на 1914 или 15 гг., цѣна остается прежняя — 6 рублей.

Подписная цѣна на 1915 годъ — **6** рублей, на полгода — **3** рубля съ пересылкою и доставкою. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ **2** рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала **Юридическій Вѣстникъ** въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 5 до 8 ч. дня, по телеф. 5-69-55. Въ Кіевѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, д. № 33.

Издатель: Проф. *А. С. Алексѣевъ.* Редакторъ *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 2 руб.

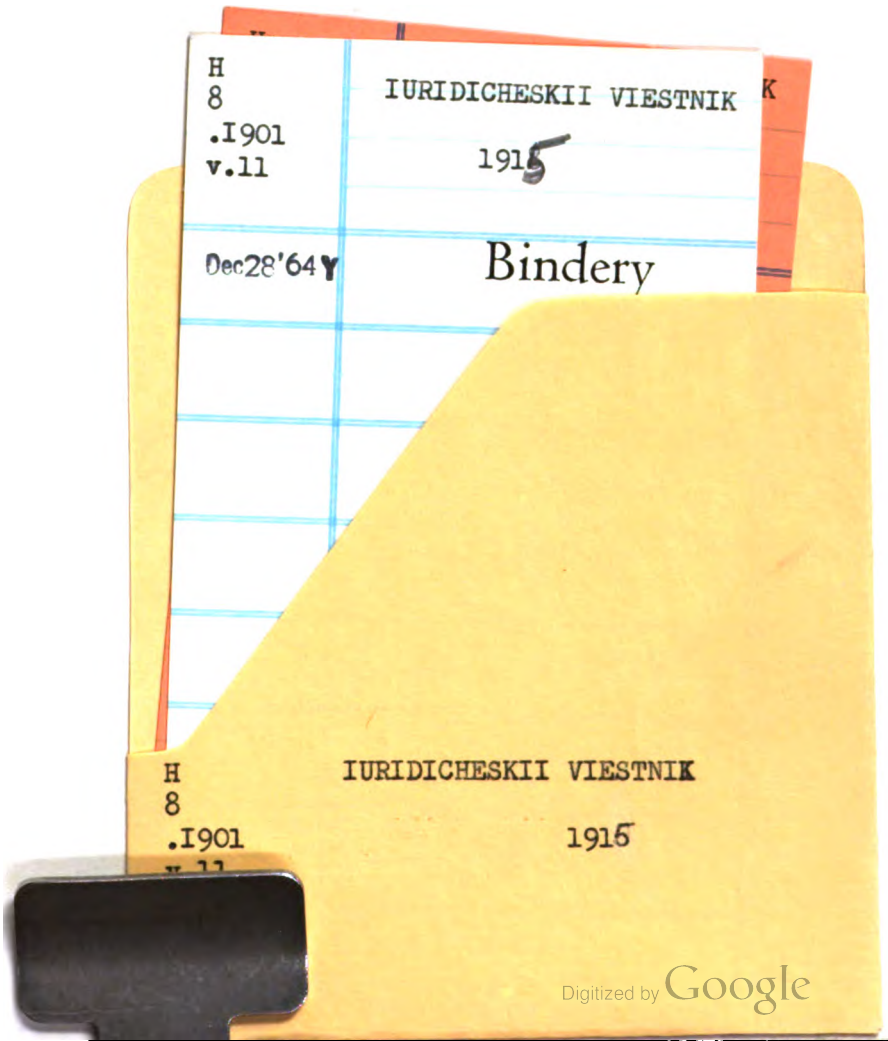
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

UNIVERSITY OF CHICAGO
097 923 647

Digitized by Google